Карл Радек.

ЕН161
П817₃

ЕН 161
П 817з

Карл Радек

ПОРТРЕТЫ
и
ПАМФЛЕТЫ

Книга вторая

СОВЕТСКАЯ
ЛИТЕРАТУРА
МОСКВА 1934

ЕН161
П 817 3
БИБЛИОТЕКА
Ин-та [illegible] эма-ленинизма
при [illegible] КПСС
1058957
БИБЛИОТЕКА
КОММУНИСТИЧЕСКОЙ
АКАДЕМИИ
406
34
1027
КАБИНЕТ ИСТОРИИ
К. А.
ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ
1062
339
13
БИБЛИОТЕКА
ИМЭЛ
Спецфонд
сф
47651

I

Зодчий социалистического общества

ЗОДЧИЙ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА

Девятая лекция из курса истории победы социализма, прочитанного в 1967 г. в школе междупланетарных сообщений в пятидесятую годовщину Октябрьской революции.

Сотворцы![1] В предыдущих лекциях мы остановились на моменте, когда мир потрясло сведение о преждевременной кончине нашего великого учителя и вождя Ленина, на моменте, когда поднятые на плечах друзей, поплыли среди миллионных масс останки его в Колонный зал, где в продолжение многих дней они были предметом паломничества рабочих и крестьян нашей великой страны и всего мира. Еще звучали в воздухе как из гранита выкованные слова клятвы, произнесенные генеральным секретарем партии Сталиным в Большом театре, слова о том, что партия останется верной ленинским заветам борьбы с капитализмом, что она борьбу эту доведет до победного конца, опираясь на солидарность международного пролетариата, на союз рабочих и крестьян, укрепляя диктатуру пролетариата, храня, как зеницу ока, единство ленинских рядов.

---

[1] Все обращения в период борьбы за социализм носили следы товарного хозяйства или даже предыдущих социальных формаций: название «товарищ» происходило от слова «товар»; немецкое название «геноссе» от слова «гениссен» — совместно потреблять; английское и французское «каморад» — от совместного жилья. Эти слова были заменены в период окончательной победы социализма названием «сотворец», на иностранных языках «кооператор»,— от латинского «кооперарe» — совместно действовать, творить.

Этим был слову «кооператор», получившему в период II интернационала привкус чего-то торгашеского, возвращен первоначальный смысл, в котором употреблял его великий утопический социалист Роберт Оуэн, выдвигавший программу организации совместного труда рабочих как пути к преодолению капитализма.

Весть о смерти Ленина вызвала массовое движение рабочих в ряды партии. Пролетарии хотели коллективным подвигом, работой миллионов мозгов и сердец заменить великий мозг, что перестал творить, и горячее сердце, что перестало биться.

В рядах мировой буржуазии смерть Ленина вызвала ликование. Буржуазия не понимала значения партии, созданной Лениным, она не верила, что из учеников Ленина выдвинется руководитель, который сумеет объединить дерзание великого бунтаря с холодным расчетом математика. Ведь ни в одной революции прошлого на смену умершему или погибшему вождю история не выдвигала другого. Вождей сменяли жалкие эпигоны. Буржуазия не понимала, что это было результатом буржуазного характера прошлых революций. Буржуазные революции достигали своей цели в короткое время действия одного исторического поколения. Место героических борцов занимали торгаши, разменивающие на мелкую монету великие исторические достижения. Мировая коммунистическая революция требует для своей окончательной победы героического подвига многих поколений борцов. Поэтому, поднимая на борьбу один слой пролетариата за другим, она выдвигает один отряд великих руководителей за другим.

Буржуазия не хотела и не могла допустить мысли о победе социализма в СССР. Она надеялась, что новая экономическая политика разложит своими противоречиями пролетарскую партию, что на почве этого разложения начнутся распри вождей и что сломан будет меч, *поднятый Лениным против мирового капитала.* Она ошиблась. *Послеленинский период был периодом построения социалистического общества в СССР, его победоносной защиты от нападения со стороны ряда империалистических держав и победы социализма в целом ряде стран.*

Сегодня мы займемся *первыми десятью годами,* последовавшими после смерти Ленина, годами, в которые пролетариат СССР, его ленинская партия под руководством Сталина построили фундамент социалистической экономики и вооружили пролетариат для великих международных боев, закрепивших позже окончательную победу социализма.

Сегодня, полвека после этих переломных в истории человечества событий, все кажется простым и само собой понятным. Роза Люксембург говорила, что ничто не кажется таким невозможным, как революция, которая еще не победила, и ничто таким простым и понятным, как победоносная революция.

Вы можете спросить: что ж удивительного в том, что после свержения буржуазии, отстояв советскую власть от интервенции, восстановив вчерне промышленность и сельское хозяйство до предвоенного уровня, советский пролетариат построил фундамент социализма? За какую же другую задачу он мог взяться? Вы, может быть, скажете, что выполнение этой задачи является, правда, великим историческим подвигом, но что этот подвиг не требовал ничего качественно нового ни от пролетариата, ни от его вождей. Но эта коренная ошибка, которую надо устранить, если вы хотите понять *все величие сталинского периода*, периода стройки социалистического общества, чтоб понять величие работ, совершенных пролетариатом в эти годы и чтоб понять *историческое величие наследника Ленина — Иосифа Виссарионовича Сталина.*

Правда, сталинский период стал твердыми ногами на плечах ленинского, он был его продолжением. Сталин был исполнителем завещаний Ленина, он не хотел и не мог быть никем иным, ибо Ленин создал программу для всей эпохи низвержения капитализма и создания социализма. Но, чтобы исполнить завещания Ленина, Сталину и партии нашей пришлось самостоятельно принимать решения, равные по своему дерзанию ленинским, самостоятельно развивать учение Ленина, как Ленин развивал учение Маркса. Советскому пролетариату пришлось второй раз подняться на крыльях величайшего энтузиазма к Октябрьским высотам и сильнее раздуть огни мирового пожара.

БЫТЬ ИЛИ НЕ БЫТЬ СОЦИАЛИЗМУ

Еще во время мировой войны Ленин осенью 1916 г. в статье «*Военная программа пролетарской революции*» писал:

«Развитие капитализма совершается в высшей сте-

пени неравномерно в различных странах. *Иначе и не может быть при товарном производстве.* Отсюда непреложный вывод: *социализм не может победить одновременно ВО ВСЕХ странах. Он победит первоначально в одной или нескольких странах,* а остальные в течение некоторого времени останутся буржуазными или добуржуазными. Это должно вызвать не только трения, но и прямое стремление буржуазии других стран к разгрому победоносного пролетариата социалистического государства. В этих случаях война с нашей стороны была бы законной и справедливой» (Ленин, Собр. соч., XIX т., стр. 325. Подчеркнуто нами).

Ленин не оставлял сомнений, что он подразумевает под победой социализма в одной стране. Он не подразумевал под нею *только* захват власти пролетариатом. Доказывая необходимость победы социализма в одной стране, он писал в другом месте:

«Победивший пролетариат этой страны, экспроприировав капиталистов и *организовав у себя социалистическое производство*, встал бы против остального, капиталистического мира, привлекая к себе угнетенные классы других стран, поднимая в них восстание против капиталистов, выступая в случае необходимости даже с военной силой против эксплоататорских классов и их государств» (Ленин, XVIII т., стр. 232-233).

Победа социализма означала для Ленина *организацию социалистического общества.* Что эта организация социалистического производства возможна в СССР, что непреодолимой помехой для нее не являются ни культурная отсталость страны, ни преобладание в ней крестьянства,— на это Ленин указывал с величайшей силой и в последних своих статьях перед смертью, заявляя, что в СССР налицо «*все необходимое и достаточное для этого построения*».

Но, несмотря на эти недвусмысленные высказывания Ленина, вопрос о возможности построения социализма стал в центре борьбы, которая потрясла партию после его смерти. Это положение Ленина оспаривал не только *Троцкий*, который вышел из меньшевизма и, вступая в большевистскую партию, остался на деле полуменьшевиком, ви-

дящим в победе пролетарской революции в России только переходную конъюнктуру, которая исчезнет, если русскому пролетариату не подоспеет с помощью победоносный западный пролетариат. Троцкий исходил при этом из типичного для II интернационала взгляда, высказанного им уже на II съезде партии,— что диктатура пролетариата есть власть организованного пролетариата, представляющего собою *большинство нации*. Для Троцкого диктатура пролетариата в стране, в которой он не представлял большинства населения, могла — поскольку дело шло о ее собственных силах — явиться только историческим эпизодом. Ничего удивительного, что по его мнению она не могла ставить себе задачи построения социалистического общества.

Радеку, который шел от люксембургианства, построение социализма в одной стране казалось такой же смешной идеей, как высмеянная Щедриным идея введения либерализма хорошим губернатором в одном уезде в царской России. Он исходил из схематического представления об интернациональности рабочего движения, из представления, что отдельные его государственные отряды самостоятельно не могут решать основные вопросы пролетарской революции, ибо они чересчур слабы по сравнению с международным капиталом. Как царизм у Щедрина «открыл» и разрушил провинциальный очаг либерализма, так неминуемо международный капитал разрушит социалистический очаг в СССР, если не поспеет международная революция,— думал Радек.

Но даже Зиновьев и Каменев, которые считали себя душеприказчиками Ленина, хотя боролись против него в решающие Октябрьские дни, не понимали, что возможность построения социализма в одной стране является *архимедовым пунктом в стратегическом плане Ленина*. Стержневая идея Ленина казалась им отсебятиной Сталина, и план, на основе которого Ленин строил свою стратегию международной победы социализма, они считали отказом от международных задач Октябрьской революции.

Оппозиция против Сталина, развернувшего ленинское знамя построения социализма как задачи Октябрьской революции, выступала с самыми разнообразными аргу-

ментами, которые ей самой, может быть, заслоняли существо ее позиции. На деле она была отголоском II интернационала с его неверием в социализм. Этот вопрос заслуживает вашего особенного внимания, ибо тут проявляется все величие Сталина как наследника Маркса и Ленина, его величие как теоретика марксизма-ленинизма и как руководителя пролетарской революции, все величие ВКП(б) как орудия победы социализма.

До 1917 г. международный пролетариат не вступил еще в *непосредственную* борьбу за захват власти и осуществление социализма. Вплоть до Октября все революционные бои пролетариата были только попыткой перевести демократические революции на рельсы борьбы за социализм, были исторически авангардными боями. Попытки эти не привели пролетариат к победе. Второй интернационал не сумел даже сохранить памяти об этих героических попытках и сделать их живым источником веры в социализм. Знамя социализма стало в руках вождей II интернационала прикрытием борьбы за улучшение положения рабочей аристократии, за включение ее в мир буржуазной культуры. Мы не говорим уже о том, что всякий проходимец, который хотел подняться на спинах народных масс к правительственному корыту, размахивал знаменем то «радикального», то «христианского», то «реформистского» социализма,— названия, которые стали во многих странах прикрытием простого обмана масс.

Но разве очень далеко от этого понятия социализма были «искренние», «честные» вожди II интернационала, которые, божась социализмом, не готовили рабочий класс к пролетарской революции. Не готовя рабочих к революционной борьбе, не уча их революционной стратегии Маркса, они доказывали этим, что социализм для них — это далекий «остров *Утопия*», в лучшем случае — предмет мечтаний, которые могут быть осуществлены через столетия. Каутские, Геды смотрели свысока на крохоборов реформизма, на карьеристов, мечтающих о министерских местечках, но были костью от их кости, ибо реальная борьба за социализм была им также чужда. Русские меньшевики фыркали на европейских реформистов, но сами оказались просто прихвостнями буржуазии, ее авангардом в борьбе против пролетариата. Доказывая,

что культурная отсталость России не допускает победы социалистической революции, которая возможна только в странах развитого капитализма, они говорили только одно: дальше буржуазной республики с реформистскими министрами не уедешь. Когда история поставила ребром вопрос о социализме во всей Европе, оказалось, что вожди II интернационала даже тех стран, которые русскими меньшевиками считались зрелыми для социализма, были зрелыми только для контрреволюции. *Действительный исторический смысл Данов, Мартовых, Адлеров, Бауэров, Шейдеманов — Каутских оказался один*: это были «борцы» за остатки от стола буржуазии.

Идея о невозможности построения социализма в России скрывала в окончательном счете мелкобуржуазное неверие в социализм вообще, как исторически созревшую и практически решимую задачу. Троцкий, «доказывающий» международному империализму, готовящему нападение на СССР, что победоносный пролетариат первой социалистической страны приговорен историей толочь воду в ступе, что он бессилен преодолеть классовых врагов внутри, показал существо своих позиций: несмотря на все «левые» фразы, оно ничем не отличается от позиций Данов и Шейдеманов. Как и весь II интернационал, меньшевик Троцкий капитулировал перед империализмом. На пороге второго тура революций и войн он рапортовал международному капитализму: царство твое еще крепко, социализм есть утопия.

Оппозиция против идеи, выдвинутой Лениным, уже в дискуссии с Плехановым в 1902 г. о том, что пролетариат может победить и будучи меньшинством, если ему удастся поддержать пролетарскую революцию крестьянской войной; оппозиция против идеи о возможности построения социализма в одной стране *была на деле результатом неверия в возможность победоносной социалистической революции на данном историческом этапе*. Если, как утверждали в свое время троцкисты, в СССР пролетариат не в состоянии построить социализм, а на Западе только формировались революционные силы, то из этого вытекало: час социалистической революции еще не пришел

Та часть большевиков, которая объявила сталинскую

программу социалистической стройки в СССР отсебятиной, утопией и даже отказом от международных задач революции, на деле объявляла капитализм непревзойденной гранью и в СССР, на деле предлагала отказ от построения социализма. Под видом интернационализма она предлагала отказ от выполнения советским пролетариатом его интернациональной задачи — облегчить роды международной пролетарской революции победоносным социалистическим строительством в СССР, построением бесклассового социалистического общества. Оппозиция отказалась от первородства советского пролетариата как застрельщика социализма, предлагая взяться за трудную задачу построения социализма «старшим братьям».

Этим оппозиция отказывалась от существа ленинской партии. Ибо в отличие от всех партий II интернационала партия большевиков создана Лениным для боев за социализм. Она не забывала социалистических задач в период буржуазно-демократической революции, в которой видела только этап борьбы за социализм. Партия Ленина — застрельщик международной пролетарской революции — не могла пойти за теми, кто в ее рядах представлял остатки предрассудков II интернационала. Партия пошла за Сталиным и его соратниками, ибо, поставив вопрос об осуществлении учения Ленина о построении социализма в СССР, он продолжал дело, для которого Ленин создал партию. Сталин стал вождем партии, ибо он повел борьбу за продолжение дела Ленина. Завоевав власть, отстояв ее от интервенции, собрав силы, пролетариат должен был приступить к построению бесклассового общества. *Социализм, став благодаря Марксу из утопии наукой, повел под руководством Ленина пролетариат на борьбу за власть. Взяв власть, укрепив ее экономически, пролетариат приступил под руководством Сталина к осуществлению социализма.*

Сталин разработал и развил учение Ленина о неравномерности развития капитализма как предпосылку учения о возможности построения социализма в одной стране. Уже одного этого было бы достаточно для *обоснования исторического значения Сталина как наследника Ленина.* Но к своей великой заслуге разработки стратегического плана Ленина Сталин добавил другую: *он в великих исто-*

рических боях провел в жизнь, осуществил ленинский стратегический план. Этим он не только повел пролетариат в бой за выполнение, так сказать, национальных задач Октябрьской революции, но создал социалистическую крепость международного пролетариата, которая *облегчит международную победу социализма.* Так стал Сталин великим зодчим социализма.

Раньше чем перейти к картине этих боев за проведение в жизнь ленинского плана, которые навсегда соединили имя Сталина с именем Ленина, мы должны, хотя бы коротко, уяснить себе, *почему после смерти Ленина именно Сталину дано было историей взять в свои руки руль и провести через все бури и штормы гордый ленинский корабль.*

МЕЧ, ВЫКОВАННЫЙ В ОГНЕ РЕВОЛЮЦИИ

Очень трудно установить вообще конкретно личные истоки великих исторических людей: как объяснить, почему сын школьного инспектора Симбирской губернии и дочери врача поднял восстание русского пролетариата против международного империализма и стал знаменем международной социалистической революции? Этот вопрос о личности наука наша, несмотря на ее расцвет в коммунистическом обществе, не может выяснить; она может только выяснить общественные условия, вырастившие вождя, что, как пламя, шел перед человечеством, указывая ему путь.

Общественные условия, сделавшие Сталина тем, кем он вошел в книгу историй освобождения рабочего класса, сводятся к тому, что он, как никто другой из учеников Ленина, был *слепком от ленинской партии,* костью от ее кости, кровью от ее крови.

Сын нужды, взбунтовавшийся против рабства духовной семинарии, с жадностью бросившийся в ранней молодости на изучение алгебры революции, поняв, что ее главной движущей силой, единственным вождем может быть только пролетариат, он в маленькой мелкобуржуазной Грузии берется за сколачивание рабочих и откалывание их от разных мелкобуржуазных групп, выступающих не толь-

ко под знаменем социализма, но даже марксизма. В Грузии рабочих было очень мало, сравнительно значительно меньше, чем в России, и задача обеспечить им руководство революцией казалась утопической. Но Сталин, усвоив глубоко учение Маркса о пролетариате как Демиурге истории, посвящает ей все свои силы, ибо только решение этой задачи гарантирует победу революции. Выполнение этой задачи требует бескомпромиссной *борьбы с оппортунизмом*. И молодой Сталин закаляется в безустанном бою с десятками оттенков мелкобуржуазного движения,— от анархизма, националистического «социализма» до меньшевизма. Эта школа молодости оставляет на нем след навсегда. Одной из основных черт Сталина как вождя является с того времени *величайшая непоколебимость в решении основных задач*. Нащупав действительное решение задачи, он борется за это решение, как бы оно ни было трудно, с величайшей настойчивостью. И никакие «радужные» перспективы легких побед на других путях, не могущих обеспечить полного решения, не в состоянии отвлечь его от главной задачи. Вторая его черта приобретена им уже в первых его боях в Грузии: это его величайшая *бдительность по отношению к оппортунизму*. Как бы ни маскировался оппортунизм, какими цветистыми оболочками он ни прикрывал бы свое мизерное тело, Сталин умеет через эту оболочку разглядеть оппортунистическую действительность и дать ей беспощадный бой. С этими результатами своего первого «социалистического накопления», которое Сталин в дальнейшем все больше обогащал, он берется за организацию *бакинского пролетариата*. На этом посту он делает решительный шаг в своем развитии.

Перед ним громадный рабочий центр, один из тех гигантских резервуаров пролетарской силы, которая в будущем должна взорвать царизм и капитализм. Но бакинский пролетариат национально разрознен и неслыханно культурно отстал. Это не смущает Сталина. Если он национально разрознен, то его можно объединить, ведя его в совместный бой за совместные интересы и уча в этом бою рабочего-тюрка плечом к плечу стоять с рабочим-армянином и доверять ему как товарищу. Если бакинский пролетариат отстал, то борьба с царизмом и капи-

БИБЛИОТЕКА ... ЛЕНИНИСТИЧЕСКОЙ АКАДЕМИИ

тализмом разбудит в нем величайшую душевную энергию, она научит его жажде знания — этому условию победы. Если тифлисские железнодорожники представляли небольшую силу и были для Сталина больше символом пролетариата, то участие в боях бакинского пролетариата дало Сталину *реальное ощущение этого океана силы, который представляет собою современный рабочий класс.*

Там, в Черном городе, городе нищеты, азиатской эксплоатации, национальной розни, в городе, где жили десятки тысяч рабов капитализма, выковывается *железная вера Сталина в рабочий класс,* которая позволяет ему взяться за гигантское дело построения социализма в отсталой стране. Выковать из этой железной руды меч, чтоб победить капитализм, становится девизом жизни Сталина. Там, в Баку, он учится, как из национально разрозненных и даже враждующих отрядов рабочих создавать *единую армию* борющегося пролетариата. В Баку учится Сталин самостоятельно понимать национальный вопрос, как его умел понимать только Ленин, и там же, в Баку, Сталин проходит выучку не только как вождь пролетариата в России, но как вождь русских, тюркских, армянских и персидских рабочих, будущий вождь объединенного пролетариата СССР.

В Баку рождается Сталин — вождь *международного* пролетариата. Ибо Баку находится на грани Европы и Азии, Баку есть центр международного импорта капитала, там действуют Нобели, Ротшильды, Детердинги, Уркварты — акулы международного финансового капитала, протягивая через Кавказ свои щупальцы в Турцию и Персию. Туда стекаются персидские и турецкие крестьяне, туда бежит армянская беднота из Малой Азии и, жестоко эксплоатируемая, учится азбуке революционной борьбы у русских рабочих. Организуя эту массу, Сталин видит международную роль русского пролетариата, принявшего революционное учение Маркса, чтобы передать его с Запада на Восток.

Закаленный в боях великого, бурного центра революции, проверивший многократно свой опыт в тишине тюремной камеры, проверивший свою революционную выдержку под ударами солдатских прикладов, Сталин выходит в период столыпинской реакции на *общерусскую, на*

1058957

КАБИНЕТ ИСТОРИИ ... ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ

БИБЛИОТЕКА ... при ЦК КПСС

международную арену. Он стоит в первых рядах учеников Ленина в борьбе за сохранение революционных целей пролетариата, когда меньшевизм сбрасывает революционную маску и от пропаганды союза с либеральной буржуазией переходит к пропаганде приспособления рабочей аристократии к царизму. Раскол с оппортунизмом, организационное межевание с ним как условие самосохранения революционного ядра пролетариата и его будущей победы — вот за что борется Сталин, не поколебнувшись ни на один момент в эти черные годы реакции. Разрабатывая теоретически национальный вопрос, он выходит далеко за пределы своего непосредственно накопленного в России опыта, он дает бой не только грузинским федералистам, меньшевикам, бундовцам,— он разоблачает восходящие тогда звезды II интернационала — Отто Бауэра, Ренера, показывая в кристально ясном анализе укрывающихся за марксистской маской оппортунистов. Тогда Ленин открыл Сталина, который с того момента становится его ближайшим соратником.

Раз за разом снимаемый царскими опричниками с руководящих постов разросшегося большевистского движения, через этап и тюрьму многократно отправляемый в многолетнюю ссылку, он, как никто другой из учеников Ленина, срастается с основными кадрами, что строили в подполье и в легальных организациях ленинскую партию. На нелегальных сходках, конференциях, на собраниях актива «Правды», на совещаниях с рабочим отрядом, выдвинутым в царскую думу, на нарах пересыльных тюрем, в тихих ночных разговорах, под конвоем, он прощупывает все звенья партии, чувствует, где сила и где ржавчина, изучает качество каждого кирпича, из которого позже будет строиться советская власть. И когда, заброшенный в далекую Туруханку, заточенный в стены одиночества, он слышит за тысячи верст среди гула орудий империалистической войны крах II интернационала, Сталин не ощущает тревоги и сомнений. Совершается то, что должно было совершиться. Гнилое здание II интернационала, разъеденное оппортунизмом, валится. Но революционный пролетариат есть, партия, способная его организовать, есть — она создает новый, революционный Интернационал.

Освобожденный *Февральской революцией*, ориентировавшись в положении, ориентировавшись в громадной работе, совершенной в ленинской лаборатории, от которой он был отделен столько лет, Сталин с непоколебимым спокойствием берется рука об руку со своим великим учителем за дело организации партии рабочего класса для борьбы за победу. Это *непоколебимое спокойствие* не покидает его ни на один момент. Когда решается вопрос, должен ли Ленин после июльских дней явиться «на суд» мелкобуржуазной демократии или нет, Сталин заявляет после разговора с Чхеидзе: «Это мясники, мы им старика не дадим». Через маску демократических фраз Чхеидзе пролетарский вождь видит сердце палача, но палач дряхлой русской буржуазии не в состоянии его запугать. И на VI подпольном съезде партии он, в момент победы калифов на час, открыто прокламирует *построение социалистического общества* как цель грядущей революции. И это у него не фраза, которая должна лечь пластырем на раны преследуемой партии. Полемизируя с Преображенским, Сталин развивает ту систему мыслей, которая легла в основу его разработки ленинской теории построения социализма в одной стране.

В предоктябрьские и октябрьские дни, когда колеблются люди, которые в эмиграции были ближе к учителю и, казалось, имели возможность лучше, чем Сталин, вникнуть в сокровищницу ленинской мысли, Сталин стоит при учителе не колеблясь. Ибо он *учился ленинизму не только из книг Ленина, а учился у истоков ленинского учения, строя ленинскую партию и руководя борьбой революционного пролетариата.*

Годы Октябрьской революции видели Сталина не только в штабе революции, но чаще в передовой боевой линии. Когда Москве угрожает петля голода, он добывает хлеб; когда кольцо враждебных сил угрожает сомкнуться в Царицыне, он там организует отпор; когда опасность угрожает Петрограду, он там проверяет бастионы. Он видит революцию не через сообщения, он смотрит ей прямо в лицо, он видит ее величайшие взлеты и он видит ее дно. И в этом один на один с революцией *завершается окончательное развитие Сталина как вождя революции.*

Он измерил страну от Баку до Петрограда и от Смоленска до Туруханска. Он руководил движением миллионных рабочих и крестьянских масс, он организовал партию снизу, и он организовал снизу Красную армию. Он был из отряда основателей партии, и на его глазах, под его руководством сотни тысяч новых членов партии проходили первый опыт революции. Он руководил ее боями в моменты, когда победа заставляет сильнее биться сердце и вздувает паруса надежды. У него не кружилась голова от успехов. Он руководил в моменты поражения и отступления, когда страх охватывает и мужественные сердца. Он оставался тогда невозмутимо спокоен, он знал, что придут дни победы, знал, откуда придут, и в момент отступления готовил условия будущих побед.

Если продумать путь, пройденный Сталиным до момента, когда, после смерти Ленина, партия поставила его у руля, то мы получаем ответ на вопрос, почему именно он стал во главе партии, призванной историей построить социалистическое общество в СССР и помочь международному пролетариату в его окончательной борьбе за победу.

Сталин вырос в боях, в которых сложилась и победила партия, руководя самостоятельно на ответственнейших участках ее фронтов. Он олицетворяет весь исторический опыт партии. Марксово и ленинское учение не было для него теорией, усвоенной только из книг, книги *обобщали ему опыт собственной жизни*, которая была частью жизни борющегося пролетариата.

Именно поэтому Сталин сумел применить *марксизм и ленинизм* не только к решению новых громадных задач, ставших перед пролетариатом в области экономики (индустриализация и коллективизация), не только руководить сложнейшими дипломатическими передвижениями или давать зрелый совет братским партиям, не только предугадывать тенденции развития военного дела, но и брать инициативу в решении направления нашей философии и литературы. В его руках марксизм-ленинизм оказался на деле не только средством анализа основных явлений эпохи упадка капитализма и создания социализма, эпохи, полной громаднейших противоречий, сбивающих с ног всякого недостаточно владеющего диалектикой Маркса, но

и средством руководства величайшими революционными боями. В этом бесстрашном руководстве, одновременно осторожном и дерзком, высшая проверка Сталина и как величайшего теоретика и политика пролетариата.

С этими двумя качествами Сталина нераздельно связано третье его качество, определившее роль его как вождя в период построения социализма. Именно потому, что он являлся лучшим представителем творческого марксизма, чтобы употребить его слово, сказанное на VI съезде партии, именно потому, что марксизм его был результатом не только глубокого изучения Маркса и Ленина, но и проверки этого учения громадным опытом непосредственного руководства революционной борьбой пролетариата, *Сталин больше, чем кто-либо другой из учеников Ленина, сросся с партией, с ее основными кадрами.* Для того, чтобы руководить борьбою пролетариата вообще и пролетариата, захватившего власть, в особенности, недостаточно ясно видеть перед собою, куда идет историческое развитие, понимать движущие силы, знать решающие этапы борьбы. Вообще недостаточно *знать*, надо еще *уметь* организовать борьбу за исторически необходимые цели, т. е. создавать организацию для борьбы, расставить на решающих участках фронтов массы бойцов и возглавить их наиболее подходящими руководителями. *Только единение четкой, дальнозоркой, марксистско-ленинской мысли с этой интимнейшей связью с основными кадрами партии, руководящей революцией, создало вождя революции, который мог заменить Ленина.*

Политические вожди занимают свое место в партии и в истории не на основе выборов, не на основе назначений, хотя в демократической партии, какой являлась ВКП(б), эти выборы и назначения необходимы для того, чтобы занять место вождя. Вождь пролетариата определяется *в борьбе за боевую линию партии, за организацию ее грядущих боев.* И Сталин, принадлежавший и при Ленине к первым в руководстве партии, стал ее признанным и любимым вождем на основе исхода многолетней внутрипартийной борьбы, которая имела величайшее принципиальное значение. В центре этой борьбы стояли два вопроса: является ли марксизм-ленинизм единственной цельной стратегией, обеспечивающей победу пролетариата, и явля-

ется ли построение социализма в СССР возможным. Борьба по этим вопросам, занявшая четыре года истории партии, велась Сталиным на наивысшей принципиальной основе. Именно в этой борьбе он развил учение Ленина и защищал его с несокрушимой энергией. В этой борьбе, которая, по мысли мировой буржуазии, должна была расколоть партию, *Сталин собрал вокруг себя не только основные кадры, прошедшие всю историческую дорогу большевизма, но и миллионную массу новых членов партии.* Эта борьба сделала больше для распространения учения Ленина, чем мог бы сделать десяток лет пропаганды. Вся партия и вся страна увидели ясно намеченный путь и увидели вождя, который мог их повести по этому пути к победе.

Это является содержанием четырех лет внутрипартийной борьбы, которая отбросила от руководства не только чуждого нутру большевистской партии Троцкого, но и те элементы из старого ленинского руководства, у которых нехватило ни понимания ленинизма, ни воли и дерзания, чтобы под руководством Сталина вести в бой миллионные массы рабочих и крестьян за *новый, высший этап развития революции.* Смысл этого внутрипартийного решения теперь, в свете исторического развития, так ясен, что не стоит здесь рассказывать конкретную историю этой драматической борьбы, за которой с величайшим напряжением тогда следили и международная буржуазия и международный пролетариат, чувствуя, что дело идет о судьбах первой социалистической революции.

Сталин победил, ибо правильно предвидел дальнейший ход всемирной истории, дальнейший распад империализма, ибо правильно предвидел грандиозное развитие сил пролетариата и правильно оценил громадную мощь ленинской партии.

Победа ленинского ЦК со Сталиным во главе была предпосылкой построения фундамента социализма.

СТРОЙКА СОЦИАЛИЗМА

В отсталой капиталистической стране рабочий класс может захватить власть, если буржуазия в ней слаба и неорганизована, если он сам достаточно силен и закален

в боях, чтобы повести против нее массы крестьянства. Но построить социализм он может, только создав современную крупную индустрию, которая единственно в состоянии дать ему средства преодоления экономической распыленности крестьянства, средства преодоления мелкособственнического характера своего союзника и средства организации всего хозяйства страны на основе общественной собственности средств производства. Этому учил Ленин, и эту мысль горячо поддержал Сталин еще в 1921 г., приветствуя в изумительном письме программу электрификации страны как единственную реальную базу социализма. Весь первый период нэпа, усиление крестьянского сельского хозяйства было для него только средством накопления сил для того, чтобы пересесть с бедной крестьянской коняги на крупно-индустриальную машину. *Но путь от мысли к делу* и тут требовал громадной воли, решительности и силы воображения.

Уже в период выработки плана пятилетки должны были выявиться все те затруднения, которые встали на путях индустриализации. Индустриализация в бедной крестьянской стране, проводимая без иностранных займов, требовала громадной самоотверженности и от рабочих и от крестьянских масс. Надо было поднять волну энтузиазма в стране, надо было наполнить народные массы уверенностью, что борьба эта не напрасна, что она откроет путь к новой жизни. Вздыбить пролетариат, мобилизовать его лучшие инстинкты, расширить и углубить его знания о путях строительства социализма не было трудно : ленинской партии. Детище революционного пролетариата, она отражала в энтузиазме, с которым приняла великую сталинскую программу стройки, те громадные потенциальные силы, которые заложены были в массах индустриального пролетариата. Вера Ленина, вера Сталина в эти силы оправдались полностью.

Клич *самокритики*, брошенный Сталиным в толщу пролетариата, вызвал могущественный отклик. С величайшей энергией ринулись рабочие массы к чистке всякого рода винтика и колеса машины пролетарского государства. Призыв к *соцсоревнованию и ударничеству* развязал могучие потоки рабочей энергии, заставил забить великий родник пролетарской инициативы, показывая всему миру, каких

великих дел может добиться апелляция к общественным интересам мощного молодого класса. Воистину рабочий класс пережил, как по мановению чудотворного жезла, новый великий подъем святых чувств, что повели его на октябрьские бои.

Труднее дело обстояло и должно было обстоять в *деревне*. Понятно, наиболее сознательные, наиболее связанные с пролетариатом элементы крестьянства приняли с энтузиазмом программу индустриализации. Широкие массы бедноты и середняков приветствовали стройки, к которым потянулись их сыновья, ища не только заработка, но и выхода из узкой деревенской жизни. Но кулачество не могло не понимать, что индустриализация укрепляет силы пролетариата, что она создает предпосылки ликвидации буржуазной прослойки деревни как класса. Кулак не только начал сопротивляться социалистической индустриализации, но начал организовать зависимые от него материально и духовно слои деревни для борьбы с советской властью, готовящейся к бою за переведение страны на новый исторический этап. Кулацкая масса представляла собой большую социальную силу. Она представляла не только капиталистическое прошлое деревни, но и ту мечту о будущем, которую лелеяли широкие слои крестьянства, когда мечтали о выходе «в люди». Кулачество было после ликвидации крупных помещиков, капиталистов, торговцев последней надеждой остатков буржуазных элементов в стране и вне ее, последней опорой кандидатов в Кавеньяки, мечтающих о реванше за Октябрь. Борьба кулачества привела в движение не только все остатки буржуазии в СССР и организаторов будущих интервенций, но нашла отклик даже в известных прослойках коммунистической партии.

Классы не отделены друг от друга китайской стеной. Миллионная партия, которая совершила Октябрь и впитала в боях против помещиков и капиталистов наиболее энергичные плебейские элементы, не могла не иметь в низах своих прослойки, связанной с кулацкими идеями. Государственный аппарат пролетарской диктатуры не мог не впитать в себя из старого государственного аппарата прослойки, связанной не только с кулачеством и с буржуазией, но даже с интервентами. Сопротивление этих эле-

ментов не могло не найти отклика в известной части партийных рядов, испугавшихся кулацкой опасности. Кулак — это вам не дряхлая русская буржуазия и помещичье отребье,— это миллионный слой, умеющий маневрировать и бить в лоб, это слой, который тянул за собой еще значительные части деревни.

Борьба с кулаком, каркали правые, приведет неминуемо к разрыву с деревней.

Поэтому надо задержать темпы индустриализации, предоставить свободу развитию кулацкого хозяйства, надеясь, что оно «врастет в социализм». Если опасность троцкизма состояла в том, что он шел на разрыв союза с середняком и этим играл на-руку кулачеству, что, расшатывая железную ленинскую партийную дисциплину, он открывал двери кулацкой контрреволюции, то правые оппортунисты поставляли кулачеству лозунги борьбы, являлись прямо его агентурой в партии. Под видом якобы непринципиальных разногласий, касающихся только (!) темпов индустриализации и коллективизации, правые предлагали партии политику, ведущую к реставрации капитализма. Уступка нажиму правых имела бы то же самое значение, как если бы Ленин в октябрьские дни допустил колебание в вопросе о восстании. *И как для того, чтобы в Октябре непоколебимо принять решение о восстании, нужна была железная уверенность Ленина в правоте марксова учения, так решимость Сталина в проведении пятилетки и ликвидации кулачества как класса выражала непоколебимую уверенность в правоте ленинского учения о возможности построения социализма в СССР.* Только человек, который это учение не перенял механически, а пережил в десятилетних думах над судьбами советской и мировой революции, мог решиться на бой против миллионов кулаков, несмотря на то, что знал грандиозные затруднения, стоящие на этом пути.

Дело шло, во-первых, о мобилизации десятков миллиардов средств, т. е. бесконечной массе продовольствия, сырья и труда. Никогда в истории человечества государство не собирало таких масс ценностей в такой короткий срок, за исключением военных времен. Когда капиталистический мир узнал цифры пятилетки, он их считал выдумкой. Капиталисты допускали, что только для целей но-

вой войны можно организовать подобную перекачку средств из частных рук в государственные. Чтобы это можно было проделать добровольно, не под угрозой пушек, они не были в состоянии себе представить. Сталин — ученик Маркса, который в 1847 г. видел своим великим творческим воображением шествующие вперед армии труда, Сталин — ученик Ленина, который в маленьком субботнике на Казанской железной дороге сумел разглядеть великий почин пролетариата, знал — возникнет великий муравейник, и труд его изменит лик гор и долин, рек и морей Советского союза. Сочинения современных писателей полны волнующих картин бесконечного количества поездов, везущих цемент, железо, уголь и прикрытые брезентом машины, полны картин скопления на железнодорожных станциях громадных человеческих масс, стремящихся из деревни на стройки. Эти сочинения дают образ *великого передвижения народов к социализму*.

Когда капиталистический мир узнал, что ленинская партия, что Сталин, не довольствуясь прокламацией строительства социализма, действительно стали его строить, буржуазия начала предсказывать, что дело кончится постройкой вавилонской башни. Откуда взять большевикам столько *квалифицированных рабочих, мастеров, инженеров*, которые нужны для совершения этих гигантских планов? Знание при капитализме было уделом белой кости, его взращивал капитализм за дорогие деньги, дабы оно служило Молоху золота. Но, прокламируя невозможность для пролетариата овладеть наукой, капиталистический мир не совсем был уверен в своих предсказаниях и поэтому решил сам помочь превращению великой стройки в вавилонскую башню. По команде генеральных штабов мировой буржуазии связанные с нею старые приказчики русской буржуазии, маститые ученые и инженеры, которых пролетариат допустил к работам, начали путать все карты, вырабатывать фальшивые планы, создавать для будущего развития узкие места и тупики, одновременно готовя план взрыва всего строительства на случай интервенции.

«*Чернь била нас в открытом поле своим количеством, мы ее разобьем наукой*»,— предсказывал начальник штаба армии вредителей *Пальчинский*. Но пролетариат, под-

нятый на крыльях веры в свои силы, орлиным взглядом своего классового недоверия увидел махинации врага и разбил их. Место вредителей занял пролетарский инженерский молодняк, не имевший еще достаточно знаний, но горевший желанием выполнить волю своего класса. Развал мирового капитализма, обостренный в те годы кризис позволили воспользоваться работой тысяч иностранных инженеров, воспитанных за деньги буржуазии и принужденных развалом капитализма продавать свои знания победоносному пролетариату. Но решение вопроса не могло состоять в найме чужих мозгов, и Сталин бросил пролетариату новый клич: *догнать и перегнать капиталистический мир в области техники.* Этот призыв был выражением такой веры в творческие силы пролетариата, которая оживляла грудь только Маркса и Ленина, когда они выдвигали идеал политехнической школы. *Тут великий ученик великих учителей, став уже учителем не только партии, но всех трудящихся величайшей страны мира,* посадил за учебу миллионы не только пролетарских детей, но и взрослых пролетариев, прошедших классовые бои. Во имя будущего своего класса, во имя построения социализма они побеждали в открытом бою математику, естествознание, технику и поставили их на службу освобождению человечества от пут капитализма. Страна переживала не только передвижение народов, но и *великую культурную революцию.*

Но наиболее глубоко рыли землю страны социалистические экскаваторы на необозримых полях советских *деревень.* Самые большие затруднения ожидали социалистических строителей не в твердых скалах гор, не в стенах шахт, а в мягкой земле тихих полей. Индустриализация СССР отличалась от индустриализации капиталистических стран своими бешеными темпами, отличалась социальной природой тех, кто воздвигал эти гиганты и для кого воздвигал. Но, воздвигая знамя социалистической индустриализации и ставя громадные требования миллионным массам строителей, партия требовала от них только, чтобы они выполняли мечты своего класса. Индустриальный рабочий, являющийся ядром этих масс, всегда мечтал о том, чтоб каторжные заводы и фабрики капитала заменить великими светлыми заводами социализма. Энтузиазм ин-

дустриальных рабочих перерабатывал в несколько лет крестьян, потянувшихся на стройки.

Идея *коллективизации* означала глубочайшую ломку не только деревенской экономики, но и тысячелетнего быта, взглядов, морали крестьянских масс. До коллективизации они хозяйничали, как хозяйничали их отцы и прадеды, и не верили, что городской человек, не отличающий пшеницы от ржи, может им помочь в хозяйстве. Они воспитались в идеях, что человек человеку враг, что всякий норовит себе в карман, а если не смотреть за ним, то он стащит твое добро. Когда крестьяне мечтали о лучшей жизни, то мечта их принимала очертания сундука, набитого барахлом, ржала голосом собственных лошадей на конюшне и рычала голосом собственных тучных коров на лугу. Весь крестьянский идеал упаковывался в одно слово: *мое*. Этот быт, эти идеалы были уже глубоко подорваны историей. Благодаря царской эксплоатации, империалистической и гражданской войнам миллионы крестьян жили без собственного инвентаря на клочке земли, они научились в гражданской войне солидарно действовать под руководством пролетариата, они видели силу этого класса, вышедшего когда-то из крестьянских рядов, класса, что разбил власть царей и богатеев, разгромил интервенцию 14 держав. Они видели, что этот класс строит свое государство в союзе с ними, но все-таки этот класс требовал от них громадного скачка. Он хотел помочь им построить жизнь на новых началах господства современной техники, служащей не частным интересам собственника, а интересам всего общества.

Весь капиталистический мир был убежден, что борьба за коллективизацию кончится поражением большевиков. В этом был убежден кулак, в этом была убеждена городская мелкая буржуазия. На этом строили свои расчеты интервенты. Сталинский расчет на победу колхозов был точен, как геометрический чертеж. Он был построен на *возросшей силе победоносного пролетариата*, являющегося ведущим началом развития страны. Опираясь на силу пролетариата и поддерживавших его крестьянских масс, советская власть обрушилась на голову кулачества, показала этому крепкому самоуверенному слою, что пролетариат не боится ликвидировать его. Сталинский рас-

чет покоился на апелляции от *кулацких предрассудков крестьянства к его рассудку труженика.* Крестьянин не мог не понять, что трактор и комбайн сильнее захудалого крестьянского коня, крестьянин не мог не убедиться, что агрономическая наука ему полезна. Сталинский расчет покоился на силе организации, которая направлена не против интересов десятков миллионов крестьян — бедняков и середняков, как это имело место в капиталистических странах. Сталинский расчет строился на силе организации, которая защищает интересы этих десятков миллионов тружеников и должна была привести их всех к зажиточной, культурной жизни. Наконец, сталинский расчет опирался на доверие к способности большевистской партии маневрировать на громадных полях Союза.

И сталинский расчет оказался верен во всех своих частях. Опираясь на мощный рост индустрии, возросшую активность бедняцких масс деревни, партия, разгромив правых капитулянтов, возглавлявшихся Бухариным, Рыковым и Томским, пошла под руководством Сталина в прямую атаку на капиталистические элементы села широчайшим фронтом. Вся деревня пришла в движение, охваченная волной невиданной в истории агитации. Комбинированным оружием — апелляцией к разуму бедняков и середняков и одновременно ударом по кулаку — социализм одержал свою *первую мировую победу в деревне.* Колхозы охватили большинство крестьянских дворов. Но новизна дела привела к ошибкам при проведении стратегического плана. Не помня учения Ленина и Сталина, что колхоз является хотя социалистической, но переходной формой организации труда, что он не означает обобществления всех средств производства, а только главных, значительная часть организаторов колхозов перешагнула грани достижимого и полезного на данном этапе и вызвала значительное недовольство в крестьянских массах. Вождь пролетариата, глубоко продумавший не только сущность мелкобуржуазных слоев, но и вопросы классовой стратегии, задержал беспорядочное продвижение вперед, заставил отказаться от ошибок, вытекающих из головокружения от успехов, и вести наступление на основе убеждения крестьянских масс в пользе колхозов, на основе понимания природы колхозов.

Победа идеи коллективизации оказалась такой великой, что, несмотря на отбой колхозной волны, которая наступила благодаря допущенным ошибкам, достижения социализма в сельском хозяйстве оставили далеко позади все первоначальные наметки пятилетки. Началось *второе наступление социализма* на капиталистические элементы в деревне. Новопостроенные советские заводы подбрасывали растущее количество сельскохозяйственных машин: с каждым годом все больше на первое место среди производительных сил в деревне выдвигалась машина — продукт социалистического завода, детище рук рабочего. Страну покрыла *сеть машинно-тракторных станций* — этих рычагов постоянной технической помощи деревне, этих школ техники в деревне. Разбитые, но не добитые капиталистические слои деревни не отказывались от борьбы. Апеллируя к рвачеству, буржуазным инстинктам мелких собственников, используя трудности овладения новой техникой, чтобы посеять неверие в ее силу, они пытались подорвать колхозы, разграбить продукт их труда, создать продовольственные затруднения. Они вызывали у колеблющихся элементов в колхозах убеждение, что можно тихой сапой, организацией волынки, пассивным сопротивлением заставить большевиков отказаться от коллективизации.

При возникновении этих затруднений разбитые правые зашептали снова: не пора ли отступить? Но кулаки и их правая агентура ошиблись. Ленинское руководство со Сталиным во главе проявило те основные черты марксистско-ленинской стратегии, которые мы видели уже в первых политических шагах Сталина: *выбрав правильный путь, не отступать от него, несмотря на все трудности.* Если в 1930 г. Сталин сумел, гибко пружиня, заставить партию исправить ошибки «головокружителей» и держаться на начерченном правильно рубеже наступления, то в 1932 г. он дал железный отпор попыткам сдать правильно занятый фронт. И для усиления этого фронта партия *создала политотделы при МТС, при совхозах*, бросая туда десятки тысяч стойких, испытанных коммунистов для руководства политической борьбой за колхозы и помощи делу организации труда в них.

Посев и уборка хлеба в 1933 г. показали миру *вторую*

победу социализма в деревне. Они показали, как основная масса колхозов убедилась в прочности колхозного движения, в выгоде колхозного труда для себя, как она увидела в колхозе путь к зажиточной жизни. Это не значит, что с этого момента исчезли затруднения в деревне. Только несколько лет улучшения организации труда, овладения новой, машинной техникой массами колхозников, несколько лет роста социалистической культуры в деревне, роста зажиточности крестьянских масс могли дать окончательную победу социализма в мозгах *всей* крестьянской массы. Но рубикон был пройден в 1933 г.

ЗАЩИТА СОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА

Напряжение этих лет, что дали победу над последним широким буржуазным слоем в СССР, что создали гигантскую социалистическую промышленность, что позволили пролетариату при помощи трактора и комбайна повернуть крестьянство через колхозы на путь социализма, что, одним словом, заложили фундамент бесклассового социалистического общества, было огромно. Чтобы в пять лет проделать то, на что требуется пятидесятилетие,— для этого нужен был подвиг народных масс, до этого времени невиданный. Эти темпы пятилетки и ее напряжение не были произвольны выбраны Сталиным. Жесткие директивы, бросаемые с капитанского мостика рулевым революции, приказ держать котлы постоянно под парами, запрет сходить кому-нибудь с командных постов, бессонные ночи штаба,— все это было результатом дальнозоркости вождя революции и его ближайших соратников.

Строя фундамент социализма, СССР наносит смертельный удар капиталистическому миру, переживавшему глубочайший кризис. Этот мир являл угнетенным массам картину растущего развала. Он не только не был в состоянии дать простор новым производственным силам, находящим свое выражение в грандиозных сдвигах техники, но он обрекал на безработицу и голод десятки миллионов индустриальных рабочих и сотни миллионов разоряемых крестьян. Этот мир жил еще неверием отсталых масс, забитых террором, развращенных социал-демократией, в собственные силы. Каждый кирпич, нарастающий на фунда-

менте социализма, каждый новый метр стены здания социализма расшатывали это неверие в собственные творческие силы пролетариата, рождавшее немочь наших западных братьев. *Сталин и Центральный комитет партии знали, что мировая буржуазия не захочет позволить нам спокойно достроить здание социализма,* ибо это ускорит неминуемо социалистическую революцию в капиталистических странах и окрылит колониальные массы на борьбу за освобождение.

Республика труда находилась в положении отряда, вышедшего на опушку леса и увидевшего у его границы пулемет врага. Надо или отступать или пробежать зону опасности и взять штурмом пулемет. Каждый новый металлургический или химический комбинат, каждый новый окрепший колхоз усиливали пролетариат СССР для боев, которые мог навязать враг. Для этих боев враг готовился активно. Годы после смерти Ленина — это годы бешеных вооружений капитализма. Мировая буржуазия, не довольствуясь созданием танков, бомбовозов, газов, создала себе в фашистском режиме панцырь для борьбы с революционным пролетариатом, крепостью которого являлся СССР. И перед руководителями революции, перед ее вождем — Сталиным — стояла задача: *вооружить строителей социализма для его защиты.*

Эта задача была решена в годы первой пятилетки. У социализма выросли крылья. В продолжение нескольких лет из ничего пролетариат построил гигантские металлургические заводы, создал один из первых воздушных флотов мира. Когда 1 мая 1932 г. появилась над Красной площадью эскадрилья сотен аэропланов, заслоняя собою солнце, то в реве ее моторов весь мир услышал любимую Лениным песню: «*Никогда, никогда, никогда коммунары не будут рабами*».

Когда 1 мая 1933 г. Красная площадь задрожала от поступи сотен тяжелых танков и тяжелой артиллерии, то мир понял значение слов Сталина: *нет таких крепостей, которых бы большевики не могли взять.*

И когда одновременно Советский союз высказал свою готовность к полному разоружению, призывая к нему весь капиталистический мир, то этот мир знал, что устами советской дипломатии говорит сила, которая не нуж-

дается в войне, которая хочет освободить человечество примером великих побед освобожденного труда, но которая победит во всякой войне, ей навязанной.

На мавзолее Ленина, окруженный своими ближайшими соратниками — Молотовым, Кагановичем, Ворошиловым, Калининым, Орджоникидзе, стоял Сталин в серой солдатской шинели. Спокойные его глаза смотрели в раздумьи на сотни тысяч пролетариев, проходящих мимо ленинского саркофага уверенной поступью лобового отряда будущих победителей капиталистического мира. Он знал, что он *выполнил клятву, произнесенную десять лет назад над гробом Ленина.* И это знали все трудящиеся СССР, и это знал мировой революционный пролетариат.

К сжатой, спокойной, как утес, фигуре нашего вождя шли волны любви и доверия, шли волны уверенности, что там, на мавзолее Ленина, собрался штаб будущей победоносной мировой революции.

Январь 1934 г.

БОЛЬШЕВИСТСКОЕ ВОИНСТВО

На полях автобиографии Клима Ворошилова

Армиями капитализма командуют офицеры из помещиков и капиталистов. В этом выражается тот факт, что рабочие и крестьяне в своей хозяйственной, социальной и политической жизни находятся под командованием капитала.

Когда народные массы восстали в России против буржуазии и помещиков, борясь за мир и землю, *царская армия* разлетелась, ибо рабочие и крестьяне не хотели больше слушаться офицеров из помещиков и буржуазии.

Новая армия начала слагаться только тогда, когда рабочие решили защищать завоеванную власть и фабрики от белых и международного империализма, когда крестьянство взялось за защиту завоеванной у помещиков земли от их посягательств. Кто же мог тогда возглавить новую, Красную армию? Откуда могли взяться командиры, которых слушались бы рабочие и крестьяне?

Советская власть великолепно понимала, что при создании новой армии ей необходимо использовать бывших военных специалистов, ибо не было другого источника, из которого она могла черпать военные знания. Но до момента укрепления нового строя командовать армиями эти специалисты не могли, ибо их прошлое ставило бы под сомнение те цели, которым служила армия. Командовать новой армией могли только представители того класса, который, победив буржуазию, определял политику страны. Только рабочий класс мог составить основное ядро нового командования, вокруг которого объединялись в дальнейшем наиболее способные сыновья крестьянства, убедившиеся на опыте страны, на опыте революции, что

они должны итти под руководством рабочего класса, рука об руку с ним.

Созидатели Красной армии, ее первые командиры из рабочих могли полагать, что сумеют организовать крестьянскую массу, ибо они не только защищали интересы этой массы от помещиков и капиталистов, они не только выводили ее на великий исторический путь, но они знали ее жизнь, они держали в руках ключ к ее душе.

На-днях мне пришлось читать биографию новоназначенного английского вице-короля Индии лорда Уиллингдона и автобиографию наркомвоенмора т. Ворошилова, помещенную в словаре Граната.

Вот как описывает лондонский «Таймс» — газета английских фабрикантов и банкиров—жизненный путь лорда, предназначенного «руководить» индийским крестьянством:

«Сын мистера Фримана Фредерика Томаса из Раттона в Суссеке, он в 1879 г. отправился в Итон (школа для детей высшего дворянства и богатой буржуазии.— К. Р.), в учреждение мистера Мичеля, где обучался под руководством известного учителя игре в крикет. Три года участвует он в группе итонских Одиннадцати и стал капитаном в последний год. Он играл также в Оппидане и Никсетуолле. Взял два раза приз школьных пятерок и был председателем итонского общества Попп. Учился дальше в Тринитском колледже в Кембридже, принадлежал там к Четырем, к университетским Одиннадцати и к Цингари-клубу».

Читатель, вы много поняли? Я — очень мало. Даже перевести мне трудно это место из «Таймса», что доказывает мое варварское незнакомство с тайнами великого искусства игры в крикет и организации этой игры. Я знаю только, что в школах, в которых учатся дети английского дворянства и английских капиталистов, всякого рода игры преобладают над учебой. Они должны воспитать характер молодого человека для того, чтобы он был вооружен для исполнения своей жизненной задачи — для командования народными массами. И лорд Уиллингдон, член клуба Попп и клуба Цингари, должен руководить индийским крестьянством на основании своего превосходства в игре в крикет.

Тов. Ворошилов никогда не был членом клуба Попп и Цингари и вряд ли играет к крикет. Его жизненный путь был немного другой, чем тот, который привел лорда

Уиллингдона на престол вице-короля Индии, престол, с которого он руководит 300 млн. индийских крестьян.

Тов. Ворошилов — сын николаевского солдата, изрядно поработавшего на своем веку в помещичьих экономиях, рудниках и на старости лет служившего железнодорожным сторожем.

Мать его была поденщица. Я сильно подозреваю, что тов. Ворошилова не допустили бы даже на высокий пост чистильщика сапог в Итонском колледже, ибо на шестом году жизни он ходил по миру с сестрой просить хлеба. Позже он пошел выбирать колчедан на шахтах за 10 копеек в день. На десятом году жизни он пас совместно с отцом помещичий скот. Когда семью Ворошиловых прижал голод, молодой Климентий попал на работу к родственнику, деревенскому кулаку, который «по-родственному» дико эксплоатировал его. От кулацкой эксплоатации он сбежал снова на работу в рудники, где его избила крестьянская артель в наказание за то, что его приняли на рудник вне очереди, отказав одному из крестьян.

Так Климентий Ворошилов готовился к роли руководителя крестьянских масс не посредством игры в крикет, а слушая рассказы отца о работе у помещика, испытывая на своей детской шкуре удовольствие работать на кулака или на капиталистов.

Мы думаем, что не впадем в национальную ограниченность, высказывая скромное мнение о превосходстве пути тов. Ворошилова над путем лорда Уиллингдона, как школы, в которой можно было познакомиться с жизнью крестьянства и стать способным снискать его доверие.

Жизнь тов. Ворошилова не представляет в этом смысле исключения. Когда прочитаешь биографии значительного количества наших самых выдающихся военных работников, руководителей нашего хозяйства, нашей администрации, то колыбель их стоит ближе к рабочему очагу и крестьянской хижине, чем к русским «итонам».

Когда вождь английских рабочих г. Рамзей Макдональд занял пост английского премьер-министра, одна из его поклонниц — мисс Гамильтон — опубликовала под псевдонимом «Иконокляст» его биографию.

Это была книга, написанная для английского мещанина,

которому она должна была внушить уважение к первому «рабочему» премьеру. И вот в этой книге мисс Гамильтон рассказывает про возвышенный характер своего героя, про твердость его убеждений. Эту сторону характера мистера Макдональда ей приходится демонстрировать на том для буржуазных писателей несколько неприятном факте, что г. Макдональд из либерально-пацифистских соображений совместно с лордом Морлеем был противником участия Англии в войне.

Подчеркнув патриотические побуждения, которые толкнули его на такой шаг, мисс Гамильтон указывает, какой он должен был иметь твердый характер, чтобы взять на себя бремя непопулярности. «Салоны Лондона вычеркнули его из списка своих гостей, некоторые знакомые боялись его приглашать, считаясь с чувствами других. Ряд хорошо воспитанных патриотов добился его исключения из клуба игры в гольф Лоссиматус».

Клим Ворошилов стал на работу на заводе при станции Алчевск в 1896 г. В 1899 г. он руководит забастовкой в чугунолитейном цехе. Забастовка вызвала обыск, арест, после чего Клима Ворошилова не только не приглашают в салоны капиталистов Донбасса и не пускают в клуб игры в гольф, но просто не пускают на работу в продолжение трех лет, поместив его в черные списки. И когда он попадает на завод Гартмана в Луганске, то спустя два месяца полиция, обнаружив его там, выдворяет его из Луганска. Именно тогда Клим Ворошилов, подведший итоги своей жизни,— а он в 22 года своей «золотой молодости» кое-что видел,— вступает в социал-демократическую партию. Этот его вывод из жизненной практики, вероятно, не отвечал той строгости индуктивной логики англичанина Милля, которая требует, чтобы выводы были сделаны на основе самого большого количества фактов, с надлежащей осторожностью, без увлечения, без примеси чувств. Мы подозреваем, что тов. Ворошилов сделал свой вывод не без влияния чувств, что совсем не полагается по правилам индуктивной логики. Он научился ненавидеть капиталистов и любить своих товарищей по каторжному труду. Но, несмотря на эти недостатки, он сделал свой вывод крепко, ибо не изменил его до наших дней.

Защищал же он этот вывод, как известно, не только

трехлетней безработицей, но и многократной тюрьмой и ссылкой, и мы снова думаем, что не впадем в национальную ограниченность, считая, что жизненная школа тов. Ворошилова носила более серьезный характер, чем те страдания, которые испытал многоуважаемый вождь английской «рабочей» партии, первый глава английского «рабочего» правительства, Рамзей Макдональд, когда во время войны не мог встречаться со своими буржуазными знакомыми в салонах и играть с ними в гольф.

И эта привычка голодать по три года, спать на тюремных нарах, плестись по этапу в ссылку, бегать из ссылки, искать ночлега у крестьян и рабочих,— она не является личной чертой тов. Ворошилова, она представляет собой тот путь к власти, по которому шли тысячи большевиков, будущих вождей Красной армии. И этот путь выковал в них те черты характера, которые позволили им твердой рукой создать крестьянскую армию, провести ее через нищету, через поражения, через испытания железом, огнем и вошью. (Извините, многоуважаемый г. Макдональд, что, сравнивая вас с нашим наркомвоенмором, упоминаем такое необычайное в жизни английского джентльмена понятие, как вошь, но она играла громадную роль в истории Красной армии, ибо это презренное насекомое, распространяя тиф во время гражданской войны, угрожало нам часто больше, чем армия, вооруженная вашим достопочтенным коллегой и предшественником г. Уистоном Черчиллем).

Какие черты характера нужны были для создания Красной армии, для проведения ее через горнило испытаний,— пусть узнает иностранный читатель. Хорошо будет, если вспомнит об этом и наш молодняк, читая первые строчки военного послужного списка нашего военного комиссара.

«Военную работу начал с отряда, организованного в 1918 г. в марте под моим командованием, дравшегося с немецкими оккупационными войсками. Вскоре был назначен командиром 5-й украинской армии, а затем командовал отрядами, отходившими под напором немецких войск с Украины на Волгу, к Царицыну. На ст. Лихая произошло большое сражение. Наши отряды в панике бежали в направлении на ст. Белую, встретив восставших казаков и их пули.

Десятки тысяч деморализованных, изнуренных, оборванных людей и тысячи вагонов со скарбом рабочих и их семьями нужно было провести через бушевавший казачий Дон. Целых три месяца, окруженные со всех сторон генералами Мамонтовым, Фицкарнауловым, Денисовым и др., пробивались мои отряды, восстанавливая железнодорожное полотно, на десятки верст снесенное и сожженное, строя заново мосты и возводя насыпи и плотины. Через три месяца «группа войск Ворошилова» пробилась к Царицыну, и из этих и других частей была образована 10-я Красная армия, которой мне было поручено командовать».

Только люди, прошедшие через отчаяние разбитых забастовок, нелегально провозящие под носом у русских жандармов оружие из Финляндии, люди, которых не могла сломить тоска ссылки и тюрьмы, могли не отчаяться в такой игре в крикет или гольф с генералами Мамонтовым, Фицкарнауловым и Денисовым.

Жизненный путь большевистской партии создал в царском подполье, тюрьмах и ссылках тот источник, откуда мы взяли командиров, которые сумели не только внушить доверие крестьянским массам, но овладеть стихией крестьянства, способной к героическим взлетам, но и способной от удара рассыпаться в песок.

В 1922 г. мне пришлось возвращаться с тов. Ворошиловым из Ростова-на-Дону в Москву. Мы ехали через недавно освобожденный Донбасс и вечером, стоя у окна вагона, мы присматривались к просыпающейся жизни этого рабочего муравейника. Ворошилов, смотря на родные ему с детства рабочие поселки, начал в раздумье ходить по вагону.

— Часто думаю,— сказал он,— над тем, почему нам удалось под царем сговориться скинуть буржуазию, а белым не удалось под советской властью сговориться против нас.

Слово «сговориться» казалось мне тогда немного странным. Но это не только образное слово, но и глубоко проникающее в сущность нашей победы: именно мы сумели сговориться.

Большевистская партия — партия рабочего класса. Он

имеет разные прослойки, но он имеет против капиталистов один интерес. На основе этого совместного интереса он вел борьбу в продолжение десятков лет. В этой борьбе он осознал свои интересы, научился руководить народными массами, и это сознание отлил в принципы революционной борьбы, выраженные не только в нашей программе, но и в наших стратегических и тактических решениях.

И вся наша борьба с меньшевиками, вся наша борьба с течениями, которые хотят быть «левее» большевизма, представляет исторически великий сговор, как скинуть буржуазию.

И, когда приходилось Ворошилову без связи с партийным центром, не получая директив, принимать решения, как выиграть партию крикета или гольфа у Мамонтова, Фицкарнаулова и Денисова, то он действовал на основе старого сговора. А буржуазия и русские помещики, класс, приговоренный историей к смерти, раздираемый противоречиями, раздираемый борьбой клик, класс, возглавляемый Рябушинскими, что поставляли картонные сапоги армиям, которые они посылали восстанавливать свое же господство,— этот класс не может сговориться. Поэтому Ворошиловы получили время научиться у буржуазных военспецов, как бить армии белых, руководимых такими же военспецами.

Итак, республика Советов получила время разбить белых, победить вошь, восстановить хозяйство, создать великую армию рабочих и крестьян, создать кадры красных командиров, которые будут умело руководить ее защитой, присоединив к школе, которую прошел Клим Ворошилов раньше, чем стал наркомвоенмором, генштабистские школы, устроенные не хуже, чем те, в которых учились вожди наших врагов.

В очень глупой истории французской третьей республики, написанной бывшим французским социалистом Зеваесом и неизвестно почему изданной по-русски Гизом, рассказывается, как президент французской республики Мак-Магон, навестив военную школу в Сен-Сире, был предупрежден, что среди ее учеников находится негр. Увидев черного офицера, Мак-Магон сказал ему:

— Ах, вы тот офицер-негр, о котором меня предупреж дали. Очень рад, продолжайте в том же самом духе!

Международный пролетариат, смотря на единственного красного военкома министра в шеренге белых, скажет ему:

— Очень рад, продолжайте в том же самом духе!

Февраль 1931 г.

ПУТЬ БОЛЬШЕВИКА

Несколько недель назад мне пришлось принимать участие в заседании, на котором обсуждались некоторые вопросы, связанные с изданием первого тома «Истории гражданской войны». Заседание состоялось в квартире тов. *Гусева*, и Сергей Иванович ставил перед нами вопрос включить ли непосредственно в «Историю» мемуары участников движения или издавать их в особых томах. Разговор был очень оживленным, и я упомянул о том, сколько раз я пытался уговорить Сергея Малышева написать то, о чем он так увлекательно умеет рассказывать. Большевистская партия имела великое счастье быть основанной всемирным гением Ленина, и мы изучаем ее историю по его сочинениям. Это должно так быть, ибо эти сочинения показывают широкую дорогу, по которой большевизм через поражения и победы двигался к своей великой цели, не сворачивая ни на один момент в сторону. Но исключительное значение сочинений Ленина, партийных документов, протоколов не меняет того факта, что будущие поколения захотят знать не только движущие силы развития большевизма, основные его идеи, но захотят видеть *всю мастерскую*, в которой выковывался большевизм, видеть *людей, конкретных людей*, которые, засучив рукава и часто истекая кровью, создавали эту громаднейшую машину разрушения старого строя и построения социализма. Поэтому просто преступление — то, что эти кадры, которые прошли весь путь своей жизни в рядах большевистской партии, не пишут мемуаров, не рассказывают своей жизни. Из тысяч таких жизней, развивающихся вокруг стержня ленинских идей, возникла большевистская

партия. Я спросил тов. Гусева, когда он напишет свои мемуары. Как всегда, неслыханно скромный Гусев улыбнулся и перевел разговор на статью, которую он должен написать для первого тома «Истории гражданской войны». Сергей Иванович не напишет больше своих мемуаров. А когда при известии о его смерти всякий из нас, кому приходилось встречаться с ним на перекрестках истории революции и кто научился глубоко его уважать, вспомнит главные даты его биографии и увидит, что в этой человеческой жизни воплотилась вся история большевизма — от его подготовки и возникновения до постройки фундамента социализма,— то пожалеет, что Гусев этих мемуаров не написал. Они были бы глубоко интересны для тех поколений, которым в будущем так трудно будет представить себе историю гибели капиталистического мира и историю создания социалистического. Они были бы неслыханно поучительны для западно-европейских и восточных коммунистов, жадно пытающихся понять, как была создана большевистская партия — руководитель победоносного пролетариата.

Мы вчера праздновали день физкультурника. Сотни тысяч молодых рабочих и работниц маршировали на Красной площади. Полные жизни, физически закаленные, они представляли самые различные виды спорта. Смотря на эти радостные шеренги, я вспоминал, как была организована Сергеем Ивановичем Гусевым первая грандиознейшая демонстрация русского пролетариата, демонстрация *ростовских рабочих*, 31 год назад. Она была организована на Балке в Ростове, на месте «спортивных состязаний» ростовских рабочих. В чем состоял их «спорт»? Рабочие собирались, подвыпивши, и устраивали бои на-кулачки. Единственным спортом русского пролетариата еще 30 лет назад был тот же самый спорт, который был описан 60 лет назад Глебом Успенским. Рабочие собирались, чтобы раскрошить друг другу кулаком морду. И между этим ростовским «спортом» и спортом, охватившим теперь миллионы советских пролетариев, спортом, готовящим их к труду и к борьбе, лежит вся жизнь и Сергея Ивановича Гусева и жизнь большевистской партии.

Молодой студент, усвоивший основы марксизма в интеллигентских кружках, в петербургском «Союзе освобо-

ждения труда», в дискуссиях марксистов с народниками, сколачивает на юге России рабочие кружки. В Ростове было 150 революционных рабочих, которых собрал вокруг донецкого комитета Сергей Иванович в кружки, и эти 150 человек вышли на Балку к десяти тысячам недовольных пролетариев, дающих выход своей энергии в кулачном бою. И эти 150 человек, знающие, чего хотят, размещенные целесообразно среди рабочей толпы, развернув знамена, подняв на руки Гусева, дали выражение накопившемуся недовольству рабочего класса, вывели ростовских рабочих на грандиозную демонстрацию, эхо которой прокатилось по всей России. Эта демонстрация по существу решила споры экономистов и искровцев, доказав громадным движением народных масс, что русский рабочий созрел, как масса, для борьбы с царизмом. Эта демонстрация была правильно понята «Искрой», как начало новой эры в борьбе с царизмом, и *Плеханов* в статье своей по поводу этой демонстрации повторил слова Ульриха фон-Гуттена: «*Весело жить в такое время*» (Плеханов, соч., том XII, стр. 277).

Чувство веселья охватило основоположника русского марксизма, когда долетели до него известия о первом массовом выступлении русского пролетариата. Но когда русский пролетариат пошел на борьбу за власть, когда русский пролетариат штурмовал власть русской буржуазии, Плеханов, основоположник русского марксизма, находился по другую сторону баррикады и умер, не вернувшись в ряды пролетариата. Эта судьба великого человека, которому русский пролетариат многим глубоко обязан, лучше всего указывает на тот *особый материал*, из которого выковывалась большевистская партия, на те *особые методы* общественной химии, при помощи которых из этого материала была создана большевистская партия. Гусев, организатор ростовской забастовки, стал в большевистской шеренге в момент возникновения большевистской фракции и остался верным большевистской партии до последнего издыхания. Сергей Иванович прошел весь суровый путь большевизма через фракционные бои с меньшевиками, подпольную работу, участие в боях 1905 г., подполье контрреволюционного времени, времена отхода от пролетариата значительных частей революционной

интеллигенции, через Военно-революционный комитет 1917 г., через сражения Красной армии, через работу в Коминтерне и умер, подготовляя «Историю гражданской войны». Почему Гусев сумел найти широкую дорогу пролетарской борьбы и никогда с нее не сходить, почему Плеханов, во много раз более ученый, субъективно преданный пролетариату не менее Гусева, должен был отпасть от борьбы пролетариата, защищать буржуазию в момент, когда она залила мир кровью, и не понять, что Октябрь есть та победа пролетариата, о которой он мечтал всю жизнь? Ставя этот вопрос, мы не ставим личного вопроса, не ставим вопроса психологического, на который пришлось бы отвечать по-разному, разбирая биографии тысяч людей, не нашедших перехода от мечты о социализме к той суровой борьбе, которую вел большевизм. Мы ставим вопрос *о политической природе большевизма.* Большевизм родился, как применение действительного марксизма к подготовке тех революционных боев, которые предстояли русскому пролетариату, чтоб стать марксизмом эпохи империализма и социальной революции. И только тот, кто был революционером по всей своей природе, кто обладал стихийным чувством связи с рабочим классом, кто обладал качествами, позволяющими понимать необходимость связи с эксплоатируемыми массами мелкой буржуазии, только тот, кто умел объединять холодный ум, высокую оценку значения теории с беззаветным мужеством, с находчивостью, только тот способен был стать под знамя Ленина и оставаться верным ему до конца. Не все эти качества были в одинаковой мере свойственны всякому из большевистских кадровиков, взятому отдельно. Но без соединения этих качеств невозможен был большевик.

Вчитайтесь в разные статьи Сергея Ивановича, появившиеся в продолжение этих 30 лет, отделяющих ростовскую забастовку от смерти Гусева. В них бросается в глаза способность к точному классовому анализу, способность схватить главное, поставить вопрос на принципиальную высоту. Я перечитывал его статьи о гражданской войне, которые были переведены на немецкий язык 10 лет назад по моей инициативе. И сегодня они так же интересны способностью автора охватить главное, как тогда, когда они появились и так заинтересовали меня. Прочтите

статьи Гусева, направленные против Троцкого, в которых он разбирает вопрос об отношении войны к политике, марксизма — к военной науке. В этих статьях главной чертой является то, что является основой большевизма: Гусев оперирует основными понятиями марксизма, как проверенными, незыблемыми основами действия, и не дает себя сбить с этого пути никакой софистикой, никаким «талантничаньем», понимая великолепно, что за всей этой мишурой кроется оппортунизм. Прочтите внимательно его статью о ростовской забастовке и переспросите попозже товарищей, которые совместно с ним были на Восточном и Южном фронтах, насчет его работы. Вы увидите те же качества, которые выпирают из его рассказов о действиях донецкого комитета во время ростовской забастовки, из рассказов товарищей о его работе на фронте. Он объединял железное спокойствие с большой революционной инициативой, решительностью, способностью искать выход из положения.

Стать и оставаться большевиком мог только настоящий революционер, мог только тот, у кого с революционным темпераментом объединялся холодный ум, вражда к фразе, настойчивость в борьбе. Таким был Сергей Иванович, и поэтому он шел всегда нога в ногу с руководящими кадрами большевиков. В ноябре 1917 г. я зашел к нему в маленькую комнатку в Смольном, где он проводил ночи почти напролет в качестве секретаря Военно-революционного комитета. (Я его перед этим видел только один раз в 1904 или 1905 г. в Швейцарии, присутствуя на его реферате в Берне. Он выступал на какой-то драке с эсерами или меньшевиками, я много тогда не понял, не зная языка, не зная истории и течений русской партии, но лицо его великолепно запомнил. Между прочим, если посмотреть на славные карикатуры 1904 г., «Как мыши кота хоронили», то на карикатуре «В участке» профиль Гусева ничем не отличается от профиля его лица последних лет.) Мы вспомнили старые времена, и, между прочим, я спросил его, за какую работу он намерен взяться в дальнейшем. Гусев ответил мне, что за военную. На мой удивленный вопрос, откуда у него специальная тяга к военной работе, он рассказал мне, что, после возвращения из ссылки, для заработка работал корректором «Военной

энциклопедии» Сытина, где ему пришлось тогда познакомиться с основными техническими, тактическими и историческими военными вопросами. Это толкнуло его заняться военной литературой. И вот теперь, когда схлынет массовая стихийная демобилизация, придется строить новую армию, и эти знания пригодятся.

Так и вышло. И когда читаешь статьи Гусева по военным вопросам, то видишь, что тогда больной, оторванный от непосредственной партийной работы, большевик Гусев, занимаясь корректурой сытинской «Военной энциклопедии», вооружался для будущих боев.

Но Сергей Иванович, хотя знал военное дело больше, чем многие так называемые специалисты этого дела, как только мы отбили врага, направляет свои мысли на основные вопросы социализма, на вопросы хозяйственного строительства. Война еще не кончена, но Деникин и Колчак разбиты. Удастся ли избежать войны с Польшей,— неизвестно. Но Советский союз, партия, все страстно стремятся к тому, чтобы перейти от кровавой бойни к тому, о чем мечтали все социалисты,— к построению новой жизни. И Гусев, имея под руками лишь отдельные случайные номера «Правды», «Известий», «Экономической жизни», доходящие до фронта неаккуратно, с огромными пропусками, имея также тезисы ЦК о хозяйственных задачах, переданные по радио в искаженном виде, в несколько дней пишет свою брошюру «*Очередные вопросы хозяйственного строительства*», изданную в марте 1920 г. Реввоенсоветом Кавказского фронта. Очень стоит прочесть теперь эту брошюру. Стоит ее прочесть и с точки зрения времени, отделяющего нас от этих дней.

Гусев, как и вся партия, не думал тогда еще о новой экономической политике. Брошюра его представляет собою по существу *набросок плана пятилетки*, непосредственно вырастающей из военного коммунизма. Нужен был гений Ленина, чтобы нащупать, как основное звено, ведущее к пятилетке, поднятие крестьянского хозяйства, которое при полном развале промышленности было возможно только на пути новой экономической политики. Тогда этот план не мог еще родиться. Неизвестность — идем ли мы к войне с Польшей, или нет — не позволяла отказаться от продразверстки. Реального плана на целый предсто-

ящий период тогда еще нельзя было создать. Но, сравнивая положение советского хозяйства в 1920 г. с полуразрушенным громадным домом, Гусев пишет: «Необходима совершенно исключительная твердость, необходимо величайшее мужество, чтобы не только не смущаться криками и стонами стариков, женщин, детей и больных, несущимися со всех этажей, но решиться даже на то, чтобы отнять у обитателей всех этажей необходимые для укрепления фундамента и стен инструменты, материалы, чтобы заставить их бросить свои углы и каморки, которые они всеми силами пытаются привести в жилой вид, чтобы выгнать их на работу по укреплению фундамента и стен».

Эти слова были направлены против товарищей, пытавшихся найти выход из катастрофического экономического положения штопанием, крохоборством, разбрасыванием сил и ресурсов, чтобы всем помочь. Гусев писал, что нужна «*прямолинейность в достижении главного, полное сосредоточение на главном, беспощадно отбрасывая все второстепенное*». Приводя примеры из положения на фронте, он пишет: «Просто, ясно, легко, понятно, например, что наступающего неприятеля нужно ударить во фланг; это все знают, это все признают, но лишь очень немногие умеют проделывать это, а подавляющее, *потрясающее большинство неизменно сбивается на затыкание дыр и подбрасывание победоносно шествующему неприятелю под ноги новых частей, которые при этом неизменно бывают биты. В чем дело? В чем секрет? Да просто в том, чтобы хватило выдержки спокойно смотреть на штык, направляемый вам прямо в сердце, хватило твердости, не поддаваясь панике, пожертвовать теми частями, которые в беспорядке отступают, не дать им помощи, а скопить спокойно и обдуманно в самый тревожный и опасный момент боя фланговый кулак*». Разве не этим методом партия под руководством тов. Сталина подготовила пятилетку и построило ее? Разве не этот метод обеспечивает проведение коллективизации? Прочтите место, посвященное вопросу *о современной технике*, о новых базах промышленности, об электрификации, и вы услышите все те мелодии, которые создают гимн наших дней. «Мы хотим потребовать от широких рабоче-крестьянских масс, утомленных, истощенных, новых героических жертв.

С каким же хозяйственным планом мы пойдем к ним, для какой цели, ясной и понятной массам, во имя чего мы будем звать их на новые жертвы, на новые подвиги?» — пишет Гусев. Разве в этой постановке не выяснено уже, почему не мог быть Гусев против *ленинско-сталинского тезиса о возможности построения социализма в нашей стране*, даже если затянется победа мировой революции в других странах.

Кадровый большевик Гусев, прошедший весь путь партии, прошедший школу Ленина, на работе в Коминтерне ориентировался лучше, глубже многих товарищей, всю жизнь работающих за границей. Революционный опыт позволял ему видеть действительность такой, как она есть, намечать пути, понимать удельный вес всякого спора. Сколько раз мне ни приходилось говорить с Гусевым по вопросам мирового рабочего движения, я всегда думал о том, что опыт большевистской партии позволил бы ей выкроить из своего руководства на худой конец руководство для двух дюжин пролетарских партий всего мира. И при всем этом тов. Гусев был полон вражды ко всякому чванству, ко всякой попытке механического перенесения русского опыта за границу, полон был понимания необходимости внимательнейшего отношения к особенностям развития революции во всякой другой стране.

Хорошо было бы, если бы мы, хотя бы над могилой Гусева, сказали себе, что надо принимать меры для того, чтобы записать жизненный опыт руководящих кадров партии. Главное — в книгах Ленина, главное наших дней записано будет в статьях и речах Сталина, но есть еще столько богатств и разнообразия в жизненном опыте сотен и тысяч товарищей, которые создавали партию, что собирание этого опыта имеет громаднейшее значение для будущей борьбы.

Июнь 1933 г.

ФЕЛИКС ДЗЕРЖИНСКИЙ

или о смысле нашей жизни

Имя Дзержинского живет в памяти рабочих масс Польши и Советского союза как имя одного из самых крупных нелегальных организаторов борьбы рабочего класса против царизма и буржуазии. Польские рабочие помнят, как он в подполье, в тягчайших условиях, никогда не щадя себя, помогал им после каждого разгрома заново строить организации, как — нелегальный — скитался из одного города в другой, чтобы воссоздать то, что удалось разрушить царским ищейкам, как — сосланный—бежал, рискуя жизнью, чтобы снова начать работу, чтобы снова строить боевую фалангу. Они помнят, как при подъеме революционной волны Дзержинский шел впереди рабочей массы, ведя ее на бой; они помнят, как при спаде революционной волны он появлялся — неожиданный — среди них в самые трудные моменты, чтобы силой своей веры раздувать искру, тлеющую под пеплом.

Имя Дзержинского будет жить в памяти народных масс СССР и всего мира, как имя человека, который выковал ВЧК, грозное и славное оружие защиты молодой республики труда. Советские рабочие будут помнить длинные ночи восемнадцатого, девятнадцатого, двадцатого годов, когда не потухал свет в комнате на Лубянке, где ночь за ночью, день за днем зоркий глаз Дзержинского выслеживал во тьме врага, чтобы беспощадно обрушиться на него.

В тюрьмах капиталистических стран узники буржуазии вспоминают Дзержинского и думают о том дне, когда они отомстят буржуазии за все страдания и когда создадут, следуя образцу, данному Дзержинским, органы, которые

сломят сопротивление врага, которые будут преследовать его до последнего убежища.

25 лет провел Дзержинский на *работе по подготовке революционной армии*, которая разбила крепость царизма, которая сломила попытки буржуазии опрокинуть завоеванную пролетариатом власть. В этой борьбе за власть пролетариата он потерял здоровье. Эта борьба оставила ему только немного сил, которых хватило на короткий период, каких-нибудь шесть лет, посвященных хозяйственному строительству.

Мы все помним переход Дзержинского с работы руководителя ЧК на хозяйственную работу. Сначала казалось, что он берет только добавочную нагрузку. Это было в начале нэпа, когда Дзержинский руководил комиссией по улучшению положения рабочих, пытаясь найти средства хотя бы для временного облегчения их жизни в период перехода от военного коммунизма к новой экономической политике. Он сидел тогда у себя в кабинете на Лубянке или прибегал в Московский совет, звонил во все концы, бросал своих испытанных работников из ЧК, чтобы найти для одного завода воблу, для другого — картошку, для третьего — краску выбелить долго неремонтированные рабочие квартиры.

Весной 1921 г. он проникал во все закоулки нашего хозяйства, в каморки, всюду, где можно было найти что-нибудь для облегчения тягчайшего положения.

Мы все помним, как Дзержинский брался за организацию помощи детям. Многим казалось, что он ищет отдыха для души после своей суровой работы чекиста. Но и здесь Дзержинский искал не успокоения нервов, не возможности излить все то, что в нем было мягкого, любящего, человечного. Когда он бился за улучшение положения рабочих, он спасал главный источник нашего возрождения, живую рабочую силу, без которой машина мертва, никому не нужна. Пытаясь найти средства для улучшения положения детей, он смотрел в то будущее, когда они возьмутся за выполнение великой задачи постройки социализма. Дзержинский не искал отдушины, *Дзержинский переходил на новую работу, на работу хозяйственного строительства.*

Это видели все, когда, назначенный народным комисса-

ром транспорта, Дзержинский взялся с гигантским размахом за его воссоздание. Он перекочевал с Лубянки в Наркомпуть, взяв туда с собой ряд своих ближайших сотрудников. Так же, как и раньше, он проводил дни и ночи над организацией обороны республики от врага, пытающегося подорвать диктатуру. Он изучал железнодорожное дело, всякую его часть, механику взаимодействия разных его отраслей. Изучал паровоз, изучал депо, изучал путь, изучал людей, на паровозе удаляющихся в темную ночную даль, людей, выходящих под утро для чистки пути, людей, разрабатывающих планы движения. И сразу стало ясным, *что все величие Дзержинского не только в прошлом, а и в работе строителя, в работе зодчего.*

Он повеселел, он выпрямился, он оживился, он блистал мыслью, энергией, радостью жизни. Специалисты, которым приходилось с ним работать, не верили своим глазам, что это «тот же самый» грозный Дзержинский. Я один раз, идя к Дзержинскому, на Лубянке встретил в передней инженеров-путейцев, возвращавшихся с какого-то долгого совещания у Дзержинского.

— Я никогда не думал,— сказал один из них, смеясь, секретарю Дзержинского,— что так приятно сидеть у Дзержинского.

Всякий, кто его тогда встречал, не мог принять этих слов инженера-путейца за казенный комплимент или шутку, ибо действительно, те, которые работали с Дзержинским, если были преданы делу хозяйства, чувствовали, как идут от него волны энергии, инициативы, великого трудового подъема.

И поэтому, когда партия поставила Дзержинского во главе ВСНХ, то никому это не показалось странным, хотя Дзержинский не был ни ученым-экономистом, ни хозяйственником-организатором. Партия знала, что делает. Она отдала на работу в промышленность первый великий мотор,— мотор, который должен был сдвинуть все с места, она дала промышленности в лице Дзержинского великого энтузиаста, которого не могли испугать никакие затруднения, который, видя перед собой кучу развалин, искал в ней кирпичей для новой стройки, энтузиаста, мозг которого набрасывал в это время планы нового здания.

Партия дала промышленности в лице Дзержинского че-

ловека, о котором всякий знал: он вцепится зубами в дело, он вытянет когтями промышленность и поможет сделать первый шаг вперед, самый трудный, самый ответственный. И снова начались месяцы убийственного труда. Дзержинский беседовал дни и ночи на заседаниях, сидел над пудами докладов, пытаясь охватить материал, ориентироваться в положении, найти рычаги, при помощи которых можно было двинуть дело вперед. Никакой факел никогда не горел так ярко, как горела душа этого железного человека в то время, когда он взялся за восстановление разрушенной промышленности.

В начале новой экономической политики я разговаривал с одним очень вдумчивым немецким политическим писателем — Бернгардом Гутманом. Во время этого разговора он бросил фразу, которая осталась у меня в памяти: «Если вы восстановите промышленность, то вы совершите великое чудо, ибо редки в истории случаи, когда люди, которые сумели разрушить старое, смогли построить новое».

Я часто думал об этой фразе. Мне вспомнилось, что, по словам библии, те, которые вышли из Египта, страны рабства, должны были всю свою жизнь проблуждать в пустыне, потому что им не дано было увидеть обетованную землю. Дзержинский был самым ярким доказательством неверности этого положения.

Теперь таких доказательств—сотни тысяч. Весь командный состав нашего хозяйства, все эти десятки тысяч людей, которые руководили воссозданием промышленности и восстановили ее в срок, значительно более короткий, чем тот, о котором говорил Ленин,— все они вышли из подполья, или, по крайней мере, из горнила гражданской войны, разрушившей старый строй. А сотни тысяч стрых кадровых рабочих, которые под руководством нашей партии разбили царизм, разгромили буржуазию, теперь являются ядром рабочего класса, стержнем для новых кадров пролетариата, перевариваемых в фабричном котле нашей социалистической промышленности.

Буржуазный писатель имел перед глазами буржуазных революционеров, которые для того, чтобы найти в себе энтузиазм для разрушения феодализма, должны были ле-

леять несбыточные мечты о рае, созданном буржуазией. Когда же начались будни буржуазного строя, который не только не осуществил их мечты, но был жестокой насмешкой над тем, что они любили, за что боролись, который втоптал в грязь братство и равенство, то что же было делать буржуазным революционерам, как не предаваться разочарованию, как не впасть в отчаяние. Лучшие люди английской буржуазной революции с Джоном Лильборном во главе кончили мистицизмом, кончили квакерством. Они искали убежища от строя, который создали, мечтая об исправлении человека. Если бы бешеные, если бы шометисты, если бы даже Сен-Жюст и Робеспьер не погибли в классовых боях французской революции, то им нечего было бы искать в лавочках спекулянтов, у скупщиков золота, в конторах фабрикантов, поставляющих гнилые сапоги армиям Наполеона. Оставшиеся в живых представители французской революции принуждены были искать убежища от действительности в мечтах о далеком будущем. Маленькая книга Филиппа Буонаротти, спасшая для будущих поколений социалистическую мечту Гракха Бабефа, являющаяся мостом от буржуазной французской революции к началу социалистического движения французского ремесленного пролетариата, показывает, откуда взято мнение, что разрушающие не могут созидать.

Пролетариат, разбив капитализм, претворяет в жизнь то, о чем мечтали лучшие его сыновья еще в колыбели рабочего движения. Кто может без глубочайшего волнения смотреть, как поднимаются стены новых наших заводов, как заводы растут, как они наполняются машинами и живыми людьми? Кто, обойдя рабочие предместья Москвы и увидев вдруг там, где были пустыри и свалки, целые гнезда громадных домов, в которых московский текстильщик в первый раз за свое существование находит человеческое жилище, а не логово, не вспомнит о том, как мы в молодости мечтали о новой жизни, не зная, когда она придет? Кто может читать доклад т. Яковлева на XVI съезде и не сказать, что пришло время, о котором мечтал Фурье, о котором мечтали крестьяне Северной Англии, согнанные капитализмом из деревень на каторгу фабрик периода первоначального накопления? Там, работая по 16 часов в день, живя в лачугах, они мечтали, что рабочие создадут

кооперативные банки, которые отнимут землю у капиталистов и вернут ее труженикам.

О'Коннор, вождь левого крыла чартизма, объединял в своей агитации борьбу за улучшение положения пролетариата с этой мечтой о рабочем, возвращающемся на свободную землю, и в этом объединении была сила его агитации.

Фаланстеры Фурье объединяли промышленный и сельскохозяйственный труд в свободных коммунах. Десятки лет назад *мысль о том, что когда-нибудь пролетариат осуществит эти мечты, была пружиной, толкавшей на борьбу действительных коммунистов.* «Надо мечтать»— эти слова Писарева цитировал Ленин в «Что делать» 27 лет назад,— Ленин, который был так скуп на красивые слова.

Теперь все это уже не мечта. Теперь все это *начало осуществляться.* Пусть борьба требует еще величайших усилий, и многие сгорят в огне революции. *Поколение, которое родилось политически в октябрьский период, осуществит эти мечты, а то, которое родилось в голодные годы военного коммунизма и гражданской войны, будет уже жить при новом строе.* Это знал Дзержинский и поэтому он так горел в последние годы своей жизни.

В 1920 г. Ленин говорил, что пока-что мы не сделали большего, чем сделала французская революция. Теперь ясно, что мы живем в разгар строительства нового общественного строя, что все наши трудности есть трудности, с которыми борется крестьянин, когда на место старой лачуги строит новый дом, возит с утра до ночи лес, не спит, а работает с топором в руках, лишает себя куска мяса, кружки молока, чтобы купить гвозди. *Не видеть этого, не понимать величия переживаемого нами времени могут только попутчики пролетарской революции,* только те, для которых главной пружиной борьбы против царизма, против буржуазии, главной пружиной гражданской войны была *не* мечта о том дне, когда начнется стройка фабрик не для капиталистов, начнется стройка домов для рабочих.

Дзержинский боролся в подполье потому, что верил в этот день и жил для него. Это было летом 1903 г. Я жил

несколько дней совместно с Дзержинским в пустой квартире, которая была заполнена громадным столом из читального зала студенческого социалистического общества. Мы спали на этом столе, имея над головою большой бюст Мицкевича. Я читал тогда поэму польского поэта Каспровича «Гибнувшему миру», которая отражала все отчаянье и все неверие в жизнь части польской интеллигенции. Дзержинский читал «Женщину и социализм» Бебеля и с величайшим восторгом говорил о том, что Бебель пытается пробуравить глазами мрак будущего, вообразить, как оно будет выглядеть. Он говорил, что не представляет, как он мог бы призывать рабочих к борьбе, к тому, чтобы они оставляли жен и детей и шли на каторгу, в ссылку, если бы он не был глубоко убежден, что социализм есть реальность, что социализм будет жизнью, достойной человека.

В 1906 году я увидел Дзержинского в одном из рабочих районов Варшавы, сидящего с книгой в руках на скамейке сквера. Он, вероятно, шел на какое-то собрание и, заметив, что пришел преждевременно, сел читать. Я присел к нему, сквер находился в сторонке, людей не было видно. Я взял у него из рук книгу, чтобы посмотреть, что он читает. Он читал этюды Гюйо об эстетике. Меня удивило: что он ищет в эстетике? Он, смеясь, сказал мне, что часто думает о гармонии жизни, которая когда-нибудь будет, и что красота в искусстве есть для него предвестник будущей красоты равных людей социалистического строя и что поэтому ему очень интересно думать о вопросах гармонии.

В 1924 г. я припомнил Дзержинскому этот разговор. Он рассмеялся каким-то глубоким, хорошим смехом человека, который видел, что приближается к цели. Но, перейдя скоро на актуальные вопросы, добавил:

— Я бы хотел найти средство разрушить гармонию бюрократизма, который, как его ни жать, все отрастает в чудесных, невиданных пропорциях.

Он глубоко верил, что мы справимся не только с этим препятствием.

Дзержинский будет жить в памяти поколения, которое построит социализм, как человек, бывший великим рево-

люционером, всю жизнь работавший для того, чтобы мы могли строить социализм. И когда думаешь в четвертую годовщину его смерти о том, что он представлял собой, почему он был всегда таким волнующим для всех, близко его знавших, кажется, что все это потому, что *Дзержинский выражал смысл нашей жизни, как коммунистов.*

Июль 1931 г.

КАПИТАЛИСТИЧЕСКОЕ РАБСТВО и социалистическая организация труда

1. СТАРЫЙ СПОР

Когда руководители капиталистических трестов и представители капиталистических партий, существующих на деньги этих трестов, когда продажная пресса вопит теперь в исступлении о рабстве в СССР, то только людям, не знающим истории социализма, это кажется чем-то необыкновенным. Понятно, тот факт, что именно *теперь* лозунг борьбы против «советского рабства» выдвинут с такой силой, имеет сугубо актуальное значение. *При помощи этого лозунга заправилы мирового империализма пытаются найти смычку с профессионально организованными рабочими, пытаются внушить отсталым рабочим массам, что их заработной плате, и так очень низкой, угрожает еще конкуренция со стороны «дешевого» вывоза СССР, «опирающегося на неоплаченный труд».* При помощи этой кампании твердолобые пытаются перетянуть на свою сторону вожаков профсоюзов и облегчить, таким образом, «рабочему» правительству Англии переход в стан открытых врагов СССР, заставить его открыто присоединиться к той подготовке интервенции, которая проводится влиятельнейшими кругами империализма. Если удастся добиться открытой сделки Франции и Англии против СССР, то можно будет заставить и другие страны Европы принять участие в этой подготовке.

Но если дело идет об *идейном оружии*, которое «враги рабства», вроде пресловутого Джойнсона Хикса или почтенного епископа Дергемского, выдвинули против СССР,

то это оружие их так старо, как стара борьба идеологов капитализма против социализма.

Как только стала создаваться социалистическая литература, еще до начала современного рабочего движения или при первых его шагах, идеологи капитализма в лице представителей вульгарной экономии — все эти Маккулохи, Сеи, Фошеры, Шульце-Деличе —доказывали, что, во-первых, мир может развиваться только на началах частной инициативы, и, во-вторых, что если бы социализм победил, он означал бы какое-то модернизированное рабство и сделал бы весь мир одной громадной казармой.

Когда рабочее движение разрослось, когда рабочий класс заставил буржуазию дать ему избирательное право и в парламентах появились представители рабочего класса, тогда представители буржуазии провоцировали на парламентской трибуне дискуссии о том, как будет выглядеть *государство будущего*. И главным их аргументом служило всегда утверждение, что социализм будет казармой, режимом принуждения, что он будет восстановлением рабства. Отвечая на эти аргументы, Жюль Гед, Бебель и др. говорили: каков социализм, это еще будет видно. Но социализма пока нет. Сейчас можно только наблюдать, как обстоит дело с капиталистической свободой. И в ответ на мрачные картины будущего социалистического «рабства» они давали картину капиталистической «свободы», которая является свободой на словах, а на деле рабством миллионов трудящихся.

Сегодня, после 13 лет пролетарской революции, мы имеем уже опыт, позволяющий нам видеть главные направления в развитии организации труда при социализме и главные формы этой организации значительно яснее, чем это могли видеть основоположники социализма. Но достаточно открыть «Коммунистический манифест», чтобы увидеть, как гениально предвидели Маркс и Энгельс направление развития организации труда при социализме. Намечая переходные меры социалистической революции, Маркс и Энгельс в качестве 7-й общей меры называют «*увеличение числа государственных фабрик и орудий производства, возделывание и улучшение полей по общему плану*». А в пункте 8-м требуют «*одинаковой трудовой повинности для всех, учреждения промышленных армий, в*

особенности для земледелия». Мы видим, таким образом, что уже основоположники современного социализма были одновременно знаменоносцами «рабства», в котором нас теперь обвиняют такие защитники свободы, как представители английского и французского империализма.

Таким образом СССР осуществляет задачи, которые ставил себе пролетариат в лице своих лучших представителей в самом начале своего революционного движения. А представители капитализма не нашли для борьбы с пролетарской революцией, осуществляющей заветы своих учителей, других аргументов, кроме тех, которые выдвигали представители капитализма против рождающегося социалистического движения. Наш сегодняшний спор с Джойнсонами Хиксами и епископами дергемскими разрешится в величайших классовых боях. Епископа Дергемского и его хозяев никто не убедит, и мы не думаем убедить их, продемонстрировав историю этого спора, продолжающегося сотню лет. Но история этого спора позволит лучше подойти *к колеблющимся отсталым элементам в рабочем движении*, на которые рассчитана кампания дергемских епископов. Идея свободы опоганена капитализмом, попрана ежедневными фактами экономического закабаления пролетариата, выхолащиванием буржуазной демократии в одних странах, господством фашизма в других, она все-таки — *последняя идея*, при помощи которой буржуазия пытается удержать в своих руках влияние на колеблющиеся и отсталые элементы рабочего класса. Для этих элементов важно представить этот более чем столетний спор социализма с капитализмом в свете великой исторической проверки.

2. МАРКС И ЭНГЕЛЬС О КАПИТАЛИСТИЧЕСКОМ РАБСТВЕ

В своей исторической книге «*Положение рабочего класса в Англии в 1844 г.*» *Энгельс* писал:

«Юридически и фактически *рабочий есть раб имущего класса* — буржуазии, настолько ее раб, что он продается, как товар, цена на который, как и на всякий другой товар, повышается или понижается. Повышается спрос на

рабочих — они повышаются в цене; понижается спрос на них — и цена на них понижается; если спрос на них понижается настолько, что известное число рабочих не находит сбыта, «остается на складе», то им приходится лежать про запас, а так как этим не проживешь, то они умирают с голоду. Ибо, говоря языком политической экономии, затраченные на поддержание жизни суммы не «*воспроизведут себя*», будут выброшенными деньгами, а на это никто своего капитала не даст. Все отличие от старого откровенного рабства состоит в том, что *современный рабочий кажется свободным* потому, что он продается не раз навсегда, а по частям: на день, неделю, год, и потому, что не один собственник продает его другому, а он сам вынужден себя продавать, ибо *он раб не одного человека, а всего имущего класса*. Для него существо дела не меняется, и если эта *иллюзия свободы* и должна ему давать некоторую реальную свободу, то зато, с другой стороны, *в теперешнем его положении имеется еще та невыгода, что никто не гарантирует ему средств существования* и что буржуазия может его каждый момент лишить заработка и обречь на голодную смерть, если она не нуждается ни в его работе, ни в его существовании.

Для буржуазии же настоящее положение дела несравненно выгоднее, чем старое рабство: она может когда угодно отказать своим рабочим, не теряя при этом вложенного капитала, и вообще труд обходится ей гораздо дешевле, чем обошелся бы труд рабов, как это рассчитал ей в утешение Адам Смит» (*Фридрих Энгельс*, «Положение рабочего класса в Англии в 1844 году». Изд. Ин-та Маркса и Энгельса. ГИЗ, 1928 г., стр. 129-130).

Эту мысль Фридрих Энгельс подробно развивает через несколько лет в своей брошюре «*Принципы коммунизма*», которая является первым наброском «Коммунистического манифеста». Он ставит в ней вопрос: *чем отличаются пролетарии от рабов?* И отвечает следующим образом:

«Раб продан раз навсегда. Пролетарий должен продавать сам себя каждый день и каждый час. Раб является собственностью своего господина и уже *вследствие заинтересованности последнего пользуется обеспеченным существованием*, как бы жалко оно ни было. Каждый отдельный пролетарий является, так сказать, собственностью

всего буржуазного класса. Его труд покупается только тогда, когда кто-нибудь в нем нуждается, и поэтому он не пользуется обеспеченным существованием. Существование обеспечено только рабочему классу в его целом. *Раб стоял вне конкуренции, пролетарий подчинен конкуренции и ощущает на себе все ее колебания.* Раб считается вещью, а не членом буржуазного общества. Пролетарий признается личностью, членом буржуазного общества. Раб может жить в лучших условиях, чем пролетарий, но пролетарий принадлежит к обществу, стоящему на более высокой ступени развития, и сам он стоит на более высокой ступени, чем раб. Раб может освободить себя, отменив из всех институтов частной собственности одно только рабство, благодаря чему он станет пролетарием, *пролетарий же может освободить себя, только отменив частную собственность вообще». (Маркс и Энгельс.* «Коммунистический манифест». Изд. Ин-та Маркса и Энгельса. ГИЗ, 1923 г., стр. 342).

Мы видим, что сравнение положения рабочего класса при капитализме с положением рабов *не было* для Энгельса *агитационной фразой.* Он изучает сходство и отличие обеих этих формаций эксплоатации чужого труда. Много лет спустя, *Маркс* в своем главном научном труде, в котором взвешено каждое слово, пишет; «*Только форма, в которой выжимается добавочный труд из непосредственных производителей — рабочих, отличает экономические общественные формации, например общество, опирающееся на рабство, от общества наемного труда».* («*Капитал*». Немецкое издание 1921 г., том I, стр. 169).

Оценка капиталистического наемного труда, как отличающегося только своей формой от рабства, не является особенностью марксизма. Наоборот, вся социалистическая литература всех стран, предшествующая Марксу и Энгельсу, исходила из этой оценки. Мысль эту в разных формах можно найти не только у всех социалистических писателей Франции и Англии в начале XIX столетия, но даже у таких буржуазных писателей, как *Карлейль,* который, видя все ужасы первоначального накопления капитализма, с большой силой выдвигает ее и в своей книге о чартизме и в своем блестящем труде «Прошлое и настоящее».

Понятно, люди, эксплоатирующие рабочий класс, ни-

когда не признают правильности этой мысли. Ведь они, выжимая труд из рабочего класса, называют себя «работодателями». Но не может быть даже попытки опрокинуть это сравнение Энгельса и Маркса с точки зрения социалистической теории, ибо это означало бы отрицать факт, что рабочий класс является экономически угнетенным классом. Если же он экономически не угнетен, то зачем тогда нужен социализм, зачем нужно освобождение рабочего класса?

3. КАПИТАЛИСТИЧЕСКОЕ РАБСТВО ТЕПЕРЬ

Но — ответят социалисты на словах, а на деле прислужники капитала — с того времени, когда Маркс и Энгельс сравнивали наемный труд с рабством, прошли уже десятки лет, и за эти десятки лет развились не те стороны положения рабочего класса, которые позволили Энгельсу говорить в своем «Положении рабочего класса в Англии», что современный рабочий находится в худшем положении, чем раб, а те стороны отличия от рабства, на которые Энгельс указывал со всей своей научной добросовестностью, которая не покидала его и в самых популярных брошюрах, когда он говорил, что «пролетарий принадлежит к обществу, стоящему на более высокой ступени развития, и сам стоит на более высокой ступени, чем раб», что «раб считается вещью, а не членом буржуазного общества; пролетарий признается личностью, членом буржуазного общества».

В эту точку бьют всегда реформисты. Когда в 1914 г. в начале войны Эрнест Гейльман, тогдашний редактор реформистской газеты в Хемнице и один из главных глашатаев социал-империализма, теперешний председатель социал-демократической фракции прусского ландтага, поместил в переводе речь Перикла над гробом афинян, погибших в войне со Спартой, речь, в которой этот вождь рабовладельческой демократии превозносил погибших за то, что они хотя и бедные, но отдали жизнь за отечество в качестве свободных граждан, я написал Гейльману, этому поставщику рабов для современных рабовладельцев: «Бедные, но свободные афиняне погибали за рабовладельческую демократию, которая кормила их за счет рабов. При

чем тут пролетарии, погибающие за империализм? Они ведь сами рабы капитализма. Не рабовладельцы кормят их, а они — рабовладельческую капиталистическую буржуазию. Вы лучше вспомнили бы более подходящий пример из истории греческих войн, когда рабовладельцы Спарты после поражений, не имея достаточно сил в собственном классе, обратились к рабам с призывом итти на войну, обещая им, что если они будут мужественно бороться за своих хозяев, то не вернутся больше рабами. И когда при помощи рабов спартанским рабовладельцам удалось восстановить военное положение, они поставили рабов на такие участки фронта, с которых те уже не могли вернуться живыми. Обещание было исполнено,— «они не вернулись рабами». Гейльман ответил мне замечательным письмом, которое начиналось заявлением, что весь источник разногласий между нами, тогда революционными социал-демократами, и ими, социал-империалистами, состоит в том, что мы считаем пролетариат рабом капитализма, а они этого не считают.

Реформисты указывали на два момента, якобы доказывающие, что *«пролетариат вышел из положения рабства»*: первый момент, *это — рост демократии и расширение политических прав пролетариата;* другой,— это то, что благодаря существованию профсоюзов, благодаря политической борьбе пролетариата, произошло улучшение *положения рабочего класса, рост заработной платы, рост социального обеспечения, охраны труда.* После войны господа реформисты добавили еще растущее участие пролетариата в управлении промышленностью, переход к так называемой *«хозяйственной демократии»*.

Рассмотрим эти доказательства: не подлежит сомнению, что материальное положение пролетариата, в первую очередь его квалифицированной прослойки, поднялось в период развития индустриального капитализма и в первые годы развития империализма. Количество и качество пищи, потребляемой фабричным рабочим в наиболее развитых капиталистических странах, у высших слоев рабочих повысились, улучшились жилищные условия, условия для культурного развития. Все это происходило *ценой ограбления громадных колониальных масс, вовлеченных в капиталистический водоворот.* Эти процессы происходили на

основе *нищенских условий жизни широчайших рабочих масс*, которые даже в этот период капиталистического подъема никогда не наедались досыта и не жили культурной жизнью. Несмотря на это улучшение в положении высших прослоек рабочего класса, *участие пролетариата в национальном доходе уменьшалось даже в наиболее развитых капиталистических странах.*

Но и этот период сравнительного «благополучия» ограниченных слоев рабочего класса подошел к концу уже перед войной. И в Англии, и в Соединенных штатах Америки *уже перед войной начинается процесс ухудшения положения рабочего класса.* Что касается послевоенного развития, то факт этот не подлежит никакому сомнению. Его признают буржуазные статистики в Америке, в Англии, в Германии, Японии. В моменты самого высшего «подъема», в момент больших успехов капиталистической стабилизации *заработная плата рабочих только подходила к довоенному уровню*, в то время как прибыли королей угля, железа, финансового капитала неслыханно увеличились. Достаточно указать на тот факт, что все капиталистические страны отчисляют громадную часть бюджета держателям государственных бумаг в форме процентов от военных займов, т. е. капиталисты получают миллиарды за счет широчайших народных масс, не пошевелив пальцем.

Господа реформисты указывают с торжеством на то утверждение Энгельса, что когда товар — рабочая сила не находит сбыта и лежит про запас, то рабочий будет умирать с голоду. Что же,— спрашивают они,— разве это теперь соответствует действительности? И они указывают на страхование от безработицы. Да, в ряде стран буржуазия была принуждена ввести страхование от безработицы. Это имеет место там, где пролетариат представляет собой большинство населения, где буржуазия боится, что безработные, лишенные хлеба, присоединятся к коммунистической партии и скинут ярмо капитализма. Только в таких странах, как Англия и Германия, *буржуазия откупалась от рабочих, расходуя сравнительно значительные суммы на помощь безработным.*

В тех странах, где пролетариат не проявляет еще в достаточно массовых формах революционных тенденций,

как например в Америке, или где его удельный вес сравнительно ниже, чем в Англии и Германии, благодаря преобладанию сельского хозяйства над промышленностью, *как во Франции, Италии, Польше — там пролетариат или совсем не обеспечен от безработицы или получает гроши.* Первое имеет место в Америке, где сейчас, по исчислениям буржуазных статистиков, 6 млн. безработных, но совсем нет обеспечения от безработицы. Второе имеет место во Франции, Италии, Польше. О безработице в этой последней только на днях социал-фашист, депутат *Циолкош* сообщил в своей речи в сейме прямо потрясающие цифры. Он указывал на то, что только четвертая часть безработных получает помощь, а эта помощь равна $^1/_2$ доллара в месяц.

Но и в странах, в которых пролетариат завоевал себе страхование от безработицы, как Англия и Германия, буржуазия повела *бешеную атаку на эту «роскошь»*. Она утверждает, что она не может дальше «содержать» безработных, ибо эти расходы ложатся тяжелым бременем на капиталонакопление и на себестоимость и уменьшают ее способность к конкуренции. Вся буржуазная печать, все теоретики буржуазии, вплоть до самых прогрессивных, кричат, что пролетариат живет не по карману, что несколько рублей, которые он в лучшем случае получает в неделю в наиболее богатых капиталистических странах (при чем он не освобожден ни от налогов, ни от высокой квартирной платы и покупает все по ценам вольного рынка), что это — неслыханная роскошь, которой капитализм не может себе позволить. Пролетарии античного общества,— писал Маркс,— жили за счет этого общества, опирающегося на рабский труд. Современное общество живет за счет наемного труда пролетариев. И это общество, которое не просуществовало бы без эксплоатации рабочих ни одного дня, обращается к пролетариату и говорит ему: «*Делай, что хочешь, я тебя дальше кормить не могу*».

В этом выражается вся острота кризиса, переживаемого мировым капитализмом. Он теряет надежду восстановить положение, которое занимал перед войной. Индустриализация колониальных стран, возникновение Союза ССР,— все это сокращает перспективы дальнейшей

эксплоатации империализмом капиталистически неразвитого мира. Приходится не только отказывать высшим слоям рабочего класса в привилегиях, но понижать и без того нищенский уровень народных масс во всех странах. Безработица, которая за все послевоенное время не опускалась в Англии ниже одного миллиона, которая существовала в Соединенных штатах все время в размерах, превосходящих довоенные, показывает, *что громадные массы рабочих стали «лишними» для капитализма.* Если даже кончится теперешний кризис, он сможет уступить место не общему подъему, а только ползучей депрессии. 30 млн. безработных — эта фантастическая цифра, приводящая в ужас всех мыслящих представителей капиталистического мира, быть может, уменьшится на время, но *многомиллионные армии безработных останутся и будут давить на рынок труда, ухудшая еще больше положение пролетариата.*

Свободный рынок труда! Пусть господа капиталисты попробуют назвать современный рынок труда свободным рынком, на котором рабочий свободен продавать или не продавать свой труд. Подобно тому, как на общем товарном рынке конкуренция хотя и не уничтожена, но уменьшается монополистическим капитализмом, который в наиболее важных отраслях диктует через картели и тресты свои цены, который расширяет и уменьшает производство в зависимости от видов на прибыль, такое же явление наблюдается и на рынке труда: монополистический капитал взял в свои руки и этот рынок. Самый факт существования картелей и трестов приводит к тому, что рабочий находится буквально в когтях капитала. Организации капиталистов ведут *черные списки.* Рабочий, который борется за лучшие условия труда, может ежедневно оказаться в черном списке, и тогда нет для него места на крупных предприятиях, и ему приходится искать куска хлеба в мелкой торговле, в вымирающем ремесле.

А каково положение рабочих, которые нашли работу? Во всех капиталистических странах проводится система арбитражных судов, которые имеют право запретить любую забастовку. Это означает, что товар — рабочая сила не может использовать в своих интересах даже положения на рынке. Попытка рабочей силы повысить свою цену пу-

тем снятия товара — рабочей силы с рынка может быть ежедневно объявлена преступлением против закона. В Англии «рабочее» правительство само проводит закон, на основе которого всеобщая забастовка может быть объявлена покушением на основы конституции. Это означает, что из рук профсоюзов выбито основное оружие, ибо трестированная и картелированная промышленность может всегда на попытки разрозненных отрядов рабочих путем забастовки улучшить свое положение ответить общим локаутом, а рабочие на попытки капиталистов бить один отряд пролетариата за другим не могут ответить общей забастовкой, не вызывая репрессий со стороны капиталистического государства.

Когда Маркс и Энгельс рисовали картину положения пролетариата и подчеркивали сходство этого положения с положением рабов, капитализм находился в самом начале своего развития. Что означало прикрепление рабочего к машине в первой половине XIX столетия в сравнении с прикреплением его к конвейеру, который сделал рабочего действительно только придатком к машине?

Темпы эксплоатации в период электрических моторов, в период конвейера по сравнению с темпами начала XIX столетия,— это темпы аэроплана по сравнению не с паровозом Стефенсона, а с рысцой крестьянской клячи. Сорокалетний рабочий — это уже старик, которого фабрика выбрасывает как выжатый лимон.

И именно потому, что послевоенный капитализм ликвидирует те привилегии, которые он предоставлял перед войной известным слоям рабочих, что он ухудшает положение пролетариата вообще, именно поэтому он *прекращает и игру в демократию.* Да, рабочий живет не вне общества, а живет в обществе. Точнее говоря, общество живет на его спине. Но это общество находится в *периоде ликвидации всех демократических прав, за которые рабочие раньше боролись.* Все решения, имеющие мало-мальски важное значение, принимаются не парламентом, а выносятся *на тайных заседаниях господствующих клик, банкиров, главарей трестов.* Таково положение во всех странах. В тех же странах, где капитализм наиболее потрясен, *парламенты* или уничтожаются, как в Италии, уступая место открытой фашистской диктатуре, или

права парламентов сводятся на-нет, как это имеет место *в Германии и Польше.*

О хозяйственной демократии, о развитии которой еще несколько лет назад болтали господа социал-демократы, теперь даже спорить не приходится. Кричат же они сами, что теперь не до жиру, быть бы живу! Кричат же они сами, что все их стремление теперь — спасти хотя бы то положение, которое сейчас существует!

Если Маркс и Энгельс характеризовали положение пролетариата при капитализме как форму эксплоатации, по существу не отличную от рабства, то положение пролетариата в период гибнущего капитализма с *каждым днем становится все более тождественным с положением рабов.* Среди невиданных богатств голодают десятки миллионов в цивилизованных капиталистических странах, не говоря уже о миллионах, которые буквально помирают с голоду в колониальных странах, разоряемых капитализмом. Рабочий прикреплен к машине, которая не оставляет ему ни мгновения для мысли, для человеческих чувств. Он возвращается с фабрики выжатый, лишенный способности заняться чем-либо другим, кроме бессмысленного посещения кино или кабака. Он не имеет индивидуального рабовладельца, но он, как класс, коллективно находится в руках громадной капиталистической машины, безжалостно подавляющей его и ломающей его кости при первой попытке сопротивления. Капиталистическое государство становится не просто органом господства над рабочим классом, оно становится органом гражданской войны, ибо рабочий не хочет оставаться рабом капиталистов.

Представители этого гибнущего капитализма, представители государства рабовладельцев призывают теперь к борьбе против рабства в СССР. Мы принимаем их вызов и без прикрытия дадим картину основных линий развития рабочего класса в СССР и социалистической организации труда. Посмотрим, посмеют ли капиталистические газеты так же полно перепечатать наш ответ, как мы это делаем с их выпадами против нас.

4. ПРО РОБИНЗОНА КРУЗО И ПРО ЧЛЕНА СОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА

«*Робинзон Крузо*» *Даниэля Дефо*, это — книга, в которой общественный идеал буржуазии, еще полной сил, молодой уверенности, нашел свое лучшее выражение. Выброшенный на необитаемый остров человек создает себе сам условия мало-мальски культурной жизни. Полагайся на свои собственные силы, не хныча ни при каких затруднениях, и выход всегда найдется,— так говорили представители молодой английской буржуазии. Общества для них всех не существует. Оно для них — сумма самостоятельных людей, действия которых зависят исключительно от их личных качеств. И поэтому для буржуазной идеологии нет ничего более дикого, чем принцип, поставленный во главу *нашей конституции, принцип, по* которому *всякий член общества обязан трудиться.*

Но достаточно присмотреться к жизни многоуважаемого Робинзона Крузо на необитаемом острове, чтобы увидеть, что буржуазный идеал труда, как личного дела, находился в полном противоречии с действительностью даже в тот исторический момент, когда крупный писатель выразил этот идеал образами, действующими на фантазию человечества в продолжение столетий. Ведь Робинзон Крузо попадает на необитаемый остров одетый, он спасает от кораблекрушения орудия труда, оружие, порох,— одним словом, он начинает свою деятельность *вооруженный обществом.* Мало того, он подчиняет себе там другого человека, Пятницу, и учит его не только священному писанию, но и приказывает ему обращаться к себе со словами: «мой господин», а также приучает его работать на себя. Пятница со своей стороны вносит в это классовое общество способность дикаря приспособляться к известной ему обстановке, умение обращаться со знакомыми ему зверями. *С момента, когда Пятница и его хозяин, совместно находясь на острове, организуют свой труд, они не рассматривают его как личное дело каждого из них, а как дело общественное.*

Можно сказать, что так как Робинзон был более цивилизованным, чем Пятница, он стал хозяином, т. е. организатором труда. Из этого господа буржуа делают вывод.

что до конца дней человеческих они будут «более цивилизованными» и что они «поэтому» прямо историей предназначены для роли хозяев. 13 лет русской революции и революционная борьба рабочих масс других стран начали мало-по-малу разрушать эту иллюзию буржуазии. Во-первых, буржуазия уже не руководит сама процессом производства. Этим занимаются наемные инженеры, директора, техники, не являющиеся собственниками заводов, которыми они руководят. Во-вторых, буржуазия не только потеряла монополию знания, но она стала величайшей помехой для развития человеческой науки. Достаточно указать на простой факт, что если бы диалектический метод применялся учеными в естествознании в продолжение 20—30 лет сознательно, то современная техника стояла бы на гораздо более высоком уровне, чем она стоит теперь. Но буржуазия боялась допустить диалектический материализм в свои учебные заведения, ибо он учил о неизбежности ее гибели. Естествознание и техника переживают глубочайший кризис, который является только отражением того факта, что буржуазия стала вообще элементом, задерживающим развитие производительных сил.

Но как бы ни отнестись к претензиям мировой буржуазии на право исключительного руководства организацией труда, факт остается фактом: простой пример общества, сложенного из двух людей — Робинзона и Пятницы, показывает, что даже в таком маленьком обществе *труд не может быть личным делом, ибо от него зависит жизнь общества.* И понятно, что с тех пор, как существует общественная жизнь,— а общественная жизнь существует дольше, чем индивидуальный человек,— вопрос *об организации труда является общественным вопросом.* В первобытной ли общине, в феодальном ли обществе, в рабовладельческом ли обществе или в капиталистическом,— громадное большинство членов общества работает. В первобытной общине они работают добровольно, подчиняясь законам, выражающим общие интересы, работают все, кроме стариков, детей и больных. В классовых обществах работают не все. Господствующий класс освобождает себя от работы, заставляя других работать на себя и занимаясь сам управлением эксплоатируемой мас-

сой. *Но для большинства населения труд всегда является общественной обязанностью. Раб, крепостной крестьянин или рабочий, который не хотел бы признавать этой необходимости, очень скоро получил бы соответствующее внушение господствующего класса.* Что труд рабов, крепостных крестьян не был свободным трудом, это признают теперь господа буржуа. Но идеологи рабства и крепостничества доказывали, что раб чувствует себя великолепно, что он полностью доволен своим положением. Когда история поставила в порядок дня освобождение американских рабов, то рабовладельцы доказывали в целом ряде теоретических сочинений, что положение рабов в десять раз лучше, чем положение рабочих при капитализме. О том, что попытка идеологов капитализма представить наемный труд пролетариата, как свободный труд, ничем не отличается от попыток рабовладельцев представить труд рабов трудом, который их делает счастливыми,— об этом не приходится здесь широко распространяться. Что капиталистический наемный труд является только другой формой рабства, об этом знают даже *сами рабы*. Английский писатель *Тукер*, проживший 19 лет в Уганде, рассказывает в своей книге, что негр, вернувшийся из Англии, сказал ему: «*Англичане являются так же рабами, как и мы. Их принуждает к труду голод, а нас — наши хозяева*». (Тукер — Eighteen years in Uganda. London, 1908).

Социализм всегда рассматривал труд, как основу существования общества, и поэтому он считал *всегда обязательством всякого члена общества трудиться.* Социализм не только всегда ставил себе задачей освободить трудящееся общество от помещичьих и капиталистических элементов, овладевших средствами производства и пользующихся этим для эксплоатации чужого труда, но он ставил себе целью и *заменить хаотическую организацию труда, существующую при капитализме, организацией, соответствующей потребностям общества.* Когда при капитализме бывали открыты в Калифорнии или в Южной Африке, или на Алдане золотые прииски, капиталисты начинали борьбу за то, кто ими будет владеть. Из всех стран неслась беспорядочная струя любителей скорой наживы, авантюристов, которые шли не потому, что нужно развить добы-

чу золота для общества, а потому, что хотели разбогатеть. Когда возникают новые отрасли промышленности, они притягивают рабочую силу, повышая заработки, они отнимают ее у других отраслей промышленности, независимо от того, более ли они общественно необходимы или нет. *Социализм, поставивший себе целью национализацию промышленности, коллективизацию сельского хозяйства, т. е. передачу в распоряжение общества производительных сил, не мог не поставить себе целью организацию труда, ибо ясно, что пуск в ход принадлежащих обществу производительных сил, планомерное развитие их требует планомерного распределения рабочей силы, требует планомерной мобилизации и планомерного воспитания ее.*

Именно поэтому наша конституция с такой ясностью и определенностью прокламирует принцип обязательности труда для каждого гражданина. Когда господа представители гибнущей буржуазии кричат: «Ага, признались!», то мы им на это отвечаем: где же вы были, господа, в продолжение хотя бы тех тринадцати лет революции, когда мы ведем пропаганду за наши идеалы словом и делом так ярко и так открыто, что они должны быть известны даже г. Джойнсону Хиксу. Если бы этот джентльмен, занимавший в прошлом пост министра внутренних дел Англии, прочел хотя бы самые популярные брошюрки английских коммунистов, вместо того, чтобы искать советские тайны в запертых шкафах, то он бы давно знал, что мы считаем труд обязательным для всякого члена общества, и что если английские коммунисты будут организовывать английское общество на новых началах, то им придется позаботиться даже о том, чтобы и такого трутня, как Джойнсон Хикс, обучить какому-нибудь общественно-полезному труду.

5. ТРУД ОБЯЗАТЕЛЬНЫЙ ИЛИ ПРИНУДИТЕЛЬНЫЙ

Социализм, вообще, современный коммунизм, в частности, всегда выступали за обязательность труда для всякого члена общества. Капиталисты и их приспешники кричали, что мы собираемся ввести принудительный

труд. Это была у многих не просто агитационная передержка для того, чтобы представить коммунизм в виде казармы. Многие глубоко в это верили. Когда мне приходилось в 1919 г. в германской тюрьме беседовать с Вальтером *Ратенау*, одним из умнейших представителей германской буржуазии, о перспективах развития советского хозяйства и когда я ему читал статью Владимира Ильича «*Великий почин*», которую получил через скандинавские страны, Ратенау, слушая перевод этой чудесной статьи,— а я ее перевел для немецких рабочих,— качал недоверчиво головой. «Вы,— говорил он мне,— никогда не работали физически. Я — инженер и проходил большую практику, работая как рабочий раньше, чем начал управлять Всеобщей электрической компанией. Никто, кого не принудит к этому голод или жестокий приказ, не пойдет работать в шахты, ползать на брюхе среди обрывов, угрожающих ему. Если вы действительно устраните старых капиталистов, то вы будете принуждены держать рабочих в ежовых рукавицах и создадите какую-то новую иерархию погонщиков труда. *Добровольного труда не бывает.* Он доступен только маленькой горсточке людей».

Капитализм взвалил на рабочий класс всю тяжесть труда, отнял у него всю радость жизни, и капиталисты не могут себе представить труд иначе, как из-под палки. Слова *Ленина* о том, что «коммунистическая организация общественного труда держится и, чем дальше, тем больше будет держаться на *свободной и сознательной дисциплине самих трудящихся, свергнувших иго как помещиков, так и капиталистов*»,— это утверждение *Ленина* — книга, запертая на семь замков для представителей капиталистического класса.

Рабовладельцы так же оценивали рабский труд, как капиталисты оценивают «свободный» капиталистический труд, — труд, который человек берет на себя только для того, чтобы не умереть с голоду. Величайший философ рабовладельческого мира *Аристотель* писал, что «ремесла близки рабству; *человек чести, человек, имеющий общественное положение, хороший гражданин не должен учиться ремеслам, ибо он перестанет быть господином, а рабы перестанут быть рабами*». Даже управление рабами

казалось Аристотелю недостойным свободного человека. «Оно не содержит в себе ничего красивого и ничего, вызывающего уважение. Господа, которые могут освободиться от этих забот, взваливают их на управляющих. Сами они занимаются политикой и философией».

Но достаточно на один момент сбросить очки рабовладельческой идеологии и спросить себя, как же это взрослые люди в нищей стране, где недостает жилищ, сапог, одежды, железа, угля, электричества, мяса, как же это люди не поймут необходимости труда, необходимости добычи угля, добычи железа, плавки стали, постройки железных дорог для того, чтобы они начали жить человеческой жизнью? Достаточно поставить этот вопрос, чтобы сказать себе, что капиталисты не только клевещут на рабочий класс, но они благодаря своей психологии, возникшей на эксплоатации чужого труда, не в состоянии понять мир, рождающийся у нас в СССР.

Ленин не убаюкивал себя утопиями. Он ни на один момент не считал, что все члены общества, освобожденного от капитализма, будут одинаково охотно трудиться. «*Эта новая дисциплина,*— писал он в упомянутой статье о «великом почине» рабочих Казанской жел. дороги, которые первые устроили субботник,— *не с неба сваливается и не из добреньких пожеланий рождается. Она вырастает из материальных условий крупного капиталистического производства.* Только из них. Без них она невозможна. А носителем этих материальных условий или проводником их является определенный исторический класс, созданный организованно, сплоченный, обученный, просвещенный, закаленный крупным капитализмом. Этот класс— *пролетариат*». Пролетариат, созданный в старом капиталистическом обществе, изживает психологический яд, которым отравил его капитализм, предоставляя ему труд, как личное дело, дело только заработка. Взяв власть, пролетариат понимает, что *вопрос организации труда есть решающий вопрос сохранения этой власти и создания нового строя.* И сознательный рабочий так же, как вел на бой крестьянские массы во время гражданской войны, взял на себя великий исторический почин создания новой добровольной дисциплины труда. Наш рабочий добился на этом пути чудес. Он не только сумел *заразить энтузиаз-*

мом детей потомственных пролетариев, которые вступили в соревнование со стариками насчет того, кто лучше поставит работу, но он с каждым днем все больше ведет за собой *массу рабочих, пришедших только-что из деревни.*

Один из самых крупных американских буржуазных публицистов проф. Вильярд, посетив Россию, передает в нью-йоркской «*Нейшен*», что ему рассказывали американские инженеры в Сталинграде: — Рабочие, вчера пришедшие из деревни (я, к сожалению, цитирую по памяти, но за смысл ручаюсь полностью.— *К. Р.)*, перестают смотреть на свой труд, только как на заработок. Мы не знаем,—говорили американские инженеры,— что это: национализм или социализм? *Но факт налицо, что этот вчерашний крестьянин начинает рассматривать свой труд как труд для общества, а не только для себя.*

Мы ни на один момент не хотим *прикрашивать* действительность. Мне это было бы очень трудно, ибо наши газеты полны рассказов о прогулах, о недисциплинированности, о разгильдяйстве, о рвачестве; они пишут об этом для того, чтобы бороться с язвами, угрожающими уменьшением темпов нашего строительства. Но кто, побывав хотя бы только на ряде фабрик, не на парадных митингах, а во время будней, кто, поговорив с самыми отсталыми слоями рабочих, может отрицать тот факт, что на *каждой фабрике находится рабочее ядро, доходя· ее местами до 30 проц., ядро, которое считает поднятие производительности труда до высших пределов делом чести и бьется ежедневно за дисциплину труда, за повышение его производительности.* Трудно сказать, что эти *рабочие энтузиасты труда*, эти действительные пионеры социализма представляют собой уже большинство рабочего класса. Но их наличие, их пример убивают возможность противопоставления им морали рвачества. Она еще жива среди отсталых рабочих, среди большинства пришедших из деревни, где всякий привык в прошлом думать только о себе, но эта старая мораль уже чувствует перевес новой и не смеет ей открыто противостоять. Она может только исподтишка саботировать почин рыцарей новой социалистической морали, высший закон, который служит своему классу, служит строительству социализма.

Там, где рабочий класс строит новые громадные социалистические предприятия, там совместно с фундаментами достройки, совместно с ее лесами растут новые рабочие, растет их новая мораль. Прочтите статью тов. *Кольцова*, описавшего, как отнеслись рабочие массы к прорыву плотины на Днепрострое, как на зов гудков явилась вся рабочая масса еще до того, как райком партии смог принять решение, и стала на работу для спасения своего детища — Днепростроя — раньше, чем руководители могли сказать, что надо делать. Совместно с индустриализацией растет новый тип пролетариев, которые никогда не служили частному капиталу, которые являются на завод по зову общества, этот завод строящего. Интересы этого завода становятся их интересами. *Каутские*, которые представляют наше ударничество, охватившее миллионы, как показное явление, как результат принуждения, пусть посоветуют капиталистам завести ударные бригады и соцсоревнование. Ведь господин Каутский хочет спасти капитализм. Он из сил выбивается, чтобы достигнуть этой цели. Почему ему не начать бешеную агитацию за поднятие производительности труда на заводах для спасения капитализма? Капиталисты дадут ему на это десятки миллионов. Господин Каутский хорошо знает, что из этого ничего не выйдет. Европейский рабочий повышает свою производительность труда только под давлением конвейера, под давлением угрозы быть выброшенным с завода. Добровольно он сил для спасения капитализма напрягать не будет.

Именно потому, что идеологи капитализма и их приспешники видят это ежедневно, они не могут себе представить, чтобы обязательность труда на деле не вела к принудительности труда.

Они выхватывают те случаи, где у нас существует принудительный труд, дабы их обобщить и представить всю нашу систему труда, как систему принудительного труда. Мы никогда не скрывали, что мы применяем принуждение к представителям низвергнутого класса. Мы ликвидируем кулачество как класс на основе сплошной коллективизации крестьянских хозяйств. Это есть факт, которого мы никогда не скрывали, который считаем великим завоева-

нием нашей страны. Но мы совсем не ставим себе задачей физическое истребление эксплоататорских классов.

Придя к власти, мы оставили в живых старых царских министров, фабрикантов, тем более мы не можем желать физического истребления довольно широкого слоя кулаков. Что же, мы их должны держать в тюрьмах? Это есть та гуманность, которой добиваются представители европейской буржуазии. Даже если можно было бы запереть в тюрьмах миллионы людей, то социалистическое правительство не пошло бы на такие меры без абсолютной необходимости. Задача наша состоит не в физическом уничтожении кулаков и представителей эксплоататорских классов, а в том, чтобы заставить их в соответствующих условиях начать трудовую жизнь. Понятно, мы не можем, пока они не забудут мечты о восстановлении прежнего своего привилегированного положения, оставить им возможность свободного передвижения, оставить им возможность пойти на наши заводы, колхозы и взрывать нашу работу изнутри. Мы ставим их на отдаленные участки фронта, где им приходится зарабатывать на жизнь тяжелым трудом. Тов. *Бергавинов* в своей речи на съезде советов Северного края сказал уже, что там, на Севере, больше работающих добровольно бедняков и середняков, чем ссыльных кулаков. Английский инженер *Стюарт*, представитель больших английских фирм, специалист по лесозаготовкам, свидетельствует в «Manchester Guardian», что условия работы на наших лесозаготовках не хуже, чем в Канаде. Если капиталистическая печать из-за наличия на Севере незначительного процента ссыльных кулаков, получающих заработную плату на основе профессиональных тарифов и работающих совсем не на экспорт, пытается представить наш экспорт, как построенный на подневольном труде, то все это является чистым вымыслом, за который лесные спекулянты Финляндии, Швеции платят хорошие деньги господам из буржуазной прессы, труд которых наверное не подневолен, а доброволен.

Пролетариат не отказывается от принуждения даже по отношению к более отсталым частям своего собственного класса, которые чересчур медленно изживают навыки рвачества, оставленные им в наследство капитализмом. Товарищеские суды, приговоры общих рабочих собраний,

борьба общественного пролетарского мнения,— все это — средства принуждения, от которых мы ни на один момент не отказываемся. Мы были бы очень рады, если бы совместно с капитализмом в нашей стране сразу бы умерла капиталистическая мораль, капиталистическое отношение к труду. Но, к сожалению, массовые навыки, взгляды, они живучи и часто еще остаются, когда уже исчезли условия, которые их породили. Рабочий класс, строящий новое, лучшее общество не для себя, а для всей народной массы, для безграничного моря крестьянства, которое до этого времени знало только тяжелую каторжную жизнь, имеет право на это применение принуждения, ибо рабочий класс применяет это принуждение не в интересах меньшинства, а в интересах той массы большинства народа, авангардом которого является.

6. НАШИ ПЕРСПЕКТИВЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ КАПИТАЛИЗМА

Господа капиталисты, крича об опасности принудительного труда в СССР, о конкуренции, угрожающей европейским рабочим со стороны дешевого подневольного труда, оказываются в полнейшем противоречии со всей буржуазной наукой. Уже в XVIII столетии отец капиталистической экономики Адам *Смит* доказывал невыгодность рабского труда. Он доказывал, что этот труд — отсталый, исключающий применение современной техники, настолько неэкономный, что рабовладельческие общества кончают банкротством всегда, когда соприкасаются с наемным трудом и его конкуренцией. Все английские экономисты, занимающиеся историей рабства, как *Кейрнс*, *Ольмстед*, *Нибур*, *Ингрем*, доказывали это в своих книгах. Мы все учились на политической экономии Джона Стюарта *Милля* этому отношению к рабскому труду. И вдруг рабский труд применяется в СССР совместно с современными машинами. Какой же может быть результат? Если этот труд рабский, то он несовместим с применением современных машин, требующих ухода и любви со стороны рабочего класса, требующих большого уменья. На рабском труде не может вырасти никакая конкуренция капитализму.

Заправилы антисоветской кампании наверное дают себе отчет в том, что все их рассказы только вранье для отсталой рабочей массы. Они действительно боятся конкуренции советской промышленности, советского сельского хозяйства и уже видят перед собой свое экономическое банкротство в результате понижения себестоимости в СССР, благодаря победе новой техники, благодаря росту производительности труда у нас. Не подлежит никакому сомнению, что социалистическая организация труда даст большое понижение собестоимости продукции. Но все-таки из человеколюбия мы должны сказать господам капиталистам: не теряйте головы, господа! Социализм хочет есть, одеться, жить не в конурах, и он повышает производительность труда, организует плановое хозяйство не для того, чтобы в погоне за прибылью форсировать свой вывоз, заливать рынки дешевыми продуктами. Социализм настолько поднимет благосостояние масс, что он будет в состоянии вывозить только излишки для того, чтобы получить от капиталистического мира, если таковой еще будет существовать, то, чего он сам не производит. Вот, социализм любит, например, шоколад, а у нас какао не растет, и мы вам готовы будем продавать наш каучук, за производство которого мы беремся, чтобы получить от вас шоколад. В переходный период, когда мы особенно нуждаемся в машинах, мы принуждены форсировать свой вывоз. Но не вывоз является регулирующим началом нашего хозяйственного развития, а рост потребления масс. Рост потребностей масс будет так значителен, что развитие нашей индустриализации не только не уменьшит, а увеличит покупательную способность СССР. Если бы дело шло об усилении отношений между капиталистическим сектором мирового хозяйства и социалистическим сектором, то обе системы долго еще могли бы жить бок-о-бок, не бросаясь друг на друга.

Капиталистический мир не погибнет от нашей конкуренции. Он погибнет от раздирающих его противоречий, в первую очередь от противоречий между растущей техникой, растущими производственными возможностями и тем положением, к которому капитализм приговорил пролетариат. Промышленность стала теперь в капиталистическом мире обобществленной. Стальные, нефтяные, элек-

трические, химические тресты, мобилизующие целые армии рабочих, подчиняющие кучке миллиардеров миллионы людей, ухудшают условия жизни этих миллионов, становятся с каждым годом все более невыносимыми для сознания народных масс. В то время, когда положение этих масс будет ухудшаться с каждым годом, положение рабочего класса в СССР будет на основе социалистической организации труда с каждым годом улучшаться. Несмотря на бойкот капиталистического мира, мы добились того, что заработная плата в СССР значительно выше предвоенной заработной платы. Мы добились того, что в одном 1931 г. 800 тыс. молодых рабочих пройдут через фабрично-заводские школы, получат квалификацию, мы добились того, что десятки и десятки тысяч рабочих заполняют наши высшие технические учебные заведения и станут завтра инженерами от станка. Мы добились того, что беспрерывно повышаем средства, расходуемые на постройку человеческих жилищ, и тратим все больше средств на культурные потребности масс. Несмотря на большие затруднения, с которыми нам приходится воевать из-за финансовой блокады капиталистического мира, из-за борьбы, которую с помощью иностранных капиталистов ведут против нас представители низверженного в 1917 г. класса, доходя просто до попыток дезорганизации топливного хозяйства, до прямого предательства интересов страны,— на основе подъема нашего хозяйства намечается величайший подъем энергии рабочего класса, его культурный рост, который в продолжение нескольких лет изменит лицо всей страны. Мы взялись за коллективизацию,— дело неслыханно трудное, требующее от рабочего класса величайших усилий. Но коллективизация даст миллионы новых работников, впервые работающих с машиной, слушающих радио и жадно стремящихся к лучшей жизни. Мы не скроем, господа европейские капиталисты, что вам может стать очень туго от сравнения между положением пролетариата в СССР и положением пролетариата в капиталистических странах,— сравнения, которое неминуемо. Но дело зашло уже чересчур далеко, чтобы от такой возможности вы могли спастись военными авантюрами. Здесь, в СССР, перебывали тысячи иностранных рабочих делегаций. Они видели, как готовятся

армии труда для корчевания лесов, они видели, как двигались армии труда, чтобы в пустыне построить Турксиб. Они видели восторг масс, когда сотни тракторов выезжали в целинную степь, которая через год будет покрыта пшеницей. Они видели, как рабочие с подъемом строят Днепрострой, Магнитогорск, Челябинский тракторный, они видели, что пролетариат здесь, в Москве, сделал из Электрозавода. Если мировой капитализм попытается разрушить нашу работу войной,— все рассказы о рабском труде отлетят. И перед пролетариатом всего мира встанет голый факт: это — война капиталистических рабовладельцев против рождающегося социализма, который достраивает свой фундамент. Рабочий класс не потерпит этой войны. Он ее использует для того, чтобы подняться против капиталистического мира. А какой ответ дадут «советские рабы», об этом не приходится говорить. *Мы это в случае необходимости покажем так, что мысль о покорении советского освобожденного труда раз навсегда выбьем у вас из головы, если впрочем у вас останутся головы.*

Февраль 1931 г.

УДАРНИКИ

1. ФИРМА СССР — МАССОВОЕ ПРОИЗВОДСТВО ГЕРОЕВ

Огиз выпустил альбом «Ударники», о котором уже упоминали «Известия». За ним последовали альбом «Страна должна знать своих героев», монтаж «Ударники полей» и 2-3 дюжины открыток с фотографиями ударников и ударниц.

Я просматривал с большим вниманием эти сборники, всматривался в лица ударников, когда зашел ко мне знакомый советский писатель, «почти коммунист». Он взял из моих рук альбом, посмотрел его и отложил в сторону.

— Что это — массовое производство стандартных героев? — спросил он.

— Да, массовое производство героев,— ответил я.— Разве вы вчера родились, разве вы не были на гражданской войне? Разве вы не видели, как рождались массы героев? Разве мы могли бы победить без массы героев.

— Да, но это же была война, жертва кровью.

— Вот, вот, учились вы, милейший, видеть героизм только в войне и теперь платите последнюю дань Иловайскому. Коммунист должен уметь с оружием в руках брать власть и с оружием в руках защищать ее. Но ведь основная работа коммуниста не на войне, а в перестройке основ человеческого общества. Перестраивает его народная масса под руководством своего авангарда — партии. Дело неслыханно трудное, и в борьбе за это дело рождаются массовые герои. *Да, СССР есть фирма массового*

производства героев, но не стандартного. Посмотрите альбом, посмотрите эти карточки.

— Да,— вяло ответил собеседник.

— Лица разные. Не только лица, разные судьбы, разные пути, разные слои, из которых происходят герои станка и полей. Вы мало встречаетесь с рабочими, но если бы вы, писатели, считающие в глубине души вместе с Гете величайшей ценностью человечества личность, всмотрелись в коротенькие биографии ударников, которые печатает наша пресса, если бы вы прочли эти биографии с фотографиями ударников в руках, вы бы увидели всю сложность процесса, который рождает массу героев. Вы бы увидели, какое разнообразие личностей этот процесс выкристаллизовывает, и вы бы совсем по-иному посмотрели на вопрос о героях и массе, которым забавлялась русская интеллигенция в продолжение пятидесяти лет.

Но чорт побери русскую интеллигенцию и проблему «герой и масса»! Мы хотим себе уяснить, что такое ударники и откуда они идут.

2. СЕРИЙНОСТЬ ПРОИЗВОДСТВА УДАРНИКОВ

Ударник-подпольщик

Вот *ударник — старый подпольщик.* Только незначительное количество их получило отличие. Их фотографии как ударников мало распространяются. Это старое кадровое офицерство партии. Рабочие, интеллигенты, попавшие юношами в революционное движение, кормившие кровью своей вшей по этапам старой царской России, годы и десятилетия лелеявшие мысль о моменте, когда рабочий класс скинет власть царя и буржуазии, и дожившие до этого момента. В годы гражданской войны они командовали полками, дивизиями, армиями, руководили хлебозаготовками, организовывали рабочих и крестьян, а когда кончилась гражданская война, партия начала перебрасывать их на производство. Им приходилось очень туго. Те из них, кто даже и работал на заводе, знали только маленькую часть одного определенного производственного процесса, они никогда не хозяй-

ничали, никогда не руководили целым производством. Ведь капиталисты рекрутировали в прошлом своих управляющих заводами не из подпольщиков. Пришлось этим подпольщикам теперь учиться технике, учиться администрированию, овладевать сотнями вопросов, о которых они раньше понятия не имели. Каких трудов это все стоит! Об ударности такой работы мы думаем только тогда, когда кто-нибудь из старой гвардии умирает. Тогда в крематории или в Доме союзов старые друзья, встретившись у гроба товарища, качают головой и говорят, что все-таки так нельзя, что надо уменьшить нагрузку. И, выслушав последние звуки «Интернационала», быстро садятся в машину, спеша на заседание.

Весь этот кадр не числится в ударниках, ибо ему и так полагается быть ударным. Только недавно кто-то догадался выпустить плакат с фотографиями членов Центрального комитета под заглавием: «Ударная бригада пролетариата».

Люди 1917 года

Дальше идет *поколение, вступившее в великий бой в 1917 г.*, получившее крещение в Октябре и прошедшее через проверку гражданской войны. Это поколение дало большое количество ударников. Они не только директора заводов, среди них много рядовых рабочих. Дрался такой рабочий на гражданской войне, вернулся и пошел опять работать на завод. Парень не голосистый, не агитатор, любит работать у станка. Поэтому его как-то и затерли в период нэпа. Но за эти годы восстановления старого хозяйства он накопил много практических знаний. Кое-кто оброс немного корой, отодвинулся от первых рядов общественной жизни. Но когда загорелся великий бой за пятилетку, когда молоты начали вбивать в землю сваи социализма, строить его фундамент, рабочие этой категории снова загорелись и снова двинулись в бой, и теперь снова замелькали по газетам забытые имена славных бойцов гражданской войны. Сдружившиеся когда-то на фронтах и потерявшие связь в дальнейшем, снова ее налаживают теперь, через эту перекличку ударников.

За этим вторым слоем идет третий, исключительно интересный. Пока что из него вышло больше всего ударников, о которых пишут в газетах, фотографии которых мы видим. Обыкновенно эти ударники — старейшие *беспартийные рабочие* или вступившие в партию в 1927—1928 годах. Имеют они производственный стаж от 25 до 40 лет. Есть и постарше. Они перед революцией 1917 г. не принимали непосредственного участия в революционной борьбе, а позже, после гражданской войны, они стояли за советскую власть, но не шли на общественную работу. Теперь они на первых постах, теперь они — учителя целых заводов. Кто побывал в последние годы на наших заводах, помнит, как после доклада наши комсомольцы обыкновенно вытаскивают какого-то старика в очках, какого-то сутулого почтенного человека и рекомендуют его: «Вот наш Василий Иванович, старый хрен, лучший работник, столько-то и столько-то сделал предложений. Организовывал такие-то и такие-то бригады. Но мы его догоним, мы ему покажем». Старик обыкновенно произносит невнятные звуки и пытается исчезнуть. Его непременно выбирают в президиум, и он сидит за столом, внимательно слушая, вытянув вперед руки на столе. *Почему эти рабочие, играющие теперь такую громадную роль, не шли в первой шеренге в начале революции?* Это были рабочие, в которых даже капитализм не сумел вытравить природной любви человека к труду, которым ему приходится заниматься. Они были лучшие слесаря на заводе, лучшие текстильщики, они выдумывали всякие улучшения у себя на дому, в хозяйстве, всякие приспособления. Из них выходили мастера, и тогда они отбивались от рабочего класса. Они были почвой, на которой вырастали технические изобретения. Капитализм использовывал эти изобретения, но не воздавал ни славы, ни почестей изобретателям. Я знавал таких рабочих и в Германии. Они читали технические журналы, но не читали рабочих газет. О них и другие рабочие говорили: «Er bastelt,» т. е. он постоянно что-то делает, занимается пустяками. И вот для этих рабочих пришло теперь, под конец их жизни, великое время. Они теперь пони-

мают, что их знания, их опыт имеют громаднейшее значение для страны, и они горят на работе уже не для себя, не для премии, а для того, чтобы наладить великое дело. Только теперь они поверили в возможность социализма, в его великое значение, только теперь они увидели великий смысл работ тех, кого на заводе они часто считали горлопанами. И они пытаются не только добыть из своих старых мускулов прежнюю энергию, не только найти в мозгу техническое ухищрение, позволяющее преодолеть какой-нибудь прорыв, но они пытаются понять все то великое, что происходит вокруг. Они включаются в политическую армию пролетариата. Что касается уменья работать, они — стержень ударнического движения, они — наша гордость.

Рабочий и крестьянский молодняк

Но, понятно, наше будущее — не они. *Наше будущее*, это — *молодняк рабочих и крестьян*, которому революция широко распахнула двери, ведущие к знанию, и который теперь учится, чтобы строить и, строя, учиться.

Если всякая техническая книга становится немедленно дефицитным товаром, если в стране — 80 тыс. подписчиков на журнал «За рулем», если имеются сотни тысяч абонентов радиогазет, то все это расходуется именно на ту массу молодежи, которая пытается овладеть техникой, которая создает комсомольские бригады и действительно сделала из труда дело чести и доблести. Из этой молодежи выйдет великий кадр строителей, который достроит социализм. Отсюда хлынет великая река великих изобретений, эта молодежь завершит ту техническую революцию, которая началась в недрах капиталистического общества, но которую завершить будем в состоянии только мы. Этой молодежи победа дается не легко. Ей недостает общей культуры, умственной тренировки, облегчающей техническую учебу. Ей трудно справляться с математикой, но она справляется. Нет более насыщенных аудиторий, чем аудитории наших технических вузов, вечерних школ, где нельзя иначе говорить, как языком восемнадцатого года, языком атаки, языком великих дерзновений. Это не вихрастые интеллигентские комсомольцы 1918—1919 гг., говорящие о революции и потрясающие

шевелюрой. Это — люди, не умеющие хорошо говорить, но цепкие, энергичные, конкретные люди, которые не могут допустить, чтобы мы не могли справиться с какой-нибудь задачей.

Мне пришлось видеть их старшее поколение, т. е. самых *молодых наших инженеров* на ответственнейшем заводе, где сняли 40 вредителей-инженеров. Завод остался с этим молодняком. Эта молодежь полностью давала себе отчет в отсутствии опыта, в недостаточности знаний, в громадной ответственности, которая легла на нее. Она не только работала с величайшим усердием над преодолением затруднений, но по ночам она по очереди выходила на комсомольские дежурства только затем, чтобы еще пристальнее присмотреться хозяйским глазом, только затем, чтобы в случае какой-либо аварии не делать себе упрека: «Проглядели!» *Этот молодняк теперь у нас задает тон на заводах.*

Этот же молодняк возникает теперь в *деревне.* Он в деревню идет из Красной армии. В городе он видел чудеса новой техники, в Красной армии учился дисциплине и грамоте. Ему в деревне идет навстречу молодняк, только-что кончивший школу. Этот молодняк снует вокруг тракторов, пытается изучить все тайны машины. Это он не только заменяет городских трактористов, но проводит индустриализацию деревни, дает ей настоящих новых организаторов.

Эта молодежь, вступившая в жизнь 5-6 лет назад, донесет знамя до окончательной победы.

Посмотрим на фотографии ударников, на эти лица. Открытый лоб, глаза смотрят то с глубокой верой, решительностью, то с насмешкой. Это действительные завоеватели мира.

Нацмены

Среди этой молодежи особую струю представляют собою *ударники из нацменьшинств.*

Я не буду говорить о евреях-ударниках. Это те же самые юноши, которых я видел еще несколько лет назад в белорусских городках, покупающих за последние копейки центральные газеты и с тоской мечтающих о растущей где-то советской промышленности, ибо они

были без работы. Кооперация убила торговлю, около которой ютились их родители. Ремесло страдало от недостатка сырья. Промышленность не могла их впитать, и они мечтали о почетном звании металлиста, как раньше дворянский юноша мечтал о том, что он станет рыцарем. Скорый темп индустриализации поставил их на ноги. Они сложили свои бедные пожитки и пошли на заводы, на шахты. Нет такого тяжелого труда, за который бы они не брались с рвением. Им пришлось страдать от антисемитизма новых, пришедших из деревни рабочих, им пришлось доказывать свое право на звание пролетария. И они его доказали. Но если им приходилось бороться со своей физической слабостью, то они внесли в промышленность интеллигентность городского человека, культурные навыки старого ремесленного труда.

Значительно труднее было рабочим из отсталых, мало развитых наций — рабочим *татарам*, *тюркам*, *чувашам*. Но и эти рабочие выделили тысячи героических ударников, дерущихся с величайшей выдержкой, я бы сказал, ожесточением, за победу социализма. Чем больше культурное отставание их нации, тем больше напряжения вкладывали они в работу для того, чтобы показать, что они могут быть первыми. Национальное соревнование, которое когда-то приводило к национальной вражде, к погромам, побоищам, стало источником великого трудового подъема, в огне которого рождаются целые отряды пролетариев среди национальностей, которые никогда не знали пролетариата.

Ту роль, которую играет национальный вопрос, как источник добавочной струи революционного производственного подъема, играет и *женский вопрос*.

Работницы

Революция дала работницам равенство, но она могла дать только юридическое равенство. На деле работница еще не равна, на ней лежит груз домашних забот, на ней лежит еще та тяжесть, что старший слой рабочих не считает женщину равной. Это подзадоривает молодую работницу, толкает ее в ряды ударников.

На-днях мне пришлось быть свидетелем следующей сцены: директор завода позвонил, чтобы за мной пришел

кто-нибудь из мастеров, который показал бы мне производство. Пришла молодая девушка 26—28 лет. Посмотрела на меня и на моих спутников сверху вниз и с презрением спросила: «Это вы будете экскурсия?» Директор завода ее не знал, она была недавно на заводе.

— А ты сумеешь объяснить процесс производства? — спросил он.

Огонек заблестел в ее глазах.

— Отчего же. Я мастер.

Мы пошли в цех, и я ее спросил, кто она такая. Оказалось, работница Зиновьевской бумажной фабрики в Ленинграде. За ударную работу ее выдвинули в техникум. Она его кончила и работает теперь мастером в химическом цехе бумажной фабрики в Балахне.

Это молодое поколение работниц-ударниц завоюет равенство работнице, равенство, которое она заслужила всей своей жизнью, ибо и работницы, которых теперь много в рядах ударниц, могут сказать: «Вся наша жизнь была геройством». Посмотрите на фотографию *работницы завода им. Лепсе — С. Я. Гришкевич*. Это наиболее волнующая из всех фотографий фабричных ударников, которых мне пришлось видеть. Лицо ее, как рука старой прачки, вываренная сотни раз в соде и мыле, рука, на которой видна каждая жилка и вена в отдельности. Это лицо, которое видело тысячи бессонных ночей, когда работница после тяжелого труда должна была штопать детскую одежду; глаза, опущенные на работу, наверное много раз смотрели с тяжелым раздумьем о том, что завтра дать есть семье. Геройство работниц было всегда ожесточенным, ибо они помогали рабочему классу выносить бремя нужды и нищеты. Но работница была заперта в душной кухне, ее жизнь протекала среди детского крика и гама. Она стояла у дверей кабака в ожидании мужа, заливавшего отчаянье горькой. Теперь она нашла цель, осознала значение службы обществу, и поэтому у многих этих ударниц лица стали такими ясными.

Ударники — старые специалисты

Дальше идут ударники и из самой скупой среды: из среды *старых специалистов*. Мы перед всем рабочим классом ставили к позорному столбу вредителей. Мы

обязаны сообщить рабочему классу о всяком проявлении трудового геройства, энергии, настойчивости тех инженерских кадров, которые шли с нами нога в ногу или теперь к нам повернули. Им очень нелегко, хотя рабочий класс чутьем отличает преданных себе людей и окружает их уважением и любовью. Ведь известен факт самоубийства крупного преданного нам инженера, которому оказывали полное доверие, но который не вынес мысли, что ему могут не доверять. Нечего скрывать таких фактов. Этот инженер пал, как жертва революции, жертва, которая должна обратить внимание и заставить окружить любовью тех представителей старой технической интеллигенции, которые пошли беззаветно на службу рабочему классу. Они помогают нам сэкономить сотни миллионов. Они помогают нам из молодых специалистов-ударников,— а таких есть тысячи,— создать будущие руководящие кадры промышленности.

Иностранные техники

Наконец, нельзя не вспомнить *иностранцев-техников*, которые начинают включаться в эту нашу бешеную работу. Не только вспомнить их надо, но надо на них обратить величайшее внимание.

К нам приходят на работу из-за границы инженеры, ищущие порядочного жалованья, приходят инженеры-творцы, которые ищут возможности технического размаха, и приходят, наконец, инженеры, которые ищут отечества, которые разуверились в старых идеалах буржуазного мира и спрашивают себя, не возникает ли у нас лучший мир. Из среды инженеров-патриотов техники и инженеров, ищущих новой идеологии, рекрутируются иностранцы инженеры-ударники. Если мы поймем, что и в этой массе можно найти строителей социализма, если мы поможем этой массе ориентироваться в обстановке великих вопросов, которые решает мир, то здесь будет бить родник технической инициативы и энергии.

Иностранные рабочие

Я не говорю об *иностранных рабочих*. Не все они ударники. Многие тоже приходят только из-за куска

хлеба. Это наиболее требовательная часть иностранных рабочих. Ее надо будет или переделать, или отбросить. Но есть уже сотни, которые со всей энергией делают с нами наше дело. О них я собираюсь писать особо.

Герой и масса или масса героев

Капитализм построен на частной собственности. Поэтому он построен на индивидуализме, поэтому он родил культ крупной личности, поэтому он создал философию истории, вещающую, что историю делает крупная личность.

Народничество, которое было буржуазно-демократическим течением, было в конечном счете буржуазным течением. И поэтому оно должно было упереться в субъективность, нашедшую свое последнее выражение в терроре, в культе героя, мстящего за народ.

Марксизм в течение всей своей истории дрался против этой идеологии, противопоставляя ей взгляд на общее развитие, как на результат борьбы классовых сил, порожденных развитием производства. Народники делали из этого вывод, что мы отрицаем значение личности.

И мой друг,— писатель-попутчик, который немного пренебрежительно говорил о массовом стандартном производстве героев, наверное подумал: «Вот понадобились-то вам наконец герои, так что массами начали вы их фабриковать». Но кто так думает, показывает, что ничего не понял в марксизме. Ни для Маркса, ни для Ленина масса не состояла из суммы равных людей. И для них история не была борьбой нерасчлененной безыменной массы. В массе есть отсталые слои, есть передовики. В массе играет громадную роль середняк, идущий за передовиком. Если бы не так обстояло дело, то зачем бы мы создавали партию, организацию передовых рабочих, которые проложили путь рабочему классу и крестьянству к победе?

И пока будет существовать человечество, оно будет выделять передовой отряд, бьющийся на первых постах за решение тех вопросов, которые поставила перед человечеством история. Были и есть герои, но героизм их — выражение стремлений массы, героизм их может

привести к победе только тогда, когда становится массовым, когда поднимает массу до своего уровня.

28 лет назад Роза Люксембург писала: «Историческая задача вождей — сделать себя ненужными». Но они могут сделаться ненужными только для одной какой-либо исторической задачи. Когда история выдвинет новые задачи, нужны отряды новых передовиков. И мера глубины революции — какие широкие массы передовиков она умеет выдвигать. Великое доказательство социалистического характера нашей революции — это тот факт, что она создает *целые пласты героев, что она создает целые массы героев, что она рождает массовый энтузиазм.*

И все эти презренные Каутские, Гильфердинги, которые считают, что ударное движение создано насилием, они этим своим суждением говорят только, что не могут представить себе социалистической революции. Наша революция социалистическая, потому то она породила ударников. Наше стремление породило ударников как массовое явление,— теперь наше стремление поднять все рабочие массы до уровня ударников, сделать вопрос труда доблестью и честью всякого рабочего.

Завершением этого процесса будет создание социалистического общества. Для того, чтобы ускорить эту окончательную победу социализма, мы должны окружить ударничество любовью, славой, мы должны ознакомить страну с жизнью ударников, мы должны добиться того, чтобы в глазах каждого рабочего и крестьянина название ударника было самым почетным. Мы только приступаем к решению этой задачи. Только началось издание брошюрок с автобиографиями ударников, их еще не читали широчайшие массы, хотя для будущего историка социализма не будет более интересного материала, чем эти биографии действительных строителей социализма.

Наши газеты подходят к этому делу еще небрежно, не умеют еще показать ударников во всем их разнообразии, во всей их индивидуальной красоте. Наша литература не создала еще незабываемые фигуры ударников.

Но это все надо сделать, и гизовские альбомы заслуживают самого большого внимания, самого внимательного подхода и анализа.

Июль 1931 г.

ЖЕНЩИНА И СОЦИАЛИЗМ

Какие вопросы наиболее занимали великих мыслителей социализма, когда они пытались нарисовать лицо будущего социалистического общества? Это были четыре вопроса. Во-первых — вопрос о предоставлении всем членам общества возможности интеллектуального развития, т. е. об исчезновении *противоречий между физическим и умственным трудом*. Глубоко занимал затем мыслителей социализма вопрос об исчезновении противоречий между *городом и деревней*, т. е. вопрос о том, что социализм должен создать условия развития не только для работников промышленности, но и для тружеников деревни. С глубочайшим вниманием они относились также к вопросу *о воспитании детей*. Наконец всех их волновал вопрос *о равноправии женщин*. Достаточно указать, какую роль этот вопрос играет у *Фурье, у сенсимонистов*. *Маркс* в своих сочинениях постоянно возвращается к этому вопросу. Наилучшим пропагандистским произведением послемарксовского западно-европейского социализма является книга *Бебеля*, посвященная положению женщины в капиталистическом обществе и освобождению ее социализмом. *Ленин* возвращался к этому вопросу постоянно. Тов. *Сталин* ставит его в своей речи на съезде колхозников. Это отношение к женскому вопросу не представляет ничего странного. Ведь это — вопрос *о судьбах половины человечества*.

Как обстоит с этим вопросом в Советском союзе? Мы, строя в тяжелой борьбе социализм, добиваясь ежедневно изменений в структуре общества, в жизни этого общества легче замечаем изменения экономические, выражающие

ся в фабриках-гигантах, в новопостроенных железных дорогах, в жилстройтельстве, чем изменения, происходящие во взаимных отношениях людей, в их быту. О том, как изменились наши экономические отношения, благодаря проведению пятилетки в городе и в деревне, у нас написаны сотни брошюр и книг, но о гигантских завоеваниях нашей культуры нет ни одной сводной работы. О том, как изменилась жизнь детей, никто не рассказал еще, никто не подобрал тысячей фактов, чтобы свести их в одну картину. *Об изменениях в положении женщины в Советском союзе нет ни одной советской работы, которая подытожила бы весь громадный материал.* Отсутствие этих работ является большим политическим пробелом. Не подводя итогов достигнутого, мы во многих областях не знаем, *как глубоко вспахал плуг социалистической революции советскую землю, как далеко подвинулась вперед социалистическая революция.* Когда мы говорим, что мы построили фундамент социализма, ибо мы разбили и в значительной мере уничтожили бывшие эксплоататорские классы, ибо мы создали крупную социалистическую промышленность, которая может взять в свой фарватер развитие сельского хозяйства, то это может быть так истолковано, что изменились только экономические отношения и классовая структура советского общества, но как далеко на этой основе пошел процесс строительства социализма во всех других областях?

Мы взяли с величайшим интересом в руки появившуюся несколько месяцев назад увесистую книгу австрийского автора. *Фанины Галле, посвященную положению женщины в Советском союзе.* Прочитав 560 страниц, на которых автор повествует о судьбах работницы и крестьянки в Советском союзе, читатель откладывает книгу с *большой благодарностью автору.* Во-первых, эта книга *является великолепным ответом на клевету буржуазной и социал-демократической печати,* представляющей народные массы Советского союза как невольных исполнителей «планов советского правительства», пытающегося создать насильно «какой-то новый строй» в отсталой и дикой стране. Автор книги, не коммунистка, ознакомилась с положением Советского союза не только по литературе. *Она больше года наблюдала жизнь в разных частях Советского*

Союза, соприкасалась с самыми различными слоями советского общества, наблюдала его жизнь на фабриках, в колхозе, больнице, в детском саду и дает простую, но живую картину этих громадных масс, поднятых революцией к сознательной жизни, борющихся, думающих, ищущих ответа на свои вопросы, строящих по-новому отношения между людьми. Книга Галле, благодаря своему описательному характеру, благодаря тому, что она не является наброском туриста, наблюдающего чужую страну из окон вагона, имеет для западно-европейского читателя, который хочет узнать правду о Советском союзе, громадное значение. *Но советский читатель прочтет ее с неменьшим удовлетворением и с неменьшей пользой.* Многое, что проходит мимо нашего сознания, потому что глаз не замечает изменений, происходящих изо дня в день, многое, чего мы не подытожили, так живо встает перед нашим сознанием, когда читаешь книгу Галле. Именно потому, что Галле приехала к нам из капиталистической Европы, приехала полная больных вопросов, которые возбуждает в мыслящей женщине-социалистке положение женщины в капиталистическом мире, она заметила то *громадное новое, что творится в нашей стране. «В первый раз в истории человечества сделана попытка создать для обоих полов равные права в строительстве жизни»*,— вот вывод автора из всего того, что она видела, прочла и продумала в Советском союзе. А этим сказано, что в нашей стране строится в гигантской борьбе социализм, ибо без социализма нет равенства полов. Вся книга Галле служит обоснованием для этого вывода.

Галле исходит из картины положения женщины в полукрепостной и полукапиталистической России. Не только работница, не только крестьянка была в старой России рабыней мужчины, не имеющей право получить без согласия мужа паспорт, но такой же рабыней — хотя одетой в кружева — была женщина господствующих классов, женщина, происходящая из мелкой буржуазии. Ничего удивительного, что с самого начала освободительного движения в России женщина принимает в нем выдающееся участие, выдвигая из своих рядов сотни героических фигур, которые навсегда вошли в пантеон истории

революционного движения. Но дело шло не только о юридическом и материальном неравенстве. Дело шло о том, что, не играя самостоятельной роли в жизни, женщина «высших слоев» была принуждена быть половой игрушкой мужчины. Женщины из народных масс, работница, крестьянка, вели тяжелую трудовую жизнь. Но женский труд был специфичен. Даже работая в качестве работницы на заводе или крестьянкой в поле, женщина была одновременно домашним вьючным животным. И это домашнее животное одновременно находилось в положении полного полового подчинения. Материальное и юридическое неравенство, забитость завершались этим полным половым подчинением. Именно потому, что женщина — работница и крестьянка — была экономически и юридически не равноправна, она даже не могла попытаться освободиться от положения рабыни в половой области.

Что изменилось благодаря пролетарской революции?

Она прежде всего создала *действительное равенство в юридическом положении*. Наше законодательство о браке и о разводе, наше законодательство об ответственности отца за ребенка, к которому мы уже так привыкли, является для женщины, приехавшей из капиталистического мира, каким-то недостижимым идеалом. Простой факт, что у нас исчезло понятие *незаконного ребенка*, что мы научили все советское общество относиться с глубочайшим уважением к матери, рождающей ребенка, как к члену общества, выполняющему важнейшую общественную функцию, простой факт, что мы окружаем беременную женщину вниманием, имеет величайшее значение. В продолжение 15 лет существования Страны Советов, мы строим учреждения, посредством которых общество берет на себя значительную долю забот о ребенке и таким образом снимает с женщины ношу, которая подавляла ее физически и морально. Мы знаем, что всех этих учреждений еще недостаточно. Мы знаем, как далеко еще недостаточно количество яслей, детских площадок, столовых, прачечных, как неудовлетворительно еще качество их работы. Но когда читаешь описание всех этих учреждений в книге Галле, все-таки чувствуешь *гордость за нашу страну, гордость за советский пролетариат и его*

достижения. Галле признает, что ничего подобного капиталистический мир не знает. А ведь дела двинулись вперед громадными шагами как раз за последние два года, не отображенные уже автором. Чего стоит один факт перенесения строительства яслей, детских садов и т. д. в колхозную деревню, означающий начало освобождения крестьянки от тяжести одновременной работы в поле и наблюдения за детьми.

Но самый решающий сдвиг вперед представляет собой втягивание *новых миллионных масс женщин в промышленность и в колхозы*. Этот факт означает переход от помощи женщине, от освобождения ее от тяжелой ноши, которую взвалило ей на спину капиталистическое общество, *к увеличению ее творческой роли в экономической жизни страны, к созданию базы для женской самостоятельности*. В крестьянском хозяйстве крестьянка играла в известном смысле самостоятельную роль, держа в руках домашнее хозяйство, уход за птицей и за коровой. Работница самостоятельно ведала расходованием грошей, заработанных мужем, но эта самостоятельность ничего не давала ей, кроме муки, она могла развивать в женщине только терпение, выносливость к нужде, но не могла развивать всех тех способностей, которые заложены природой в человеке. Сегодня колхозница имеет поприще, на котором она может развить все свои способности, весь свой организационный талант. Перед ней стоят, как и перед колхозником, *все вопросы* развития колхоза, и поэтому эти несколько лет колхозного движения уже выдвинули массу творчески одаренных женщин в деревне. В промышленности работница перешла от подсобных функций к обслуживанию всех машин, к работе во всех отраслях. Так же, как всякий другой рабочий, она в зависимости от своих способностей двигается вперед по производственной лестнице. И годы пятилетки, годы ударнического движения показали, что работницы не остаются позади рабочего ни в смысле общественных интересов, ни в смысле технических способностей. Наши втузы полны молодых женщин, бьющихся за овладение наукой, и всякому, кому пришлось проходить через залы втузов, через общежития наших школ, бросается прямо в глаза, какой громадный пласт новой творческой силы

мы подняли, решительно проводя привлечение женщины к работе на заводе и к учебе.

Этим создана основа для решения вопроса, который так мучит не только женщин на Западе: сексуального вопроса. Именно потому, что Галле приехала к нам с Запада, она посвящает этому вопросу почти половину своей книги. Там, на Западе, этот вопрос стоит очень остро перед интеллигенцией. Устои старой семейной жизни рухнули и на Западе. Это видно из буржуазной литературы. Достаточно взять в руки такую книгу, как роман Уэллса «*Дело господина Клисворда*», чтобы буквально почувствовать, что даже в ханжеской Англии рушится буржуазная семья. Но капиталистический мир, стоящий перед тем фактом, что миллионы женщин хлынули в трудовую жизнь, что они, зарабатывая сами на хлеб, не хотят больше быть рабынями, не может найти решения сексуального вопроса, ибо *свободным надо быть не только от чего-либо, но и для чего-либо.* Женщина, не хотящая больше дать приковать себя к кухне и спальне, ищущая свободной жизни, должна *чем-то эту жизнь заполнить*, найти для нее какое-то содержание. Работа за пишущей машинкой, в магазине или у станка не может заполнить жизнь, она есть только средство пропитания. Нашумевшая книга американского судьи *Линзея о товарищеской семье* показывает, как вопрос о свободных отношениях двоих людей в капиталистических странах для буржуазных кругов повисает в воздухе, в пустоте. Попытаться строить отношения мужчины и женщины не только на половой жизни — значит строить их на чем-то другом. *Товарищество, дружба, это пустые слова, если речь не идет о борьбе за какие-то крупные общественные цели, которые могут связать людей глубокими узами* и позволить им перейти менее болезненно через зону ослабления сексуальных отношений. Этот вопрос находит у нас решение в *совместной борьбе мужчины и женщины за постройку новой жизни.* Совместная борьба не устранит, понятно, того факта, что мужчина и женщина будут расходиться. Но эта совместная борьба, близость, которую она рождает, взаимное уважение, помощь, которую оказывают друг другу люди в этой борьбе, создают затруднения для легкомысленного бросания от одного человека к другому

под влиянием эротической волны. Она создает почву для искренних отношений, которые позволяют обеим сторонам видеть в сексуальной области не самое главное в человеческих отношениях. Наконец, становясь участником великой борьбы за освобождение человека, женщина перестает быть сухим листом, оторвавшимся от дерева, если ей не посчастливится в личной жизни. Галле не совсем четко понимает, что *именно увеличение общественной роли женщины в СССР, увеличение ее роли в производстве является одной из причин, почему у нас притупился за последние годы интерес к сексуальному вопросу.*

Нормы отношений полов еще жизнью не выработаны. Кроме того принципа, что половые отношения человека к человеку не должны приносить социального вреда одному из партнеров или обществу, жизнь не выработала еще никаких устойчивых правил, признанных молодым социалистическим обществом. Завоюют ли себе первенство моногамные отношения; какова будет амплитуда перемен в сексуальной жизни человека,— все это еще дело будущего. Но кое-что уже в значительной мере решено и не подлежит сомнению. Это, во-первых, тот факт, что социалистическое общество научилось смотреть одинаковыми глазами на сексуальную жизнь женщины и мужчины. Во-вторых, то, что оно защищает в сексуальных отношениях женщину, как более слабую сторону, в-третьих, то, что оно видит в защите ребенка от последствий перемен в отношении двоих людей главную задачу, и, в-четвертых, то, что сексуальные отношения перестали играть роль какого-то элемента постоянного раздражения, постоянно вызывающего конфликты.

А это завоевание социалистической революции имеет громадное значение. Социалистическая революция, освобождая женщину от роли рабыни, прикованной к кухне и детской, выводя ее на широкую арену социальной жизни, *охраняет ее от растраты сил и энергии на гипертрофию сексуальности.* Это означает, что освобожденные силы половины человечества не будут разбросаны и растрачены, что они будут направлены к одной общей цели. Все это — еще в движении, но уже достигнуты условия, позволяющие, чтобы за дело освобождения человечества, за дело постройки социализма взялась *не половина обще-*

ства, а все общество. Когда продумываешь эти вопросы читая книгу Галле, тогда становится ясным, как далеко продвинулся уже вперед процесс постройки социализма в СССР. Мы не только освободили значительные массы женщин от всего этого хлама, от всей этой грязи и неравенства, которыми капитализм придавлял их, но уже миллионы, десятки миллионов женщин принимают участие в постройке социализма, который осуществит мечту лучших основателей социализма, мечту о строе, который сравнит женщину и мужчину.

Март 1933 г.

ДЕТСКОЕ ОБЩЕСТВО

«День школы» имеет задачей повернуть все общественное мнение Союза к школе, как к мощному рычагу социалистического строительства. Это требует не только того, чтобы широчайшие круги рабочих и колхозников поняли значение всеобщего обучения, значение политехнизма, но чтобы они поняли *все своеобразие* советской школы, советских методов воспитания. Без учета *социалистического характера* воспитания, т. е. того нового, что создала революция в области школы, советская общественность не может принести посильную помощь школе. Наша педагогическая литература гораздо богаче, чем представляют себе коммунисты не педагоги. Она находится еще в большом процессе брожения, она вырабатывает детально свои методы, но всякий, кто с ней знакомится, чувствует, что марксисты-педагоги подготовляют мощную идейную базу для тех громаднейших побед, которые мы начинаем одерживать на фронте школы. Когда в ближайшие годы мы сумеем после проведения пятилетки бросить на школьное строительство милионы тонн чугуна, соответствующее количество кирпича, леса, мы сумеем подвести более крепкий производственный базис под воспитание, чем мы это делаем теперь. Для этой базы надо подготовить массовую надстройку общественного сознания. Но широкие круги рабочих и колхозников, к сожалению, не имеют доступа к серьезной педагогической книге, а наша популярная педагогическая литература очень бедна, хорошего, массового педагогического журнала нет. Мы, родители-коммунисты, к сожалению не понимаем всего грандиозного

значения тех процессов, которые происходят в детском мире.

Обыкновенно надо испытать личные затруднения с воспитанием собственного ребенка, чтобы начать более внимательно присматриваться к тому, что делается в советской школе, что делается в мире детей. Пишущий эти слова не лучше других родителей-коммунистов, но так как мне пришлось, благодаря вышеуказанным причинам, хоть немного присмотреться к тому, что происходит между школой, домом, заводом и детским миром, немного поговорить со сведущими товарищами, почитать новую педагогическую литературу, то пусть мне будет позволено поделиться с советской общественностью тем, что я понял в процессах, происходящих на этом большом поле сражения коммунизма с остатками капитализма.

Раньше все было очень просто или казалось простым. Родители командовали, а дети должны были слушаться. Чем послушнее был ребенок, тем он считался лучше. Ребенок воспитывался в убеждении, *что он — ничто, а взрослые — все.* Его учили повиноваться учителям, которые представлялись в качестве высшего авторитета. Даже в тех случаях, когда ребенок принадлежал к угнетаемым классам или национальностям, родители его, относясь к учителю с недоверием, учили ребенка видеть в учителе пусть враждебную, но мощную силу, которой надо повиноваться. Авторитет учителей и родителей — вот что было основой воспитания, как его себе представляли взрослые.

Рычаг же воспитания был частный интерес — «будущее» ребенка. Правда, говорили об отечестве и всяких общих принципах, но *на деле ребенок чувствовал, что он учится для того, чтобы суметь заработать свой кусок хлеба или, если речь шла о детях имущих, приготовиться к высоким постам.*

Если из методов воспитания, которые применяет Дуров к своим зверюшкам, отбросить большую человеческую доброту Дурова, отказавшегося от применения грубого насилия по отношению к воспитываемым животным, если вспомнить, как Дуров за всякое удачное исполне-

ние приказа немедленно дает моржам рыбку, то мы имеем символ старого воспитания.

Ну, и вот первое, что надо понять, это — что *рухнул авторитет родителей и учителей*. Это не значит, что данный ребенок не любит своего отца или мать, если они к нему внимательны, или что он не может привязаться к хорошему учителю. Понятно, что подобное утверждение было бы смешным. Но ребенок слушается отца или мать, данного учителя, *если* они хороши и внимательны. Мне проходилось разговаривать об этом вопросе со значительным количеством детей. Они защищали общий тезис, что дети вообще не должны слушаться родителей. Отец Нины учит ее ругать других детей «жиденятами». Разве Нина должна слушаться своего отца? — спрашивают дети. Но ведь не все родители отсталые, есть родители-коммунисты, разве их не надо слушаться? — спрашивал я. Но отец Маруси — коммунист, а бьет ее маму и пьет. Девчонки рассказывают, что Марусе приходилось на него жаловаться не только в милицию, но и в районную контрольную комиссию (они знают все ходы и выходы, все учреждения, которые могут защитить их интересы!). Но ведь таких коммунистов, которые бьют жен, немного, они — исключение,— ответил я. Да, но у многих коммунистических детей отец уходит утром на работу, приходит поздно вечером, мать тоже очень занята, мало занимается ребятишками. Родители не знают, чем ребенок дышит, что его волнует, часто отвечают нетерпеливо, и ребята не видят в них высшего авторитета. При более внимательном отношении ребенок родителей-коммунистов, пытающихся по отношению к нему быть действительно коммунистами, относится к ним с доверием, но и это доверие к ним не делает его безразличным. Он не чувствует в родителях последнего верного прибежища. Дети знают, что теперь очень много случаев развода родителей, и *семья в их глазах перестала быть твердой базой их будущего.*

А учителя? Самые маленькие ребята знают, что высший авторитет в стране — коммунистическая партия. Мерило общественной стоимости человека для них в том,

партиец он или нет, как он исполняет свои партийные обязанности. Они знают, что господствующий класс, это — рабочий класс, и не могут не знать всего этого, ибо дело идет не об абстрактных суждениях и оценках, а об общей структуре общества, которая выражается ежедневно в десятках фактов, действующих на ребенка.

Громадное большинство учителей — беспартийные, а про более старых учителей дети знают, что они учили и при царе. Многие учителя и сегодня, даже при лучшем желании, не могут скрыть от детей, что они не целиком включились в строительство социализма. «Они все говорят: революция, революция, а почему они не партийные?» — говорили мне дети. Я отвечал им, что мы не можем отказаться от старых учителей, что мы их перевоспитываем. Говорил им, что партия — организация передовых рабочих, не всех принимает, и не всякий учитель, который бы и хотел стать членом партии, может в нее попасть. «Значит партия его не считает передовым, так почему же его слова должны быть законом?» — говорят дети. На это нечего ответить ребенку. *Нельзя от ребят требовать безоговорочного послушания учителям, как нельзя требовать от рабочего безоговорочного доверия к инженерам.* То, что рабочий — взрослый, а ребенок — ребенок, ничуть не меняет положения. Ребенок тоже смотрит открытыми глазами и тоже своей маленькой головой продумывает то, что видит.

Требования, которые выдвигают некоторые учителя, чтобы дом, семья оказывали им полную поддержку, солидаризуясь с их решениями, невыполнимы. Есть прекрасные беспартийные учителя, заслуживающие полной поддержки. Но и есть учителя, которые принимают решения и часто совершают действия, которые нам, коммунистам, нельзя покрывать. Но даже если бы мы и попытались это сделать, дети все равно не слушались бы безоговорочно.

Так где же авторитет, без которого воспитание невозможно, и где же *главный рычаг* этого воспитания?

Мне пришлось за последние 3-4 месяца побывать в ряде наших школ, слышать оценку их из уст детей, присматриваться к положению в разных группах, и все это

убедило меня в одном — *только там, где существуют хорошие пионеротряды, где существуют крепкие детские ученические организации, только там налицо основной рычаг, основная база, которая позволяет воздействовать на детей.*

Мы всегда понимали значение пионеротряда как орудия политического влияния на детей, но всей серьезности значения пионеротрядов и пионерской работы даже мы, коммунисты, не понимаем, как это доказывает очень слабое обслуживание пионерского движения комсомолом, партией и всеми нами — коммунистами. Но я сразу добавляю — центр вопроса не в агитации пионеротрядов, хотя хорошее объяснение детям того, что происходит на их глазах, имеет колоссальное значение. Жизнь наша полна еще противоречий, и самому ребенку трудно справиться со многими вопросами. Есть даже родители-коммунисты, которые жалуются на перегрузку детских мозгов политикой. Но попробуйте изолировать ребят от таких событий, как процесс вредителей. Среди детей, которых я знаю, помилование вредителей вызвало целую бурю негодования. Как же это: предали страну, хотели обречь на голод рабочих и крестьян и не были расстреляны? Ребенок — не диалектик. Только жизнь учит диалектике. Он хочет простых указаний, ибо он хочет точно знать, что правильно, а что неправильно, а для суждения о решениях ВЦИК у него было только убеждение, что вредительство есть величайшее общественное преступление и что против вредительства общество должно защищаться. Ему трудно понять аргумент о колебании мелкобуржуазных слоев, из которых рекрутируется большинство спецов, аргумент о необходимости использования технического знания, оставленного прошлым, и десятки других практических аргументов, заставивших ВЦИК помиловать многих вредителей. Помощь пионеротряда, правильная его пропаганда здесь имеют неоценимое значение.

Ребенок сталкивается с еще более основными вопросами, на которые не может ответить, которые требуют помощи товарищей, способных показать ему всю сложность вопросов революции. Все ребята видят существующее еще при советской власти *неравенство*. И чем го-

рячее ребенок принимает основные идеи коммунизма, тем острее он ощущает это неравенство. А объяснить ему, что материальное неравенство не может исчезнуть, пока не исчезнут классы, что мы, победив буржуазию, еще окончательно не ликвидировали классы, объяснить ему неравенство, вытекающее из разделения труда на умственный и физический и т. д. и т. д.— все это требует хорошо руководимого пионеротряда, который ближе к комсомолу, ближе к партии, чем учительство.

Но как бы ни было огромно значение этого воспитания, не менее, а может и более важным является факт, что пионерорганизация является *детским коллективом*, в котором дети ведут между собой споры, обсуждают вопросы, *учатся подчиняться коллективу, вырабатывают дисциплину и действуют сообща*. Дисциплинирующее значение пионерского отряда — один из решающих моментов нового воспитания. Детская общественность судит тех, кто ломает ее законы. Если эта детская общественность хорошо организована, если в ней есть *твердое ядро убежденных пионеров*, то общественный приговор имеет неслыханное значение для ребенка. Учителя, которые думают, что ребенок боится палки или школьного наказания, а не будет бояться приговора своих товарищей,— слепые люди. Ребенок физического наказания теперь вообще не боится, ибо он знает, что советская власть не допускает физического наказания, что оно является преступлением, наказуемым советской властью. Наказание со стороны учителей морально не авторитетно, ибо ребята вообще считают, что старшим легко выносить им, маленьким, приговоры, никакой справедливости они в этом не видят. Но если приговор выносят собственные товарищи и если товарищи авторитетны, то сила этого приговора громадна. Где дети не считаются с приговором своих товарищей, не зная отряда, можно быть уверенным, что он не имеет авторитетного ядра, что ребятишки, так же мало дисциплинированные, как провинившийся, приговорили своего товарища, пользуясь тем, что попался он, а не они. Не видя морального веса того приговора, ребенок принимает его легко. Там же, где есть крепко сколоченное пионерское ядро, при-

говор его силен, там ребенка заставляют подчиняться, учат его понимать, что он не индивид, что он не «свободный» атом, делающий, что хочет, могущий итти на конфликт с обществом, а что он — *член общества*, обязанный ему подчиняться. Школа, в которой пионердвижение в загоне, это — школа, в которой разваливается дисциплина, понижается успеваемость, растет одичание детей, учащаются побои. Школа без пионерского отряда и ученических организаций, душой которых должны быть пионеры, есть *школа без стержня*. Кто этого не понял, кто ищет изжития школьных неурядиц путем перевода детей из одного коллектива в другой, путем наказания за «хулиганские» выходки, являющиеся в большинстве случаев результатом неиспользования энергии детей школой, за неуспеваемость, кто вообще переносит центр тяжести в деле улучшения школы на одного ребенка, а не на коллектив, тот не только не может добиться цели, к которой стремится, но на деле приносит вред, сбивая себя и других с единственного пути, ведущего к хорошей коммунистической школе.

Не только учителя, но и мы, коммунисты, недооцениваем в этом смысле значения пионерработы и самоуправления детей при помощи ученических организаций. Мне приходилось видеть не только чудовищное непонимание этого вопроса со стороны руководителей школ, на словах признающих значение пионеротрядов, но на деле борющихся с болезнями доверенной им школы путем морального остракизма, направленного против опредеденных детей, но мне приходилось слышать доклады по обследованию школ целым отрядом коммунистов, которые все обследовали, только не ученические организации и не работу пионеротрядов.

Тут нужен *крутой перелом*, тут нужна большая работа партии, в первую очередь над нами, коммунистами, а затем над остальным населением, ибо тут дело идет о стержне всей нашей воспитательной системы.

А теперь вопрос: что такое хороший *пионерский отряд?* Девочка-пионерка, ребенок интеллигентный, очень развитая, бегает без пионерского галстука.— Почему ты без пионерского галстука? Ведь ты пионерка?— Какие

мы пионеры?— Как это, какие?— А что мы *делаем?*— отвечает мне ребенок. Я был глубоко поражен. Отвечаю,— делаете то, что делают все пионеры.— В прошлом году,— отвечает мне ребенок,— мы собрали мешки для уборки хлеба, а в этом году всего написали письмо к немецким пионерам, ждем ответа и вырезаем из «Пионерской правды» статьи.

Я был ошеломлен: *ребенок дал важнейший критерий работы пионеротряда.* Ребенок не только хочет, чтобы ему объяснили события, не только хочет совместных игр, маршей, выступлений, *он хочет делать общественно-полезное дело.* И тут мы подходим к сердцевине всего вопроса о коммунистическом воспитании детей, и тут мы подходим *к величайшей революции,* проделанной коммунистической мыслью не только в теории педагогики. Тут мы подходим к величайшему коренному *росту социалистической общественности* снизу.

Вся наша общественная атмосфера насыщена идеологией труда. Пятилетка! Что она представляет собой? Великую программу труда, к выполнению которой зовут партия и правительство через все громкоговорители, прессу, радио, кино, театры, путем уличной агитации... Для выполнения этой программы партия и правительство пускают в ход тысячи рычагов. Все, что есть дельного, мужественного в советских народных массах,— все это имеет величайшую веру в труд, веру, ставшую тем, что отличает передового человека от отсталого. Ребенок ежедневно, ежечасно слышит о том, что мы с большим трудом создаем новое общество, слышит о том, что тот, кто трудится, тот, кто помогает провести пятилетку,— человек, а кто не помогает в этом великом деле, тот — враг и паразит. И разве удивительно, что ребенок начинает применять к себе эти критерии, что он откликается на великий зов страны? *Наше будущее зависит от того, насколько сильно откликнутся на пятилетку сердца десятков миллионов детей, ибо дело идет не о единовременном усилии,* которое кончится через несколько лет, когда мы проведем до конца первую и вторую пятилетки. Дело коммунизма, это — дело создания *радостно трудящегося общества.* Можем ли мы сказать ребенку: «Ты — маленький, ты ничего не можешь делать. Ты учись, соревнуйся в грамоте, чтобы в

будущем ты мог хорошо трудиться?» Нет, не можем мы этого ему сказать, ибо это означало бы оттолкнуть маленькую ручку и горячее детское сердце, тянущееся к *великой стройке новой жизни*. Это было бы глубокой неправдой, потому что он, маленький, может помочь делу пятилетки. Есть тысячи общественно-полезных дел, которые может сделать детский коллектив, немного окрепший, и организовать это дело — означает тысячекратно усилить рычаг воспитания, соревнования в учебе, соревнования в дисциплине.

Партия в программе своей, как стальным резцом, врезала в нашу мысль великое учение Оуэна и Маркса о значении труда в воспитании, о необходимости политехнического воспитания детей, подготовки их с детства к общественному труду, и именно этот вопрос ребенка: «*что мы делаем?*», показывает, что партия гениально учла рычаги воспитания детей при коммунизме.

Первый политехнический съезд, споры в рядах коммунистов-педагогов о политехнизации показывают нам все трудности проведения в жизнь великих требований нашей партии, программы великих заветов Ленина, который так глубоко понимал вопросы воспитания, хотя и не был педагогом-специалистом, потому что был великим коммунистом, глубоко верящим в победу коммунизма, и поэтому стремился глубоко продумать все рычаги коммунизма.

Политехнизация встречает затруднения, которые она будет преодолевать по мере роста нашей промышленности, роста совхозной и колхозной базы, по мере базирования воспитания на действительном труде. Но было бы преступлением считать, что до момента, когда мы сумеем создать действительные школы-фабрики и школы-совхозы, надо удовлетворяться тем, что есть. Опыт того, что я видел, говорит мне, что, улучшая производственную базу и методы политехнизации, надо учесть уже теперь самым тщательным образом следующее: *ребенок не должен просто учиться труду во имя того, что он будет в будущем что-то делать. Он должен уже теперь делать полезные вещи, ибо нет более сильного стимула* для его политехнической учебы, чем *общественно-полезный труд*, хотя бы в маленьком масштабе. Пусть школы, пусть пи-

онеротряды займутся этой организацией общественно-полезного труда; пусть ребенок видит, что и он создает новую жизнь, пусть он чувствует себя не просто на содержании общества, пусть он чувствует, что и он что-то создает, помогая этим обществу.

Тем новым в мире наших детей, что можно просто нащупать рукой, является рост общественного сознания, понимания, что человек живет не для себя, а для общества, которое его создало. В этом все отличие мира наших детей от детского мира капитализма. Общественный труд — рычаг воспитания детей. Детское общество, как молодое человеческое общество,— вот авторитет, помогающий преодолеть антиобщественные явления среди детей. Я не утверждаю, что весь детский мир СССР представляет собой уже сложившееся новое социалистическое общество, остатки капитализма живы в нашей экономике, живы еще в сознании взрослых, и они не могут не существовать в быту, в психологии детей. Но новое — это не просто ростки. Точно так же, как в советской экономике социалистический сектор начинает побеждать, точно так же, как мы основываем фундамент социализма, растет снизу социалистическое детское общество.

Только поняв это, мы сумеем взяться с величайшим энтузиазмом, с величайшей верой за школьное дело, за стройку социалистической школы. Эта школа даст нам новое социалистическое поколение, которое сумеет завершить дело Октября.

Июнь 1932 г.

ПИСЬМО СЭРУ ГЕНРИ ДЕТЕРДИНГУ

Я последние недели все думал о вас. Читал я книгу двух молодых друзей — советских рабочих, которые в продолжение четырех лет все свое свободное время от работы на заводе посвятили изучению нефти в мировой экономике и политике. Вы видите, что «советские рабы» после своего «принудительного» труда находят еще время заниматься такими вопросами, о которых у вас пишут только ученые, особо за это вами оплачиваемые. В этой книге[1] ваше имя вспоминается очень часто. Вот почему я вас и вспоминал.

Еще более назойливо вспоминалось мне ваше имя, когда я прочел в наших газетах радостную весть, что грозненские и бакинские рабочие достигли уровня выработки, которого они должны были достичь только в последние месяцы последнего года пятилетки. И вот я подумал: мы здесь радуемся по этому поводу, а вы там печалитесь. Так уж мир устроен: то что одному соловей, другому — сова,— говорит германская пословица. У вас и так много забот. На международной бирже поговаривают, что вы потому так беситесь, так брызгаетесь слюной против Советского союза, что у вас дела плохи. Например, вашу поездку в Румынию, переговоры о покупке румынских

[1] Эта книга т. т. Б. Б. Бронштейна и В. Г. Розенблюма «Проблемы нефти в мировом хозяйствеи вмировой политике» появится на-днях в Украинском государственном издательстве на украинском и в издании ОГИЗа на русском языках. Мы желаем ей широчайшего распространения как работе, показывающей и умственный рост нашего пролетарского молодняка.

нефтяных приисков в биржевых кругах объясняют как шаг, на основе которого вы получите новые кредиты, с которыми у вас стало туго. А тут еще сведения, что эти проклятые большевики не хотят лопнуть, а, наоборот, успешно выполняют пятилетку, вообще, и нефтяную, в особенности, с особым нажимом.

Вот я перелистываю ваши предсказания насчет краха советской власти. Передо мной их целая папка. 4 и 5 января 1926 г. вы писали: «Ваш конец очень близок. Не пройдет много месяцев, и Россия вернется к цивилизации под руководством лучшего правительства, чем царское. Будьте мужчинами и признайте, как это делал Ленин, что нельзя работать совместно с большевиками. Вы спасете миллионы человеческих жизней, и миллионы снова заживут человеческой жизнью. Все ваши статьи против меня не уменьшают ни на иоту моего убеждения, что большевизм в России найдет свой конец раньше, чем окончится год. Как только это случится, Россия получит от мира кредит и откроет свои границы всем, которые хотят работать. В Россию устремятся деньги и кредит и, что более важно, труд».

6 августа 1927 г. «Телеграф», близкая вам голландская газета, поместила интервью с вами, которое кончилось заявлением, что Россия не может дальше обойтись без кредитов, и ссылалось на изречение одного умного американца: «Они могут продержаться еще два года. Но если весь мир от них отвернется, то они не продержатся и трех месяцев».

С того времени прошло три года, и вы, как известно, снова высказали убеждение, что не пройдет нескольких месяцев и советская власть падет.

Одному из моих приятелей, любящему заниматься предсказаниями, я всегда советовал не предсказывать, что будет через пять лет, а предсказывать, что будет через сто лет. Если придерживаться этого правила, то можно смело слыть пророком, ибо никто из современников не в состоянии проверить предсказания на основе фактов. Если бы вы, например, предсказали, что диктатура пролетариата исчезнет через сто лет, то, во-первых, никто этого не мог бы проверить, а во-вторых, будущие историки, если они будут заниматься такими пустяками, как ваши пред-

сказания, будут думать, что вы были убеждены, что на смену диктатуре пролетариата, являющейся средством подавления буржуазии, придет полная победа коммунизма, бесклассовое общество, которое не будет нуждаться ни в какой диктатуре.

Но раз уже с вами случилась такая неприятность, что вы осрамились со своими предсказаниями, то будьте настолько умны и попытайтесь понять, почему вы провалились и почему советская власть жива и не только добилась восстановления нефтяной промышленности, оставленной ей в наследство царизмом и буржуазией, но в два с половиной года добилась темпов развертывания нефтяной промышленности, которые, по собственным расчетам советской власти, должны были явиться результатом пятилетней напряженной работы. Как старый пропагандист, привыкший объяснять исторические явления неразбирающимся в них, я готов вам в этом помочь, поскольку это возможно в короткой статье. Как только появится в печати книга моих молодых друзей, я непременно ее вам пошлю, ибо вы найдете в ней громадный материал, обосновывающий мое утверждение.

Пять причин привели к громадным победам советской власти в области производства нефти. Разберем их с вами поочереди. Первая причина, это — тот простой факт, что в одном Азербайджане перед войной существовало 200 нефтяных обществ, а теперь есть один только Азнефтьтрест. В меньших размерах то же самое наблюдается в Грозном и других местах нахождения нефти. Капитализм означал раздробление производительных сил, означал, что громадное количество мелких обществ бралось за дело с недостаточным капиталом и не было в состоянии справиться с задачами. Насчет капиталов и мы не очень богаты. Получив нищую страну из рук капиталистических хищников, бойкотируемые мировой буржуазией (не без вашего участия), мы все-таки сумели найти в стране средства, чтобы, объединив всю нефтяную промышленность, двинуть ее вперед. Мы сконцентрировали не только все силы нефтяной промышленности в нескольких организациях, но поддержали их всей экономической и политической силой всего советского пролетариата и трудящегося крестьянства.

Подумайте только, что это значит, когда для нужд нефтяной промышленности поставлен транспорт, поставлена вся администрация на нефтяных промыслах, поставлена вся пресса. Подумайте, что это значит, когда мощная коммунистическая партия ежедневно провозглашает на всю страну необходимость поднятия производительности труда в нефтяной промышленности. Вы знаете, что означает поддержка правительства, прессы в деле промышленности. Вам их приходится покупать. Но они не могут открыто работать на вас, а у нас не только бакинская и грозненская пресса живет пропагандой поднятия нефтяной промышленности (у вас пресса живет за счет нефтяной промышленности). И этого не приходится скрывать: рабочие не читали бы газет, которые не помогают им развивать свою нефтяную промышленность. Ведь достижение темпов пятилетки празднуется нефтяными рабочими Баку и Грозного как национальный праздник.

Вторая причина наших побед, это — тот факт, что на место хищнического эксплоатирования наиболее богатых источников нефти мы поставили плановое развитие производства. Вы и ваши коллеги — Нобели и Ротшильды — не хотели вкладывать деньги в разведывательное бурение, которое стоит миллионы, десятки миллионов, не давая в большинстве случаев результатов. Мы бедны, мы не можем еще отдавать на разведку недр такие суммы, которые расходует американская промышленность. Но все-таки мы планомерно развиваем разведывательные работы, мы разработали план их на много лет вперед. Вы великолепно понимаете, что это означает, и вы платили деньги Ларичевым и Стрижевым, чтобы они саботировали эти разведки. Мы раскусили ваши штучки, и разведывательная работа развивается не только в старых известных районах: мы забрались в горы Урала, в Среднюю Азию и даже беспокоим дно морское около Баку. И мы будем развивать по научному плану нашу нефтяную промышленность и таким образом добьемся ее беспрерывного роста.

В-третьих, именно потому, что мы устранили капиталистическую анархию, национализировали нефтяные промысла, не платим капиталистической прибыли, мы могли начать борьбу с отсталой техникой, которую получили

в наследство от вас. Мы вытеснили изнуряющее ударное бурение и заменили его вращательным, а теперь приступаем к введению турбинного, представляющего последнее слово техники. Мы взялись за максимальное использование нефти для производства самых дорогих продуктов, улетучивавшихся в значительной мере при вашем господстве.

В-четвертых, мы нашли величайший источник развития нефтяной промышленности, который вы никогда не сможете найти, сколько лабораторий вы бы ни имели в своем распоряжении и сколько тысяч ученых вы бы ни купили. Этот источник вы клеветнически называете «рабским трудом», а мы его называем социалистическим, сознательным трудом. Вспомните, сэр Генри, как выглядел Баку при власти буржуазии. В центре города роскошный дворец — клуб нефтяников, дачи ваших собратьев над морем, а в рабочих районах, там, где жили ваши «свободные рабочие», грязные лачуги, часто без окон и без печки. Я сам их видел в 20-м году, эти созданные вами «дворцы труда». В середине комнаты — очаг, из которого смрадный дым поднимался через отверстие в потолке. Темные массы тюркских, армянских, персидских рабочих, живущих, как собаки... И когда большевикам удавалось зажечь в них огонь борьбы за человеческие условия, то царские губернаторы, защищающие ваш кошелек, провоцировали кровавую национальную резню, используя для этого религиозные предрассудки. Вы немножко обожгли себе пальцы, ибо такая резня вызвала во время первой революции пожар, который уничтожил больше половины Баку.

Все это теперь принадлежит прошлому. Мы знали, что на действительном рабском труде нельзя построить социалистическую промышленность. И как мы ни были бедны, мы начали сносить построенные вами лачуги и строить светлые дома. Мы освободили рабочих от необходимости при их тяжелом труде часами пешком итти на промысла, создав современные средства сообщения. Мы подняли уровень жизни бакинских рабочих. Да, мы не создали им еще социалистического рая. Но они знают, что всякий шаг по пути поднятия нефтяной промышленности есть шаг по пути к улучшению их жизни. И это сознание сделало нефтяников-рабочих борцами за нефтяную

промышленность, в которой они раньше видели только вампира, высасывающего их кровь. Десятки тысяч нефтяников думают теперь, как бы поднять производительность труда, думают теперь, как бы улучшить тот винтик великой машины, который они вращают.

Вы говорите о рабском труде в СССР. Это ваше право, ибо вы с нами воюете, а на войне ложь является законным средством борьбы. И я не требую от вас, чтобы вы верили мне на слово. Но у вас есть великолепное средство проверки вопроса,— можно ли при помощи принуждения вызвать соревнование десятков и сотен тысяч (я говорю только о нефтяной промышленности) в деле поднятия производительности труда. У вас в Голландской Индии на нефтяных промыслах фактически, хотя и не юридически, применяется рабский труд. Ну что ж, сэр Генри, призовите ваших рабов вступить в капиталистическое соревнование. Увидите, что ничего из этого не выйдет. А вот у нас социалистическое соревнование вышло, потому что у нас рабочий не видит над собою капиталиста, потому что у нас рабочий работает на себя, на социализм, а не на эксплоататоров. Этот факт, который стал возможным только благодаря экспроприации капиталистов, на основе национализации промышленности, является основным элементом нашей победы..

Эта победа является уже фактом, ибо мы без иностранного капитала не только восстановили промышленность, взятую у вас, но далеко перешагнули за предвоенный уровень. В вашей статье, напечатанной в «Телеграфе» от 10 июня 1927 г., вы писали: «Важнее всего, это — полнейшее банкротство учений мечтателя Маркса. Очень часто удивленно спрашиваешь, как может так долго удержаться у власти это правительство, поддерживаемое только одним процентом русского населения и преступными элементами отсталого мира». Вот в чем ваша ошибка. Вы не поняли, что за этим правительством стоят десятки миллионов людей, понявших, что оно ведет их к человеческой жизни. И поэтому победы, одержанные над вами рабочими-нефтяниками, это — не случайные и не временные победы. И тут приходим к пятому пункту, который вы должны усвоить.

Советская власть открывает нефтяной промышленности такие перспективы, которых никогда бы не мог открыть

капитализм. Вы очень ратуете в ваших выступлениях за бедное русское население, у которого советское правительство отнимает нефть, чтобы бросать ее на мировой рынок. Но на что употребляло нефть русское население при власти буржуазии? Оно пользовалось керосином для коптилок и примусов. А мы взялись за социалистическое переустройство сельского хозяйства. Сто тысяч тракторов уже пашут советскую землю, освобожденную от помещиков. В ближайшие годы наши уже построенные и строящиеся тракторные заводы и заводы, производящие комбайны, бросят в деревню сотни тысяч этих машин, которые в капиталистических странах не могут завоевать карликового хозяйства крестьянина и должны его согнять с земли, чтобы победить. У нас же эти машины освободят крестьянина от его изнурительной работы и принесут ему благосостояние. Эти машины открывают громадные перспективы для развития нефтяной промышленности. Как нефтянику, вам это должно бы нравиться, сэр Генри, хотя вы на этом ничего не заработаете. Но я боюсь, что корыстность капиталиста возьмет в вас верх над чувствами специалиста.

Когда вы кричали, что мы продаем украденную у вас нефть, это, понятно, был только маневр для прикрытия того факта, что вы хотели получить обратно конфискованные у вас промысла, так сказать, за бутерброд. Эта карта бита, сэр Генри Детердинг! Теперь вы кричите о советском «демпинге», чтобы подготовить интервенцию против СССР. Вам не удалось украсть у нас или, точнее говоря, взять при помощи шантажа «ваши промысла», и теперь вы подготовляете большой разбой, называющийся на ученом языке интервенцией.

Что касается демпинга, при помощи которого мы, по вашему утверждению, хотим взорвать мировой нефтяной рынок, то я готов вам сделать маленькое предложение. Я, понятно, не имею полномочий ни от Нефтесиндиката, ни от советского правительства, но убежден, что если вы согласитесь с моим предложением, то советское правительство вступит с вами в переговоры. Вот, покупайте у нас нефть за цену, на десять процентов выше мировых цен. Всякие опасения по поводу нашего «демпинга» будут таким образом устранены.

Что же касается вашего перехода от попытки кражи советской нефти к организации грабежа, то задумайтесь над судьбой Наполеона, с которым вас сравнивал большой шутник лорд Фишер — глава английского флота. Наполеон был разбит царской Россией. Мы в бога не верим,— гегелевского духа истории, который вершил судьбы человечества, устранил уже Маркс. Но очень хорошо и целесообразно вышло так, что, вопреки всем историческим схемам ваших меньшевистских друзей, пролетариат победил сначала у чорта на куличках, именно в нашей стране. Это создало для нас большие затруднения, ибо нелегко строить социализм в сравнительно отсталой стране. Но это дало нам то преимущество, что в Россию легче войти, чем выйти. В этом убедился уже ваш предшественник — Наполеон. А он представлял по отношению к дворянской России высший производственный принцип. Если же вы соберетесь в поход против СССР, то вы убедитесь воочию, что вы представляете низший производственный принцип. Читая это за жирным голландским завтраком, вы наверное рассмеетесь. Но если бы вы из вашей сытой загнивающей страны отправились с интервентскими войсками в СССР, то вы бы узнали, что теперь и попасть-то в бывшую Россию трудно, ибо на защиту страны поднялись бы миллионы вооруженных людей, глубоко убежденных, что, строя лучшую жизнь на основах социализма, стоит лечь за нее костьми. В нашей Красной армии находит выражение именно тот факт, что мы вошли в период социализма, что народные массы СССР поднимутся против всякого, кто захочет отнять у них завоеванную ими возможность постройки общества по «системе мечтателя Маркса».

Зачем вам, сэр Генри, убеждаться в превосходстве социализма над капитализмом таким неумным методом? Мы лучше разрешим вам приехать в Баку и посмотреть собственными глазами, что строится в этом муравейнике и что стало с «вашими промыслами». Их нет, сэр Генри, и больше не будет! Но хотя мы и предпочитаем встретить вас, как мирного научного экскурсанта, будьте убеждены, что и в случае военного похода мы вас встретим. Но помните песенку о Мальбруке, который больше не вернулся, и не делайте глупостей!

Апрель 1931 г.

О КРАСНОЙ КАЗАРМЕ

Просматривая теперь, в связи с кампанией по поводу «советского рабства», дискуссию в немецком парламенте в 1893 г. о «государстве будущего»,— она переиздана на русском языке издательством Глаголевой в 1905 или 1906 г.,— встречаешь буквально на каждой странице предсказания, что социализм будет «казармой» и что труд в нем будет «трудом рабов». Насчет рабов нам уже приходилось отвечать. Но очень характерно, что буржуазия, запирающая ежегодно сотни тысяч рабочих в казармы современного милитаризма, считала именно казарму и условия, в ней существующие, самыми тяжелыми, в которые может когда-нибудь поставить и ее победоносный пролетариат. И вот, после международной конференции революционных писателей в Харькове, меня навестил молодой талантливый немецкий писатель *Эрнст Глезер*. Рассказывал он мне много про заводы, которые он видел на Украине, но самое сильное впечатление произвели на него казармы.

Наши казармы наверное не могли прельстить его современностью своей архитектуры, удобствами, ибо в большинстве случаев это — здания, построенные еще при царе. Тот идеал траншей, который рисует *Стефан Лозанн* в своих статьях об обороне Франции, траншей не только с электричеством, но и с постоянной горячей водой и т. д., и т. д., в наших казармах не осуществлен. Немецкого писателя ошарашила казарма, как школа граждан Советской республики, и удивил красноармеец, как ее продукт. Мы видим красноармейца ежедневно, и поэтому многого не замечаем. Я не видел никогда ни

одного пьяного красноармейца на улице. Что это громаднейший общественно-политический факт, не подлежит никакому сомнению. В царское время обыватель боялся вечером выйти на улицу из-за пьяных и буйствующих солдат. В трамвае бросается в глаза, что красноармейцы не толкаются и что если кто уступит место женщине, ребенку, то, в первую очередь, красноармеец. Мы все это видели, но как-то не увязывали. Иностранному революционному писателю, приехавшему из страны «образцовых» буржуазных казарм, бросились в глаза именно общественные стороны нашей казармы, бросилось в глаза, что Красная армия есть слепок с нового рождающегося строя.

Во время прошлогодней кампании за проведение в жизнь воззвания ЦК о третьем годе пятилетки, я выступал на собрании на фабрике «Каучук». Атмосфера была довольно агитационно заряжена. Вдруг появились представители конного отряда из рабочих «Каучука» приветствовать собрание. Я очень внимательно весь вечер наблюдал зал, присматриваясь, как реагируют на выступления разные части рабочих, и поэтому мне бросилось в глаза, что сигнал к чествованию Красной армии дали старики-рабочие. Во время перерыва я разговорился с ними. Начал расспрашивать про состав отряда, про его возникновение. Я выяснил исключительно теплое отношение к отряду, причем рабочие,— а большинство присутствующих были беспартийные,— дали мне классическую по своей простоте формулу отношения пролетариата к Красной армии. «Мы тут из себя жилы вытягиваем — смотрите, как расширили «Каучук»,— не легко приходится, а тут, чтобы нападала на нас еще какая-то Антанта и разрушала наше дело».

Самые широкие массы рабочих, даже отсталых рабочих, относятся очень серьезно к Красной армии, как к защитнице страны, как к защитнице социалистической стройки от нападения извне. Международная буржуазная пресса представляет дело так, что нам приходится искусственно раздувать опасность интервенции. Рабочий класс в СССР прошел очень тяжелую школу жизни, его не надо убеждать в опасности интервенции. Наоборот, ему

очень трудно доказать, что то или другое буржуазное государство, несмотря на классовую ненависть к строящемуся социализму, может нас временно поддерживать. Рабочий ничего хорошего никогда в жизни не видел от буржуазии, и этот свой жизненный опыт переносит на международные отношения с буржуазией. И чем выше поднимаются леса вокруг строящихся новых фабрик, чем больше растет наше социалистическое строительство, тем больше растет тревога рабочих кадров, что классовый враг может попытаться сорвать дело. И эта тревога, растущая из убеждения в мирном характере нашей политики, в росте социализма в СССР,— вот идейный стержень Красной армии и ее связи с рабочим классом.

Нельзя сказать, что здесь все сделано. Наша пресса чрезвычайно мало и недостаточно конкретно знакомит рабочих с положением пролетариата в капиталистических странах. Наверное можно было бы в десять раз больше сделать для военной подготовки рабочих масс на заводах. Есть в Москве металлургические заводы, которые, создав танковый отряд, поставили перед военными властями вопрос об организации для рабочих курсов танковой тактики. Овладев танковой техникой, они хотели подготовиться к роли танковых командиров. Можно и надо сделать еще очень многое в деле укрепления связи Красной армии с рабочим классом. Но связь эта покоится на непоколебимых основах, созданных всей историей Октябрьской революции. Любовь, которой пролетариат окружает Красную армию, является концентрированным убеждением пролетариата, что ему есть что защищать, самой краткой формулой его веры в социалистический характер нашей революции.

Красная армия по своему составу — в большинстве крестьянская армия, и отношение крестьянской массы к советской власти решает в окончательном счете вопрос о силе Красной армии. Во время гражданской войны эта сила покоилась на том, что крестьянин, только-что завоевавший при помощи рабочего класса помещичью землю, защищал ее с оружием в руках. Мы настолько разбили помещичий класс, что русские белые войска не будут играть во время новой интервенции ту роль, которую

они играли в 1918—1920 гг. Наступать будут на нас непосредственно иноземные армии, имеющие, быть может, в своем составе части из русского белогвардейского сброда. Победа интервенции неминуемо была бы победой русского помещика, но лик помещика непосредственно не виден крестьянину. Каждый красноармеец должен понимать, что в случае интервенции он защищает свою землю от посягательства помещиков. Но на этой идее нельзя теперь останавливаться. Страна шагнула далеко вперед, и теперь идет великий бой за социалистическое преобразование сельского хозяйства. Коллективизация является теперь главным предметом дум красноармейца. Достаточно просмотреть низовую военную печать и обсуждение в ней вопросов коллективизации, чтобы увидеть степень необыкновенного интереса красноармейцев к вопросам коллективизации. И это само собою понятно. Молодой красноармеец из бедноты и вообще из низших слоев крестьянства еще несколько лет назад не видел для себя выхода при положении, создавшемся в деревне. Земля дробилась. Помощь, получаемая от советской власти, давала облегчение, но не могла поставить на ноги индивидуального бедняка. Одна лошадь, он это понимал, не открывала ему никаких перспектив, а в городе, в своей казарме, он присмотрелся к другой, культурной жизни. Поэтому тракторные станции и тракторы ворвались бурей в жизнь крестьянской массы. Старшее поколение колеблется, а в некоторых частях страны выжидает: что ж, дело идет о самой великой жизненной ломке, какую переживало крестьянство за всю историю человечества. Но молодежь — самый прогрессивный слой деревни — она выросла в годы революции, и то, что старики переживают, как ломку старого, привычного, она переживает, как ту стихию, которой дышала, в которой родилась. У молодежи жадность к технике. Она теперь увлекается трактором, и военные работники, занятые подготовкой трактористов из красноармейцев, могут многое рассказать об этой тяге крестьянской молодежи к технике. В нашей борьбе за подготовку Красной армии, за подготовку крестьянской массы к защите страны мы должны уметь показать крестьянской массе, что вне коллективизации нет серьезного улучшения положения крестьянства.

Мы должны уметь доказать крестьянской массе необходимость покончить с колебаниями. Нельзя крестьянину хозяйничать на бивуаке, в раздумье, нельзя предоставить время врагу.

Отношение Красной армии к коллективизации, это — теперь центральный вопрос о политической силе Красной армии. Красноармеец должен понимать, что, защищая СССР, он защищает уже не кусок земли, вырванный у помещика, а землю, которую он при помощи средств, предоставленных рабочим классом, заставит дать все, что нужно для культурной жизни. Пропаганда этой идеи, подготовка из красноармейцев кадров руководителей коллективизации, есть главная работа по политическому укреплению обороны страны.

Пусть капиталистический мир клевещет о «советских рабах». Это в окончательном счете не пойдет ему впрок. Недооценка противника еще никогда не пошла никому на пользу. Рабочие не поверят клевете, а враг, сам уговорив себя, что мы — рабы, жестоко расплатится за этот самообман.

Нет и не может быть в мире армий, так сознательно относящихся к целям, для которых они созданы, как Красная армия. Это понимал великолепно умница Ллойд-Джордж, когда в 1919 г. в своем тайном меморандуме версальским властелинам писал, что Красная армия есть единственная армия, верящая в те цели, за которые она призвана бороться.

Только дурак может допустить, что после 13 лет существования советской власти, после того, как плуг революции глубоко-глубоко вспахал народные массы, Красная армия может быть идейно слабее, чем она была во время первой интервенции.

Лицо красноармейца есть лицо свободного человека, стремящегося к лучшей жизни, есть лицо человека, убежденного, что он борется за народные интересы. Красная армия — армия граждан социалистического отечества.

Капиталисты не могут противопоставить ей ничего качественно похожего. Они будут иметь в своих армиях «идейные» части, но идея этих частей из сынков буржуазии, это — идея человеконенавистников, идея капита-

листического рабства. Массы, которые они могут бросить против нас,— если вообще смогут их бросить,— будут рабами, идущими в бой из-под палки, без веры в дело, которое защищают. Участь войны решит это, а не военная техника, какую бы громадную роль она ни играла, ибо самую адскую машину производят все же люди, за любыми средствами истребления стоят люди. То, как они используют эти средства истребления, будет в окончательном счете зависеть от того, что думает бедняк, что думает рабочий о капитализме. А ничего хорошего он думать о нем не может.

Февраль 1931 г.

II

Культура рождающегося социализма

КУЛЬТУРА РОЖДАЮЩЕГОСЯ СОЦИАЛИЗМА

Несколько тысяч представителей мелкой польской шляхты, которые после разгрома восстания 1831 г. были загнаны в чужие страны, создали на чужбине польскую романтическую литературу. Вне зависимости от того, как мы станем расценивать социальное содержание творчества Мицкевича или Словацкого,— а это содержание далеко не одинаково,— одно несомненно: блестящая плеяда романтиков подняла польскую литературу на небывалую, по сегодняшний день непревзойденную высоту, создала одну из самых прекрасных страниц мировой литературы.

Сотни тысяч русских капиталистов, помещиков, чиновников, офицеров, писателей, смытых шквалом революции с лица родной земли и разбросанных по всему миру, не сумели в продолжение пятнадцати лет дать ни одной повести, ни одной драмы, ни одного сборника стихов, которые потрясли бы до глубины, которые рассказали бы миру — хотя бы тому миру, который относится к ним с действительной симпатией,— о том, что русские эмигранты пережили, выстрадали, продумали. Историк, который через сто лет будет писать о них, вероятно, вспомнит лишь трогательную песенку Вертинского — кабаретного поэта— о «сумасшедшем шарманщике». Вот все, что современная русская эмиграция сумела «спасти» из культуры Пушкина, Гоголя, Толстого.

Различие между культурным творчеством польской эмиграции и творческой немощью русской эмиграции надо взять исходным пунктом для размышлений о процессах развития, которое переживает культура в Стране Советов,

о величайшем процессе нарождения новой культуры на территории бывшей царской империи.

Польская эмиграция создала великую литературу благодаря тому, что дворянскую Польшу не смогли задушить поражения, нанесенные ей царизмом. В Польше — даже после подавления восстания 1830—1831 гг.— господствовали дворянские усадьбы и церковный приход, в Польше и после 1831 г. культурные слои города внимательно прислушивались к тому, чем живет эмиграция. Польская эмиграция знала, что ее место никем не занято, она не чувствовала себя обреченной на гибель, подобно высохшей ветке, которую «ветер унес далеко за опушку леса». Страдания и потрясения превратили ее в арфу, звучащую полно и глубоко.

Русская эмиграция бесплодна, ибо ничто, кроме ненависти, не связывает ее с жизнью бывшего отечества, ибо в жизни победоносных народных масс Союза ей нет места. Вырванная с корнем из Страны Советов, она не может пустить новые ростки на чужой почве. Та часть ее, которая связалась с зарубежной жизнью,— слой спекулянтов,— не знает другой культуры, кроме культуры коктэйлей. Большинство же эмигрантов, живущее в нужде, в борьбе за кусок хлеба, ненавидит свое новое окружение, ненавидит труд и свою нужду и может только вздыхать о потерянном рае. Но в глубине души они знают, каким отталкивающим и безгранично пустым был этот рай, и поэтому даже тоска их никчемна и мелка.

Для того, чтобы понять, что происходит в области культуры в Стране Советов, необходимо понять те перемены, которые произошли в социальной жизни бывшей России, понять те принципиально новые отношения, которые являются основой культуры,— новой и количественно и качественно.

Первое, что бросается в глаза, это — огромные массы людей, которые учатся, читают, дискутируют.

Не могу здесь привести статистические данные. Остановлюсь только на нескольких фактах. До мировой войны тираж всей русской прессы составлял 4 млн. экземпляров. Теперь он вырос до 30 млн. Пределы роста его определяются не количеством читателей (число их растет в неслы-

ханных темпах), а количеством бумаги, которую может дать бумажная промышленность. До войны Россия ввозила бумагу из Эстонии, Финляндии, из-за границы. Теперь продукция бумаги увеличилась в десять раз и все же не может удовлетворить все возрастающие потребности страны. «Известия» и «Правда» имеют тираж более чем в полтора миллиона экземпляров каждая. А еще в январе 1932 г. эти газеты не смогли удовлетворить половины из числа тех подписчиков, которые прислали подписную плату вперед за целый год. Каждая книга расхватывается немедленно после выхода в свет, хотя печатается в количествах, каких не знает мир. Последняя повесть Шолохова «Поднятая целина» вышла одновременно в двух изданиях и в количестве 10 и 15 тысяч экземпляров.

Миллионные цифры учащихся средних и высших учебных заведений говорят сами за себя. Наши школы могут быть хорошими или плохими, но одно несомненно: они наполнены миллионами учащихся. Эти миллионы, часто не имеющие бумаги, учебников, преодолевают все трудности в борьбе за науку. В провинции случается, что учащимся приходится ночевать в школах на скамьях и столах.

Театры в столицах и в провинции переполнены, начиная от театров для детей (их в Москве пять), до театра в Магнитогорске, который организовался еще в 1931 г. в наспех сколоченном бараке: в проливной дождь вода ручьями протекала через крышу и публика смотрела пьесу, закрываясь досками от дождя.

Революция встряхнула миллионные массы, вызвала в них жажду узнать, что делается в мире, за что люди борются. Она поставила перед ними самые простые и в то же время самые глубокие вопросы. Народные массы ищут ответа на них в книге, в газете, в поэзии, в кино, в школе,— словом, всюду. Они не только хотят услышать ответ, они уже стремятся сами дать его. Оттого-то так растет литература, создаваемая народными массами, часто наивная и неуклюжая с точки зрения формы, но порою сверкающая проблесками народного гения.

Я ехал однажды на собрание рабкоров, созванное по случаю юбилея Горького, вместе со старой работницей Прохоровской мануфактуры. По дороге она подарила мне книжечку, которую написала сама. Она рассказала мне,

что уже 26 лет работает на фабрике. После работы, когда дети и муж спят, после целого дня маяты и труда садится писать свои книжечки.

— Не лучше ли ночью выспаться вместо того, чтобы писать книжки?

— О, нет! Если мы, старые ткачихи, не напишем, как мы жили раньше, то эти девчонки, которые теперь пришли на готовое, даже не сумеют оценить, что им досталось.

И вот старая работница, которая научилась читать и писать только четыре года назад, теперь выпускает в свет повесть о бывшей доле работницы.

У меня есть друг, бывший кочегар, во время гражданской войны — боец, по окончании войны — партийный агитатор. И вот этот кочегар — любитель классической философии. Он немало ломал голову над Декартом, Спинозой, Гегелем и пришел к убеждению, что без знания математики и естественных наук нельзя понять развития философии. И три года сряду усердно изучал эти науки. Его жена — тоже работница — слушательница медицинского факультета, а сестра кончила рабфак. Самый младший отпрыск — шестилетний сынок, подшучивая невинно над членами своей семьи, называл их синусами и косинусами, ибо эти слова чаще всего слышал от них.

Новая культура, создаваемая массами,— культура международная. Это не значит, что широкие русские народные массы не хотят знать произведений Пушкина, Гоголя, Толстого, не учатся по ним родному языку, что они не любят их. Но ведь не меньше, чем русские, их любят и изучают в школах и евреи из Гомеля, и грузины из Тифлиса, и молодые узбеки, киргизы и монголы. А вместе с тем, когда в одном из сибирских совхозов была проведена анкета о книгах, которые больше всего понравились, трое сельскохозяйственных рабочих — члены литературного кружка — назвали «1793 год» Виктора Гюго и «Давид Копперфильд» Диккенса. «Бруски» же Панферова — «это — хорошая книга о колхозах, но это все мы знаем, и притом он неправильно рассказывает, как мужик чинит упряжь. Так не годится». Народные массы жаждут книг о жизни других народов. Каждая такая книга, переведенная с чужого языка,—документ жизни других народов или

эпох,— глубоко их заинтересует. В Москве, например, тысячи людей приняли участие в дискуссии — правильно ли интерпретирует «Гамлета» театр Вахтангова.

Эта формирующаяся новая культура международна не только потому, что она хочет впитать и Гомера, и Бальзака, не только потому, что маленькая пионерка заливается горькими слезами, читая, как бедный Игнась из «Минувших дней» Даниловского погибает в погоне за светлячком, который должен освободить тетю Белу от штопания его рваных штанишек, а китайца от его тяжелого труда [1],— но и потому, что создают эту культуру сообща все народности Советского союза, развивая каждая свою собственную культуру. В 1921 г. профессор Гольдер, член американской комиссии помощи голодающим, говорил мне после возвращения с Волги, где он наблюдал свободное развитие татарской и калмыцкой культуры: «И зачем только вы помогаете создавать азбуку для народов, которые никогда не имели собственной культуры? Зачем вы помогаете развиваться национальным культурам, которые едва пустили слабенькие ростки? Учите их русскому языку. Эта самостоятельная культура создаст вам врагов». Профессор Гольдер был специалистом по истории России, но признавался однако, что история России понятна ему только до Петра Великого. «В том-то и дело,— ответил я ему,— что времена Петра Великого бесповоротно миновали». Мы поднимаем сотни миллионов людей на более высокую ступень культуры, а сделать это можно только через развитие их собственного языка.

Я встретил как-то молодую женщину резко выраженного монгольского типа, которая с восхищением читала «Илиаду» в переводе Минского. Вот в нескольких словах ее история. Она — ойратка. Отец — темный крестьянин, верит еще в шаманов. Когда в 1919 г. он хотел насильно выдать ее замуж за старого кулака, она убежала из дома. Это было во время гражданской войны, во время колчаковщины. Она убежала в горы, где находились партизанские отряды, боровшиеся против Колчака. Ее приняли

[1] Роман Густава Даниловского «Минувшие дни» лет 30 назад был чрезвычайно популярен среди революционной молодежи Польши; на русский язык он переведен после Октябрьской революции.

очень хорошо, так как на стороне Колчака боролись кавалерийские отряды из ойратов и родственных им племен. Ходила в разведку, у товарищей училась русскому языку, начала читать. После окончания гражданской войны она в награду была послана в школу в Томск, потом была направлена в Москву в Университет народов Востока. Первый раз в жизни она тогда ехала по железной дороге, ибо в Томск она попала по речному пути. Три года училась в КУТВ, а потом еще два года изучала политэкономию.

— И что же дальше?

— Вместе с группой ойратов, также окончивших здесь разные вузы, едем обратно домой.

— Будет там «шаманить» перед портретами Маркса и Ленина,— пошутил присутствовавший при разговоре мой приятель.

— Трудновато нам будет,— говорила девушка.— Мы поднялись выше нашего народа, придется немного опуститься до его уровня, чтобы потом вместе итти вперед.

И идут вперед не только благодаря книжке на родном языке и своей школе, но и благодаря Магнитогорскам и Кузнецкстроям. «Когда на Кузнецкстрой приехали на работу десятки тысяч киргизов в кибитках со своими старшинами во главе, мы были в отчаянии,— говорил мне директор этого гиганта.— Надо было воевать с матерями, чтобы они позволили выкупать детей. По-русски они не понимали и все время смотрели на своих старшин, ожидая их указаний. Теперь ими руководят не старики-киргизы, а молодежь, которая возглавляет ударные бригады, которая научилась и русскому языку, и издает киргизские газеты, и, агитируя, сама учится работать и учит других».

Широко распахнув перед всеми национальностями ворота культуры, помогая более слабым создать ее, Советский союз для каждой из них становится родиной, из каждой добывает самые ценные индивидуальные элементы, которые затем войдут в общую сокровищницу. Советский союз не нивелирует народы, наоборот, он развивает их собственную национальную культуру. Культура наша одновременно национальна и интернациональна, ибо свои соки она черпает из своего особого быта, из собст-

венной истории, но одновременно и из общей борьбы человечества.

Культура эта является и будет во все возрастающей степени культурой борьбы и труда.

Существовавшая до нас культура была культурой имущих классов. Греческая цивилизация была цивилизацией рабовладельцев. Они создали свою поэзию, философию, возвели величественное здание своего искусства на плечах рабов. Культура Возрождения выросла на почве эксплоатации всего католического мира Римом, опираясь сверх того на торговлю Пизы, Флоренции, Венеции, Рубенсы и Рембрандты выросли из голландского патрициата, который представлял объединенные силы мировой торговли.

Даже когда это искусство отражало борьбу, как например греческая литература времен Эсхила — борьбу с персами, литература Возрождения и Реформации — борьбу буржуазии, выраставшей из феодального дворянства, литература эпохи просвещения — борьбу буржуазии с дворянством,— даже тогда это была литература сытых людей. Во всей мировой литературе нет произведений, в которых крестьянин рассказал бы сам о своем труде с той минуты, когда солнце — «око божьего дня»[1] — всходит, и до момента, когда он вытягивает свое изможденное тело на покой. Во всей мировой литературе, за немногими исключениями, в течение последних десятилетий нет книги, которая показала бы, как и чем живет рабочий. Нашлись, правда, писатели, которые писали о жизни трудящихся, но писали как люди, которые заглядывают в вулкан через кратер. И если случалось, что крестьянин или рабочий писали сами о себе, то удивлению не было границ. О такой книге, как автобиография рабочего Войцеховского, польская пресса писала, как об автобиографии эскимоса или жителя островов Фиджи.

Советская культура опирается на борьбу и труд народных масс Союза. Почва, из которой растет советская культура, есть борьба и труд народных масс Союза. Им она хочет служить. Она стремится не только выразить их чувства и их мироощущения, но хочет помочь им в их

[1] Слова польского поэта XVIII века, Кленовича.

борьбе за благосостояние, за создание везде условий, достойных свободного человека. Песня возникла из ритма труда. Мы хотим создать культуру, которая помогала бы трудящемуся человеку. Это не значит, что наше искусство должно описывать и отражать только борьбу наших народных масс. Она должна быть выразителем всей истории трудящегося человечества, истории борьбы человека с природой, борьбы с угнетением. Жизнь Коперника, который из монашеской кельи осмелился вздыбить нашу землю, входит также в нашу культуру и крепит нашу волю к борьбе, как и рассказ об английских диггерах, которые на заре капитализма пытались создавать земледельческие коллективы, или как героическая эпопея о людях, которые в Акатуе и Нерчинске в течение двухсот лет в кандалах защищали свои идеалы.

Эстеты говорят, что это будет агитационная литература и что нельзя принудить поэта, чтобы он испытывал дрожь волнения при мысли о великих социальных переворотах. А разве Бетховена надо было принуждать, чтобы он создал «Героическую симфонию»? Когда культуру создают миллионные массы, не приходится принуждать их, чтобы они создавали ее для себя. Они ее создадут, несомненно... Люди будут читать, слушать, их будут восхищать только те, кто отразит их чувства, их мечты и их борьбу. В этой культуре найдет выражение все, что волнует сердце человека: от любовных восторгов до сомнений ученого, работающего над теорией атома, но все это будет связано одной общей целью, одной общей эпохой великой борьбы. Густав не должен умереть, чтоб жил Конрад. Борющийся пролетариат не бросает Иоасю, как Юдым, он вместе с Иоасей радуется, борется, умирает и побеждает [1].

Понятно, такая монолитная литература создается не сразу. Годы пройдут, пока народные массы ее создадут. У нас теперь только первые зачатки этой литературы. Творят ее люди, вышедшие из рядов народных масс, с трудом овладевающие литературной формой. Ее создают

[1] Герой Мицкевича Густав, выражающий личное в жизни человека, умирает, чтобы дать место Конраду, борющемуся за общее. Герой Жеромского Юдым, решившись итти на подпольную социалистическую работу, отказывается от любимой Иоаси. В обоих случаях личное приносится в жертву общему.

«попутчики»— писатели, которые перешли к нам из лагеря другого класса, которые однако хотят понять, отобразить великий социальный переворот. И если пролетарские писатели должны превозмочь трудности формы, то «попутчики» должны преодолеть трудности содержания, научиться видеть мир глазами тех, которые его преобразуют. В идеологических боях рождаются советская литература и искусство. Были попытки упрощенческого подхода к ней, попытки создать ее по «приказу». Советское руководство отвергло эти попытки. Как Ленин, так и Сталин защищали права литературы итти собственными путями к общей цели, понимали особенности процессов ее развития. Сталин, который как все великие исторические люди, горячо любит литературу, указывает, что нельзя ее создать на основе рецептов. «Пишите правду,— говорил он советским писателям.— Правда о Советском союзе не может быть сладкой, как конфетка, и блестяща, как тульский самовар».

Новая советская действительность создается в тяжелой борьбе, ценою величайших жертв, поэтому новый строй требует реализма в искусстве. Когда Шолохов начал печатать свою эпопею борьбы за колхозы, эмигрантская пресса перепечатывала из нее потрясающие своей жестокостью сцены, написанные с величайшей правдивостью. Но всей повести они не осмелятся перепечатать, ибо правда Шолохова говорит о тех силах, которые позволят построить жизнь крестьянина на новых основах.

Соревнование собственных пролетарских писателей с «попутчиками», борьба различных литературных форм дадут нам великую литературу, такую, какой нет теперь нигде в мире. И сегодня уж литература и искусство, созданные революцией, превосходят в десятки раз современную буржуазную литературу, ибо наша литература отображает не застывшее болото, а живые потоки жизни.

Наша культура — культура марксистская. Пятьдесят лет прошло со смерти Маркса, и мир до сегодняшнего дня не создал мировоззрения более цельного, более научно-обоснованного, чем марксистское. Выросший из борьбы немецкой идеалистической философии, из развития современной промышленности, опираясь на естественные науки,

выражая опыт всех социальных переворотов, марксизм создал не только теорию общественного развития, но дал метод, который вызовет переворот в естественных науках и поможет совершить новую техническую революцию.

Для советской культуры марксизм не является мертвой догмой, хотя она считает, что марксистская система опирается на фундамент, которого еще не тронул зуб времени. Но так как человечество за последние пятьдесят лет вошло из эпохи промышленного капитализма в эпоху монополистического капитализма, который родил империализм и мировую революцию,— то марксистские принципы должны быть проверены на основании новых фактов, должны быть развиты в соответствии с приобретенным опытом. Это дальнейшее развитие марксизма начал Ленин. В настоящее время под руководством Сталина мы переживаем период огромной работы по подытожению как опыта советской революции и революций, потрясающих Восток, так и опыта разлагающегося капитализма.

Мы создаем гигантскую промышленность, которая революционизирует сельское хозяйство. Осваивая современную технику и естественные науки, мы ясно видим, что они опираются на устаревшие методы, созданные эмпирически. Глубочайший внутренний разрыв капиталистической мысли не позволяет ей создать методологию, стоящую на высоте ее техники. После 1848 г. буржуазия, вынужденная защищать свои завоевания от пролетариата, похоронила Гегеля и его великую динамическую теорию развития через противоположности. Трусливый агностицизм Канта, плоский эмпиризм, не говоря уже о всякого рода мистицизмах, наложили путы на мозги и руки величайших ученых, естествоиспытателей и техников. Материалистическая диалектика Маркса — вот нить Ариадны, которая выведет мысль человеческую из лабиринта и в области естественных наук.

Ясно, что марксистская диалектика, которая в области социальных явлений не представляет собою собрания мертвых рецептов, тем более не является сборником таких рецептов в области естественных наук. Диалектика — не инструмент, которым можно механически вооружить каждого естествоиспытателя. Естествоиспытате-

ли должны научиться самостоятельно находить ее в своем научном материале, заострять и применять на практике. Проблема диалектики в естественных науках, это — центральный вопрос, вокруг которого концентрируются у нас бои в области философии. Решительную победу здесь гарантирует нам работа всего нашего молодого поколения. Тысячные ряды советской молодежи работают в лабораториях под руководством лучших наших физиков, химиков, биологов — Иоффе, Кольцовых, Павловых, учась у них, но и уча их.

Мир слышит о Днепрострое, о Кузнецкстрое, о Магнитогорске, о колхозах, но не знает еще, что через десять лет мы будем переживать у себя такой расцвет науки, который действительно даст нам возможность обогнать весь мир в области техники.

Нам предстоят еще годы тяжелых боев, жертв и лишений. Мы победим, ибо социализм уже вышел из периода разрушения и создает культуру, опирающуюся на огромнейшие народные массы. Каждый шаг вперед означает улучшение их материального положения; поэтому так борются они за овладение техникой, за науку, литературу, искусство. Все это — предназначенное для них — служит орудием в борьбе за улучшение материального положения.

Культура наша по своему существу коллективна. Европейский ученый, который работает в одиночестве своей лаборатории или кабинета, не задумывается над тем, что он работает при помощи инструментов, созданных другими, за общественные деньги, что мысли, которыми он обогащает общую сокровищницу науки, начиная от языка, которым он их выражает, и кончая математическими формулами, являются результатом коллективного творчества прошлых поколений. Писатель, который думает, что он пишет по своему вдохновению, пожмет плечами, если услышит о «коллективной культуре». Он похож на мольеровского героя, который не знал, что говорит прозой. Мы же прекрасно знаем, что нет другой культуры, кроме культуры коллективной. Подчеркивая этот ее характер, я только хочу отметить, что мы не только сознательно ставим культуру на службу коллективу, но и соз-

нательно втягиваем самые широкие массы в процесс коллективного творчества. Двенадцатилетние дети, учась, обучают у нас младших. Мы организуем в рабочих массах стремление к изобретательству, давая себе отчет в том, что небольшие технические усовершенствования дают в сумме великие изобретения.

Эта сознательная организация культурных усилий обеспечивает одновременно развитие индивидуальности. До настоящего времени личность создавалась за счет принижения массы до уровня скота. В будущем это развитие пойдет — и уже теперь идет — по пути взаимодополнения миллионов отдельных личностей. Социалистическая культура, это — культура миллионов отдельных личностей, сообща работающих и в этой работе развивающих индивидуальные силы и способности.

Никогда старая Россия не имела столько выдающихся личностей, сколько их имеет сейчас Советский союз. Тысячи, десятки тысяч рабочих — директора фабрик, тысячи рабочих и крестьян во главе армии, в школах — это только первые зачатки того могучего поколения миллионов сильных, ярких личностей, которых создает рождающийся социализм.

Мировая буржуазная пресса, пресса социал-демократии, питающейся отбросами духовной жизни буржуазии, не замечает всех этих процессов. Поэтому, расписывая в самых преувеличенных красках все трудности нашего строительства, она не в состоянии объяснить, почему же мы существуем и идем вперед, в то время как другие народы или пятятся назад, или топчутся на месте.

Разгадка, по мнению одних, в том, что мы насильно толкаем страну вперед; по мнению других, ее надо искать в том, что наша молодежь полна энтузиазма. Что касается насилия, то как будто нельзя пожаловаться, чтобы его нехватало в других странах. Так почему бы не попытаться с его помощью, например, преодолеть кризис? Что же касается энтузиазма, то он с неба не сваливается. Энтузиазм вырастает из того факта, что советский пролетариат создал фундамент нового социального строя, отвечающего интересам народных масс, из того, что строй этот вызвал невиданное в истории участие народных масс в создании

новой культуры. Вот где источник нашего развития и нашей силы, источник новых ценностей, которые вносит советская культура, если она и не создала еще комфорта (понятно, комфорт душевный — как же иначе!), который мог бы удовлетворить господина Слонимского[1].

Ноябрь 1933 г.

---

[1] Польский писатель, написавший мещанскую книгу о Советском союзе.

НАУКА, ВПЕРЕД!

В Колонном зале, там, где московский пролетариат обыкновенно собирается для самых важных своих совещаний, там, где перед пролетарским судом недавно предстали вредители, заседает съезд научно-исследовательских институтов, съезд по планированию научных работ. Среди бесчисленных молодых научных работников — фигуры стариков-ученых с европейскими именами, лица известных советских деятелей. Повестка дня громадна: от пересмотра состояния научно-исследовательских институтов до постановки основных задач, которые должна решить наука, дабы двинуть еще быстрее развитие производительных сил страны.

Съезд недостаточно хорошо организован. Но простой факт, что этот съезд стал нужным и возможным, говорит о гигантских достижениях нашей работы, говорит об огромнейшем пути, который мы имеем за собой.

Во время гражданской войны, во время голода и холода, Ленин следил с величайшим вниманием за развитием классоновского способа добычи торфа. Он не только сам ездил смотреть на эти эксперименты, но следил внимательно, получил ли проф. Классон достаточное количество пайков, необходимых для того, чтобы прокормить людей, работающих над постройкой его машины. Частная техническая задача отнимала дни и часы всемирного гения пролетарской революции, ибо она могла облегчить изжитие топливного кризиса.

Теперь у нас существуют тысячи научных лабораторий, научных институтов, 24 тысячи научных работников в них, движущих науку вперед. Факт возникновения тако-

го количества научных институтов должен поставить вопрос о смотре их работы, вопрос о связи, существующей между ними. Но дело идет не о простой *регистрации* фактов. Научная работа шла до этого времени самотеком. Лаборатории создавались то по инициативе заводов и трестов для обслуживания их потребностей, то научными учреждениями, ставящими себе общенаучные задачи. И поэтому работа эта впадала в две крайности. То она обслуживала конкретные потребности дня, то она ударялась в академизм, берущийся за разрешение вопросов только потому, что они интересовали ученых, без учета очередных потребностей, без учета их связи. Перед научно-исследовательскими учреждениями встала проблема нащупывания общих вопросов, вытекающих из конкретных задач, над которыми бьется наша промышленность и наше земледелие. Перед научной общественностью Советского союза встал вопрос о намечивании звеньев, чтобы помочь промышленности и земледелию двигаться вперед. И этим было сказано, что поставлен вопрос о *плане* развертывания научной работы.

Международная буржуазия то смеется по поводу наших стремлений «все» планировать, то впадает в испуг перед последствиями нашей плановости. В книге американского журналиста *Книккербокера* «Красная торговая опасность», в книге, которая представляет собой великолепный синтез буржуазного непонимания общих интересов с репортерской способностью великолепно схватывать деталь, живую картину, встречаются насмешки над большевиками, которые готовы были бы планировать всякий час жизни каждого из 162 миллионов советских граждан, если бы это только было возможно. Большевики за такими утопиями не гонятся, но *планирование науки стало назревшей потребностью и потребностью решающей.*

Мы планируем хозяйственное развитие. То, что было до этого времени результатом стихийной деятельности десятков миллионов людей, их борьбы друг против друга — экономическое развитие должно стать результатом согласованных действий общества. Мы можем это делать, ибо пролетариат сконцентрировал в своих руках все производительные силы общества и поэтому планирование даст в результате не просто экономический подъем, а развитие

социализма. Но чтобы планировать экономическое развитие множества наций Союза, чтобы планировать развитие 162-миллионного населения, необходимо *планирование развития техники.* Это планирование вмещает в себе не только *овладение существующей техникой, но и мощное развитие ее.* И если буржуазная экономическая наука, если буржуазный мир от насмешек над планированием экономики перешел к трепету перед последствиями этого планирования, *то не пройдет 10 лет планирования науки в СССР, и буржуазный мир* (или же *его остатки,* которые будут, возможно, тогда еще существовать) *станет перед фактом величайшего ее расцвета и скачка СССР вперед в области техники.* Из лозунга «социалистической индустриализации», из лозунга «социалистической переделки сельского хозяйства» вырос лозунг «овладения техникой», а базой этого овладения является планирование науки. Когда т. *Сталин* бросил великий лозунг овладения техникой, то этим был поставлен раньше, чем мы кончили проведение первой пятилетки, *лозунг о подготовке второй. Когда т. Сталин бросил этот лозунг овладения техникой, то этим был дерзко поставлен вопрос о переходе от постройки фундамента социализма к борьбе за постройку великого его здания.*

Достаточно только прочесть статью академика Иоффе о технике будущего, вдуматься в проблемы, там поставленные, чтобы сказать себе: «никогда человечество не ставило себе более высоких задач», чтобы почувствовать гордость, что мы присутствуем на первом съезде научно-исследовательских учреждений, которые должны планировать науку.

Никто, кто присутствовал на съезде советов в 1920 г., когда т. Кржижановский демонстрировал план ГОЭЛРО и когда на карте перед глазами делегатов со всей Советской страны, одетых в тулупы,— ибо топливный вопрос стоял очень остро и в зале была стужа,— зажигались электрические огоньки, указывающие места, откуда потекут волны электрической энергии,— не забудет этой сцены. Люди «интеллигентные», из тех, у которых кишка потоньше и мозг поменьше, ухмылялись. Те из них, кто имел большевистский партийный билет в кармане, подмигивали глазами и говорили: «а хитрец этот Владимир

Ильич — как он умеет мечтой провести людей через время голода и холода». А те, кто перешел из враждебного стана в стан «лойяльных», бормотали: «не электрификация», а «электрофикция».

План ГОЭЛРО почти выполнен, и, сидя теперь в Колонном зале, мы думали о тех, кто через десять лет будет вспоминать великое начинание этого съезда, которое кладет основы для дружного победоносного продвижения науки вперед в интересах не только СССР, но и всего будущего социалистического человечества.

Центральная задача, стоящая перед нашими научными работниками, это — *борьба за естествознание, как основу современной науки.* Отношение марксизма к естествознанию определяется тем, что марксизм есть не только наука об обществе, но и научное *мировоззрение.* И когда читаешь первые философские работы Маркса, его преодоление материализма Фейербаха, то чувствуешь, что эта связь, о которой забывают в ежедневной борьбе, живая и непосредственная. Научный метод Маркса, диалектический материализм,— метод не только общественных наук. Он призван произвести переворот и в естественных науках. И только тот факт, что общественная борьба так остра и отнимает у нас столько сил и энергии, только этот факт позволяет нам не стыдиться нашего безграничного невежества в вопросах естествознания. *Маркс и Энгельс никогда не теряли связи с естествознанием.* Энгельс стоял на высоте современного ему естествознания и пытался своим гениальным умом преодолеть в своем синтезе однобокость естественников, отсутствие у них достаточного опосредствования, отсутствие понимания противоречивости развития. Он дал наметку для работы поколений ученых, которые возьмутся за диалектическую переработку естествознания. Несмотря на то, что *Ленину* приходилось затрачивать громадное количество энергии на ежедневную борьбу по выковыванию большевистской партии, он — истый наследник Маркса и Энгельса — умел, засучив рукава, браться за чуждую ему область естествознания и, преодолевая громадные затруднения, не только ориентировался в том, что делается в этой волшебной области, но и найти в этой ориентировке средство для

борьбы с чуждым нам мировоззрением, проникающим в среду пролетарской партии. И сила ленинского ума чувствуется в его книге против махистов не меньше, чем в тех письмах, в которых он идейно организовывал восстание русского пролетариата. И кто сравнит его «Материализм и эмпириокритицизм» с книгой об учении Маха *Фридриха Адлера*, который по образованию специалист-физик, тот в этой, казалось бы, отдаленной области физически почувствует разницу между размахом вождя величайшей революции в мире и маленького «социалистического» подголоска буржуазии.

Естествознание и марксизм глубоко связаны между собой. Нет марксистского мировоззрения, которое бы на всякой новой ступени развития общества и науки не боролось за картину мира, основанную на последних результатах естествознания, не боролось бы за овладение естествознанием при помощи диалектического метода.

Но марксизм не мог в своем прошлом посвятить достаточное количество сил вопросам естествознания. Он пробивался к этим вопросам только в лице своих величайших учителей — *Маркса, Энгельса и Ленина.* Пролетариат только что формировал свои штурмовые колонны, все силы его были направлены на борьбу против буржуазии и все умственные силы марксизма концентрировались на освещении вопросов этой борьбы. Пролетариат даже в лице марксистов не мог овладеть при помощи диалектического метода громадным материалом естествознания, совершить в нем тот переворот, который совершил Маркс в экономической теории, ибо, будучи классом эксплоатируемым, он не имел доступа к лабораториям — кузницам естествознания, он не имел кадра людей, которые могли бы заняться этими задачами. Они не стояли перед ним как практические задачи. *К овладению естествознанием он мог подойти, только завоевав власть, отбив интервенцию и взявшись за реконструкцию хозяйства.*

Точно так же, как к решению хозяйственных задач, он подходит к решению научно-исследовательских задач в области естествознания путем *восстановления* того, что осталось пригодного от буржуазии. И первый период нэпа есть период собирания ученых, восстановления старых

научных институтов. Намечение новых задач, увеличение первых кадров молодежи, которая после того, как обучалась в гражданской войне искусству побеждать буржуазию, должна сесть на школьную скамью, чтобы овладеть одним из самых крупных рычагов перестройки общества — естествознанием,— вот первые задачи, которые надо было решить. Но точно так же, как восстановительный период нэпа не восстанавливает хозяйства в старых пропорциях, исключительно на старой базе, так как в этот период нам приходится многое отбросить, многое перегруппировать, точно так же и в процессе научного восстановления многое из научных сил отпадает, как неспособное служить созданию нового мира или даже ему враждебное. И после этого, как этот период сборки и приведения в действие того, что осталось, был окончен, встали новые задачи, которые, *как актуальные задачи, не могли даже сниться старым ученым*, задачи реконструкции науки. Мы еще бьемся и в экономике и в науке с очень примитивными задачами использования старого. Еще часто вздыхаем по простой грамотности, которой недостает широким массам, но в тишине лабораторий умы наших ученых, вдумываясь в те силы, которые пробудила революция, представляют себе те грандиозные возможности, которые она открывает, и говорят с уверенностью, как сказал *академик Иоффе* в статье, которая потрясает буквально всякого человека, способного представить себе образ будущего развития: «Вопрос об использовании солнечной энергии надо решить, и он будет решен».

Что это значит? В порядке сегодняшнего дня или ближайших десяти лет революция поставила тот вопрос, для которого и родилась, *вопрос о господстве человека над природой или, точнее говоря, она берется решить этот вопрос.*

Труд, «первое основное условие человеческого существования — это в такой мере, что мы в известном смысле должны сказать: труд создал самого человека» *(Энгельс*, «Диалектика в природе», стр. 89). Но что такое труд? «Труд есть прежде всего *процесс, совершающийся между человеком и природой*, процесс, в котором человек своей

собственной деятельностью *обусловливает, регулирует и контролирует обмен веществ между собой и природой. Веществу природы он сам противостоит как сила природы.* Для того, чтобы присвоить вещество природы в известной форме, пригодной для его собственной жизни, он приводит в движение принадлежащие его телу естественные силы, руки, ноги, голову, пальцы. Действуя посредством этого движения на внешнюю природу и изменяя ее, он в то же время изменяет свою собственную природу» (*Маркс*, «Капитал», т. I, стр. 119). Но человек вступает в борьбу с природой не как одиночка. «Всякое производство есть освоение природы человеком в рядах и при помощи определенной общественной формы» (*Маркс*, Введение к «Критике политической экономии»).

Первый бой давал человек природе стаями, ища выхода из звериного царства. Для борьбы с природой он организовался в первобытное коммунистическое общество. Победы над силами природы, завоеванные этим бесклассовым обществом, настолько увеличили производительность труда, что общество могло расколоться на классы, часть которых, присвоив себе все результаты побед другой части над природой, сумела свалить на нее все тяжести этой борьбы. С того времени история человечества есть история борьбы классов. Развитие техники, этого громадного орудия в борьбе с природой, совершается на основе общественного труда, но господствующий и эксплоатирующий класс не только снимает сливки этого развития, но допускает его только, поскольку этого требуют его интересы. Современное естествознание возникло и развивалось в борьбе молодой буржуазии с феодализмом. Ученые, которые его двигали вперед, редко давали себе отчет в общественном значении своих завоеваний. Когда *Бэкон* искал науку, которая была бы основой для изобретений, он, канцлер королевы Елизаветы, не знал, что подкапывается под старый феодальный строй и подготовляет господство буржуазии. Великий *Ньютон* был верующим человеком, но работа его мысли была вызвана потребностями молодой буржуазии, не боящейся двинуть вперед борьбу с природой, хотя это требовало низвержения феодалов и церкви.

Если бы существовала научная история философии и

естествознания, мы бы получили великую картину, показывающую, как все философские споры до начала XIX столетия рождались из общих проблем, поставленных борьбой естествознания за разрешение этой задачи, которую так отчетливо формулировал Бэкон и которая была поставлена перед наукой молодой буржуазией. В материалистической философии XVIII века находит ярчайшее выражение не только это стремление молодой буржуазии вырвать у природы ее тайны, но и глубокое убеждение, что победы, одержанные над природой, дадут счастье всему человечеству. Из философии материалистов XVIII века бьет сознательный оптимизм, каким проникнуто и учение основоположников буржуазной экономии. Разве батрак не живет теперь лучше,— говорит Адам *Смит*,— чем средневековый король? Неважно, что этот оптимизм был необоснован, он выражал веру буржуазии в будущее. Отмирание буржуазной философии, после смерти Гегеля, является результатом того, что буржуазии уже страшно стало решать эти великие вопросы. Если до начала XIX столетия в философии преобладает искание закономерностей в природе над постановкой вопроса об обществе, если она раскалывается на идеализм и материализм именно при решении вопросов о природе, то со времени, когда развитие производительных сил капитализма привело к кризисам и создало «две нации»— буржуазию и пролетариат, с того времени перед философом и естественником стоит социальный сфинкс и ставит ему вопрос: *куда ведет капиталистическое общество?* И, боясь ответить на этот вопрос, при постоянных подземных толчках, при зареве июльских дней 48 года, при зареве Парижа, бомбардируемого версальцами, наука отвернула голову от сурового лица сфинкса.

И только теперь, когда *мы не боимся вопроса, куда пойдет развитие общественных сил*, и только теперь, когда мы на этот вопрос радостно отвечаем перед миллионными аудиториями, когда академик Иоффе может написать: «*Социализм несет с собой не только новые социальные отношения, но и новую технику, по сравнению с которой современная техника представляется жалким лепетом... Между наукой и техникой разрыв. Пока новые возможности, выдвигаемые наукой, осуществляются, проходит 20—*

30 лет, а крупные проблемы, революционизирующие технику, и вовсе не ставятся и не могут ставиться и разрешаться в условиях капиталистического общества. Они ждут социализма и вместе с ним войдут в жизнь»,— вот в такое время лозунг «планирования науки для завоевания природы» есть не фраза, *а начало великого дела.*

Задачи, стоящие перед общественными науками, понятно, не исчерпаны. Марксизм завоевал эти науки только в самых основных пунктах. Метод Маркса, Энгельса и Ленина ждет применения для всей истории человечества, для всех ее вопросов, чтобы ее осветить, сделать собственностью масс.

Социалистическая революция представляет собой громадную вышку, с которой много видней, чем это было во время Маркса. Он смотрел на развивающийся капитализм и дал гениальный анализ его движущих сил. Мы видим капитализм в стадии упадка, в стадии конвульсий. И так, как трещины в земной коре, вызванные вулканическими потрясениями, позволяют геологам лучше изучить геологические процессы, прошлое земли, точно так же трещины, которые дал капитализм, позволяют нам лучше проникнуть в его механизм. Наука накопила громадный новый материал в области общественных явлений, который должен быть разработан материалистическим методом. Но и материалистическая диалектика не является чем-то застывшим, она конкретизируется, улучшается в связи с новым материалом, ею прорабатываемым, как улучшается инструмент в связи с новыми материалами, которые он обрабатывает. Марксизм должен решить большое количество старых общественных вопросов с точки зрения нового опыта, он должен решить ряд новых общественных вопросов, которые раньше перед ним не вставали, или которые теперь встают по-новому. Ленинизм является новой ступенью развития марксизма во всех областях, ибо он является марксизмом, примененным к эпохе социалистической революции. И борьба, происходящая за поднятие марксизма во всех областях общественных наук на высшую ленинскую ступень, борьба, происходящая в ряде научных дискуссий последних лет, может только людям, не понимающим тех громадных исторических сдвигов, которые

переживает мир, казаться чем-то искусственным, случайным и наносным. Какие бы преувеличения, ошибки ни свершались в ходе этой борьбы, мы поднимаемся в ней на высшую ступень марксистско-ленинского сознания.

Но история шагает вперед и ставит *новые* вопросы. Общественно-марксистские науки имеют перед собой не только в странах разваливающегося капитализма, но и у нас еще, громадные задачи. *Но уже на горизонте показалась величайшая задача*, которая в будущем станет главной задачей: *марксистское естествознание*, т. е. естествознание, которое, исходя из единства природы и ее развития в противоречиях и через противоречия, будет решать великую задачу подчинения природы человеку.

Мы теперь бьемся над ликвидацией остатков классов в СССР, над созданием бесклассового общества. Нам придется еще биться за эту задачу в мировом масштабе.

Уже для того, чтобы выполнить задачу удовлетворения растущих потребностей сотен миллионов, которые хотят не только кушать хлеб с маслом и есть свинину, одеваться, иметь квартиру, но которые хотят и в самой последней деревне слушать радио, жить культурной жизнью,— для этого всего, не выполнив еще задачи полного завоевания общественных наук марксизма, мы должны взяться за великую задачу завоевания естественных наук и решить основную задачу человечества — покорение природы человеком.

В Колонном зале заслушивались доклады о вопросах, о которых никогда не говорили на больших публичных собраниях,— о физике и химии. Многое из этого мы, политики, общественные деятели, к сожалению, безграмотные в естествознании, не поймем. Для наших детей понимание этого будет обязательным. При приеме в партию через десять лет будут спрашивать не только, почему Ленин дрался с Мартовым и Аксельродом за первый параграф устава партии в 1903 г., но и о том, существует ли материалистическое зерно в теории относительности Эйнштейна и если да, то в чем оно состоит?

И вот мы, люди старого поколения, сидя в Колонном зале, должны хотя бы ощущать радость за будущее поколение, которое овладеет великой наукой о природе, по-

ставит ее на службу народным массам и всему человечеству. Написав это, я извиняюсь за «будущее поколение»: откладывать это для будущего поколения было бы наверно *правым уклоном. Овладеть наукой должно то поколение, которое теперь идет в бой. Лозунг «догнать и перегнать мировую технику» — это есть лозунг ближайших десяти лет, и я глубоко убежден, что он будет претворен в жизнь.*

Апрель 1931 г.

ПОЭТ СТРОЯЩЕГОСЯ СОЦИАЛИЗМА

Каждая статья, которую за последние годы присылает нам Максим Горький, является подарком, радостно приветствуемым рабочим классом. Статьи его являются не просто статьями знаменитого писателя, которые прочтешь и отложишь, они вносят бодрящую струю в нашу жизнь,— и будущий историк великой и жесткой эпохи, ломки остатков капитализма и постройки фундаментов социализма обратится к этим статьям, как к документам эпохи, как к составной части великого времени. Когда перечитываешь эти статьи, удивляешься, как через пространство передается больному писателю энергия, оживляющая наш рабочий класс, как он там, вдали, чувствует, воспринимает всякое движение рабочих масс здесь. Враг СССР, враг борьбы рабочего класса воем своим показывает, что он оценивает громадное значение творчества Горького для СССР так же, как мы. «Социалистический вестник» пишет о Горьком с пеной у рта: «Не знаю, добровольно ли записался Горький на старости лет в чекисты, но факт таков, что именно Горький выполняет за последнее время самые грязные поручения ГПУ по части обработки общественного мнения и что нет того гнусного дела, провозвестником и песнопевцем которого не выступил бы он на страницах советской и международной печати». Так пишет г-н Дан, вождь меньшевиков, в «Социалистическом вестнике» про Горького. Великолепно пишете, г-н Дан! И Горький наверное вместе с нами признает, что он заслужил ваши нападения.

Мне пришлось в 1922 г. выступить против Горького, когда он во время процесса эсеров выступил с обвинением

советской власти в том, что она в малокультурной стране не бережет, не щадит тонкой интеллигентской прослойки. Я пытался объяснить тогда колебания Горького, кровно связанного с революцией, с пролетариатом, его характером просветителя, переоценкой им интеллигенции и ее роли в развитии социализма. Обремененный ужасом перед диким насилием, которым переполнена была старая русская жизнь, Горький в то время не понял, что *теперь* насилие служит делу создания новой жизни, более достойной человека. Сегодня, читая статьи Горького, пытаешься установить те моменты, которые позволили ему преодолеть колебания, посмотреть прямо в глаза революции и принять ее целиком, как ее родила история. Ответ на вопрос, как Горький стал полным и вдохновенным выразителем борьбы пролетариата за строительство социализма, поможет уяснить нам многое в вопросе о пролетарской литературе и в вопросе о сдвигах в ее сторону среди писателей, идущих к пролетариату.

Самый великий поэт, которого выдвинул молодой буржуазный мир, поэт, стоящий еще на грани гибнувшего феодализма и рождающегося капиталистического мира, Гете, задумываясь о величии человеческой жизни и давая картину ее в своем «Фаусте», нарисовал мятежную жизнь, полную искания, жизнь, которая кончается величественным аккордом, аккордом органов в баховских хоралах. Фауст, проведший жизнь в боях с мыслью, в боях со страстью и не нашедший момента, к которому мог бы обратиться со словами «чудное мгновение, прекрасно ты, продлися же, постой», находит этот момент в великом творческом труде:

«Стоит болото, горы затопляя,
И труд оно сгубить готово мой.
Я устраню гнилой воды застой,—
Вот мысль моя последняя, святая!
Пусть миллионы здесь людей живут,
И на земле моей свободный труд
Да процветет! На плодоносном поле
Стада и люди будут обитать
И эти горы густо населять,
Что по моей возникли мощной воле.
И будет рай среди моих полян;
А там — вдали — бессильный океан

Пускай шумит и бьется о плотины,
Все превратить стараясь в руины.
Конечный вывод мудрости один,—
И весь я предан этой мысли чудной:
«Лишь тот свободной жизни властелин,
Кто дни свои в борьбе проводит трудной».
Пускай в борьбе всю жизнь свою ведет
Дитя, и крепкий муж, и старец хилый,
И предо мной восстанет с чудной силой
Моя земля, свободный мой народ!
Тогда скажу я: — «Чудное мгновенье,
Прекрасно ты, продлися же! Постой!»
И не сметут столетья, без сомненья,
Тогда следа, оставленного мной.
В предчувствии минуты дивной той
Я высший мир теперь вкушаю свой».

Статьи Горького дышат ощущением копошащегося советского муравейника. Они полны великой радости творчества, которое одушевляет рабочих и лучшую часть крестьянства. Они полны чувства радости, что растет в труде и борьбе новое племя, которое изменит облик земли, что растет новый человек, что женщина просыпается от векового рабства, что крестьянин, раньше вьючное животное в истории, приближается к жизни мысли, к завоеваниям человечества. Просмотрите статьи Горького за последние недели. В Сибири иркутские товарищи подготовляют журнал «Будущая Сибирь», посвященный этнологии и краеведению. Журналов у нас уйма, и мы, получив эту «Будущую Сибирь», даже не обратили бы на нее внимания. Перед глазами души Горького встают дремучие леса Сибири, богатства ее недр и эти кряжистые сибиряки, которые их добудут, перед душой его встает картина десятка забытых народностей Сибири, которые имели только одно право — вымирать. И он видит, как развернут эти «инородцы» свои силы, чтобы лететь к солнцу социализма. Вот статья к серпуховским рабфаковцам. Они сообщили ему, как за последние годы в их городишке возникло 5 учебных заведений, как они развиваются, и перед глазами Горького восстает картина старого русского захолустья и картина той новой жизни, что возникает под рукою пролетариата на наших провинциальных пустырях. Провинциальная наша печать празднует в этом году во многих местах свое десятилетие. Она возникла во вре-

мя гражданской войны на желтой, красной и синей оберточной бумаге и теперь является великим рычагом мобилизации и организации народных масс. И снова Горький наглядно видит десятки тысяч рабкоров, селькоров, военкоров. Эти массы являются не просто щупальцами газеты, а творцами новой жизни, стремящимися отобразить великую эпоху, стать ее певцами.

И именно потому, что Горький понимает великий творческий порыв народных масс и чувствует, что они не только пытаются создать новую жизнь, но что они ее создадут, Горький — этот гуманист в лучшем смысле этого слова,— Горький — этот ценитель человека — находит в себе решимость к беспощадной борьбе и пишет свою великолепную, острую, как нож, статью гуманистам, статью, которая звучит, как громкая пощечина всем человеколюбцам, мирящимся с капитализмом, его зверством, его дикостью и читающим проповеди вегетарианской морали рождающемуся миру социализма. Горький пишет статью «Если враг не сдается, его истребляют», статью, которая звучит, как приказ по полку, находящемуся в бою. Мир, который рождается, сведет насилие к минимуму, и поэтому он имеет право применять насилие к защищающим строй, в котором горсточка капиталистов насилует волю миллионов, чтобы их эксплоатировать.

Мы печатаем одновременно со статьей Горького статью великого французского мелкобуржуазного писателя, признавшего после долгой внутренней борьбы необходимость пути, по которому пошел наш пролетариат под руководством Ленина. Мы ему вчера сказали, что если он признал необходимость гражданской войны против империализма, то ему надо пробивать себе путь к народной массе, ибо без нее нельзя бороться против империализма. Ромэн Роллан пребывает в одиночестве. Он оторвался от буржуазии и не нашел еще пути к пролетариату. Горький, старый любимец передовых рабочих, является поэтом десятков миллионов. Нет в мире писателя, который бы так слился с борьбой народных масс своей страны, как это сделал Горький — раньше буревестник, а теперь вестник великой стройки социализма. Чтобы поэт мог так слиться с народом, для этого нужно, чтобы этот народ скинул ярмо капитализма, завладел печатью, завла-

дел издательствами, пробил себе путь к мысли, ощутил потребность высказать в искусстве то, что переживают миллионы. Поэты пролетариата на Западе вплоть до его победы могут быть поэтами авангарда, но для того, чтобы стать в будущем поэтами целого трудового народа, им надо стать в ряды борющихся против власти капитала за власть рабочего класса. Максим Горький стал в ряды пролетариата в тяжелое время царизма. Тогда он врос в него корнями, и поэтому он мог теперь, в великий период расцвета и роста народных масс, оказаться во главе их, как выразитель их дум и чаяний.

Январь 1932 г.

ЭПОС КОЛЛЕКТИВИЗАЦИИ

«Поднятая целина» Мих. Шолохова, печатавшаяся в минувшем году в «Новом мире», появилась отдельной книгой в издании «Федерации».

Новый роман Шолохова является крупной победой советской литературы. Этот роман опровергает тезис немецкого поэта: «Что должно жить в песне, то должно умереть в жизни». Советская литература всегда боролась против такого взгляда, согласно которому только отошедшее в прошлое, улежавшееся, застывшее может быть предметом крупного художественного изображения. Но, отклоняя этот взгляд в принципе, советская литература не всегда умела давать на ходу, идя вслед за событиями изображения, достойные тех великих дел, которые творит рабочий класс СССР.

Некоторые из наших писателей, не будучи в состоянии дать художественное полотно несущихся вихрем событий, пытались схватывать действительность при помощи фотографического снимка или при помощи поверхностного очерка.

Шолохов пошел иным путем: он дал огромное полотно великой борьбы за коллективизацию в глубоко содержательных художественных образах. Ему это удалось, потому что он крупный художник, потому что он не зритель, стоящий в стороне от изображаемого, потому что он выступает как участник сложного исторического процесса — того процесса, который крестьянскую мелкособственническую массу превращает в массу социалистических тружеников. Картина, нарисованная Шолоховым, с жестокой правдой, без всякого прикрашивания и подсахаривания,

показывает борьбу за коллективизацию в одном из крупных районов СССР.

Если бы имелся сейчас налицо такой исполинский писатель, который стоял бы в уровень с ростом современного коммунизма, то он нарисовал бы эту картину не только в рамках СССР, но в рамках всего мира. Он показал бы, может быть, как в самой «свободной» стране мира — в САСШ, где не было власти помещика, европейский выходец, сбежавший от ига феодализма, завоевал землю в борьбе с природой и индейцами и создал свободное фермерство. Он показал бы, как этот свободный фермер шаг за шагом подпадал под власть железнодорожных компаний, под власть скупщика хлеба, под власть продавца удобрений и сельскохозяйственных машин, как свободный от ига феодализма фермер становится рабом капитализма, как он не может себе купить трактор и комбайн, как он попадает в кабалу мирового рынка, как бежит в город, бросая заложенную землю, или как он на «своем» автомобиле отправляется в Вашингтон для того, чтобы требовать освобождения от кабалы.

Оттолкнувшись от этого далекого берега, художник международного коммунизма показал бы, как в Стране Советов победоносный рабочий класс, создав наперекор затруднениям великую социалистическую промышленность, дает трактор и комбайн вчерашнему крепостному и, разбивая скорлупу его крестьянских суеверий, опираясь на крестьянский актив, созданный долголетней историей, строит социалистическое хозяйство.

Наши художники, к сожалению, еще не думают континентальными масштабами, еще не умеют увидеть судеб крестьянства ЦЧО, Дона или Кубани с точки зрения международной. С этим мы не должны примиряться. Наша обязанность все время твердить писателю о том, что происходящее в нашей деревне имеет не только русское, но и международное значение. Надо признать, что в этом отношении Шолохов еще не стоит на должной высоте.

Однако, к чести Шолохова надо сказать, что он не только сумел дать красочную картину социального и бытового уклада на Дону, но и картину тех трудностей, которые стоят на путях коллективизации. Рождение колхозов и борьбу за их укрепление Шолохов показывает

не отвлеченно, а с полнотой индивидуального колорита, индивидуальных черт и — что особенно важно в художественном отношении — он вскрывает все тенденции, ведущие вперед, равно как и силы, тормозящие движение; все трудности и все возможности, позволяющие эти трудности преодолеть, даны Шолоховым не в абстрактных рассуждениях, не в схематических фигурах-символах, а в живых, конкретных людях, в собственных лицах, с особенным биением сердца у каждого героя.

Трудности коллективизации, это — переделка мелкособственнической природы крестьянства, сложившейся и веками воспитанной на основе мелкого производства. Эта мелкособственническая природа присуща крестьянству во всем мире. Только на-днях венская социал-демократическая «Рабочая газета» напечатала описание клиники для скота. Крестьянин приводит корову, которая должна быть подвергнута операции; он заискивает, суетится вокруг врача и спрашивает: выживет ли корова. Для объяснения своего глубокого беспокойства он цитирует крестьянскую немецкую поговорку: «Если помрет жена, это — бедствие, если погибнет корова — величайшее несчастие». Так думает крестьянин в «культурных», «цивилизованных» странах Запада, и этой мелкобуржуазной стихии в сознании крестьянина не могла сразу устранить пролетарская революция, которая освободила крестьян от власти помещиков. Вот эту собственническую стихию, как главное препятствие коллективизации, и дает Шолохов во всей силе. Во власти этой стихии находятся не только такие кулаки, как Фрол, готовый на любую эксплоатацию и любое преступление ради наживы; в ее власти — зажиточные, в роде Якова Островнова, которого любовь к собственности, стремление увеличить ее толкают на союз с казачьим офицерством, на участие в контрреволюционных организациях и на убийство во имя скрытия следов этой организации.

Эта страсть к частной собственности не чужда даже беднякам, активно пошедшим на борьбу за колхоз и честно выполняющим принятый на себя долг. Бедняк Кондрат Майданников, твердо решивши, что нет другого пути для бедняцких масс, кроме коллективизации, не да-

вая сбить себя с этого пути, тем не менее переживает тяжелейший момент, когда ему приходится расстаться со своим скотом. Он оценивает жажду собственности критическими глазами. Он считает, что она делает его недостойным быть членом коммунистической партии, но он не может сразу выкорчевать из своей психологии тоску по своей никчемной собственности, сданной добровольно в колхоз.

Бунт против частной собственности и ее влияния на крестьянство нашел выражение в ярчайшей фигуре Нагульнова, который давно понял, что нет освобождения крестьянства без его освобождения от цепей мелкой собственности, и который в этом своем индивидуальном бунте становится прямолинейным монахом революции.

Коллективизация не падает у Шолохова с неба, она является результатом общего развития революции и результатом понимания того, что для крестьянства единственный выход из нищеты — в преодолении распыленности крестьянского производства и сплочении крестьянской массы. Те пролетарские силы, которые на Дону ведут борьбу за коллективизацию, даны в целой галлерее фигур, нарисованных с величайшей силой и ясностью.

Кто делает колхозную революцию на Дону?

Позади, где-то далеко — Ленинград и Москва, мерещатся стены Кремля, этого величайшего мотора в истории человечества. По велению Кремля — мозга рабочего класса — Путиловский завод, выковавший волю к социализму в долгой исторической борьбе с царизмом и капитализмом, посылает на Дон бывшего матроса, рабочего-металлиста Давыдова — одного из 25 тысяч старых пролетариев, брошенных партией на помощь крестьянству. Вблизи села есть уездный город с маленькими заводиками, производящими масло из подсолнухов. Райком продумывает положение в Гремячем Логу, следит за развитием событий в нем, дает инструкции гремяческим работникам, посылает туда агитколонну с Осипом Кондратко во главе, который работал сначала в Ростове-на-Дону, потом в Мариуполе и, наконец, в Луганске, откуда пришел в Красную гвардию, чтобы подпереть своим широким плечом молодую советскую власть. Кондратко оставляет в деревне молодого комсомольца — рабочего

Ивана Найденова, веселого парня, умеющего подойти к крестьянской массе с рассказом о страданиях крестьянства под капиталистическим игом. Этими присланными людьми не исчерпываются кадры, на которые может опереться пролетарская революция, переделывающая деревню на социалистический лад. Она уже раньше глубоко бороздила Дон в боях с белыми, и, когда прошумели бури гражданской войны, то там, на Дону, остались не только казаки, боровшиеся против советской власти, но остались и те, которые боролись за советскую власть.

Это не только бедняки. Среди них есть сыновья середняков (например, Нагульнов), которые нашли в рядах Красной армии, в участии в пролетарской революции новое мировоззрение, выражение своих чаяний, и которые, окрепнувши в бою, стали навсегда борцами за социализм. Но в ряды бойцов за коллективизацию не попадают некоторые герои гражданской войны — партизаны, как Тит Бородин, которым советская власть помогла подняться из положения бедняка и которые, опьяненные стремлением к индивидуальному хозяйству, вовлечены в поток кулацкого движения. В фигуре Тита Бородина Шолохову удалось дать яркую картину этого обволакивания бедняка кулацким движением, картину, которая потому так убедительна, что Шолохов сумел понять не только великую драму коллективизации, но и маленькую трагедию бедняка, тяжелым трудом выбившегося из самой черной нужды и ставшего жертвой приобретенной собственности: Тит Бородин отрывается от идущего вперед крестьянства и вступает с ним в конфликт. Картина, когда Нагульнов арестует своего фронтового товарища, выбывшего из наших рядов и перешедшего в ряды врага, дышит жизненностью и убедительностью.

Основной отряд борющихся за коллективизацию состоит из бедняков, и их рисует Шолохов диференцированно без ложной идеализации. Стоя на стороне бедноты, он умеет дать картину не только рваческих фигур, в роде бедняка Щукаря, зарисованного с величайшим юмором, но и фигуры идейно колеблющихся — фигуры, не дошедшие до конца пути. Рахметов — бедняк, жену которого белые своими издевательствами довели до са-

моубийства, представляет наиболее положительный тип бедняка, умеющего рвать в личной жизни с тем, что ему мешает вести борьбу. Но именно то, *как* Шолохов рисует этого человека в плену у женщины, выражающей мелкособственнические инстинкты, *как* он рисует его разрыв с нею, показывает размеры шолоховского мастерства. Если вдуматься в совокупность бедняцких типов, выступающих в книге Шолохова, то эти типы можно взять за иллюстрацию к дискуссиям о колхозах, имевшим место в последнее время, к предостережениям от некритической идеализации даже наших лучших деревенских работников, нашей бедняцкой опоры. Это указание тов. Сталин сделал для того, чтобы сказать пролетариату, партии, что колхозные активисты нуждаются и будут долго еще нуждаться в ежедневной помощи пролетарских отрядов, прошедших все испытания революции. Шолохову, как художнику, делает величайшую честь то, что его картина настолько правдива и настолько трезва, что она отвечает этим указаниям.

Кто борется против коллективизации? Шолохов мастерски рисует фигуру есаула Половцева — кряжистого подпольщика из казачьего офицерства, который является организатором кулаков во имя помещичье-кулацких интересов. Подготовляя восстание, он не призывает к бойкоту колхозов; он, наоборот, приказывает зажиточному Якову Островнову, которого делает главным организатором борьбы, вступить в колхоз. Половцев знает великолепно: открытых кулаков советская власть отрежет от крестьянской массы, вышлет; середняк пойдет в колхоз, ибо колхоз представляет для него больше выгоды. Надо, следовательно, быть в колхозе, и он направляет туда Островнова — великолепного хозяина, ненавидящего советскую власть за то, что она ему не позволяет стать кулаком Пусть он в колхозе выбьется своей хозяйственной умелостью, поворотливостью, пусть завоюет не только доверие колхозников, но и доверие власти. Он пригодится для саботажа, он пригодится для того, чтобы направлять хозяйственные старания не в ту сторону, куда надо, и он сможет стать организатором борьбы против социалистических целей колхоза, а в подходящий момент — организатором восстания.

Сеть, которую плетет в колхозе Половцев, охватывает не только кулаков, не только часть зажиточных, но даже бедняка Хопрова, который за попытку вырваться из нее платит жизнью. Колебания середняцкой массы, решившейся сегодня войти в колхоз и завтра забузившей против него под влиянием «левых» ошибок, под влиянием перепрыгивания деревенскими коммунистами через ближайший этап развития, под влиянием кулацких сплетен,— эти колебания Шолохов показывает с необыкновенной силой. Легкость, с которой удается заколебавшихся середняков снова вернуть в колхоз после статьи тов. Сталина («Головокружение от успехов»), доказывает с убедительной наглядностью, насколько созрела необходимость коллективизации. *Сила*, с которой горсточка деревенских коммунистов, несмотря на все издевательства, защищает колхозное дело, пока ей на помощь не приходят бедняки, *победа* колхоза над центробежными тенденциями представлены Шолоховым так, что всю эту динамику борьбы можно буквально нащупать руками.

Центральной фигурой на стороне врагов колхоза Шолохов выдвинул зажиточного Островнова и сумел с необыкновенной убедительностью показать в этом лице борьбу тенденций, происходящую даже среди зажиточных. Островнов спутался с контрреволюционной организацией. Островнов ненавидит советскую власть за то, что она не дала ему стать кулаком, но даже Островнов, как хозяин, видит, что колхоз дает ему большое поле для творческой деятельности, что только в колхозе он развертывается, как хозяйственный организатор. Дело доходит до того, что он на минуту увлекается, на момент забывает о роли дезорганизатора, которую взял на себя, на момент забывает, что он должен делать по поручению контрреволюционной организации, и, когда вспоминает, что он связан ею по рукам и ногам, связан кровавой виной, его охватывает ужас. Фигура Островнова полна противоречий, как полно противоречий крестьянство в его разных прослойках.

Великий эпос коллективизации тесно связан с развитием нашей деревенской партийной организации, и с показом этой стороны Шолохов справился в значительной мере. В лице Давыдова он дал стойкого пролетария, ве-

ликолепно понимающего линию партии, умеющего быстро выправить сделанные ошибки. Замечательно то, что, рисуя эту фигуру с великой любовью, автор одновременно делает Давыдова укрывателем Островнова — организатора саботажа в колхозе. Давыдова прельщают в Островнове его организационные таланты, его хозяйственные способности. Давыдов приехал из Ленинграда, он вырос в *другой* обстановке, не имеет развитого до последней чуткости нюха к деревенской действительности и поэтому, увлекшись «использованием» умелого хозяина, не замечает в нем контрреволюционера. Нагульнов, данный в романе с исключительной силой как представитель «левого» уклона, не доверяет Островнову, но льет воду на его мельницу, именно благодаря «левым» ошибкам, которые делает и которыми отталкивает на время середняцкие массы.

Наиболее слабо дан секретарь райкома Коржицкий — представитель другого источника «левого» уклона в деревенской политике, а именно: чиновничьей жажды блеснуть перед начальством большими цифрами побед, завоеванных хотя бы на бумаге.

Книга Шолохова захватывает всякого читателя, который дает себе отчет в величайшем значении коллективизации и который пытается ясно представить себе, как происходит этот великий исторический процесс. Хотя автор охватывает только картину происшествий на Дону — и то в первый период массовой коллективизации, в мануфактурный ее период, когда не вступили в бой еще главные орудия сельскохозяйственного переворота — тракторы и комбайны,— все же первый том шолоховского романа служит для читателя введением в дальнейшие акты великой исторической драмы. Характерно для оценки правдивости шолоховской картины то, что опыт развития колхозов за последние два года показал ярко целый ряд явлений, которые в зародыше даны уже у Шолохова. Крупный художник дал реалистический роман, и поэтому мысль, приведенная в движение событиями, последовавшими через два года после той стадии борьбы, которую рисует автор, находит в его картине материал для решения вопросов последних дней.

Роман Шолохова написан перед последними дискуссиями о творческих путях в нашей писательской среде. Слово о *социалистическом реализме* не было еще брошено в среду писателей, когда Шолохов писал свой роман, и, несмотря на это, роман Шолохова есть образец социалистического реализма. Он *не фотографирует* жизнь, он дает великую *динамику* борьбы. Автор понял, куда направляется исторический процесс, а так как исторический процесс идет, несмотря на все затруднения, к социализму, то жестокая картина борьбы за коллективизацию говорит в пользу жизненности, незыблемости колхозного движения. Белые попытались использовать некоторые сцены из книги Шолохова. Пусть напечатают весь роман, мы против этого не будем возражать, ибо роман Шолохова есть не только картина великой борьбы, которую читаешь с захватывающим интересом, но он является одновременно глубоко убедительным доказательством того, что колхозное движение победит мелкокрестьянскую стихию и выведет крестьянство на новый путь.

Сам Шолохов прошел от «Тихого Дона» до «Поднятой целины» большой путь, как художник и как сознательный человек; художественно он вырос на много голов, он научился не только великолепно показывать людей в движении, в развитии, в борьбе всех противоречий, заложенных в них, но и великолепно рисовать природу. С общественной стороны он сумел понять сложнейший исторический процесс и дать его убедительнейшим образом. Поэтому мы приветствуем его книгу не только как большое событие в советской литературе, но и как общественное дело. Она заслуживает того, чтобы стать достоянием широких народных масс, для которых она будет не только отображением борьбы, но и орудием борьбы.

Январь 1933 г.

ОПАСНЫЙ СИМПТОМ

Заметки читателя

Я уже давно не следил за спорами в нашей литературной среде. Дискуссия, вызванная романом т. Либединского «Рождение героя», заставила меня прочесть роман. Я должен сказать, что и роман и защита его рядом коммунистических критиков способны вызвать тревогу за судьбы нашей пролетарской литературы всякого внимательного коммунистического читателя.

Первое, что бросается в глаза, это — *тема* романа, провозглашенного знаменем для целого литературного направления.

Живем мы во время, наиболее напряженное, наиболее насыщенное содержанием — после Октябрьской революции и гражданской войны. Строительство социалистической промышленности, ломка сельского хозяйства выдвинули сотни жгучих вопросов о жизни миллионов, вопросов, требующих ответа, освещения и художественного оформления.

Не было еще никогда в истории человечества перелома, подобного тому, который должен совершиться в мышлении и жизни *крестьянских масс*, когда они решаются перейти от своего карликового хозяйства к коллективному.

Тысячи лет деревня жила обособленной жизнью, тысячи лет крестьянин хозяйничал на клочке земли, тысячи лет город означал для него только эксплоатацию. Теперь он должен решиться хозяйничать совместно с другими, не на основе дедовского плана, а на основе плана, выработанного научно, на основе указаний, выработанных людьми, живущими за сотни, тысячи верст от него. Он должен

довериться городу, должен довериться современной технике. Писатели пытаются понять и изобразить тот великий труд мысли, который должен был проделать Петр Великий, чтобы решиться на путешествие из Московской Византии в Голландию. Где художник, который изобразит путешествие нашего крестьянина из средневековья в страну коллективизации?

В промышленности мысль бьется над громадными строительными планами и их осуществлением. *Миллионы новых рабочих* приходят из деревни в город, где должны переплавиться в фабричном котле из крестьян в промышленных пролетариев.

Миллионы женщин втягиваются в производственный процесс и начинают жить новой жизнью.

В верхнем, руководящем революцией слое, не много выдающихся женщин. Но не подлежит сомнению, что революция подняла целый пласт женщин на фабрике, в деревне, женщин, которые представляют собою новый тип человека, невиданный ни в одной стране. У нас пытаются начертать на основе старых книг лики женщин, выдвинутых французской буржуазной революцией. Но лицо новой работницы и новой крестьянки, проделывающих величайшую, первую в мире революцию, еще ждет своего художника.

Подрастает молодое *поколение*, которое никогда не видело капитализма. Эта молодежь представляет собою совершенно новый мир. То, что нам, старшему поколению, казалось само собою понятным, не подлежащим сомнению, представляет для молодежи предмет самых больших сомнений. То, что для нее само собою понятно, нам часто кажется более чем сомнительным. Эта молодежь создает под влиянием новой революционной обстановки новые законы, новые мерила, новые масштабы, которые надо изучить и понять.

Доживает свой век целый пласт старой *культурной интеллигенции*, раскалываясь перед смертью на часть, пытающуюся влиться в поток социалистического строительства, и на течение, пытающееся повернуть историю вспять.

Жизнь ставит проблему за проблемой, и все эти проблемы не выдуманные, а уходящие своими корнями в землю,

олицетворяемые живыми людьми, их стремлениями, их радостями и страданиями.

Как бы широко ни охватил мир глаз художника, как бы глубоко ни втягивала воздух грудь его, он не может поспеть за впечатлениями, вызываемыми в нем эпохой, за чувствами, которые она пробуждает, за мыслями, которые она будит. Кругом же происходят величайшие сдвиги, конфликты, борьба классов, доходящая до размеров борьбы континентов. Достаточно назвать такие события, как английская забастовка, подъем и разгром китайской революции, раскаты грома в Индии, трещины, которые дал американский капитализм.

Одним словом, как говорит директор театра в «Фаусте» Гете: «Обратись к полной человеческой жизни, и, где ни бросишь взгляд, она полна интереса».

Литературная группа, к которой принадлежит Либединский, в ряде резолюций и статей указывала на грандиозный характер переживаемого времени и на задачи, которые оно выдвигает перед литературой. Слова *о задачах литературы в реконструктивный период* прямо стали уже штампом.

Писатель, принадлежащий к этой группе, выступает с романом.

Всякий раскрывает роман с большим интересом, ожидая найти в нем отражение великого и грозного времени, но читает с растущим недоумением. Что это такое?

Тема автора — «проблема» пола, как говорится в «Мандате».

Глазам не веришь.

Уже самый выбор этой темы является грозным предостережением. Только эпохи общественного упадка концентрируют свое внимание на сексуальном вопросе. Санинщина появилась после разгрома революции 1905 г.

Но могут сказать, что автор писал этот роман несколько лет назад. Между прочим, никто этого не утверждает. Допустим, однако, что это так, но тогда встает другой вопрос.

В период, когда партия и рабочий класс вынашивали стратегию сегодняшнего дня в тяжелой борьбе, в борьбе, которая стоила величайшего внутреннего напряжения, в борьбе, в которой дело шло о всем идейном наследстве

партии, в борьбе, в которой люди, связанные многолетней дружбой, откалывались друг от друга и расходились,— глаза пролетарского писателя были прикованы в это время к сексуальной проблеме. Как это возможно?

Но, чорт побери, засмотрелся человек на сексуальную проблему — пусть будет так! Многие из попутчиков переоценивают ее значение в революции, но значение ее все-таки всегда громадно.

Революцию делают живые люди, которые живут сексуальной жизнью. Она под влиянием революции подверглась большой ломке, и если бы пролетарский писатель дал картину этой ломки, то мы бы сказали: взялся не за самое важное, но есть ведь о чем писать и на эту тему. Проследить, как изменилась в этой области жизнь народных масс, какие перемены происходят в сексуальной жизни нашей молодежи,— все это имеет свое значение.

Но и с той точки зрения, с какой приступает к теме Либединский, нельзя не подивиться отсутствию у него интереса к тому, что происходит в этой области в жизни масс. Он дает сексуальный вопрос в разрезе переживаний незначительной части верхушки партии и советского актива.

Наконец, человек, доброжелательно относящийся к Либединскому,— а все мы со дня появления его «Недели» хорошо к нему относимся,— может сказать: «Оставьте автору выбор темы, чего к нему пристаете!..»

Я становлюсь скромным, принимаю выбор темы автора и, отбрасывая все претензии к теме, говорю: «*Книга Либединского,— книга лицемерная, не имеющая ничего общего с коммунистическим, пролетарским подходом к тому вопросу, который автор хотел поставить*».

Почему она лицемерна? Она лицемерна потому, что автор дал картину отношений старого партийца Шорохова к молодой комсомолке Любе без всякого общего фона. Читатель не знает, что это: случай, возникший оттого, что Шорохов, не постучавшись, вошел в комнату, когда его свояченица мылась, единичный факт, или это более общее явление, будящее тревогу в авторе. Достаточно только поставить себе этот вопрос, чтобы ответ был ясен. Если это — единичное явление, тогда не стоило бы о нем

писать. Это, видно, явление, требующее в первую очередь *общественного* объяснения. Оно решается в жизни сотен, если не тысяч людей, и решается *вредно с точки зрения общественной*. Решается так потому, что старшее поколение в известной своей прослойке очень устало от прошлой борьбы, от этих неслыханных 13 лет революции, от величайшей нагрузки. У части этого поколения все эти причины вызывают усталость, потребность острых ощущений и притупили чувство общественной ответственности.

Если говорить на эту тему, то в первую очередь надо было дать ее именно *в вышеуказанной связи*, обнажить ее корни. Либединский дает роман Шорохова с Любой *изолированно*, не в его общих отношениях. Этим он закрывает общее явление, отвлекает от него, и в этом есть лицемерие, состоящее в сокрытии зла.

В чем же зло явления, о котором пишет Либединский, ему даже в голову не приходит.

Старый партиец Шорохов, у которого умерла жена, «влюбляется» в молодую свояченицу и женится на ней. Он льстит себя надеждой, что передаст ей весь свой революционный опыт и вообще будет ее воспитывать. Воспитание продолжается недолго. После нескольких дней воспитания у старого партийца начинает болеть голова, он засыпает на заседаниях и спасается от своей воспитанницы закрыванием на ночь комнаты. Это вызывает в объекте воспитания недовольство, приводит к обмену мнений, который кончается бегством героя от конфликта в Туркестан, где он спасает партию от людей, недооценивающих значение национального момента.

Мы спрашиваем, а что было бы, если бы старый партиец не страдал головною болью после первых уроков, данных свояченице?

Тогда все было бы хорошо. Тогда не было бы проблемы.

Так ведь, тов. Либединский?

И тут мы стоим перед тем фактом, что наш коммунистический бытописатель *не увидел вопроса*, о котором хотел писать, подменив его по существу вопросом физиологического несоответствия людей двух разных поколений. А вопрос состоит в том, что *нет любви без равенства*, если дело идет о любви, о совместной жизни двух людей, а не о физической близости, которая сама по себе может быть

очень красива и которую я не намерен здесь лицемерно считать грехопадением. Если дело идет *о совместной, повторяю — совместной жизни* двух людей, тогда центральный вопрос для коммуниста заключается в том, что человек, который в основном весь в прошлом, не может жить с человеком, у которого вся жизнь в будущем. Любовь двух комсомольцев может быть неудачна, может разлететься, но она имеет в основе своей взаимное общение двух молодых развивающихся людей, которые влияют друг на друга и в радости и в страдании. И даже развал такой любви есть элемент их совместного развития.

Если Шорохов обещал Любе и себе, что будет помогать ее развитию, что передаст ей свой революционный опыт, то он обманывал себя и обманывал Любу. Если бы Шорохов давал себе отчет в том, что Люба его физически к себе притягивает, если бы Люба подходила к своему отношению к Шорохову так же, то такое отношение не нанесло бы ран душе Любы. При том положении, которое рисует Либединский, Люба с полным правом смотрит на себя, как на жертву обмана, и в этом есть *опустошающий развал отношений* между Любой и Шороховым.

И самое характерное, что именно этого Либединский не видит, не понимает и пытается свалить вину на Любу, пытается показать ее мещанкой с комсомольским билетом. Даже, если бы Люба была мещанкой, и тогда Шорохов был бы по отношению к ней неправ. Но если Люба — не мещанка, то он нанес ей глубокую рану, подорвав своим «неэквивалентным обменом» то глубокое доверие, которое она к нему имела. И такой исход любви обоих был неминуем, и *в этом исходе — та проблема*, художественный образ которой взялся дать Либединский, но которой он совсем не увидел, ибо не сумел подойти к вопросу, как пролетарский писатель.

Самым капитальным при оценке книги Либединского, как пролетарского писателя, является то, что в трактовке вопроса о любви он ниже даже радикальных буржуазных писателей. В том, как он трактует вопрос любовных отношений двух поколений, он выдает себя с головой, он показывает, что ему вообще чужда пролетарская постановка вопроса любви, как совместной жизни людей, связанных сексуальной близостью. Те, которые защищают книгу Ли-

бединского, обязаны брать в штыки это наше утверждение...

Не лучше обстоит дело с отношением Либединского к *проблеме детей*, которую он ставит в связи с неурядицей в доме Шорохова. Эта общая проблема находит в жизни очень многогранное выражение.

Есть дети, переживающие тягчайшим образом происходящие на их глазах конфликты между родителями: есть дети, которые инстинктивно отворачивают голову от этих конфликтов и отворачиваются от них; есть такие, которые руководятся чисто личной симпатией к новым отцам или матерям, с которыми им приходится жить.

У Либединского мальчик Валя с симпатией относится к новой матери, старший же, Боря, ее не приемлет. Как же Либединский ищет выхода из конфликтов, возникающих в детских душах? По всему ходу романа видно, что он склоняется к тому, что надо детей *изолировать* от этих семейных конфликтов. Боря и другие дети выдвигают идею детских городов, где бы дети воспитывались изолированно от родителей своими руководителями. Но под конец Шорохов отклоняет это решение. Мы не знаем, говорил ли он от имени Либединского.

Идея детских городов есть глубоко *реакционная идея*. Дети страдают не только от семейных конфликтов. Дети очень тяжело страдают от противоречия между коммунистическими идеалами, в которых воспитываются, и картиною жизни, которую видят и в которой не преобладает еще новое. Они видят неравенство, которого мы еще не смогли преодолеть, так как преодолеть его можно, только устранив классы; они видят привилегии среди разных частей трудящихся; они видят часто несоответствие слов и дел старшего поколения, которому доверяют. Нет ни одного чуткого ребенка, который бы не обращал на это внимания.

Либединский хочет спрятать перед детьми картину противоречий молодого строящегося социализма, не выкорчевавшего еще корней капитализма. Либединский хочет скрыть перед детьми неустраненные язвы и болезни, оставленные нам старым строем, устроить ребятишек в лубочных детских городках.

Какие же дети выйдут из этих городков? Как они будут подготовлены к борьбе за преодоление всех тех противоречий, с которыми им придется в жизни встречаться? Конфликты, вызванные семейными неурядицами — только часть тех конфликтов, которые вызывает в детской душе жизнь нашей страны, развивающейся антагонистически. Если Лебединский против спасания детей в страну сказки, то он должен был дать свое решение вопроса, а он его не дал. Роман кончается у него самым возмутительным образом. Шорохов, вернувшись из Туркестана, куда сбежал от молодой жены, откуда вообще ей ничего не писал, узнает, что его воспитательные намерения дали в результате жизнь ребенку. Он навещает мать и с чувством своего превосходства над ней заявляет, что он ей ребенка на воспитание не оставит, чтобы она его не испортила.

Что дает право Шорохову не такое решение,— никто догадаться не может. Ясно только, что Лебединский считает в любовном конфликте, который он изобразил, молодую комсомолку виновной стороной, хотя ее вина состояла в том, что она вызвала головную боль у почтенного партийца, чересчур поздно захотевшего пережить любовную весну.

Некоторые из друзей Лебединского, не будучи в состоянии противопоставить критике его романа ничего путного, пытались спасти роман, выдумывая какое-то глубокое и таинственное содержание, якобы скрывающееся под фабулой книги. Мы не будем даже входить в разбор этих юмористических попыток. Хорош роман пролетарского писателя, который требует полдюжины приятелей-комментаторов, бегущих за читателем и объясняющих, как это делали комментаторы «Песни Песней» Соломона, что-де Суламифь — не Суламифь, а церковь, что груди ее — не груди,— а возвышенность церковных учений, глаза ее — не глаза, а проницательный взгляд церкви.

Я бы не остановился на этой, грубо говоря, смешной попытке втирания очков, если бы она не являлась симптомом опасной болезни, переживаемой нашими литературными кругами. Это распад их на ряд групп, объединенных не только совместными взглядами на проблемы искусства, но и *групповой и кликовой солидарностью*. Хотел бы я видеть, что случилось бы с романом «Рождение героя», если бы на

его обложке стояла фамилия кого-нибудь из попутчиков. Упрек в санинщине — это был бы минимум того, что ему пришлось бы выслушать. Наверно заговорили бы о клевете на партию. Но эту мещанскую книгу написал Либединский, и друзья его не нашли силы в эпоху самокритики отмежеваться от книги. Они бросились защищать ее всеми правдами и неправдами, ибо книгу написал свой человек, и против нее ополчились конкуренты из другой лавочки. Книга объявляется образцом, по которому должна учиться пролетарская молодежь. Защитников Либединского не останавливает факт, что этим они помогают проникновению в пролетариат чуждого ему понимания жизни, тем более опасного, что оно прикрыто всякими разговорами о партии, о революции.

Наша молодая пролетарская литература выросла значительно за последние годы; она имеет ряд достижений. Но ей нельзя почивать на лаврах, и нет для нее ничего более опасного, как дух компанейщины, пытающийся убить в интересах клики критику и критицизм в собственных рядах.

Против этого должны ополчиться все, кому действительно дорого развитие нашей пролетарской литературы.

Июль 1931 г.

Смерть русского капитализма или «Егор Булычев и другие»

Великий писатель Максим Горький, которого мы чествуем в эти дни по случаю сорокалетия его литературной и общественной деятельности, преподнес Советской стране великий подарок. Ни один из тех, кто видал 24 сентября постановку горьковской пьесы «Егор Булычев и другие», не забудет этого вечера. Перед глазами зрителя прошла картина умирания русского капитализма, картина, полная глубочайшей символики, хотя в пьесе нет нарочитой символичности и она выдержана полностью в аспекте драмы одного человека. Герои драмы выступают без ярлыков, но, несмотря на это, слушатель и зритель видит и чувствует, что здесь погибает целый общественный строй.

Горький дает гибель русского капитализма не в многообразии его проявлений. Если бы он попытался впихнуть в свою драму всю русскую буржуазию в ее различных прослойках, начиная от кулака и кончая банкирами, членами наблюдательных советов международных банков, он многообразием типов разбил бы рамки художественного сочинения. Так можно писать только эпос или, точнее говоря, так можно было бы писать эпос, если бы тема была значительно уже, чем грандиозная по размерам и содержанию картина судорог капиталистического мира.

Никто не сумел дать до настоящего времени эпопеи мировой войны. Ни один художник не сумел охватить состязания империалистических армий от Ипра и Вердена до Кут-эль-Амара. Никто не написал до сегодняшнего дня эпопеи развала мирового капитализма, эпопеи мировой революции — от восстания петроградского пролетариата до бунтов фермеров в Иова и землетрясений на нью-йоркской бирже. Перед этой задачей опускаются руки художника. Он может дать картину смерти целого мира и рож-

дения нового в судьбах маленькой группы, он может показать только отражение истории человечества в судьбах людей, подобно отражению солнца в капле воды. Этот путь выбрал Горький. Но очень важно, интересно, как он определил свою точку наблюдения, на чем он продемонстрировал гибель русского капитализма. Выбор он сделал по-горьковски — он дал ту среду, которую он знает великолепно, ту среду, которую он мог нарисовать, как никто. И этот выбор является одновременно глубоко правильным.

Русский капитализм погиб на той своей фазе, когда он перешел в монополистический капитализм. Именно связанность его с мировыми картелями, трестами и банками повлекла его на поля сражений империалистической войны, именно через крупные капиталистические организации действовал мировой финансовый капитал не менее, чем через свою непосредственную связь с романовской династией и ее помещичье-бюрократическими организациями. Но рыба воняет не только с головы. Корнями своими умиравший русский капитализм уходил к деревенскому кулаку и ростовщику. Из простого товарного и денежного хозяйства вырастал наиболее крепкий, кряжистый тип русского капиталиста. Кулацкий капитализм представлял собою как бы сильную, каменную базу, на которую опирались синдикаты и тресты, банки с их разветвлениями и часто карточные домики спекуляции. Суметь дать картину загнивания этих основ русского капитализма — это суметь показать гибель его основных клеток. Горький, знающий великолепно Фом Гордеевых, именно в их среде наблюдает и рисует приближающуюся смерть.

Фигура Егора Булычева нарисована с тем мастерством, которое исключает всякое упрощенство, якобы долженствующее облегчить автору его дело, но в действительности убивающее художественную ценность произведения.

Чего легче дать образ мироеда, эксплоататора, пьяницы, обжоры и затем сказать:— вот тебе так и надо. Революция идет — погибай. Горький дает капиталиста, выросшего из крестьянской бедноты, пробившего себе энергией, смекалкой, кулаками путь к богатству. Булычев наживал, грабил, ибо в капиталистическом мире не может иначе бедный человек притти к достатку. Ругая своего приказчика вором, он признает законность воровства — как же,

без воровства в капитализме прожить нельзя. Его очень радует плутовство трубача, обещающего за 16 рублей вылечить игрой на трубе рак печени. Но этот кулак вышел из народных масс, из крестьянства, которое в нужде искало ответа на вопрос, что такое правда; из крестьянства, которое в сектантских движениях переживало то, что европейская буржуазия XVI века пережила в реформации. И Булычев-капиталист не смог освободиться от той борьбы, которую вели крестьянские массы против крепостнически-капиталистического строя. Эта борьба все еще разыгрывается в груди Булычева.

Во время войны миллионы околевают и гибнут на фронтах. Булычев не может не понимать всего безрассудства этой войны с точки зрения народных масс. Он не может не понимать неминуемости революции. У него нет симпатии к бюрократической своре, к церковной псарне, при помощи которой капитализм гонит на поля сражения народные массы.

Семья Булычева уже дает ростки высшего этажа капитализма. Дочку он выдал замуж за кадетского адвоката-жулика, спекулирующего уже на победе революции, которая должна дать власть хозяевам. Булычев знает, что кадетским жуликам не удержать власти. И, когда, лежа на одре болезни, он слушает «Марсельезу», которую поют демонстранты на улице, он чувствует в февральские дни приближение Октября. Но он не был бы Булычевым, если бы верил в возможность существования власти рабочих и крестьян. Он кулаками пробивал себе путь, он наступал на головы людей, и они склоняли перед ним головы. Есть слабые и сильные, и сильные должны господствовать. Без царя народ не справится.

Булычеву надо помирать. И Булычевым надо помирать. Но Булычев хочет еще жить. Ученым врачам он не верит. Он потерял и старую веру, он не верит и знахарям, юродивым и бабкам. Все они — плуты. Но Булычев хочет жить, и Булычевы хотят жить. И поэтому в глубине души таится еще искорка надежды: а может, вылечат знахари? Когда они приходят его лечить и вокруг него начинается танец средневековых азиатских кошмаров, которыми наполнена была русская жизнь, он их гонит по очереди, чтобы звать следующих.

Булычев должен умереть, нет спасения от рака печени, и нет спасения от рака, который разъел веру в цель жизни у русского капитализма. Булычев мечется в мучениях, скандалит, озорничает не потому, что не знает, почему приходится умирать, а потому, что не знает, для чего жить. Что будет с его официальной семьей, ему наплевать. Он ненавидит свою купчиху, ненавидит дочь и ее мужа, которые в «цивилизованном» виде показывают ему, как в зеркале, в какую мерзость он сам врастал. Но у него есть любимая внебрачная дочь, получившая в наследство от отца силу народного ума («умная как чорт»,— хвастает он) и это стремление к правде, к осмыслению жизни, которое было в народных массах. И Булычев охватывает ужас: как же будет она жить в этом мире мерзости и слякоти? Ведь он не может ей сказать, во имя чего жить.

Максим Горький показал то, что было наиболее сильного в умирающем капитализме, его низовые клетки, росшие из товарного хозяйства, игравшие еще прогрессивную роль разрушителей старых форм и созидателей новых. И эти наиболее глубокие корни оказались гнилыми, разъеденными. У Булычева был рак печени. В фигуре Булычева Горький показал не только неминуемость гибели русского капитализма, но и невозможность его восстановления. Он разъеден раком в своих наиболее здоровых частях. Даже то, чем он связан еще с народными массами, поворачивается против него. Надо быть великим художником, чтобы суметь в одну эту фигуру втиснуть великий символ умирающего мира, не только не лишая ее индивидуальных черт, не только не делая ее бледнолицей абстракцией, а наполняя ее кровью живого человека, заставляя играть всеми мускулами, смеяться смехом народа над мошенничеством религии и рычать голосом убиваемого буйвола.

Под первым впечатлением горьковской драмы, являющейся безусловно крупнейшим событием советской литературы, мы не в состоянии разобрать здесь все богатство фигур, выведенных Горьким в пьесе. Классическая женакупчиха, рабочий скот домашнего очага и одновременно холодная, расчетливая дура; ее сестра, властная игуменья

Маланья — олицетворение связей монастыря с торговым капиталом (вот радость для наших красных профессоров!); нелегальная дочь, которая, может быть, стряхнет с себя семейную грязь и станет революционеркой, а, может, кончит кокоткой; «цивилизованные» родственники; поп и колоритнейшие фигуры чертовщины, которая окружала жизнь истинно-русского капитализма; прислуга-любовница с простыми, чисто человеческими страстями,— все они как бы высечены из мрамора. Каждая из этих фигур говорит очень мало, но она запечатлевается глубоко в памяти зрителя.

Театр Вахтангова поставил эту пьесу так, как она этого заслуживает. Эта вахтанговская постановка принадлежит к лучшим, которые видела Москва. Она делает честь не только постановщикам и режиссерам — Захаве, Басову и Козловскому, но и всему отборному ансамблю актеров, которые, начиная со Щукина, играющего Булычева, и Мансуровой в роли внебрачной дочери Шуры и кончая гротесковой фигурой трубача, данной Кольцовым, сумели создать яркие образы, связанные друг с другом, образы, в которых каждый актер играл не только себя, но играл пьесу. Постановка театра Вахтангова заслуживает подробной оценки специалиста, который, зная лучше, чем автор этих строк, другие постановки театра Вахтангова, сумеет оценить игру каждого из участников этого спектакля в его индивидуальном развитии.

Максим Горький выступил на 64-м году жизни, в свое сорокалетие, полный творческих сил. Драма его — первая из трилогии. Советская литература и общественность будут ждать с глубоким нетерпением продолжения. Пьеса Горького будет, наверное, предметом широчайших обсуждений с точки зрения вопросов пролетарского театра. Горький не принимал участия в литературных дискуссиях, которыми часто заполняли отсутствие художественного творчества. Горький ответил на эти дискуссии творческим актом. Этот творческий акт заслуживает глубокого и вдумчивого теоретического анализа, осмысления творческих методов, примененных Горьким. И эта пьеса Горького несомненно больше поможет разрешить вопрос о задачах и методах нашего театра, чем те дискуссии, которые развивались в последнее время.

Сентябрь 1932 г.

Как Всеволод Мейерхольд попал в Гамлеты и как Жирофле Жирофля начали строить социализм

Театр Мейерхольда поставил пьесу Олеши «Список благодеяний», посвященную вопросам отношения интеллигенции к советскому строю.

Советская актриса Гончарова не любит современных советских пьес. Они, по ее мнению, чересчур упрощены и не искренни. Она увлекается «Гамлетом» Шекспира, где выведен датский принц, живший на переломе средних веков и нового времени. Гамлет — человек раздвоенный, человек, в котором подорваны все начала жизни. Для него умерла старая вера, но он не примкнул к новой, и поэтому для него не разрешен вопрос: «быть или не быть». Для актрисы Гончаровой не разрешен вопрос, что представляет собой советская действительность: кошмарный сон или великую борьбу человечества за новую жизнь?

Актриса Гончарова не только не любит новых пьес, в которых этот вопрос уже решен. Ее мучает и квартирная обстановка, где ей, возвышенной женщине, приходится жить рядом с пренеприятной люмпен-пролетаркой Дуней, выдающей себя за безработную, с пьяницами-соседями и испытывать все прелести такого сожительства. Она со страданием отвечает на вопросы рабочей аудитории, забрасывающей ее после постановки «Гамлета» «нелепыми» записками: «Зачем ставить Гамлета? Кому нужны его сомнения?»

Разве она, Гончарова, не та флейта из «Гамлета», на которой не умел играть Розенкранц, хотя это не мешало ему думать, что он может играть на более сложном инструменте — на Гамлете?

Бедная актриса Гончарова пытается привести в порядок свои мысли и чувства. Гончаровой в этом не помогают ни окружение, ни автор. Они ей не объясняют, с каким критерием надо приступить к решению вопроса о том, является ли советский строй благом или злом. Они не говорят ей, что для решения этого вопроса нужно понимать направление исторического развития, нужно понимать, куда какой класс идет и что он может дать человечеству. Это было бы для Гончаровой скучной политграмотой. Автор предоставляет ей решение великого общественного вопроса на основании ощущений, чувств и настроений. Она ведет список преступлений и благодеяний советской власти. Она тщательно записывает все плохое и хорошее, чтобы вырешить на счетах мучающие ее вопросы. И, когда она уезжает за границу, подсчеты у нее не кончены. На вопрос, вернется ли она, она отвечает, что вернется, но зритель не убежден в этом, ибо счета актрисы Гончаровой окончательно не подведены. В подсознании ее бродит мысль о полноте заграничной жизни и о возможности невозвращения.

Три недели живет в Париже актриса Гончарова, ходит по старым улицам и радуется, что ей не приходится жить для чего-то, для кого-то, что она может ходить, думать, наблюдать, одним словом жить для себя. И ее притягивает не только эта жизнь без общественных обязанностей и постоянного чувства, что ты член общества, кому-то подотчетный. Ее пригласили на международный бал художников и актеров, и она видит в мечтах залитый светом зал, сверкающие бальные платья, радость и наслаждение жизнью... И никто здесь не спросит ее: «Зачем играть Гамлета?» И никто не потребует от ее лирической флейты, чтобы она зазвучала, как боевая труба, зовущая народные массы на борьбу за пятилетку. Гончарова не только большая актриса и терзаемый историческими сомнениями человек. Она также и женщина, которую тянет к балам, бальным платьям и другим проявлениям «свободной жизни». Но у Гончаровой нет денег на бальное платье. Эмигранты используют это положение, подсылают ей портниху, шьющую платье в кредит, и подсовывают квитанцию на бланке эмигрантской газеты. Они крадут у Гончаровой список «преступлений и благодея-

ний» советской власти и оглашают, понятно, только «преступления».

Бедная запутавшаяся Гончарова, объявленная уже частью наших товарищей заграницей предательницей, хочет во что бы то ни стало вернуться в Советский союз Он ей стал родным и близким, и она убеждена, что «пролетариат простит ей ее колебания». Ведь она уже решила, что капиталистический мир мерзок, что искусство его, о котором она так мечтала,— клоунская игра на пиру богача, что эмигрантская среда — мерзкая, обреченная.

Но актриса Гончарова не возвращается в СССР. Мы не будем здесь пересказывать построенную автором криминальную интригу, приводящую к тому, что Гончарова, убедившись в перевесе благодеяний над преступлениями советской власти, не возвращается в СССР, а погибает на демонстрации безработных в Париже от пули русского провокатора, нанятого французской полицией. Дело не в этой интриге, а в том, что автор пьесы *должен был каким-нибудь образом убить Гончарову за границей*, ибо он очевидно боялся, что если она вернется в СССР и снова начнутся ее ежедневные сражения с соседкой Дуней, снова придется ей играть современные пьесы и отвечать на режущие ее ухо и бьющие по ее чувствам вопросы, то она, быть может, начнет снова на счетах высчитывать соотношение преступлений и благодеяний советской власти.

Эффектный театральный конец пьесы так и оставляет вопрос о «злодеяниях и благодеяниях» неразрешенным.

Публике пьеса очень понравилась. Пьеса, как полагается Олеше, талантливо написана. Она сверкает острыми словечками, развертывается живо и имеет ряд очень остро зарисованных типов. Постановка Мейерхольда очень хороша, несмотря на то, что пьеса совсем не типична для этого театра. Трагическая игра Зинаиды *Райх*, *Мартинсон* в качестве истерического эмигранта, хорошо даны типы советских хозяйственников за границей,— все это было очень хорошо принято зрителями.

Но все-таки мы думаем, что актриса Гончарова *на много лет запоздала с решением вопроса* и что вместо того, чтобы погибать на демонстрации безработных в Париже (мы сомневаемся в том, чтобы парижские рабочие

нуждались в руководстве со стороны Гончаровой) и проснуться, чтобы тело ее покрыли красным знаменем,— лучше бы она съездила в Анжерку, Кузбасс, на Магнитострой. Понятно, там ей нельзя было бы играть Гамлета, ибо рабочие и колхозники на этих великих стройках уже давно решили вопрос: «быть или не быть?». Они теперь борются за то, чтобы жить по-человечески. Мы думаем, что на много лет опоздали Олеша и Мейерхольд, требуя от нас сочувствия Гончаровой.

Говоря, что актриса Гончарова запоздала на много лет, мы не хотим сказать, что нет уже интеллигентов, для которых вопрос о соотношении благодеяний и «злодеяний» советской власти не разрешен. Существуют в большом количестве не только такие интеллигенты, но существует и контрреволюционная интеллигенция, для которой этот вопрос окончательно разрешен в том смысле, что она остается нашим врагом. Колеблющиеся и контрреволюционные интеллигентские элементы будут — быть может — существовать до окончательной победы социализма. Идеология имеет большую консервативную силу и она может держать в своем плену часть интеллигенции, пока капитализм окончательно не будет сокращен в ряде капиталистических стран и не исчезнет надежда на реставрацию капитализма. Эти элементы рекрутируются в первую очередь среди интеллигенции, не связанной с производством, с жизнью народных масс, среди интеллигенции, живущей на положении умственных кустарей-одиночек. Не связанная с капитализмом материальными узами, она связана с ним интеллигентским анархизмом, ненавистью к организации, в которой видит неволю, иллюзией «свободы». К этим слоям принадлежит актриса Гончарова.

Запоздала Гончарова или же запоздал ее идейный отец тов. Олеша, с любовью относящийся к ее тревогам, к тому, что она не понимает, как скучна ее раздвоенность и ее дилемма «любить или не любить». Четырнадцать лет биться над такими вопросами! Как вам это не надоело, тов. Олеша?

В чем ошибка Гончаровой, не разъясненная ей тов. Олешей? А в том, что нельзя высчитать на счетах «преступлений» и благодеяний то, что представляет собой со-

ветская власть, по той простой причине, что если считать капитализм злом, а стремление к социализму благом, то не может существовать злодеяний советской власти. Это не значит, что при советской власти не существует много злого и тяжелого. Не исчезла еще нищета, а то, что мы имеем, мы не всегда умеем правильно разделить. Приходится расстреливать людей, а это не может считать благом не только расстреливаемый, но и расстреливающие, которые считают это не благом, а только неизбежностью.

Народные массы, вышедшие из нищеты, народные массы, которые встречали интеллигенцию в качестве представителей капитала, относятся — что скрывать!— без большого сочувствия и мягкости к душевным переживаниям тонко чувствующих интеллигентов, не могущих решить вопрос: итти им с рабочими или нет.

Но пока интеллигенция не поймет, что никакие тяготы переходного времени, никакие страдания не могут освободить человечество от необходимости покончить с капиталистическим миром, если оно не хочет, чтобы капиталистический мир залил, потопил человечество в крови, пока интеллигенция не поймет, что нет другого выхода, кроме пролетарской революции, как бы ни был тяжел ее путь, пока интеллигенция не поймет, что цель, к которой стремится пролетариат, есть величайшее благо,— она будет щелкать на своих счетах и путать свои счеты.

Но тов. Олеша может сказать: «Что же делать, бедная Гончарова ведь Маркса не изучала и не может на основе истории общественных форм решить свой жизненный путь, а решает его, если хотите, суммируя жизненную неурядицу, впечатления от больших событий и осколки мыслей, попадающихся ей из книг и газет. Так ведь люди решают, а не на основе больших схем».

Бывает так, тов. Олеша, но тогда будьте любезны отказаться от убеждения, что интеллигенция — соль земли, что она — чудесная флейта, лучше и сложнее обыкновенной флейты. Тогда скажите: «Вот мы — люди мысли без мысли, умственные труженики, которые умом не трудятся, мы не хотим соседки Дуняши, которая может заслонить собою от нас циклопов, поднимающих величайшие глыбы». Но если дело обстоит так, то где же то зна-

чение роли интеллигенции, которое сквозит из всех переживаний Гончаровой и которого не корригирует тов. Олеша?

Через 10 лет удельный вес этой интеллигенции будет равен нулю. Начнет исчезать разница между умственным и физическим трудом. Новое, крепкое поколение рабочих овладеет техникой, овладеет наукой. Оно, может быть, не так хорошо будет знать, как объяснялся в любви Катулл коварной Лесбии, но зато оно будет хорошо знать, как бороться с природой, как строить человеческую жизнь. Это поколение выдвинет тысячи новых глубоких проблем, достойных того, чтобы за них боролся человеческий дух.

Если Дом Герцена не будет до этого снесен, как неподходящий сосед цепи небоскребов, то в этом доме, быть может, актриса Гончарова будет все еще подводить свои счеты. *Но кому это будет интересно?*

Театр Мейерхольда повернул не туда, куда следует. Десять, пять лет назад эта пьеса, несмотря на все свои недостатки, была бы очень интересной. Но на третьем году пятилетки значение колебаний литературной интеллигенции в бюджете наших интересов очень уменьшилось. Мы рады каждому попутчику, который твердо стал на сторону пролетариата. Но мы создаем уже пролетарскую литературу. Колеблющиеся писатели очутятся за бортом жизни. Большое еще значение имеет отношение технической интеллигенции, учительства к советской власти, но этот вопрос требует другой трактовки, он не решается в той плоскости, в которой трактует вопрос Олеша Пьеса Олеши обращена *лицом к прошлому, а не к будущему.* И Гамлет не перестает быть Гамлетом оттого, что его после смерти покрывают красным знаменем.

Необходимость поворота к той жизни, которой живет страна, почувствовал и *Камерный театр*, один из тех, которые дольше всех стояли на отлете от нашей общественной жизни. Руководителям театра, видно, стало ясным, что они должны или повернуть к современной советской тематике, или стать театром праздных развлечений, в которых ищут переключения на пустяки очень

усталые от напряженной работы люди или наслаждаются пустяками люди, которым нечего делать.

Обновленный Камерный театр — его внешность теперь проста и строга — поставил пьесу *Никитина* «*Линия огня*».

Пьеса дает картину стройки электростанции в деревенской глуши, стройки, на которой, как это всегда бывает у нас, маленькое ядро индустриальных рабочих должно создать технические чудеса при помощи отсталой крестьянской массы, перерабатывая ее, поднимая до своего уровня. Пьеса по существу слабенькая, страдающая тем *отсутствием дифференцированности*, которое отличает лубок от действительной картины. Она разделяет массу только по линии деревни и города. Представители деревенской массы в ней — все на один манер. Они в лучшем случае разделены по возрастам: молодежь более склонна к новшествам, в особенности, если она побывала на гражданской войне. То великое разделение, которое внесло в крестьянскую массу строительство совхозов и колхозов, не находит никакого отражения в человеческом материале «Линии огня». Все рабочие — твердые борцы за социалистическую индустриализацию, все наши хозяйственники — не только хорошие коммунисты, но и хорошие хозяйственники.

Эти слабости пьесы автор перекрывает несколькими *очень живыми фигурами*. Таковы *Мурка*, бывшая беспризорница, которая из бузотерки на стройке становится передовой, убежденной работницей, завхоз стройки *Макарыч* и несколько других.

Блестящая игра *Алисы Коонен*, перевоплотившейся из Федры и Саломеи в великолепную живую фигуру наших дней, отвлекает внимание зрителя от недостатков пьесы.

Но пусть нас ругают эстеты — *простой факт жизненной темы, борьбы за то, что нам дорого, развертывающейся на подмостках театра, делает этот спектакль интереснее мейерхольдовской постановки, несмотря на то, что между талантом Никитина и Олеши большая дистанция.*

Чего же мудрствовать? Если вы скучали на «Списке благодеяний», а «Линию огня» смотрели с напряженным вниманием, то это — приговор жизни.

Мы предпочитаем строящих социализм Жирофле-Жирофля — Гамлету, не перестающему гамлетизировать на третьем году пятилетки. Мы, может быть, люди «грубые», но пьесы ведь ставят не для горсточки «деликатных».

Театр наш борется с недостатком пространства и с недостатком литературного материала. *Таиров* сделал чудеса, дав на маленькой сцене, построенной буквально в коробке, ощущение тех великих глыб, которые поднимают советские циклопы. Все-таки ощущение создается не только тем, что перед тобой на сцене, но и той массой, которую чувствуешь кругом себя в зале.

Недостатки же пьес, которые приходится теперь оформлять режиссерам и актерам, бьют в глаза. Авторы делают как бы чужое дело. Не умеют показать жизнь во всех ее противоречиях, словно боятся, что «список злодеяний» возьмет верх над «списком благодеяний». Не бойтесь, товарищи писатели! Революция не нуждается в пудре и искусственном румянце. Давайте ее, как она есть, и поймите, что революция — не только масса в действии, но и не аморфная масса, не обезличенная, а *масса диференцированная, масса, выкристализовывающая из себя живых людей,* развитие которых надо показать на сцене. Не нужны нам хоры статистов, перед которыми стоит поющий геройскую песню манекен.

На «третьестепенных» наших сценах, где выступает писательский и актерский молодняк, уже начинают появляться такие пьесы. Так называемые квалифицированные авторы не умеют их дать. Это показывает, как далеко они еще стоят от жизни, как мало они органически с ней слились.

Вопрос пространства мы решим в ближайшие годы театрами-гигантами. Но не надо этого ждать. Стройте пока что в рабочих предместьях *театры-бараки* на пять тысяч зрителей, пришедших из деревни рабочих, а авторы пусть себе ставят задачу зажечь сезонника волей к борьбе за новую жизнь. Пусть эти авторы двинутся в колхозы. Соприкоснувшись с этой массой, узнав ее переживания, ее интересы, они перестанут дышать на ладан, начнут дышать полной грудью.

А кто не сможет — пусть сидит в Доме Герцена и хны-

чет. Нам нужны народные писатели и народные артисты, т. е. художники для народа.

Восстановите орден «бродячих комедиантов» и сделайте его почетным. На этих «комедиантов» с пренебрежением смотрит буржуазная история культуры, как с пренебрежением смотрели на них феодальные господа, имевшие крепостные театры. Народ любил их и в старину, учился у них. Странствующие театры, местные театры новых рабочих центров будут нести культуру, энтузиазм в массы, развернут новое великое искусство, оплодотворенное дыханием наших героических народных масс.

Июнь 1931 г.

ПО ПОВОДУ ПОСТАНОВКИ «ГАМЛЕТА»

Театр Вахтангова, один из наиболее культурных и вдумчивых московских театров, поставил «Гамлета». Постановка эта вызвала большие дискуссии в наших литературных и театральных кругах. Большинство высказавшихся до этого времени товарищей отвергает трактовку «Гамлета» театром Вахтангова, но, несмотря на это, широкие круги зрителей смотрят постановку с большим интересом. Но, если бы руководители театра проанализировали моменты, которым публика аплодирует, они увидели бы, что аплодисменты относятся к показному, чтобы не сказать вульгарному, в постановке. Большое удовольствие вызывают цирковые лошадки, гарцующие по сцене, как на улице, и беготня Гамлета в рубашке с кастрюлькой на голове. Все прочее не доходит до зрителя.

Великолепная внешняя постановка, ряд красивейших декораций, но все это только *прекрасная скорлупа, лишенная внутреннего содержания.* И поэтому так трудно писать об игре актеров.

Все они играют очень хорошо с точки зрения той «концепции», которая лежит в основе постановки. Но так как постановка сама неверна, или точнее сказать, так как нет никакой серьезной концепции у постановщика, то на этом ломается и игра актеров. Лучше всего поэтому выходят такие фигуры, которые не играют никакой решающей роли в основной проблеме Гамлета. Фигура короля Клавдия дана Симоновым очень живо, так же хорошо вышла фигура королевы (Орочко), но уже Офелия без всякой надобности (даже с точки зрения, которую можно предположить у постановщика) исковеркана, выходит совер-

шенно непонятной, и все искусство Вагриной пропадает даром. Эти чудесные переломы и переходы в Офелии после ее сумасшествия, когда через детское пробивается задушевная страсть, в вахтанговской постановке отпадают или становятся совершенно непонятными, ибо нельзя вкладывать слова, вызванные величайшими внутренними потрясениями, в уста человека просто пьяного.

Горюнов пытался играть препарированного Акимовым Гамлета просто, натурально, но Гамлет-то у Акимова не Гамлет, а всего лишь неудачный претендент на престол.

И тут мы приходим к оценке акимовской «концепции» и к очень серьезным вопросам, которые она перед нами ставит.

Что представляет собой традиционное представление о Гамлете, герое шекспировской драмы? Ответ на это дает любой словарь. Например, в Малой советской энциклопедии под словом «Гамлет» написано:

> «Имя героя трагедии Шекспира, *ставшее нарицательным:* оно обозначает *человека, в котором рефлексия (мысль) преобладает над волей и лишает его способности к действию*».

Малая советская энциклопедия совершенно правильно передает традиционное понимание Гамлета. Постановщик Акимов спросил себя: «За что мы кровь проливали! Почему я обязан смотреть на Гамлета глазами помещиков и капиталистов». Он решил освободить себя от этого ига представлений, широко распространенных со времен гетевских «Ученических годов Вильгельма», ибо, хотя насчет трактовки Гамлета существует громадная литература, все ее споры сводятся по существу к оттенкам в рамках гетевской трактовки.

Мы не только признаем за советскими режиссерами, актерами и постановщиками право смотреть на памятники искусства своими глазами, но мы приветствуем такое стремление. Но тогда надо подойти к памятнику искусства *не просто с новой точки зрения, а с точки зрения нашего мировоззрения, с точки зрения наших исторических взглядов.*

В немецком сатирическом журнале «Симплициссимус»

я видел картинку, представляющую человека, который стоял на горе и, просунув голову между ногами, смотрел на открывающуюся панораму. Под этим было подписано: «Новое мировоззрение». *Не все, что «новое», правильно и наше!*

Акимов решил дать Гамлета по-новому, но он подошел к постановке не с точки зрения диалектического материализма, а с теми воззрениями, которые коммунистическими считают некоторые литературные круги, поверившие, что диалектический материализм есть грубое и вульгарное упрощенство.

В «Гамлете» герой колеблется, не может решиться на месть за отца, хотя она является с феодальной точки зрения простой обязанностью королевского сына. *Эти колебания и размышления и являются содержанием драмы о Гамлете.* Постановщик пришел, видно, к убеждению, что с рабоче-крестьянской точки зрения нельзя признать за презренными буржуями, а тем более за королевским сыном какие-то колебания, сомнения, размышления. Все это, наверное, выдумали для прикрасы эксплоататоры пролетариата! Коммунист не даст себя провести! Гамлет не должен колебаться. Философские его размышления — долой, тем более, что он заведомо попадает в идеалистический уклон.

И дает Акимов драму о Гамлете, как *голую борьбу за власть.* Гамлет, чтобы отнять у захватчика похищенный престол, разыгрывает сцену с духом отца, убивает по ошибке Полония, приняв его за короля и т. д. и т. д.

Эта концепция выхолостила Гамлета полностью. Мы не говорим уже о том, что все эти упражнения над текстом не выдержаны до конца, что много раз Гамлет и Офелия повторяют слова Шекспира, не имеющие никакого отношения к этой концепции.

Но спросим зрителя, интересно ли ему смотреть на драму, в которой средневековые короли и принцы дерутся за власть и друг друга убивают? Что это кому дает? Зритель остается холодным. Мастерство актеров пропадает даром.

Но существует ли *водораздел между традиционной трактовкой Гамлета и нашей, марксистской?* Да, он суще-

ствует, но он не состоит в упрощенстве, которое считает, что борьба в лагере феодализма, а тем более в лагере буржуазии, происходила без всякой философии, без всяких мировоззренческих обобщений, что она не вызывала глубоких чувств и страстей, что она была какой-то оголенной интригой. Водораздел происходит между *попыткой помещичье-буржуазной критики сделать из Гамлета общечеловеческую вечную категорию и марксистским взглядом, который видит в Гамлете памятник эпохи, эпохи ломки, смены старого новым.*

Если у Гете центр оценки Гамлета в том, что «от Гамлета требуется невозможное, не по существу своему невозможное, а только то, что невозможно для него; великое дело возложено на душу, которой оно не по силам», если таким образом центр тяжести у Гете в *индивидуальном*, в противоречии цели и воли индивидуума, то для нас решающее в трактовке Гамлета в его словах:

Распалась связь времен,—
Зачем же я связать ее рожден?

Гамлет для нас — тип человека XVI столетия, периода начала Реформации. Он человек, в котором подорваны, но не устранены все старые верования; представитель старого умирающего класса,— он уже не способен на прямые действия, вытекающие из старого мировоззрения.

И марксистская постановка «Гамлета» требовала *оттеснить все эти внешне-драматические сцены из «гиштории», страшные убийства и выдвинуть на первый план именно процесс ломки мировоззрения, вызванный борьбой классов, как почву колебаний Гамлета.* Постановщик смутно чувствовал подобную необходимость, вкладывал в уста Гамлета слова Эразма Роттердамского о времени, в котором хорошо жить. Он этими словами, вложенными вторично в уста Горацио, кончает драму. Но выходит совершенная нелепость: кругом убийства без всякой нужды и причины, Гамлет просто неудачник в борьбе за власть, и над трупами короля, королевы, Лаэрта и Гамлета приятель его говорит, что очень хорошо жить. Понятно, эти слова Эразма Роттердамского в постановке Акимова приклеены к Гамлету без всякой связи, они вообще не свойственны Гамлету, ибо человек умирающего класса не

может симпатизировать такой жизнерадостной философии. Приглашенный на помощь Эразм Роттердамский показывает только, что Акимов не понимает Гамлета.

Но чем больше постановка подчеркнула бы ломку мировоззрения Гамлета, подчеркнула бы момент, когда гибнет класс и уходит почва из-под ног их представителей, тем более понятен стал бы Гамлет нашим рабочим, на глазах которых гибнут классы, а гамлетизм в другой исторической обстановке повторяется. Разве Ленин не говорил о Гамлетах социализма, применяя понятие гамлетизма не только к колебаниям представителей умирающего класса, но и к колебаниям представителей той части нового класса, идущего к власти, которая связана со старым и потому с ним погибнуть должна?

И тут мы подходим *к основному вопросу: зачем ставить классические пьесы, отражающие идеологию и борьбу других, враждебных нам классов?* Этот вопрос должен быть поставлен в связи с неудачей театра Вахтангова. Должны ли мы ставить такие пьесы? Понятно — должны. Ведь печатаем же мы Пушкина, Гоголя, Гете, печатаем Шекспира. Печатаем их потому, что нельзя создать новой пролетарской культуры, не впитывая и не преодолевая того, что есть самого крупного в культуре погибших и погибающих классов. Класс, который хочет переделать весь мир — наследник всего мира, и точно так же, как он хочет власть свою построить на всем земном шаре, он хочет своей мыслью охватить всю историю человечества. Нет никакого смысла делать различие между печатной книгой и театральной постановкой.

Но из этого следует, что точно так же, как мы не пытаемся переделать Пушкина для того, чтобы опозорить Онегина и доказать, что к Татьяне он испытывал только физическое вожделение и что все его излияния только прием для преодоления ее скромности, точно так же нелепо переделывать драму Шекспира в антимонархическую, антирелигиозную пьесу. Классиков надо *ставить для того, чтобы мы понимали прошлое, и ставить их нужно с той точки зрения, с какой мы относимся ко всем идеологическим надстройкам старого мира.* Мы их расшифровываем, мы показываем их связь с состоянием производительных сил,

борьбы классов, но мы не утверждаем, что этих надстроек нет, что они просто нарочно выдуманы. *Постановка вахтанговским театром «Гамлета» противоречит тому подходу к вопросам культуры, которому учил нас Ленин.*

Некоторые филистеры хвалят эту постановку, защищая право постановщика на свободную переделку старой драмы. Мы можем ответить им словами Ницше: «Свобода — для чего?» Мы признаем право любого автора брать сюжет из истории и дать что-то совершенно новое, но тогда, во-первых: надо освободить старого автора от ответственности за творчество нового, а во-вторых: надо на деле доказать, что у нового автора есть что сказать сердцу и уму читателя и зрителя.

Мы не утверждаем, что Шекспир отчетливо сознавал судьбу гибнущего феодального класса и что с точки зрения этой концепции писал драму. Но не может быть случайным, что жизнерадостная хроника Саксона Грамматика, в которой принц «Амлет» действительно побеждает злодея-дядю, отнимает у него трон, вышла у Шекспира с этим полным пессимизма содержанием. Даже если допустить, что Шекспир не знал Саксона Грамматика, не подлежит сомнению, что он не может *случайно* влить в душу борца за престол столько колебаний и столько сомнений.

Марксистская трактовка «Гамлета» требует не свободной переделки его содержания, а расшифровки его как литературного документа прошлого. Ибо никакого другого содержания, кроме того, которое есть в «Гамлете», в него влить нельзя.

Июль 1932 г.

ДВА ФИЛЬМА

Развитие нашей кинопромышленности в данный момент ограничено тем, что мы должны направлять все наши заграничные расходы на ввоз машин и сырья для *руководящих* отраслей промышленности. Несмотря однако на это, наша кинематография пытается хотя бы в узких рамках вести работу по переходу на звуковые фильмы, подготовляясь к новому скачку, когда после проведения первой пятилетки мы сумеем бросить новые силы на этот немаловажный фронт. Тем более важно в этот период искания новых технических и художественных путей следить за развитием нашей кинематографии.

Нам пришлось просмотреть два фильма. Один — «*Симфония Донбасса*» — демонстрируется публично, другой — «*Одна*» — задержанная потому, что соответствующие художественные учреждения требуют от режиссера ряда исправлений. Но он демонстрировался на общественном просмотре, цель которого заключалась в предоставлении возможности подвергнуть критике не только самый фильм, но и выдвинутые против него соображения.

Вопросы, которые встают относительно обоих фильмов, имеют *не специально кинематографическое, а общеполитическое значение*. Их можно свести к одному,— к вопросу *о политической установке* наших фильмов.

Начнем с ответа на этот вопрос, с оценки «*Симфонии Донбасса*», автором которой является известный кинорежиссер Дзига Вертов.

Фильм этот признан образцовым. По моему глубокому убеждению — да извинит меня автор — его было бы

правильнее назвать «*Какофония Донбасса*» и вообще не демонстрировать.

Какая цель этого фильма? *Пропаганда пятилетки*. Он должен будить производственный энтузиазм. Где же он его видит?

Вызвать энтузиазм призвана сначала девушка, слушающая радио. Ее показывают спереди и сзади по крайней мере раз тридцать. Показывают ее глаза, ухо. Все это неизвестно зачем. Затем показывают, как люди раньше ходили в церковь и пили водку, а теперь закрывают церкви. Разрыв рабочих масс с религией — безусловно крупное проявление пробуждения масс. Но отход рабочих от религии в этом фильме ничем не связан с их борьбой за социализм. Он дан, как голый факт. Получается, что мир делится на верующих и неверующих. И девушка с радио и церкви надоедают через несколько минут. А из скуки энтузиазм, как известно, не рождается

В чем же он наконец, из какого родника он бьет, в чем он показан? Беспрерывно ходят по улице демонстрации и кричат «ура», при чем очень характерно, что в большинстве случаев их снимали не в рабочих поселках Донбасса, а на проспекте 25 октября в Ленинграде, что нетрудно заметить всякому внимательному зрителю. Кроме того, при показе донбасских заводов и шахт в те моменты, когда в звуковом фильме умолкают неистовые голоса фабричных сирен, музыка беспрерывно играет «Интернационал». Энтузиазм выражается в том, что во время работы ударники вместо того, чтобы работать, дефилируют *парадным маршем* перед зрителями под звуки музыки.

Надписи на экране непрерывно напоминают, что все это ведет к социализму, а так как в социализме должны принять участие также и *крестьяне*, то вдруг появляются колхозы с тракторами и радостно поющие украинские дивчата.

Я не буду говорить о том, что режиссер не дал никакой цельной картины производства, а дал лишь монтаж ряда эпизодов (некоторые очень удачно засняты). Можно пройти и мимо того, что у зрителя от непрестанных оркестров и воя фабричных сирен шум в ушах и полнейший сумбур в голове. Он уходит с сеанса не только *не*

сагитированный, не только *не потрясенный внутренне*, но усталый, раздраженный.

Я буду говорить о *политических ошибках* фильма, которые сводятся к *сплошной аллилуйщине*. В чем заключается кинематографическая пропаганда борьбы за пятилетку? Она должна заключаться в отображении тех условий, в которых жили народные массы при капитализме, и в демонстрировании того, к чему приведет социалистическая индустриализация и коллективизация. Кино должно указывать на те затруднения, которые надо преодолеть для проведения пятилетки, те рычаги, при помощи которых они будут преодолены. Поэтому *картина, которая не показывает рвача, летуна, косности, картина, которая не показывает, откуда берутся ударники, в чем состоит ударничество*, картина, в которой все теневые стороны исчезли и остался только триумфальный марш ударников под крики «ура», картина, в которой ударники ничего не делают, а только декларируют: «Я — ударник, я обещаю...»,— *такая картина — ходульная картина и никакой пользы принести не может*; картина, из которой не видно, как в великом котле пятилетки крестьянин претворяется в фабричного рабочего и колхозника, не говорит ничего о *динамике пятилетки*.

Я плохо знаком с проблемами кинематографии, но, несмотря на это, я отдаю себе отчет, как трудно сделать такую картину, как трудно на протяжении 1½—2 часов показать узловые моменты грандиозного исторического процесса наших дней. Но наша кинематография сумела в ряде картин преодолеть трудности отображения сложных социальных процессов. В данной же картине *не только не видно продвижения вперед*, но она, в результате отсутствия в ней динамики, замененной движением поездов и машин, является шагом назад в советской кинематографии.

Самое важное, что можно сказать об этом фильме, это — то, что *он никого в зале не тронул*, несмотря на постоянное размахивание красным флагом и на постоянное «ура». Он — образец того, *как нельзя вести пропаганду*.

Перейдем ко второму фильму — «*Одна*», молодых режиссеров Трауберга и Козинцева.

В основу картины лег известный факт, который в свое время взволновал общественное мнение Советского союза: история об учительнице, отморозившей руки и чуть не погибшей в деревне во время наших боев с кулачеством и спасенной при помощи аэроплана, доставившего ее в Ленинград для операции.

Картина показывает молодую учительницу, окончившую вуз в Москве, мечтающую об обывательском счастье с любимым и о новой хорошей мебели. Обстановка, в которой живет эта учительница, не реальна; ведь даже обывательски настроенные учительницы у нас вряд ли укрываются шелковыми одеялами. Учительница очень потрясена, когда ее командируют на Алтай, но, встретившись с презрением руководящих товарищей, она переламывает себя и едет (но в принятии ею этого решения не видно влияния учительской общественности, по картине это — только результат воздействия морального авторитета седой руководительницы).

После этой *очень слабой первой части фильма* действие переносится на Алтай. Учительница приезжает туда, когда борьба бедноты против баев только что началась. Председатель сельсовета — чиновник, который хочет оставаться нейтральным в борьбе между баями и беднотой. Молодая алтайская девушка, толкающая бедноту на первые робкие шаги по пути борьбы, обращается к учительнице за помощью. Но учительнице нет никакого дела до того, кому принадлежат бараны — бедноте или баям. Она хочет только учить детей. Занимается с ними она честно, и кадры, которые показывают школу и ее учеников, говорят не только о том, что эта учительница сумела найти путь к сердцу этих детей ойратской бедноты, но и то, что *эти дети — уже пробуждающаяся Ойратия*. (Снимки эти захватывают, просто не хочется верить, что так могли играть не актеры, а маленькие ойратские дети.) Когда бай угоняет детей, нанятых им в пастухи, зимой на пастбище, учительнице становится понятной связь между вопросом, кому принадлежат бараны, и педагогикой. Она втягивается в борьбу, становится на сторону бедноты, и когда эта борьба не встречает никакой поддержки у председателя совета, она уезжает в район, чтобы там искать помощи. По дороге байский извозчик

бросает ее в снег, и она отмораживает себе руки. Судьба ее обостряет классовую борьбу в деревне. На общем собрании сельсовета беднота уже решительно наступает на баев. Весть о событиях доходит до центра. Из Новосибирска прилетает аэроплан, чтобы спасти умирающую учительницу. Фильм завершается картиной, показывающей впечатление, которое вызывает у бедноты, не видевшей никогда железной дороги, появление железной птицы и вмешательство советской власти в борьбу с баями на стороне бедноты. Конец фильма представляет потрясающую картину, показывающую бедняка-бандуриста, который в экстазе, с головой, поднятой к солнцу, играет песнь о новой жизни.

Что же выдвинули против этого фильма товарищи, призванные указывать режиссерам на их ошибки и давать политическую оценку фильмам? Упреки их сногсшибательны. Фильм, по их мнению, «объективно перекликается с антисоветски настроенными, враждебными нам группами буржуазной интеллигенции». Акцентировка страданий представляет собой, по их мнению, «призыв к отказу от социалистического строительства». Я должен сказать, что я редко сталкивался с *подобным проявлением бюрократизма, отсутствием чуткости и способности к политической оценке.*

Слабость фильма выражена в его названии. Наша учительница — общественница, борющаяся на стороне бедноты, это — не *землевольческая интеллигентка,* «идущая в народ». Она *не одна.* Фильм не сумел показать советской учительской общественности и средств, которыми она преодолевает обывательщину в учительской среде. Но слабость фильма только в этом. *Когда действие переносится в Ойратию, уже становится ясным, что учительница не одна.* Здесь учительница сразу сталкивается с нарождающейся борьбой бедноты, и она, правда, с опозданием, примыкает к этой бедноте.

Но разве то, что нашим общественницам в глуши, даже не в Ойратии, приходится переносить тяжелые страдания, быть пионерами, разве это не факт, разве это надо скрывать? Если бы товарищи, нападающие на фильм с этой точки зрения, стали во главе производящих кино-

организаций, то они наверное дали бы режиссерам следующий рецепт, как сделать фильм, имеющий задачей втянуть обывательские еще элементы учительства в борьбу за культурную революцию, в борьбу за социалистическое строительство. Они перевезли бы учительницу из Москвы в Ойратию в международном вагоне экспресса. Там бы дети, одетые в красочные костюмы, встретили ее так, как принимали раньше царя при его поездках в провинцию. Они вручили бы ей букет роз и под командой комсомольцев ритмически кричали бы: «Мы жаждем знания, мы жаждем знания». Председатель сельсовета увез бы ее на автомобиле в роскошный дворец науки, где ей отвели бы апартаменты с прекрасной ванной комнатой. Отдыхая после трудной дороги в международном вагоне, учительница, раздевшись, стала бы в ванну под душ. Струи воды закрыли бы то, что не позволяет показывать наша киноцензура, но все-таки зритель усладил бы свой взор созерцанием красивых линий. За завтраком учительница убедилась бы, что председатель сельсовета не менее восхитительный молодой человек, чем оставленный ею в Москве жених. Начался бы роман «с черемухой». Учительница и председательсовета говорят о любви и генеральной линии партии, а параллельно развивается борьба бедноты с баями. Но тогда неизвестно, откуда могли бы взяться в подобной обстановке беднота и баи? *Если бы даже в глухой и отсталой Ойратии было так легко бороться за фундамент социализма, то уже водружались бы знамена на построенном здании социализма.*

Об утверждениях противников этого фильма, что в нем недостаточно выявлена классовая борьба в Ойратии, что не видна помощь советского государства, что картина глубоко пессимистическая — не приходится говорить. *Вся вторая часть фильма действует на зрителя, как призыв к борьбе, действует мобилизующим образом, показывает преступление той части интеллигенции, которая боится тяжелых лишений, выпадающих на долю носителей культуры в диких уголках страны.*

Только лишенные всякой способности чувствовать могут сказать, что «Какофония» мобилизует, потому что в ней кричат «ура», а фильм «Одна» не мобилизует. потому что в ней люди страдают.

Первая часть фильма требует ряда переделок: фильм должен показать борьбу тенденций в учительстве, не прикрашивая благополучия обывательской части учительства. Но вторая часть и в смысле художественном, и в смысле возбуждения глубокой симпатии к классовой борьбе пролетариата и бедноты, которая началась в самых отсталых наших окраинах, и в смысле апелляции к общественному долгу интеллигенции безусловно принадлежит *к лучшим нашим картинам*. Молодые режиссеры Трауберг и Козинцев показали этим фильмом, что *из них могут вырасти мастера*. И советская общественность должна оградить их творческие интересы, должна не только добиться постановки этого фильма (после проведения необходимых изменений), но и показать режиссерскому миру, *что мы не требуем от него ходульных вещей и аллилуйщины*.

Именно выявленная этим фактом опасность, что наша кинематография может взять курс на лубочную картинку, на комвранье, заставила меня вмешаться в этот спор о фильме «Одна», тем более, что подобные факты далеко не единичны. Партия наша вызвала волну *величайшего* в мире *энтузиазма труда* не прикрашиванием условий, в которых живут еще народные массы. Она вызвала эту волну энтузиазма, *разбудив, развязав самокритику широчайших народных слоев*, направленную против всех наших язв.

Товарищам, оценщикам фильма Трауберга и Козинцева, режет глаза председатель сельсовета, переворачивающийся с бока на бок и отвечающий на самые острые вопросы: «Не получал инструкций». А партия добилась *снятия* тысяч таких председьсоветов и этим разбудила массы бедноты, показав им, что советская власть за них. Партия не скрывала того, что *во многих отсталых районах борьба бедноты только что начинается*, она била тревогу, чтобы показать необходимость решительного поворота лицом к бедноте. Партия наша не скрывала от рабочих, от советской интеллигенции, от крестьянства, что проведение пятилетки, а тем более построение социализма — не игрушечное дело, что оно требует крови и пота, величайшего напряжения, что оно *требует жертв*,

но она умела показать народным массам, что *путь к человеческой жизни только через эти жертвы, через это напряжение*, что для того, чтобы было достаточно хлеба, мяса и молока, нужны совхозы и колхозы, что для постройки новых жилищ нужны кирпич, уголь, железо, что для того, чтобы одеть СССР, нужны орошение Туркестана и коллективизация дехканского хозяйства.

Пусть наша кинематография показывает и то старое, что пытается столкнуть нас в болото капитализма, в нищету, и те великие стальные крылья, которые поднимают нас к солнцу.

Органы, руководящие политикой кинематографии, должны бить и по пессимизму, по выпячиванию только тяжелых сторон (это они делают исправно), и по аллилуйщикам, которые представляют в кинематографии главную опасность, ибо они служат прикрытием правой политики на практике.

Апрель 1931 г.

III

Бесы

БЕСЫ

Когда в июле 1914 г. сербский студент Принцип убийством эрцгерцога Франца-Фердинанда привел в движение лавину мировой войны, политический механизм этого убийства был ясен всему миру. Сербский националист стрелял в представителя того государства, которое мешало объединению сербского народа. Русский белогвардеец Горгулов — сын русского помещика — стрелял в президента французской республики, которая не только приютила белых эмигрантов, но все время подкармливает их и им покровительствует. Политический механизм, приведший в движение пулю Горгулова, не так прост и не так понятен. Но работу этого механизма должен понять весь мир, ибо Горгуловы пытаются своими выстрелами так же, как Принципы, привести в движение лавину новой войны.

В чем состоит программа всех белых организаций? Ее можно выразить одним словом: война. Иного пути к реставрации белые не могут себе представить. Они пытались сбросить советскую власть при помощи личного террора, убивая Урицкого, раня Ленина и подготовляя сотни других покушений. Они убедились в безнадежности этого пути. Советский союз, это — пирамида, опирающаяся на десятки миллионов; ее нельзя опрокинуть, стреляя по вершине. Белые мечтали о восстании народных масс против советского правительства. Они притворяются в своих писаниях, будто бы еще и теперь верят в свои сказки, но они знают великолепно, что это — только утешение. Остается одно — пусть грянет гром войны,

пусть начнется интервенция против СССР или хотя бы общая мировая потасовка, которая заставит ударить по СССР, чтобы в тылу империалистов не оставался гигантский очаг строящегося социализма.

Та часть эмиграции, которая вывезла за границу часть своего достояния, делает дела и связана с капиталистическим миром, поддерживает связи с руководителями борьбы против Советского союза. Крейгеры, Детердинги, Уркварты должны помочь своим влиянием организовать интервенцию. Рябушинские делают для них — не только в закрытых кабинетах, но и публично в парижском «Возрождении» — подсчеты, сколько прибыли принесет война против СССР. Сколько прибыли надеются получить сами Рябушинские и другие герои картонных подошв для белого солдата,— об этом они умалчивают.

Та часть эмиграции, которая должна зарабатывать физическим трудом кусок хлеба, ненавидит Советский союз за то, что попала из сливок общества в ряды эксплоатируемых рабов. Только война может им вернуть обратно прежнее положение. Поэтому — да здравствует война!

Подонки эмиграции, прожигающие свою жизнь в вертепах всего мира, в Сан-Франциско, в Париже, в Шанхае, приняв кокаин, видят Красное море, через которое понесут их белые, как лебеди, корабли обратно в землю обетованную, в старую Россию, Россию, где рабочий и мужик будут работать, чтобы обеспечить им радости жизни.

Белая эмиграция ждет войны, как узник ждет падения тюремных цепей и решеток. Но как добиться ускорения мировой войны, как добиться ускорения интервенции?.. Белая эмиграция не хочет и не может ждать, пока империалистические государства сговорятся между собою, ибо ей немного осталось жить. Молодое поколение эмиграции, может, войдет в какую-либо колею жизни. Но тем, которые помнят еще время своего господства в старой царской России, надо спешить, ибо смерть смотрит им уже в глаза. И поэтому они ищут фокуса, чудесного средства, которое заставит или большевиков взять инициативу в руки, или империалистические державы перейти в наступление против СССР. Этим средством должен быть *террор* — старое средство всех слабых, отчаявшихся,

средство, которым они хотели заменить отсутствующую массовую силу.

Белоэмигранты сначала организуют покушения на советских дипломатов за границей. Они убивают Воровского, Войкова. Они организуют взрыв советского посольства в Варшаве. Они подготовляют бесконечные неудавшиеся покушения на Чичерина, Литвинова и других советских дипломатов. Вряд ли они надеются этим устрашить большевиков. Они знают нашу партию, пришедшую к власти ценой жизни лучших ее сынов и не боящейся дальнейших жертв, если их требует дело социализма. Эти покушения белобандитов имеют другую цель. Они должны, с одной стороны, внушить империалистическим государствам убеждение в силе белых организаций, а, с другой стороны, создать положение, когда советское государство принуждено было бы потребовать от капиталистических стран прекращения безнаказанной преступной деятельности белогвардейцев. А вдруг из этого возникнет конфликт, начнется война? Не может же великое государство терпеть бесконечные преступления, совершаемые безнаказанно против его представителей?

Террористическая деятельность белых не ограничилась покушениями на советских дипломатических представителей. Она перешла на новые рельсы, на путь террористических актов против представителей государств, поддерживающих отношения с советской властью. Кто хочет понять мотивы убийства президента Французской республики белогвардейцем Павлом Горгуловым, тот пусть вчитается в оценку, которую дала белая печать покушению Штерна на немецкого дипломата Твардовского. Памяти Штерна было посвящено собрание «российского центрального объединения» в Париже. «Собрание, прошедшее с горячим подъемом,— это скромное поминовение памяти замученного героя без сомнения превратилось в общественное событие. Во всех речах прозвучал некий новый для эмиграции тон, который, как можно думать, вызван тем новым, что начало свершаться в нашем отечестве и что открылось с выстрелом Иуды Штерна»,— пишет с подъемом черносотенное монархическое «Возрождение».

Что же так нравится в выстреле Штерна махровым

контрреволюционерам из Парижа? «Он выстрелил в германского дипломата, потому что русский народ считает немцев главным своим врагом, мешающим освободиться от советской власти. Своим выстрелом Штерн вместе с тем как бы желал обратить внимание на тот ужасающий и стихийный погром, который ждет в России всех иностранцев, оказывающих поддержку советской власти и работающих в ее видах» («Возрождение» от 26 апреля).

Но не только эта парижская белогвардейская газета восхваляет под охраной французских властей покушение на немецкого дипломата, как представителя страны, первой признавшей советское правительство. Дело заключается не просто в разогретом старом антинемецком настроении одной части русской эмиграции. Керенский, хотя и был «вождем» в борьбе до «победного конца» против Германии, теперь не придерживается антинемецкой ориентации. Но и он писал в «Днях» от 20 марта: «Вот выстрел Штерна прозвучал, вероятно, довольно громко и внушительно в сердцах многих и многих иностранных созидателей ненавистной народу пятилетки. Прозвучал в тех слишком упитанных большевистскими благами сердцах, до сознания которых доводы разума и совести никак не доходили... Пусть те, кому следует, хорошо услышат его, пока еще не поздно». Наконец старый знакомый философ-фельетонист кадетской «Речи» Яблоновский, разбирая в рижском «Сегодня» от 13 апреля мотивы Штерна, пишет, что по двум мотивам белогвардейские террористы переменили мишень и начали стрелять в иностранных представителей: «Для нас выгоднее,— говорят террористы,— во всех отношениях выгоднее переменить мишень и бить в иностранцев. Польза от этого очевидна сама собой». Такой выстрел,— говорят террористы,— производит гораздо больше шума... Но есть у них еще соображение: «Выстрел в известного иностранца может причинить большевикам большие и серьезные неприятности и даже вызвать политические осложнения. Этот выстрел заставит задуматься и Европу, которая не привыкла думать о русских делах».

Мы видим, таким образом, *целую систему пропаганды террора против иностранных дипломатических представителей и вообще иностранцев, имеющих дело с советской властью.* Контрреволюционеры пытались вредительством

сорвать пятилетку. Теперь белогвардейцы пытаются, во-первых, подорвать наше строительство, запугивая иностранных специалистов, запугивая представителей буржуазных государств, понявших, что нельзя не считаться с существованием Советского союза и отказаться от сотрудничества с ним. Наконец, они решили ударить даже по представителям тех государств, которые хотя и враждебны СССР, но не решаются объявить СССР войну. Пусть знают, что «русский народ» в лице Иуды Штерна и Павла Горгулова, наказанного в Чехо-Словакии за противозаконное производство абортов, сумеет наказать буржуазные государства, не имеющие мужества воевать с СССР. Всякий такой выстрел «производит гораздо больше шума», как говорит господин Яблоновский. Люди не разберут, кто стрелял. Французский мелкий буржуа, ненавидящий большевиков за то, что они не платят царских долгов, видящий в президенте республики оплот порядка, не будет долго рассуждать, кто этот «рюс», который стрелял,— белый, красный или черный, а кроме того, разве во французских руководящих сферах мало людей, которые могут сделать белое красным? Мелкие буржуа скажут себе: все это накостят большевики, будем требовать мер против них.

«Для нас единственным преступлением на все будущие времена может быть одно — бездействие, неиспользование самой малейшей возможности нанести какой-нибудь удар большевикам»,— писало «Возрождение» 29 марта. А несколько дней позже — 5 апреля — оно заявляло: «Мы обязаны рисковать, мы обязаны воспользоваться каждым шансом, который дается нам в руки».

Итак, недвусмысленный сигнал дан белогвардейским организациям. Настало время стрелять, говорят белобандиты, надо торопиться.

Великий русский реакционный писатель Достоевский в своем пасквиле на русскую революционную интеллигенцию, в «Бесах», дал образ людей, совершающих бессмысленные преступления в надежде, что это вызовет потрясения, благодаря которым победит революция за спиной безмолвных масс. Это был пасквиль на нечаевцев. Революция победила, благодаря героической борьбе миллионов народных масс. Но образы Достоевского парадоксально

воплощаются в «героях» русской контрреволюции, которые, будучи не в состоянии рассчитывать на народные массы, строящие социализм, пытаются провокациями, авантюрами, покушениями вызвать потрясения. Вдруг им удастся вызвать мировой пожар, вдруг им удастся утолить свою жажду крови миллионов? Белогвардейцы мечтают о том, что один из их очередных выстрелов будет иметь то последствие, которое имел выстрел в Сараеве в июле 1914 г. Издыхающая гадина русской белогвардейщины готова перекусить горло всему миру.

Но эту гадину вскормили империалистские государства. Они ее опекают, они ей устраивают военные школы, они охраняют ее свободу пропаганды преступлений. Под охраной французской полиции, арестующей всякого коммуниста, заподозренного в «сношениях с Москвой», белогвардейские газеты могли призывать не только к убийству представителей советской власти, но и к убийству представителей иностранной дипломатии.

Теперь французские покровители белоэмигрантов пожинают плоды своей политики. Сколько бы ни изворачивались адвокаты французского империализма, все парижские газеты напечатали признание Горгулова, что он, убийца французского президента, является белогвардейцем и врагом советской власти. Мы понимаем, что парижской полиции и ее вдохновителям надо выдумывать басни о необольшевизме Горгулова, который на 20-й странице своей «зеленой программы» сам открыто называет себя фашистом. Мы можем только сочувствовать этим господам, когда им приходится говорить, что эмблема, помещенная в брошюре Горгулова и состоящая из комбинаций черепа на двух костях, георгиевского креста и двух кос, напоминает советский серп и молот. Что же, выйти этим господам и заявить всем честным французским лавочникам: нашего дорогого президента убил наш гость, наш дорогой гость — русский белогвардеец, на которого мы с вами израсходовали немало денег?

То, что произошло в Париже, является несчастным, но весьма обычным случаем при подготовке взрывов. Бывало уже, что бомба, подготовляемая террористами, взрывалась в руках террористов. Белогвардейцы, это — та бомба, которую готовили и прятали враги советской власти, дабы

ее бросить в здание строящегося социализма. Но белогвардейская бомба, это — живые люди. Им не терпится. В своем остервенении они не понимают, не хотят и не могут понять затруднений, стоящих на пути к интервенции. Они хотят ее ускорить, они хотят подтолкнуть своих хозяев. Они не понимают, что империалистам нужно раньше состряпать единый фронт против СССР, чтобы вместо интервенции не вышло общей свалки империалистов.

Но белогвардейцы не могут дождаться этого единого фронта, стократ уже срываемого противоречиями империализма. Пусть хоть одна империалистическая держава ввяжется в бой, и то веселее будет. Империалистам надо прикрыть наступление против советской власти, подготовиться, найти какие-то благовидные предлоги, ибо им приходится считаться с собственной народной массой, враждебной всяким походам против Советов. Но белогвардеец, связанный только с кабаком, считает все это потерей времени. Если французские политики боятся парижских рабочих, то Горгулов имеет против этого рецепт: «Ярых коммунистов и комиссаров попросту перевешайте без милости, где попало: на телеграфных столбах, на фонарях». А если французские власти на это еще не решаются, ну что ж, надо их подогнать. Пусть видят, что молодцы не спят, а бодрствуют: пуля в лоб Думеру!

Оружие, отточенное империалистами против Советского союза, обернулось против своих созидателей. Но кто мог думать, что империалисты разгромят своих взбунтовавшихся наймитов, тот пусть прочтет парижскую прессу от пахучих изданий черносотенца Коти до благоуханных страниц органа II интернационала — «Попюлер», издаваемого гуманным социалистом Леоном Блюмом. Коти рычит: Горгулов — агент большевиков, белые — наши друзья, Горгулова гильотинируйте, как большевика. Господин Леон Блюм более тонко защищает белую эмиграцию. Он далек от того, чтобы на основе преступления «сумасшедшего человека» поднимать обвинения против какого бы то ни было *политического направления*. И вой Коти и сюсюкание Блюма сводятся к одному: не троньте белогвардейцев, они еще пригодятся.

Сколько бы ни старались господа Коти, Блюмы, их старания напрасны. Им не удастся скрыть факта, что прези-

дент Французской республики погиб от змеи, которую вскормила на своей груди эта же республика французских империалистов. Народные массы всего мира узнают, что у пороховых погребов, созданных мировым империализмом, шныряют с бомбами в руках осатаневшие кокаинисты, алкоголики, сутенеры, которым только одно и снится: как втянуть весь мир в войну, как зажечь пожар, при котором они могли бы попытаться отнять у рабочих и крестьян СССР завоевания революции. И народные массы найдут средства, чтобы уничтожить белую гадину.

Май 1932 г.

Леонид Константинович РАМЗИН

Леонид Константинович Рамзин занимает первое место среди обвиняемых членов ЦК «Промпартии». Леонид Константинович Рамзин рекомендует себя их идеологическим вождем. Он со скромностью, свойственной великим людям, говорит о себе, как о человеке дела, а не фразы. Он считает само собою понятным, что вредители очень стремились его завербовать. Одним словом, Рамзин знает свое место в истории человечества.

Эта оценка его личной роли в истории имеет у него, как полагается, даже теоретическую базу. Если некий древний грек Платон мыслил себе идеальное государство греческих рабовладельцев, руководимых философами, ибо он по профессии был не теплотехник, а философ, то Леонид Константинович Рамзин пришел к убеждению, что правительство рабовладельческой России, которую он должен был создать, должно находиться в руках инженеров. Прямо не Рамзин, а Рамзес I, родоначальник целой династии.

Египетские фараоны считались богами, и, для того, чтобы народ признал их таковыми, они не ели и не отправляли других естественных функций на глазах простых смертных. Леонид Константинович Рамзин, широко распространяющийся о своей политической установке, о том, какие глубокие силы приводили его к сдвигам от большевизма к меньшевизму, от вражды к советской власти к «честной службе у советской власти» и от этой «честной» службы к действительно честной службе у французской контрразведки, не касается мелких житейских вопросов. Так, например, он проходит мимо вопроса, что в действительности случилось с теми миллионами рублей, кото-

рые вожди «Промпартии» получили нето от «Торгпрома», нето от французской разведки. Они их распределяли между отраслями промышленности, так же как распределяли полупроцентные взносы иностранных фабрикантов, иначе говоря, взятки, получаемые при покупке машин и сырья за границей. Распределяли,— хорошо сказано. Даже приятно видеть победу идеи коллектива среди инженерства. Но на что употреблялись эти деньги? На создание конспиративной базы, типографии, службы связи? Ни о чем подобном мы не слышали. А может быть, эти миллионы прямо проедались, пропивались, шли на шелковые чулки для дам и другие прозаические расходы, которые не исчезают от того, что господа инженеры возглавили «освободительную» борьбу русской буржуазии? «Освободители» тоже кушают и пьют и даже, как показал процесс, не плохо (что не мешало им впрочем желать еще большего). Если спуститься с высот рамзинского «стиля» и попытаться более прозаично и несколько подробнее разобраться в биографии этого героя «нашей» буржуазии, то мы думаем, что получится портрет совсем не героический, но зато более близкий к действительности.

Л. К. Рамзин происходит из учительской семьи. Он своего деда, крестьянина, припутал наверно для того, чтобы создать себе «рабоче-крестьянское происхождение», как «полагается» в наши времена. Но я думаю, что этот дед имеет здесь известное значение. Зажиточные слои крестьянства создают кулака не только в своем хозяйстве путем эксплоатации батрачества и бедноты, ростовщических займов, торговли, часто они создают своеобразного кулака на ученом поприще путем посылки своих сыновей в школу. Отличительной чертой этих выходцев из крестьянства является карьеризм. Отец Рамзина задержался на первой ступени,— он был сельским учителем. Сын пошел дальше. Он пошел в техническую школу, и когда мы присмотримся к его жизненному пути, то увидим, какую громадную роль играло в его подвигах стремление к карьере.

Но, раньше чем взяться за карьеру, молодой Рамзин отдал дань времени. Ему было 18 лет, когда Москва боролась на баррикадах декабря 1905 г. Рамзин не пошел на баррикады, но все-таки попал в большевистский студенче-

ский кружок и в 1907 г. даже исполнял технические поручения тогдашнего Московского комитета. В то время, когда Рамзин «честно» работал с советской властью, он очень любил в кругах большевиков вспоминать эти времена,— и мы, мол, вложили свою лепту в здание советской власти, хотя позже наука и отвлекла нас от революции. Ну, наука — наукой, а от революции отвлекла господина Рамзина в первую очередь свирепствовавшая контрреволюция. Московский комитет, с которым господин Рамзин имел связь, сел в Бутырки, господин Рамзин уехал на каникулы и, вернувшись, уже возобновления связи не искал.

Время было свирепое, столыпинские виселицы скрипели, и господин Рамзин считал, что лучше жить для капитализма, чем погибнуть за социализм. Признал же Ахилл в аду, что лучше быть живой собакой, чем мертвым героем. Рамзин преспокойно кончал высшее техническое училище, и, когда началась война, он как раз получил первую награду за прилежный труд, стал аспирантом при высшем техническом училище, и ему не пришлось итти на войну. Он совместно с профессором Киршем, своим учителем, и другими молодыми учеными подготовлял других для службы отечеству — производством гранат и шрапнелей. Его драгоценная жизнь была сохранена для дальнейших великих подвигов.

Что думал Л. К. Рамзин о войне, которая уничтожала один миллион русских крестьян и рабочих за другим, которая потрясала весь мир, он не сообщает. Из того, где он очутился в 1917 г., ясно, что аполитичность, в которую он погрузился во имя науки, не мешала ему твердо стоять за защиту царя и отечества и жертвовать, не моргнув глазом, миллионами чужих жизней. Так и полагается. Ибо все эти погружения с головой в науку были у всех уходящих от революции соединены с мещанским бытом, сползанием шаг за шагом к буржуазии, с выхолащиванием всякой революционной идеи или идейки, которая осталась в голове «революционера», проведшего без года неделю на службе у революции.

Ничего удивительного, что Февральская революция встретила Рамзина в стане, враждебном большевикам, которые захотели не только вырвать мужика и рабочего из ада войны, но, рехнувшись с ума, захотели «сразу» вводить

социализм. Профессор Рамзин не мог одобрить такие невиданные и неслыханные вещи. И в момент, когда большевики дрались с буржуазией на улицах Москвы, он решил выразить им свое неодобрение. Уже работая практически у московских тузов на правах члена городской управы, он пошел в ее здание и оставался там в момент обстрела. Он говорит с поднятой головой, что считал нечестным уходить в такой момент. Винтовки он не брал, поручений никаких не исполнял, но он сидел в городской думе, т. е. выражал свои политические убеждения упрямым нажимом на нижнюю часть своего корпуса. Профессор Рамзин любит всегда немножко приукрасить, это соответствует высокому посту премьер-министра, который он «чуть-было» не получил. Ларичев, который поскромнее, сказал бы просто: «Попал я в городскую думу, как кур во щи, и боялся выползти, потому что стреляли, но винтовку взять в руки тоже боялся, потому что тоже стреляет». Ну, большевики не испугались внушительного протеста профессора Рамзина, и профессор Рамзин должен был занять позицию по отношению к советской власти.

Во время гражданской войны профессор Рамзин, который стоял за демократию со всеми ее атрибутами и был противником социалистической революции, не принимал участия в непосредственной борьбе с советской властью. Причины такого своего платонического отношения к своим политическим убеждениям Рамзин даже не попытался назвать, ибо трудно хвастать тем, что ты был в то время, когда решались судьбы страны, только озлобленным обывателем. Он спрятался в «общественных» организациях, т. е. работал за хлеб, но на службу к советской власти не поступал. Это могло быть опасно, ибо в твердость советской власти он конечно не верил.

Но советская власть разгромила белые армии и взялась на основе нэпа за восстановление хозяйственной жизни. Профессор Рамзин поступил на службу в Главтоп и Госплан. Он рассказывает, что, поступая на работу, он что-то бормотал т. Кржижановскому о том, что не «приемлет» военного коммунизма. Неизвестно только, не бормотал ли он об этом уже после того, как военный коммунизм был отменен. Во всяком случае в Госплане Рамзин не держался так, как держались много специалистов, оставлявших ди-

станцию между собою и советской властью и подчеркивавших, что они решают конкретные экономические задачи, ни в какой социализм не верят и строить его не собираются.

Рамзин проявил громадную «вхожесть», пользуясь словом, которое покойный Богданов употреблял, говоря о продвижении без мыла.

Достаточно просмотреть статьи и доклады Рамзина, в которых он с величайшим пафосом говорит о социалистическом строительстве и очень часто противопоставляет строящийся социализм гибнущему капитализму. Нечего говорить о личных отношениях профессора Рамзина. В те времена это был товарищ, собеседник, душа нараспашку, так что мы, наивные люди, часто забывали, откуда он к нам пришел. Когда госплановцы рекомендовали Рамзина коммунистам-нехозяйственникам, то всегда говорили: был членом нашей партии в первую революцию.

В начале 1927 г. Рамзин снюхался со злыми гениями русского инженерства, с верными холуями капитала — Пальчинским и Рабиновичем. Тов. Крыленко и председатель суда т. Вышинский пытались всеми способами выяснить на допросе, как это случилось. Они сначала спрашивали Рамзина, как он относился к советской власти, когда поступал на работу. Он ответил сперва, что поступил на работу без всяких задних мыслей, работал честно и был предан советской власти. Но позже, когда вдруг обнаружилось, что он, большевик 1907 г., был врагом Октябрьской революции, саботировал советскую власть, то профессор Рамзин вдруг вспомнил, что он принял нэп как путь к капитализму, что он честно служил советской власти в надежде, что она сама, без его помощи, переродится. Но почему же тогда в конце 1926 г. профессор Рамзин перешел к вредителям?

Один мотив он указывает правильно, немножко только его прикрашивая. Он рассказывает, что верхушка инженерства, т. е. Пальчинские и Рабиновичи, считая его почти большевиком, т. е. обманутые им так же, как оказались обманутыми многие большевики, с ним совместно работавшие, бешено его травила. Ему же при развертывании Теплотехнического института нужна была помощь технической среды. Поэтому он пошел им навстречу. Господин Рамзин

гордо заявляет, что и они пошли ему навстречу. Но в чем состояли политические встречные шаги Пальчинского и Рабиновича, он не может сказать, хотя с раздражением подчеркивает, что такой человек, как он, им тоже был нужен. Встречные шаги состояли очевидно в том, что, когда Рамзин, уступая нажиму Пальчинских, протянул им руку, они в эту руку не плюнули, а сказали: «Ну-ка покажи, искренно ли ты к нам идешь или нет» и ребром поставили перед ним вопрос об его участии во вредительской организации. И тут наш герой попался, как самая неопытная барышня, ставящая себе определенные пределы в начале невинного флирта, который кончается серьезными последствиями.

Он наверно думал, что откупится от Пальчинского контрреволюционными разговорами за чаем. Но Пальчинский схватил его за руку. Он сообщил ему о существовании контрреволюционной организации, предложил ему вхождение в ее центр, рассчитывая, что Рамзин не посмеет предостеречь советскую власть и будет бояться, что в случае непринятия участия в работе вредителей они объяснят свои возможные провалы его предательством. Чем рисковать, что они отомстят за мнимый донос, выдавая его за одного из своих, уж лучше пойти к ним на работу. Авось, не попадется. Участие же в контрреволюционной работе может в будущем пригодиться. И так приходим к второму мотиву, о котором господин Рамзин не говорит,— это та перестраховка, о которой упоминали другие обвиняемые. Есть такой роман Ройзмана «Минус шесть», в котором рассказываются судьбы некоего еврейского коммерсанта при советской власти. Он поступает во время военного коммунизма, чтобы охранить себя от гонений, в какой-то кооперативный магазин в качестве продавца. Когда белые приближаются к Москве, он за деньги добывает печать месткома на бумажке, которую он сам себе напечатал на машинке. В этой бумажке ему «ставится на вид контрреволюционная агитация», которую он якобы вел среди сослуживцев. Эту бумажку он хранит, как величайшую ценность, с расчетом, что если Деникин войдет в Москву и начнется еврейский погром, то он предъявит в свое оправдание удостоверение за большевистской печатью о том, что при большевиках он занимался в свободное от служ-

бы время контрреволюционной агитацией. Многие из спецов во имя такой перестраховки шли на всякие контрреволюционные шушукания, чтобы белые в случае чего не вешали их за службу у большевиков. Об этом мотиве наш герой ничего не говорит.

Но этот мотив у него несомненно играл большую роль.

Очень возможно, что, когда господин Рамзин начал свои разговоры с Пальчинским, то он думал, что дело кончится только разговорами, а разговоры послужат ему позже в качестве оправдательного документа. Но пришел разрыв с Англией, в воздухе запахло интервенцией, и господин Рамзин, посоветовавшись со своей научной совестью, пришел к убеждению, что советская власть ведет страну к крушению, к катастрофе и что он должен спасать страну..., работая на кризис, на хозяйственную катастрофу.

Поворот значительной части спецов в 1928 г. был безусловно вызван обострением классовой борьбы, социалистическим наступлением. Мелкие душонки, не могущие себе мыслить развития иначе, как на капиталистическом пути, приходили к убеждению в неминуемости краха советской власти. Образец их, один из самых грязных предателей, профессор Осадчий, перебежавший с высокого поста заместителя председателя Госплана в 1928 г. в стан контрреволюционных заговорщиков. Но в 1926 г., в начале 1927 г. этого мотива у Рамзина не было. Тут он просто выдумывает, стремясь прикрыть тот факт, что фараоны едят и что Рамзины трусят. Запахло интервенцией и господин Рамзин начинает играть ва-банк, тем более, что его толкает такой сильный человек, как Пальчинский, матерой боец контрреволюции, а не такая слякоть, как Рамзины.

Пальчинский знал, что делает, посылая Рамзина вести переговоры с «Торгпромом» об интервенции. Он заставлял его сжечь за собою мосты. И в этих переговорах демократ Рамзин, патриот Рамзин, радетель страны, «погибающей под игом большевизма», проявляет себя в полном блеске. Ему говорят Денисовы, Коноваловы, Третьяковы, что они ведут переговоры с Пуанкаре, с французским штабом об интервенции. Мальчику Рамзину было тогда лет 40. Он когда-то читал марксистские брошюрки, из которых наверно узнал о существовании классов, если со своей научной высоты теплотехника он такой мелочи в жизни и не

заметил. Он слышал наверно о существовании империализма и о том, что войну ведут за территории, за нефть, за уголь, за железо. Он наверно также знал, что война стоит много миллиардов. Но он даже не спросил,— а чего же французские «избавители от большевистского ига» требуют в благодарность за избавление?

О своей «вечерней встрече» он говорит: я сидел при Денисове. Эта встреча — это был, проще говоря, хороший ужин, который хозяева из «Торгпрома» давали своим приказчикам. Тут между устрицами и раковым супом профессор Рамзин ведет дальнейшие разговоры с Денисовым, который ему все бубнит про интервенцию. Но профессор Рамзин так же, как пытается завуалировать эту обстановку объединения приятного с полезным,— ибо фараоны не едят и не отправляют других потребностей,— набрасывает покрывало и на конкретное содержание разговора. Не мог же Денисов весь вечер говорить только общие места об интервенции. Или профессор Рамзин здесь замалчивает то, что ему конкретно сказал Денисов об условиях интервенции, или же он по отношению к Денисову сохранял «учтивость» и предпочитал не спрашивать про такие неприятные детали. Все-таки, можно сказать, русский патриот, человек науки, не какой-нибудь мануфактурщик или мясник из Охотного ряда, приезжает в Париж и продает отечество на фунты и аршины.

На суде он даже иронизирует по поводу Федотова, который взятку назвал взяткой, но который постыдился признать, что торговал отечеством. «Ну как же так, что мы маленькие дети, разве мы не знали, чем расплачиваются за помощь иностранных штыков?» Да, вы знали, профессор Рамзин! Это для нас не подлежит никакому сомнению. Но если этот идейный вождь и посмел признаться, что он знал, что торгует телом страны, то, смотря в глаза тысячам рабочих, жадно вглядывающихся в Колонном зале в героев буржуазии, он снова струсил. И, несмотря на весь нажим прокурора и председателя суда, он не смог выдавить из себя слова признания, что холодно шел на массовые расстрелы сотен тысяч, если не миллионов рабочих в случае победы интервенции и в случае установления военной диктатуры — временной, как смягчающе он подчеркивал. Застряли слова в горле профессора Рамзина. Но

нет такого дурака в мире, который на один момент усомнился бы в том, что профессор Рамзин для восстановления власти помещиков и капиталистов хладнокровно жертвовал не только будущим страны, не только миллионами людей, которые погибли бы в борьбе с интервенцией, но и сотнями тысяч, если не миллионами людей, которые в случае победы контрреволюции поплатились бы головою за то, что первые в мире посмели строить жизнь без капиталистов и помещиков.

И этот Рамзин, перешедший от положения крупного специалиста по теплотехнике к положению кандидата в премьеры, даже думал, как он говорит, что власть должна была принадлежать ему на основе, так сказать, исторического закона. Ведь промышленность играет в современной жизни роль ведущего начала. Кто же, если не жрецы техники, должны управлять миром? Русские рабочие хотели начать в отсталой России новую эру социализма, профессор Рамзин поскромнее,— он хотел начать только новую стадию капитализма: госкапитализм, а техники — его жрецы. Ну, помечтать всегда можно. Мечта о власти — сладкая мечта. Но мы скажем по секрету господину Рамзину, что все это — рисовка для барышень. Такая мечта возможна у великих творческих людей. Профессор Рамзин — крупный специалист, но не творческий человек. Он — человек, не опьяненный техникой, он — только очень даровитый карьерист. Для технического его размаха советская власть дала ему простор, какого он не нашел бы ни в одной стране. Ему было 33 года, когда его поставили во главе величайших технических начинаний. Что же, он горел, а после огонь потух, и носитель его пошел на вредительство, т. е. на разрушение не только социального и экономического, но и технического прогресса. Этого противоречия Рамзину не вычеркнуть никакими ухищрениями. Великий творческий техник не мог бы стать вредителем. С какими же перспективами Рамзин пошел на вредительство? Он говорит, что только дети могли не понимать цены интервенции. И тут он попался с поличным. Цена интервенции в конечном счете — это превращение России в колониальную страну. В колониальных странах империализм по возможности не допускает, тормозит развитие тяжелой промышленности, этой основы техни-

ческого прогресса. Он допускает только обрабатывающую промышленность, подсобные отрасли промышленности. Разве хищники мирового империализма, посадив у власти русскую буржуазию, давали бы ей взаймы на развитие промышленности, которая могла бы создать им конкуренцию? Разве в стране, уплачивающей дань за царские долги, за интервенцию, нашлись бы средства для крупного технического прогресса? Россия была бы аграрным хинтерляндом империалистических стран и выплачивала бы репарации мировому капитализму, который вывозил бы даром значительную часть сырья, за которое мы получаем машины. Это вы, профессор Рамзин, знаете так же хорошо, как это знают ваши хозяева. И когда вы протягиваете руку к короне и скипетру технического короля, то вы жалки и смешны. Вы были только техником от вредительства и техником от интервенции. Вы очутились в роли кандидата в палачи, вашей задачей было набросить петлю на шею русских народных масс. Именно потому, что вы так расценивали свое положение, вы могли докатиться до положения обыкновенного агента французской разведки. Все правительства прибегают к шпионажу. Но министры, например, с обыкновенными шпионами не разговаривают, тем более премьер-министры. Эту грязную работу они оставляют своим подчиненным из контрразведки. Кандидат в премьер-министры верхушки русской технической интеллигенции, как человек внутренне знающий себе цену, не гнушался никакой работы. Он себе говорил, как попугай, которого кошка тащила за хвост:

— Ехать, так ехать.

Фигура Рамзина жалкая. Это — не личная судьба. Дело в том, что русская буржуазия всегда была кровожадной, падкой на наживу, но при этом бесконечно морально и идейно нищей. Она не дралась за капиталистический строй против феодализма, как дралась буржуазия в странах Запада. Она родилась под крылышком царизма, взятками откупала свою спину от пинков дворянства. И когда пришел роковой час для русского капитализма, то дрались за его существование, жертвовали кровью в первую очередь помещики. Белой армией командовали они. Господа капиталисты скупали валюту и бежали за границу.

И отпрыски этой буржуазии, ее идейные приказчики так же ничтожны, как и их хозяева. Рамзин, корчащий из себя идеологического вождя инженерства, не имел в голове ни одной идеи. И поэтому он кончил так, как кончил.

Было бы глубоко неверно из мизерного характера «героя» «Промпартии» делать вывод о ничтожности роли, которую играли вредители. Эта роль определяется двумя факторами. За обломками русской буржуазии стоят влиятельные круги мирового империализма, который уже чересчур слаб, чтобы обеспечить в мире свой порядок, но который еще достаточно силен, чтобы залить кровью целые континенты. Рамзины жалки, если дело идет об их идеологии, об их морали, о связи их с народными массами, но они, получившие на народные деньги крупное техническое образование, могли использовать время, пока мы подучимся технике, чтобы, имея над нами перевес технического знания, путать нам карты и в случае интервенции нанести нам довольно тяжелые удары в спину. Лицом к лицу бороться с нами они не могли, они могли нам наносить удары, только спрятавшись в наших учреждениях и, как ползучие гады, бросаясь на нас сзади. Поэтому, несмотря на все свои потуги, они держатся на суде, как растоптанный, раздавленный гад.

Декабрь 1930 г.

ГРЕХОПАДЕНИЕ А. А. ФЕДОТОВА или борьба двух миров

На подмостках Колонного зала стоит старый человек. Он полуслепой, и яркий свет юпитеров, ощупывающих его, кажется ему жгучими глазами миллионов, которые хотят разгадать его тайны. И вдруг он чувствует, что он голый. Он пытается прикрыть свое старое, дряблое тело руками и нащупывает рубцы старых язв, которые он скрывал даже от близких. Невыносимый стыд сжимает его горло. Он хочет что-то объяснить шопотом, но рупоры радио полным голосом передают его хрип и хлюпание в его груди.

Старый человек, бессвязна его речь, и, несмотря на отвратительные язвы его души, он вызывает жалость. И даже государственный обвинитель, которому республика и пролетариат возложили на плечи тяжелую обязанность не знать жалости, бережно держит в руках ланцет, которым хочет коснуться этих старых ран. Но он обязан, как врач, не жалеть. Он обязан глубоко до конца опустить внутрь живого организма свой зонд допроса. Он придает своему голосу спокойствие и силу и спрашивает неумолимо. Но когда в своей обвинительной речи он дает характеристику жалким героям русской контрреволюции и когда он и старика Федотова характеризует как вредителя-контрреволюционера, агента интервенции, помощника шпионов, то он все-таки находит слово для выражения жалости, которую вызвал в нем этот член ЦК «Промпартии».

За А. А. Федотовым закрылись двери тюрьмы и, принимая во внимание его возраст, он, вероятно, не сумеет не только загладить свою великую вину перед трудовыми массами — ее вообще нельзя загладить, — но даже ее

уменьшить. Если мы возвращаемся к этой фигуре политического мертвеца, то не для того, чтобы разжалобить читателей, и не для того, чтобы заняться гробокопательством. При всех своих индивидуальных качествах Федотов — особый тип одной из прослоек технической интеллигенции и интеллигенции вообще, тип, который поможет нам уяснить себе кое-что в той общественной среде, которая была поставщиком обвиняемых на процесс контрреволюционной организации. Эта среда еще жива и вероятно будет жить еще до тех пор, пока завершение пятилетки и дальнейшие великие победы советского и мирового пролетариата не вырвут окончательно почвы из-под ног капиталистических элементов в СССР, убедив и последних могикан русского капитализма, что дело буржуазии в СССР окончательно проиграно. С этой средою нам придется, вероятно, иметь дело еще в продолжение ряда лет, пока не возмужает молодое поколение наших собственных красных инженеров, пока оно не возьмет на себя и самые высшие технические задачи, которые приходится решать советскому пролетариату. Именно это обстоятельство, именно необходимость самого внимательного отношения к этой среде технической интеллигенции ставит нам в обязанность самым вдумчивым образом использовать уроки процесса инженеров-контрреволюционеров.

Федотов, как большинство обвиняемых, вышел из самой демократической среды. Он, как большинство обвиняемых, не капиталист и не помещик по происхождению. Несмотря на это, он очутился среди тех приказчиков капитализма, которые рисковали головою во имя восстановления господства своих бывших хозяев. Большинство техников и инженеров вероятно такого же происхождения. Все это — дети конторщиков, мелких чиновников, учителей, зажиточных крестьян, ремесленников, которых родители послали в школу, чтобы они могли «выйти в люди». А так как в капиталистическом строе рабочий и крестьянин человеком не считался, то «выйти в люди» означало итти на службу к капиталистам.

Сами хозяева представляли собой нечто абсолютно неприемлемое для всякого мало-мальски культурного и этически впечатлительного человека. Но людям, которые вы-

бивались из нищеты, в которой жили семьи конторщиков или учителей, в большинстве случаев было не до этики и не до культуры. Ситнины или Куприяновы думали только о том, как бы верной службой у хозяина подняться по общественной лестнице и увеличить свои доходы. Элементы более чуткие, как Федотов, вели свою жизнь в двух этажах. В одном они усердно и преданно работали на своих хозяев, оголтелых рыцарей наживы. Там они кланялись и заискивали, ибо иначе нельзя было. И там они научились всем нравам этой банды Разуваевых. Хозяева зарабатывали миллионы на поставках для армии, на спекуляциях и на безжалостной эксплоатации рабочих. Федотовы не мечтали о том, что будущая власть над миром принадлежит инженерам, как это рассказывал Рамзин, наряжаясь в паплиньи перья. Власть над миром они оставляли Рябушинским и Морозовым, а для себя они требовали права на куртаж, т.-е., говоря по-русски, на взятку. «Вам мир, а нам четверть или полпроцента от стоимости заказа».

Эту взятку считал своим прирожденным правом весь старый инженерский мир. И зря говорил один из обвиняемых на процессе, что взятка после войны участилась. Нет, взятка была всегда, и самое характерное для оценки морали этого инженерского мира было то, что он считал эту взятку своим законным правом. Значительное большинство удовлетворялось все растущим жалованьем и взяткой. Лучшее меньшинство имело второй этаж, переходя в который, отдыхало от звериной борьбы за места получше, за взятку пожирней.

Придя домой и сняв форму, такой инженер читал либеральные газеты, толстые журналы, а кое-кто из них занимался изящной литературой и музыкой. Федотов играл очень хорошо. Сливки технического мира имели даже социальные и научные интересы, выходящие из рамок их специальности. Федотов занимался рабочим вопросом. Он, образованный человек, понимал, что зуботычины, гнилая капуста и фабричная казарма — далеко не лучшие средства для поднятия производительности труда. А ведь свою работу на службе у капитализма эти люди прикрашивали перед самими собою, изображая ее как служение

делу развития производительных сил страны, без чего она не может выйти из состояния варварства.

Старик Федотов поддерживал учтивые отношения с рабочими, которых он помогал эксплоатировать Морозовым, он изучал законы об охране труда за границей, забираясь даже в Австралию. Чем дальше была страна, в которой охранялся труд, тем сильнее бились за нее сердца либеральных профессоров и либеральных читателей! И Федотов не только почитывал про страны, в которых охраняется труд рабочего, но и пописывал об этом в «Русских ведомостях», этом органе трусливейшего русского либерализма, читавшемся широкими кругами русской интеллигенции именно из-за этих вестей из далеких стран. Ведь целое поколение русских социал-демократов получало первые сведения о практике германской социал-демократии из берлинских корреспонденций Иоллоса в этих «Ведомостях».

Федотов даже отдал дань своему рабочелюбию, принимая участие в похоронах рабочих, убитых казаками на демонстрации 1905 г. Когда т. Крыленко отнесся иронически к этому величайшему «подвигу» либерального профессора, Федотов сослался с горячностью на альбом, который ему преподнесли рабочие, а также на тот факт, что 12 лет спустя, когда уже грянул гром пролетарской революции и опали цепи с рук пролетариата, рабочие выбрали его в фабричное правление. Но это, понятно, свидетельствует только о том, что рабочие так мало хорошего видели со стороны «ученых» приказчиков капитализма, что помнили самое малейшее оказанное их сочувствие и хранили за него благодарные чувства в продолжение многих лет.

Но что же видел Федотов с этого второго этажа культуры, знания и кадетского человеколюбия? Он утверждает, что, когда в Октябре разлетелось в куски царство буржуазии, он понимал необходимость этого исторического явления. Он ссылался даже на то, что и «Русские ведомости» это понимали, но не мог найти соответствующих статей в представленном ему комплекте любимой им газеты. Мы ему поможем. Да, в кадетской печати были в 1917 г. такие статьи, но несколько в другом смысле, чем хотел

это представить Федотов. Кадетские газеты предсказывали, что ежели не будет организована сильная власть, самое лучшее — военная диктатура, то победа большевиков неизбежна. Но эту необходимость они понимали не как высшую ступень, на которую с боем поднимается человечество, а как историческую Немизду, как месть истории за дряхлость русской буржуазии. В этом смысле понимал необходимость большевистской победы еще Александр II, хотя тогда еще никто не знал самого слова «большевик».

Вся ученость не помогла Федотову, когда пришла пролетарская революция с мечом в руке. Быть может, мягкость характера и рабочелюбие помогли ему найти какой-то общий язык с рабочими, выдвинувшими его по старым воспоминаниям в правление Орехово-зуевского треста. Так он смог переждать первую бурю. Но что он при этом думал и что чувствовал (собственно он более чувствовал, чем думал), об этом он сам рассказал на суде, и этот рассказ его является, может быть, наиболее поучительным во всей его исповеди и наиболее подкупающим по искренности.

На вопрос государственного обвинителя, как же он отнесся к наступлению белых в 1919 г., Федотов открыл тайну души большинства технической и прочей интеллигенции. Когда Деникин стоял у Орла, Федотов не ликовал, он знал, что белые несут смерть сотням тысяч, величайшие страдания миллионам. Но он в случае поражения красных не эвакуировался бы с ними из Москвы. Он остался бы в Москве и приветствовал бы белых.

И это признание А. А. Федотова — самое ценное, политически самое важное признание, дающее ключ к пониманию позиции большинства буржуазной интеллигенции. Она потому буржуазная интеллигенция, что она выросла на основе капиталистического строя в связи с буржуазией и как слуга буржуазии. Она верила, что капиталистический строй самый лучший из всех возможных, ибо он позволил сыновьям мелких конторщиков, учителей, кулаков «выйти в люди», зарабатывать десятки тысяч рублей в год, разводить у себя (в верхнем этаже) в цветочном горшке культуру и в свободные от работы на капиталиста минуты даже заниматься человеколюбием.

Федотов наверное видел некультурность своих хозяев, видел, как тяжело живется рабочему, но когда человеку самому хорошо живется, он склоняется к оптимизму. А для чего существовала буржуазная наука, если не для того, чтобы поставлять Федотовым аргументы о том, что только конкуренция, только индивидуальный интерес являются стимулом для поднятия культуры, которая в окончательном счете со временем поднимет и широкие массы?

Как глубоко засела эта ложь, которая была правдой в XVIII столетии, в головы этих «людей науки»! Об этом свидетельствует тот же А. А. Федотов, когда он беспомощно перед судом в речи, быть может последней, бормочет о том, что только теперь понял, что существуют еще другие, коллективные стимулы в жизни человека.

Когда пролетарская революция выбила его из обычной колеи, отняла у него сбереженные десятки тысяч рублей и имение, заставила его опасаться, что завтрашний день поставит его под контроль рабочих, завела его на время даже в ЧК, то Федотов не борется, он не пытался перебежать к белым, даже не саботировал. Он подчинился, он пытался приспособиться, но когда издали послышались ружейные залпы белых войск, когда донесся грохот белогвардейских пушек, то А. А. Федотов знал в глубине своей души: он никуда не уйдет. Когда раздастся на улицах Москвы цоканье копыт кавалерии Шкуро и Мамонтова, он выбежит на улицу и будет их приветствовать со слезами на глазах под звуки «Боже царя храни». Он не будет тогда думать о том море крови, которое они оставили позади себя. Он не будет думать о том, что крестьян секут в деревнях вернувшиеся помещики. Он не будет думать о том, что предстоит рабочим кварталам. Жизнь жестока, культура шагает вперед через трупы. Уже Дарвин учил, что в борьбе за существование остается в живых наиболее приспособленный. Если люди непременно должны погибать, пусть погибают другие. Ему хочется жить, и ему в старой России с царем и с помещиком, которых он не очень-то долюбливал, жилось гораздо лучше. Как приятно было приходить вечером в «Русские ведомости» и на первом этаже в этом маленьком доме разговаривать на культурные темы с профессором Мануиловым и другими профессорами, а утром итти в контору или банк, вечером

пощупать портфель с банковским счетом и подумать, что все-таки не так плохо жить на Руси.

И вот тут корень всего. При капитализме им жилось лучше, при капитализме они мнили себя хозяевами или по крайней мере самыми доверенными людьми хозяев. Лучшие из них могли покровительствовать рабочим, равными они их никогда не считали. И если рабочие взяли власть, то, по мнению наших либералов, кроме русского бунта, кровавого и бессмысленного, ничего из этого выйти не может. Нигде в мире никакого социализма нет, и не России выдумывать социализм. Пусть он сначала побеждает в Австралии. Профессор Федотов наверное не утаил бы этого от читателей «Русских ведомостей». Он как человек науки, может быть, даже поднялся бы до вершин объективизма и писал бы про этот австралийский социализм, что, с одной стороны, он плох, а с другой — хорош, как пишут некоторые просвещенные гуманные американские буржуа, побывавшие в СССР. Но спешить с этим «экспериментом» не приходится,— обязательно указал бы он в заключение.

Интеллигенция, думающая так, есть среда, в которой рождаются вредители, рождаются члены контрреволюционных организаций. Понятно, большинство так думающей интеллигенции не пойдет рисковать головою из-за капитализма. Оно пытается устроиться и при большевиках, лелея в душе надежду, что лихолетие как-нибудь кончится и хозяин вернется. Меньшинство способных действовать рекрутируется из самых разнообразных типов. Тут и карьерист, думающий о министерском портфеле, тут и обыкновенный аферист, желающий хапнуть под видом распределения субвенции на цели контрреволюционной организации, тут и человеконенавистник, которому спать не дает рабочий (при этом чем культурнее становится рабочий, чем более он овладевает знанием и аппаратом власти, тем сильнее злоба «ученого» специалиста). Тут и трус, начавший вести контрреволюционные разговоры, которого мастера ловить человека за язык втянули в организацию и, сделав участником своих тайн, втянули в такие действия, от которых у него позже голова ходуном заходила. Тут, наконец, и Федотовы, которых брали на живчика, на-

зывающегося «повышением авторитета инженеров и культурных людей вообще, охраной их бытовых и материальных интересов». «Коготок увяз, всей птичке пропасть»,— сказал на суде Федотов, именно так вошедший в среду вредителей и в ней увязший.

Он катился со ступеньки на ступеньку. От тайной организации якобы для поднятия авторитета инженерства к сговорам о позиции, занимаемой по очередным экономическим вопросам определенной группой инженеров. Эти сговоры шаг за шагом превращались в заговор о вредительстве. От вредительства Федотов дошел до разговоров об интервенции, утешая себя, что это только болтовня, от болтовни об интервенции — к связи с интервентами и помощи интервентам. Из идеологических формул, к которым обычно прибегал Федотов, наверное самой родной для него был патриотизм, защита отечества, и от нее-то пришлось ему отказаться, ибо контрреволюционеры знали, что нет в их руках внутренних рычагов для победы над пролетариатом. Шаг за шагом мягкотелый, гуманный, либеральный рабочелюбец Федотов начал вырезывать на карте куски отечества, которыми придется кормить зверя интервенции, начал намыливать в мыслях своих веревку для «горячо любимых» им рабочих. У него скребли кошки на душе, когда он, лежа ночью, всматривался полуслепыми глазами в темноту. Но силы вырваться из западни у Федотовых не могло оказаться.

Итак он стал перед судом, и одно его преступление за другим выходило в зал суда и свидетельствовало против него. Когда мужики бьют насмерть пойманного волка, они при каждом ударе приговаривают: «Это тебе за зарезанную корову, а это за лошадь, а это за ягненка». И любого из преступлений, совершенных А. А. Федотовым, было бы вполне достаточно, чтобы его расстреляли. И когда так вставали одно за другим преступления, требуя головы старого человека, то вдруг появилась взятка, самая обыкновенная, не караемая по тем параграфам уголовного кодекса, которые требуют физического уничтожения виновных. Взятка начала расти до каких-то символических размеров. Бывший директор Немецкого банка и вицеканцлер германской империи Гельферих рассказывал мне, что после заключения договора с султанским турецким пра-

вительством на один из участков Багдадской железной дороги, к нему явились по очереди султанские министры, совершенно открыто требуя бакшиша. Военный министр даже радостно объяснил ему, что когда его господин, султан, заключает выгодный договор, то как же не радоваться министрам и не принимать в день радости подарков. Федотов, может, не думал так патриархально. Но когда хозяева делали хорошие дела, как же не сделать хотя бы делишек их подручным, думал он. И вдруг он увидел, что он стоит перед залом, полным людей, хороших и плохих в своей личной жизни, но ни под каким видом не берущих взяток и считающих преступлением наживу за счет народных денег. И он вдруг почувствовал пропасть, отделяющую его от этого рождающегося нового мира, который не на словах, а на деле ставит общественный интерес над личным. Это свидетельствует о чуткости государственного обвинителя, то что он в своей и юридически и политически блестящей речи счел нужным особенно подчеркнуть, что в этом пункте сломился целиком А. А. Федотов.

Но это окончательное крушение А. А. Федотова на взятке — вопрос не психологического порядка, а вопрос великого общественного значения. Они боролись за восстановление капитализма. В зале суда висел портрет Ленина. Над скамьями подсудимых надо было повесить портрет того Рябушинского, о котором рассказывал сам А. А. Федотов, что, помогая организовать белые армии, которые должны были вернуть ему имущество и власть, он продавал им сапоги с картонными подошвами. Если над портретом Ленина виден боевой клич «Пролетарии всех стран, соединяйтесь», клич, за который погибали миллионы, то над портретом Рябушинского — символом капиталистической России — должна красоваться надпись: «Или освобожу святую Русь, или смошенничаю на три миллиона». Вот Россия, во имя которой должен был положить на плаху свою старую голову А. А. Федотов. А они сами — герои борьбы за гнилые сапоги. Если хозяин «поровит в карман» при спасении собственной власти, то почему служащим не брать взяток и за счет старых хозяев и за счет нового хозяина, его величества всесоюзно-

го пролетариата, которого они считали калифом на час. Так, со взяткой в кармане иди, ступай на плаху и погибай за контрреволюцию и гнилой огурец!

Поэтому-то так отвратительна картина, развернувшаяся на этом процессе. Не какой-нибудь слушатель,сохранивший в душе остатки сентиментальности и желающий даже в классовом враге видеть еще человеческий облик, а прокурор республики, по профессии не склонный к сентиментальности, искал на скамье подсудимых человека, от которого не надо было бы отвернуться с омерзением, искал, как ищут оазиса в пустыне. И глаз его мог задержаться только на А. А. Федотове, которому либерализм и рабочелюбие не помешали приветствовать в душе белые полчища русских помещиков, несущих крестьянству плеть, рабочему кандалы, а всей стране иностранное иго, которому все экономические знания общественной эволюции не помешали мечтать о вечном существовании капитализма.

Верность капитализму не помешала Федотову «лойяльно» приспособляться к советской власти, а «лойяльность» не помешала ему сползти к контрреволюции, загнавшей его в подворотню шпионских вертепов. Но ухо Крыленко, напряженно ловившее хотя бы самый неясный звук человеческого достоинства, услышало только *крик взятки*, пойманный судебным следователем. И на этот крик старый Тарас Бульба русского либерализма, герой контрреволюции А. А. Федотов ответил со вздохом: «Я здесь, сынок».

Повторяю, дело не в эстетике, не в омерзении моральном. Дело в двух мирах — в том мире, который выковывают рабочие на наших заводах, который создает крестьянин-колхозник, яростно борющийся с предрассудками своего мелкого собственнического мирка, и в том мире, который гниет на корню, заражая своим гниением все, что только с ним связано. Цели этого мира, обреченного историей на гибель, не могут создавать героев. Они создают только авантюристов, аферистов, карьеристов. В гное этого мира тонут даже те остатки лучших человеческих традиций, которые живы у некоторых последышей капитализма.

Картина, которую представляли обвиняемые контрреволюционеры на процессе в Колонном зале, списана с

самых выдающихся по своим знаниям представителей технического мира. Кто из специалистов хочет отвернуться от этой картины, кто хочет сказать, что он ее отвергает, тот должен заработать себе право на это. А право отмежеваться от этой картины нельзя получить только «лойяльностью», только исполнением принятых на себя обязательств, ибо и часть обвиняемых известное время была лойяльна и исполняла свои обязательства. Право это можно завоевать, только поняв, что такое капитализм, поняв необходимость бороться с ним, поняв, что такое социализм, и поняв необходимость сражаться за него. Когда интеллигентные люди, когда инженеры говорят: мы не политики,— то надо им сказать: политика — это судьба общества, это борьба за направление его развития. Не быть политиком — это значит не знать, куда ты хочешь итти и куда хочешь, чтобы шло общество. Такое незнание — ложь, которая лопается, как мыльный пузырь, при первом же соприкосновении с борьбою двух миров. Не было на роду написано старому А. А. Федотову, что он кончит в тюрьме за измену стране, за шпионство и подготовку войны против своего отечества. Но раз он не выбрал твердо того пути, которым шагает история, то только от обстоятельств зависело, куда его заведет судьба.

Грехопадение А. А. Федотова не личная судьба, и поэтому она касается всего мира советской интеллигенции. Непривлекателен портрет А. А. Федотова, но очень поучителен.

Декабрь 1930 г.

IV

Выше знамя социалистической культуры!

ВЫШЕ ЗНАМЯ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ!

10 мая площадь между Берлинской оперой и Берлинским университетом представляла странное зрелище. Отряды студентов в форме штурмовиков с факелами в руках окружали громадный костер, сооруженный пожарными по всем правилам науки о поджигании груд книг. Грузовики подвозили все новые кипы литературных произведений. Гремели оркестры, и, когда пламя охватило костер, к небесам поднялся гимн об освобождении Германии.

И смотрел на все это Берлинский университет, в котором 120 лет назад *Фихте* произносил свои речи «к немецкому народу», призывавшие бороться с Наполеоном, но опирающиеся на наследство французской революции. Ибо Фихте никогда не забывал, что он когда-то писал: «С этого времени (французской революции) только французская республика может быть отечеством честного человека». И смотрели на это сожжение духа человеческого со своих памятников Александр и Вильгельм *Гумбольды*, Александр Гумбольд, основатель Берлинского университета, впитал в себя дух эпохи просвещения, он выдвигал, как задачу просвещения, «изучение прогресса духа времени, прогресса просвещения, философии и науки». Он был либеральным дворянином, пытавшимся поднять юнкерскую Пруссию на уровень, которого достиг буржуазный мир Запада. Вильгельм Гумбольд — великий естественник — стоял на высоте знаний своего времени. Теперь перед их глазами германское студенчество с поощрения властей предержащих устраивает на глазах всего мира погром той литературы, которую оно считает враждебной «немецкому духу».

Что они сжигают сочинения *Маркса, Ленина и Сталина*, удивляться не приходится. Что они могут противопоставить великому учению, освещающему путь человечества, кроме собачьего лая и средневекового изуверства. Учение современного коммунизма — это для людей, которые пытаются повернуть вспять реку истории, *мементо мори!* Фашистская газета «Теглихе рундшау» предостерегала от запрета чтения сочинений Маркса, указывая на то, что нельзя современному человеку ориентироваться в ходе экономического развития, не зная Маркса, даже если считать учение Маркса неверным. За это ее постигла заслуженная участь. Газета была закрыта и только после того, как обещала не говорить больше подобных неприятных истин, она может снова выходить. Фашистские молодцы не довольствуются уничтожением литературы, которая предсказывает им неминуемую гибель. Они сжигают те слабые *ростки буржуазно-демократической культуры*, которые начались в немецкой литературе в бабье лето веймарского периода. Цвейг, Манн, Деблин — писатели, которые пытались в своих произведениях защищать демократию, погибают в огне наравне с Ремарком, Глезером и другими писателями, которые пытались отобразить все ужасы мировой войны. Ни Ремарк, ни Глезер не указывали на революционный выход из тупика, который создал империализм. Но достаточно было того факта, что они напоминали будущему пушечному мясу участь, которая его ожидает, чтобы возбудить глубочайшую ненависть в тех кругах, которые выход из положения видят в новой империалистической войне. Сжигались ли совместно с коммунистическими, демократическими и пацифистскими книгами также работы естественников, изгнанных из университетов или бросивших кафедры в знак протеста против торжествующего средневековья,— мы не знаем. Бюллетени с германского пожарного фронта фашизма упоминают о сожжении книг *Фрейда*, но умалчивают об именах великого физика *Франка* и химика *Габера*, который вооружал Германию в войне своим искусственным азотом и газами и который теперь принужден был, понурив голову, уйти с чувством стыда за господствующий класс, которому служил.

Маркс писал когда-то, что «*тот же самый дух строит*

философские системы в мозгу философа, который строит железные дороги руками рабочих». Слова эти написаны Марксом в молодости, когда он еще не преодолел до конца влияния идеалистической философии. Но они, несмотря на свою идеалистическую скорлупу, содержат глубокую истину. Не может быть государства с крупной промышленностью, государства, двигающего вперед технику, в котором была бы испепелена творческая научная мысль в какой бы то ни было области. Германская буржуазия, громя огнем и мечом мысль в области обществоведения, естествознания, так несовместимую с «немецким духом», говорит этим, что этот «дух» стал несовместим с каким бы то ни было прогрессом хотя бы в области техники. И на деле приход к власти германских фашистов есть доказательство, что буржуазия этой передовой страны отчаялась в возможности дальнейшего развития на рельсах, по которым она двигалась вперед, что она пытается спастись при помощи *алхимии*, которая всегда шла рука об руку с *костром* и *инквизицией*.

Костер из книг перед Берлинским университетом является не просто шутовским эксцессом пьяных корпорантов, которые никогда не любили книг и предпочитали находить истину в кувшине пива. *Костер перед Берлинским университетом, это — огонь, который говорит всему миру о рубеже, достигнутом человечеством.* Мы, коммунисты, всегда говорили, что в судорогах капитализма погибает то, что осталось великого и ценного в буржуазной культуре. Буржуазная интеллигенция Запада не хотела этому верить, она указывала на развитие техники и естествознания в капиталистических странах. Агенты буржуазии пытались удержать влияние своих хозяев на эту интеллигенцию, говоря о том, что диктатура пролетариата не дает простора для развития научной мысли, ибо она видит во всяком ученом представителя буржуазии. Теперь слепые могут проверить, кто был прав. *В Советском союзе старые ученые, в прошлом крепко связанные с буржуазией и в своем большинстве вероятно и теперь не перешедшие еще на точку зрения коммунизма, могут работать, пользуясь вниманием, поддержкой советского правительства и всей страны. За работами наших химиков, физиков, биологов, геологов следит вся страна и гордится*

ими. И коммунистическая партия, руководитель Советской страны, призывает своих членов учиться у этих старых буржуазных ученых, награждает их подвиги, как подвиги, совершенные в интересах страны, что связала свои судьбы с прогрессом науки. Мы, коммунисты, не принимаем слепо завоеваний буржуазной культуры. Коммунизм есть культура, строящаяся раскрепощенным трудом на основах диалектического материализма. Коммунизм ведет борьбу с наследством идеалистической философии. Но в то время, когда германские черносотенцы сжигают сегодня сочинения Маркса, Ленина и Сталина, чтобы завтра сжечь сочинения Дарвина, мы издаем в переводах великого идеалиста Гегеля, чтобы изучить путь, которым человечество дошло до марксизма. Коммунизм не боится идеалистических учений, ибо он побеждает их идейно и действием. Коммунизм строит свое здание будущего на всех великих достижениях человеческого ума прошлого. Фашизм уничтожает зародыши будущего, имеющиеся в современной буржуазной науке, чтобы задушить плод революции в чреве германской буржуазии. Но если бы ему это удалось, от этого погибла бы беременная Германия, ибо невозможно развитие даже буржуазного мира в тисках средневекового обскурантизма, тисках звериного национализма. Этот обскурантизм несовместим с современной техникой и промышленностью. Этот звериный национализм должен привести к военным катастрофам. *От костров, зажженных перед Берлинским университетом, несется не гарь горелой бумаги, а трупный запах разложения германской буржуазии.*

Но как бы ни свирепствовал фашизм, он не достигнет своей цели. Чересчур далеко пошло уже экономическое и социальное развитие Германии, чтобы ее можно было даже огнем и мечом загнать в средневековье. Это развитие создало те общественные силы, которые победят новорасцветшее мракобесие. Бешенство, толкающее фашистов на невиданную демонстрацию сжигания книг, является доказательством их чувства слабости. *Они бесчинствуют потому, что только в бесчинствах видят шанс на спасение.* Но это их бесчинство скажет тем людям, которым дорого дело человеческой культуры, которым дороги завоевания человеческой мысли, *где спасители этой мы-*

сли, где сила, которая вынесет из пламени костров наследство Фихте и Гегеля, наследство Гельмгольца и Геккеля. Это — та же самая сила, которая отстоит наследство *Маркса и Энгельса* от современных варваров и которая докажет делом правду слов Маркса, что «*германское рабочее движение является наследником германской классической философии*».

Общественное мнение Советского союза не забудет ни на один момент перед лицом костров, на которых сжигаются произведения германской прогрессивной мысли, то, чем обязано в прошлом человечество духовной жизни Германии. Общественное мнение Советского союза ни на один момент не поверит тому, что совместно с кострами, пылавшими в ночь с 10 на 11 мая, погибла способность Германии служить развитию человеческой культуры. Советское общественное мнение не позволит отожествлять фашистских изуверов с Германией, сколько бы они ни выдавали себя за представителей «истинно германского духа». Оно знает, что те способности, которые сделали Германию передовой нацией, сделают ее в будущем передовой социалистической нацией.

Общественному мнению Советского союза костры, зажженные из книг перед Берлинским университетом, сигнализируют *не гибель культуры, а гибель буржуазной культуры*. Они говорят ему, что надо *выше поднять знамя социалистической культуры, что людям науки надо сплотиться с рабочим классом, строящим социализм, ибо* он есть единственный строитель условий, в которых растет новая великая человеческая культура.

Май 1933 г.

ВЕЛИКИЙ ПУТЕШЕСТВЕННИК, КОТОРЫЙ НЕ ДОШЕЛ ДО НОВОЙ ЗЕМЛИ

Выдающийся ученый, отважнейший путешественник и типичный мелкобуржуазный пацифист и филантроп,— так написано в «Малой советской энциклопедии» о Фритиофе Нансене. И это — правда, выраженная сухим схематическим языком «Энциклопедии». Но кто читал его книги, кто следил за его общественной деятельностью во время войны и после войны, кто имел счастье знать его лично, тот будет глубоко неудовлетворен этой правильной характеристикой. С понятием филантропии связаны образы разных Карнеджи, награбивших сотни миллионов и «осчастлививших» после этого человечество так, как они считали это возможным. С понятием пацифиста связано представление о тупой попытке резать людей так, чтобы им было не очень больно, или, что еще хуже, связан образ ханжи и лжеца, пытающегося усыпить бдительность масс для облегчения работы военной машины. А Фритиоф Нансен был не такой человек. Наконец, есть ли какая-нибудь связь между Нансеном — человеком науки, Нансеном — великим путешественником и Нансеном, стучащим кулаком по столу в Лиге наций и требующим хлеба для голодных в России. Эта связь, и в ней — весь Нансен.

Жизнь Нансена — иллюстрация того безысходного положения, в котором находятся все лучшие люди в буржуазном мире.

Нансен начал свой жизненный путь, как естественник. Естественная история — величайшая наука, которая зажигала когда-то сердца лучших людей молодого капиталистического мира, шедших за истины, открытые этой наукой, в тюрьму и на костер. Естественник сбросил с не-

бесного престола бога, ликвидировал привилегированное положение земли среди планет. Естественник пытался найти великую демократическую связь, объединяющую все явления природы. Естественник отнял высшее звание у человека, сделав его одним из звеньев в животном мире. И за всякий шаг к этой революции мысли он платил величайшим трудом, лишениями, страшной борьбой с собственными сомнениями, с убеждениями человечества, за спиной которых стояли седые века и на защиту которых зажигались костры.

Наши дети, начиная лепетать, раньше чем произнести «мама», выговаривают слово «алло», поднимаются на аэропланах с такой простотой, точно человеку полагается летать. Мы с трудом можем представить себе, сколько мук в сухих и строгих математических формулах *коперниковского* «Круговращения небесных тел». Два художника попытались дать картину рождения и проверки новых истин естествознания. Когда читаешь книгу Вассермана о Христофоре *Колумбе*, только тогда, благодаря мастерству писателя, начинаешь понимать, как потрясено было человечество, узнав, что земля шарообразна. Осознание этого факта опрокидывало все, к чему привыкла человеческая мысль. Оно было вызовом, от которого задрожал мир. Читая разговоры *Кеплера* и *Тихо Браге* в романе Брода, мы видим, как смешно и неверно думать, что усвоение и укрепление мысли Коперника шло путем математико-астрономических дискуссий между учеными, сидящими в тихих кабинетах и спокойно изучающими чертежи небесного свода. Великий Кеплер подыхал с голода, Тихо Браге — игрушка придворных прихотей — пытался в глубочайшем душевном смятении, обливаясь кровью, найти компромисс между старыми и новыми идеями.

Во имя чего это величайшее напряжение силы, этот труд, высасывающий кровь? Только некоторые из людей науки отдавали себе отчет в том, что естествознание является основой развития производительных сил, которое даст человечеству величайшие богатства. *Бэкон* говорил с полной точностью, что современный ему мир рождающегося капитализма отличается от древнего тремя изобретениями: книгопечатанием, изобретением пороха и

компаса, «имевшими такое сильное влияние на человеческие отношения, какого не оказывали ни одна власть, ни одна секта, ни одна звезда». До этого времени изобретения были делом случая,— говорил он,— нужна наука, которая поможет эти изобретения делать сознательно, и тогда человек сделает природу своим слугой. «Человек, толкователь и исполнитель природы, расширяет свои познания и свою деятельность по мере раскрытия им естественного порядка вещей в наблюдении или действии — ничего больше он не может и не знает». Понятно, что *не все великие естественники понимали непосредственную связь, существующую между их работой и материальным и общественным развитием человечества, но все они думали, что развитие науки, открытие великих истин естествознания сделает человечество более счастливым.*

Когда теперь читаешь сочинения великих просветителей, твердо стоявших на плечах великих естественников, и когда сравниваешь их гордые надежды с тем, что дала наука миллионам, то видишь, как на ладони, *жестокий кризис, заложенный в душу всякого ученого,* если он не просто узкий специалист, а действительно человек науки, т. е. человек, ищущий связь всех явлений.

На-днях я прочел с волнением о том, что *Маркони* со своей яхты на Средиземном море зажигал электрический свет в столице Австралии. Несколько дней спустя я читал о радиотелефонном разговоре, который вел из своего кабинета Рамзей Макдональд с австралийским премьер-министром, сидящим у себя в кабинете. Волна горячей крови приливает к сердцу при чтении таких известий. Электрическая искра обегает в секунду весь мир, объединяет его, и один материк слышит биение сердца другого. Но через минуту, как острый нож, мысль прорезает сознание: из лондонских банкирских контор смогут по радиотелефону в минуту давать распоряжения, как расстреливать поднявшийся на бой индийский народ, большинство которого ни разу в год не наедается досыта. Мозг сверлит мысль, что по тому же радиотелефону, по которому «рабочий премьер» Англии *Макдональд* обменивался любезностями с «рабочим» премьером Австралии *Скулином,*— какой-нибудь Черчилль будет давать приказ

сбросить тысячи *пудов* динамита на великий муравейник строящегося социализма в СССР.

Наука развила производительные силы мира так, что если организовать их правильно, снять с шеи человечества пиявок, дать простор творческим силам рабочих, то все будут сыты, одеты и мысль всех поднимется из праха забот о куске хлеба высоко к звездам величайших вопросов человечества. Есть книга буржуазных писателей *Линдсов*, описывающая жизнь рабочих в среднем промышленном городе Америки Мидльтоне. Среди величайших технических успехов, среди «процветания» 90 процентов рабочих живут ниже того минимума, который американское капиталистическое правительство считает возможным обложить подоходным налогом. 30 процентов из них живут в смрадных домах. Они абонируют радио, многие из них имеют дешево купленный старый форд, но «основные условия жизни в этих домах вызывают в человеке депрессию, приниженность». А чуть случится безработица, приходится отказаться от радио, от телефона. *Чейз* пишет о восточной части Нью-Йорка, что над ней поднимается корона радиоантенн, но человеческие жилища там грязные, набитые людьми доотказа. Картина жизни среднего американца, сидящего в своем обширном доме, окруженном чудесами техники и всякими удобствами,— просто миф. Еще большой вопрос, живет ли он в своем доме более комфортабельно, чем в 1890 г.»,— пишет Чейз. Это пишется теперь о рабочих, получающих самую высокую зарплату мира, через двенадцать лет после войны! А какой мыслящий человек может забыть войну, войну, использовавшую все достижения науки? «Если бы человечество знало, какие дьявольские разрушения, какие сатанинские бедствия были для него уготованы под конец войны, оно содрогнулось бы»,— рассказывал недавно Ллойд-Джордж. А что подготовляют мастера химической науки в Ведвужском арсенале, в лабораториях Англии, Франции, Германии, Японии для нашей молодежи и для наших детей? На лондонской конференции 1924 г., завершившей локарнские переговоры, «златоустый» Бриан сказал с лирической дрожью в голосе, что самой большой наградой за его пацифистские

подвиги было письмо матери, которая писала ему: «Теперь я гляжу без опасения на своих детей!» Бедная и глупая мать, преступно обманутая.

Ученые, которые не являются простыми продавцами знаний тому, кто за них больше заплатит, или дураками с ученой степенью, могли бы уже давно спросить себя, *на кого и для кого они работают*. Боясь ответа на этот вопрос, многие искали самозабвения в гашише презрения к человечеству: если люди дают себя эксплоатировать, гноить, тиранить, то они — пыль человеческая, и нечего о них думать, нечего страдать за них,— будем жить, как сверхчеловек! Другие, которым этот обман не по силам, искали спасения в мягком тумане мистицизма, - третьи пытались внушить себе, что они все-таки служат человечеству, служа науке, расширяя область ее знаний, вырывая тайны у природы. К этой третьей категории принадлежат смелые путешественники, исследователи, рискующие головой в своих лабораториях. Таким был Фритиоф Нансен. Что двигало этим молодым ученым, когда на лыжах, в мертвящий мороз, он пробегал Гренландию или на своем геройском «Фраме», что по-норвежски означает «Вперед», пробивался через льды Арктики к Северному полюсу? Всякий день этой бешеной борьбы с природой, всякий день путешествия,— *эпопея человеческого мужества*, самая чудесная эпопея человечества. Двигала ли им мысль о славе? Есть тысячи других, более дешевых средств в капиталистическом мире завоевать себе славу, чем риск головой. Жажда наживы? Надо было вымаливать у купцов, у правительства, общества каждую копейку, нужную экспедиции. Многими, быть может, двигал спортивный азарт, любовь преодолевать трудности. Нансен думал о людях, о человечестве, о том, что может сделать он, ученый, как расширить человеческое знание. Изучение Арктики откроет, быть может, не только новые пути сообщения, но даст лучшее знание атмосферных явлений, что поможет бороться с неурожаем, голодом. Вот какие мысли двигали Нансеном, когда он, борясь ежечасно со смертью, вырывал тайну у арктических ледников.

Что это так, доказывает тот факт, что *научная деятельность никогда его не удовлетворяла*, что его всегда

тянуло к общественной деятельности. Он пытался разорвать узы старого феодального прошлого, борясь за отделение Норвегии от Швеции в качестве дипломата. Норвегия — страна, в которой капитализм не съел до конца демократии, и понятно, что Нансен, не будучи никогда ни революционером, ни социалистом, верил, что можно помочь своему народу и на таком посту. Пришла война. Нансен, ошеломленный ею, полный чувства бессилия перед ужасом мировой бойни, мечется в поисках, как бы помочь хоть тем, кто от нее уцелел, как бы спасти от цынги и тифа концентрационных лагерей военнопленных, которых не успели уничтожить снаряды. После войны он занялся вопросом о ее жертвах, спасал от голода и истребления то, что осталось от турецкой Армении. Мне пришлось с ним говорить об этой его деятельности, о паллиативном ее характере. Он говорил о войне с глубокой, клокочущей ненавистью, он говорил о ее жертвах, как о чем-то близком, родном, и видно было, что мысль об ограниченности его усилий он пытался отогнать тем соображением, что нельзя сидеть, сложа руки, что надо что-то делать. Без общественного образования, происходя из страны сравнительно мало развитых классовых противоречий, он не знал десятков тысяч и миллионов борцов за социализм и считал тех, о которых слышал, путешественниками в страну, которой нет или еще нет. Он не мог перейти границ пацифизма и филантропии. Его любовь к человечеству не нашла путей. Его «Фрам» — «Вперед» остался в трясине мелкобуржуазных метаний и не вывел его вперед.

К революции в России он относился с глубокой симпатией, смешанной с тревогой и неверием: найдут ли советские искатели новую землю, окупятся ли неисчислимые, нечеловеческие жертвы? Но достаточно прочесть его речь, произнесенную перед Лигой наций по поводу голода в СССР в 1921 г.,— речь, которую не передало ни одно буржуазное телеграфное агентство, речь, которую скрыла буржуазная печать,— чтобы почувствовать, что это говорил не просто человеколюб, но *мужественный арктический путешественник, сердце которого связано было какой-то интимной связью с путешественниками в*

Новую Землю Социализма. «Если вы имеете малейшее понятие о том, что означает бороться против голода и против страшных сил зимы, то вы поймете положение в России и будете действовать»,— кричал он элегантно одетым упитанным представителям буржуазных государств, собранным в Лиги наций.— Двадцать миллионов людей голодают, для их спасения нужно только 50 миллионов рублей, стоимость половины военного корабля,— умолял он.— Урожай в Канаде так богат, что она сможет вывезти в три раза больше, чем нужно для прокормления голодающих в России. В Америке хлеб гниет, так как некому его продать. В Аргентине топят хлебом паровозы, а в России двадцать миллионов людей умирают,— кричал Нансен.

Он идет дальше, он говорит о кампании лжи против Советской России, которая мешает организовать хотя бы общественную помощь, он разоблачает, что эта кампания лжи организуется какой-то центральной агентурой, которая хочет помешать спасению голодающих из опасения, что помощь голодным может усилить советскую власть. «*Есть ли в этом собрании человек, который готов сказать: лучше пусть погибнет двадцать миллионов людей, чем усилить советскую власть*». И, глубоко потрясенный молчанием собрания, он угрожает собравшимся представителям капиталистического мира, что он не сложит рук, пока не поднимет на ноги *народы*, которые заставят правительства дать средства для помощи голодающей России.

Бедный, бедный друг человечества! Он забыл, что люди, сидящие перед ним, не только никогда не знали борьбы с голодом и холодом, но жили за счет голода и холода народных масс. Он забыл, что эти люди не только готовы для победы мирового капитала над СССР уничтожить двадцать миллионов людей, но что они только что уничтожили в империалистической войне такое же количество человек. Он забыл, что голод в России явился последствием их интервенции, которой они пытались задушить юный, только что родившийся социализм раньше, чем он успеет вырасти и уничтожить ту нестерпимую нищету, за счет которой они живут.

Когда мне приходилось все это лично говорить Нансену, он признавал правоту этих наших взглядов, но не

находил силы сделать из них выводы. *Тимирязев*, великий русский ученый, нашел путь к коммунизму. У колыбели его стояла крепостная Россия, перед смертью он уже увидел не только падение царизма, но и падение русской буржуазии. Великий естествоиспытатель понял развитие «социальных видов», его пружины и перспективы. Но даже в стране революции Тимирязев был *одним из немногих ученых*, лодка которого отчалила от буржуазного берега и причалила к социалистическому. Тем труднее было порвать со старым берегом Нансену, сыну страны, о языке которой Энгельс когда-то сказал, что из всех германских языков он наименее подвергся изменению, ибо Норвегия — страна, лежащая в стороне от великих исторических течений. Нансен умер, как трагический памятник эпохи, в которой наука — монополия буржуазии, бессильная помочь человечеству,— в лице своих лучших представителей чувствует мертвящее дыхание капитализма, но не может вырваться из его объятий.

70 лет назад *Лассаль* мечтал о союзе науки и рабочего класса. Увы, ни в одной из капиталистических стран, несмотря на все раны, которые капитализм наносит человечеству, этот союз не заключен, хотя пролетариат ни перед чем так не преклоняется, как перед подлинной наукой. Только тот огонь науки, который похитил у буржуазии Прометей — Маркс, помогает пролетариату расплавить цепи, помогает ему испепелить здание капитализма и построить новые очаги человеческой культуры. В этой великой стройке принимает участие с открытой душой пока что только меньшинство русских ученых. А есть и такие, которые «во имя науки» пытаются мешать нашей работе.

Наука, революционная в начале капитализма, одряхлела вместе с капитализмом и станет снова великим изобретателем, завоевателем природы, слугой всего человечества, когда ее освободит освобожденный труд. Международный пролетариат вспомнит тогда и тех ученых, которые чувствовали петлю капитализма, искали путей освобождения, хотя его и не нашли. Среди них будет имя Фритиофа Нансена,— хотя «Фрам» его застрял во льдах.

Май 1930 г.

ПРИВЕТ РОМЭНУ РОЛЛАНУ

Сегодня то, что осталось от так называемого цивилизованного мира, празднует 65-й день рождения великого французского писателя Ромэна Роллана. Крупнейший французский писатель не получит в этот день приветствий французского правительства. Ни г. Тардье, олицетворяющий открыто жажду экспансии французской буржуазии, ни г. Бриан, прикрывающий эту жажду фразами о мире, не пошлют ему своих приветствий. Буржуазная пресса замолчит этот день, ибо она не может чествовать человека, который не присоединил своего голоса к волчьему вою империалистов во время войны, который поднимал голос протеста против травли Страны Советов. Но те из рядов так называемой передовой интеллигенции, которые еще драпируются в плащ гуманитарности, будут ему льстить без меры, хотя не пойдут по пути, на который он стал. Революционные рабочие всего мира, а в первую очередь пролетариат СССР, посылают ему искренний и сердечный привет, сопровождая его не словами лести, а словами честной пролетарской правды.

Ромэн Роллан достоин этой правды, ибо никто другой, как он, говорит в письме своем к русским читателям, что главным звеном, объединяющим его с русской литературой, «была прежде всего пламенная страсть к правде, страсть не отвлеченная, а плотская, страсть духа, подобная страсти к женщине, которой обладаешь». Правда о Ромэне Роллане состоит в том, что он был всегда писателем лучших идей, оставшихся от буржуазии ее героических времен. В нем жила всегда великая любовь к человеческому разуму, к его стремлению овладеть миром,

любовь к труду, осуществляющему великие идеи, любовь к борьбе, стремление выйти из узких рамок одной нации и объединить человечество на почве стремления вперед.

Ничего удивительного, что одушевленный такими идеями Ромэн Роллан должен был относиться отрицательно к буржуазной эпохе, которая от гуманизма через национализм дошла до каннибализма. Он с восторгом присоединился к *толстовской* критике буржуазной цивилизации, хотя, сын Франции, он не мог ни разделять аскетических стремлений Толстого, ни отрицать значения современной техники и искусства. От Толстого он принял учение о непротивлении злу, как о лучшем пути его преодоления, и когда весь мир был брошен *в кровавую мировую баню*, он удалился из Франции, где задыхался в атмосфере дикого национализма, чтобы в Швейцарии переждать бурю, занимаясь работой над улучшением положения пленных солдат в разных странах.

Что это бегство от кровавой жизни было капитуляцией, он понял сам. Но, оторванный от рабочего класса, не веривший в его силы и не видевший их под позорным покровом, которым международная социал-демократия покрыла пролетариат, как смертным саваном, он не мог найти выхода. *Октябрьская революция* оживила его надежды. Он начал чутко прислушиваться. Отравленный поток лжи, которым буржуазия пыталась убить в европейской интеллигенции интерес к Октябрьской революции, на него не произвел никакого впечатления, ибо он чересчур хорошо знал систему обмана, называющегося буржуазной прессой. Из рассказов очевидцев, возвращающихся из СССР, он начинал понимать, что в стране, литературу которой так любил, рождается новый мир.

Но Ромэн Роллан оставался интеллигентом, т. е. принадлежал к слою, который в лице даже «передовых» своих представителей так похож на бабелевского героя, бедного еврея из Житомира, который говорит: «Поляк стрелял, мой ласковый пан, потому что он — контрреволюция. Вы стреляете потому, что вы — революция. А революция, это же — удовольствие. И удовольствие не любит в доме сирот. Хорошее дело делает хороший человек. Революция, это — хорошее дело хороших людей.

Но хорошие люди не убивают. Значит, революцию делают злые люди. Но поляки тоже злые люди. Кто же скажет, Гедалий, где революция, а где контрреволюция?.. И вот мы все, ученые люди, мы падаем на лицо и кричим на голос: горе нам! Где сладкая революция?»

И, как этот бедный, забитый еврей из Житомира, великий писатель великой цивилизации — Роллан стремился к «*интернационалу добрых людей*» и хотел, чтобы «каждую душу взяли на учет и дали бы ей паек по первой категории». Он приветствовал пролетарскую революцию за ее великую борьбу, за ее стремление построить новую жизнь, но критиковал ее за то, что она убивает, критиковал ее за то, что она в бою не может дать свободы слова всем, для какой бы цели они ни желали воспользоваться этим великим орудием. Он сам понимал бессмыслицу подобной точки зрения. «Я вижу в России народ, который ценою неслыханных страданий силится родить новый строй»,— писал он в январе 1928 г. в ответ Бальмонту и Бунину. «Этот новый строй весь в крови, весь испачкан, как плод человеческий, только что извлеченный из утробы матери. Несмотря на отвращение, несмотря на ужас, несмотря на страшные ошибки и преступления, я иду к ребенку, беру в руки новорожденного, он — надежда, жалкая надежда человеческого будущего». Но, сумев дойти до такого понимания исторической правды, он должен был признаться, что, хотя Сен-Жюсты, Робеспьеры воздвигли новый мир, он, если бы жил в эпоху французской революции, был бы жирондистом. Интеллигенция считает себя солью земли. Но нигде нельзя так ярко видеть природу мелкой буржуазии, колеблющейся между пролетариатом и буржуазией, как в сочинениях тех интеллигентских писателей, которые думают, что они стоят над классами.

Нужна была картина беспрерывных приготовлений мировой буржуазии к новой империалистической войне, нужно было все бесстыдство, с которым пацифизм проституируется с империализмом, чтобы великий французский писатель, так мечтающий о доброй революции, без крови, сделал шаг вперед. Завтра в «Известиях» будет напечатана статья Ромэна Роллана (на-днях она появится и в Париже), в который Ромэн Роллан не только опре-

деленнейшим образом высказывается против *лжи демократии* при господстве капитализма, *против пан-Европы*, как прикрытия подготовки войны против СССР, в которой заявляет, что *СССР есть надежда человечества* и что «*если СССР будут угрожать, кто бы ни был его врагом, я стану на сторону СССР*», но в которой он делает крупное принципиальное заявление: «Во времена, когда я сам медленно, с трудом и через боль освобождался от иллюзий, сковавших мой мозг (ложь официальной истории, ложь национальных и социальных условий, ложь традиций и государств), и едва-едва начинал с трепетом вникать в *раскрепощающий человечество ответ*, который должны были бы дать своим правительствам народы, я не осмеливался тогда высказаться. *Я это делаю сейчас. Это — ответ Ленина в 1917 г. Восстание европейских армий против руководителей войны и братание их на поле битвы*».

Эти слова Ромэна Роллана делают великую честь великому французскому писателю. Нелегко на 65-м году жизни вычеркнуть основную свою установку, вырвать из истории своей жизни страницу, на которой написано непротивление злу, и признать правоту революционного пролетариата, признать правоту великого лозунга Ленина о *превращении империалистической войны в гражданскую*. Надо быть *мужественным человеком, мужественным мыслителем*, чтобы посметь высказать эту мысль в момент, когда империалистическая Франция готовится к новой войне и когда за это признание исторической правоты Ленина Ромэн Роллан может ожидать теперь пулеметного огня лжи и клеветы, а завтра более крутого ответа.

Хотя знаем, что Ромэна Роллана еще многое отделяет от тех выводов, которые вытекают из признания лозунга Ленина, мы горячо приветствуем сделанный им шаг, видя в нем политический симптом, имеющий общеисторическое значение. *Мелкобуржуазные массы не поняли урока мировой войны*. Мировая буржуазия повторяет этот политический урок. Она показывает мелкобуржуазным слоям свое действительное звериное лицо. Те, которые мечтали, что война 1914—1917 гг. была последней, *должны будут проснуться от нового урока*. Чуткий писатель

своим сдвигом вещает поворот известных частей мелкой буржуазии против империализма.

Мы желаем Ромэну Роллану, чтобы он нашел в себе решимость обратиться с тем, к чему привел опыт его жизни, не к малым литературным кружкам, а *к народной массе*, которая в первую очередь заинтересована в понимании, куда движется мир, ибо ей придется расплачиваться жизнью за политику империализма, ей придется проводить в жизнь лозунг Ленина. Мы желаем от всей души великому писателю найти связь с этой народной массой и почерпнуть из этой связи ту силу, которая нужна, когда провозглашают лозунги, пахнущие железом и кровью. «За что я борюсь, о том ты мечтаешь»,— говорит с упреком рабочий поэту в одной польской поэме. Борьба против империализма — дело тяжелое, и кто не хочет довольствоваться мечтой о ней, не может оставаться в *одиночестве*.

И он не может оставаться в плену даже у части своих иллюзий, которые видны хотя бы из симпатий Ромэна Роллана к гандизму, который связывает силу индийского народа. Мы знаем, как трудно Ромэну Роллану проделать в его возрасте путь, на который он стал, до конца. Мы желаем ему здоровья, бодрости, нужной для борьбы.

Январь 1931 г.

РЕМАРК

Огневой бурей пронеслась война над миром. Реки железа излились на землю, изрыли ее от Мессопотамии до Бельгии, от побережий Северного моря до Тихого океана. Десяток миллионов людей погиб, десятки миллионов людей были искалечены... Зачем? Почему?

Рабочие массы Советской России ответили на этот вопрос свержением царя и буржуазии. Миллионы рабочих в Европе пытались пойти по нашим следам, поднимая восстания, бунтуя против виновников войны.

«Войны никогда больше не будет»,— кричали мелкобуржуазные пацифисты. «Надо уничтожить капитализм, чтобы никогда больше не было войны»,— отвечали революционные рабочие. Мелкобуржуазный пацифизм, проповедуемый до войны маленькой кучкой идеалистов, в наше время охватил собой миллионные массы мелкой буржуазии капиталистических стран. Несмотря на наличие в ней националистических тенденций, мелкая буржуазия в своей основной массе устала от войны, она полна страха перед кровавой бойней. До 1914 г. она верила, что победы улучшат ее положение, откроют ей новые перспективы. Теперь же на опыте последней мировой войны она поняла, или, во всяком случае почувствовала, что она только одна из жертв войны.

А между тем крупная империалистическая буржуазия, подготовляя новую войну, как бы гонимая к ней древним фатумом, машет белым флагом мира, распинается в любви к миру, создает в Лиге наций церковь мирной лжи, клянется в пакте Келлога лжеклятвой мира. «Пацифист-

ская» политика империалистов есть маскировка, уступка настроениям и чувствам мелкой буржуазии, которые очень ярко отражены в современной немецкой литературе о войне. Здесь кроется одна из причин грандиозного успеха таких романов, как «*Приключения бравого солдата Швейка*» Хашека, «*Дело сержанта Гриши*» Цвейга, «*Война*» Ренна, «*Солдат Зурен*» Вринга, и, наконец», «*На западном фронте без перемен*» Ремарка.

Все эти книги имеют очень много общего: они отражают ужас мелкой буржуазии перед войной и неспособность ее правильно осветить причины и сущность войны. Мелкий буржуа смотрит на капиталистический мир, как на какой-то исполинский чортов котел. Он не понимает всей тонкой системы империализма. Война есть империализм в действии. Организовывают ее через посредство коронованных шутов и слабоумных дипломатов тресты, картели и банки. Мелкобуржуазная мысль не в состоянии проникнуть в тайны железных шкафов некоронованных королей мира. Она не в состоянии положить руку на сердце капиталистического мира и по силе биения этого сердца измерять приближение катастрофы. Эти люди вошли в войну слепыми, и кровь, которая залила их глаза, не увеличила силы их зрения. Искусство мелкой буржуазии не может дать картину возникновения войны. Ответ на вопрос о виновниках войны в искусстве не дан. На этот вопрос сможет ответить только та литература, которая будет искать правду в документах дипломатических канцелярий.

Война была войной техники. Дать ее картину — значит дать лик капиталистического мира от хлопковых плантаций до заводов стального треста, Вифлеемского стального картеля, заводов Виккерса и Армстронга, Шнейдера-Крезо, Круппа и Шкоды. Война эта была войной величайших организаций, организаций переселения народов, перед которыми бледнеют все переселения гуннов и готов. Мелкобуржуазная мысль не могла понять значения этих исторических событий. Война эта была войной лозунгов, войной отравления миллионов гашишем патриотической лжи.

Никогда бараны не описывали, как их ведут на чикагскую бойню.

Не будучи в состоянии даже приступить к задаче отображения причин и смысла войны, мелкобуржуазная литература смогла только попытаться дать отображение величайшей бури в капле воды человеческой судьбы. Хашек дает ее в описании приключений чешского Санчо-Пансо, Цвейг рассказывает, как была размолота маленькая песчинка — русский военнопленный — жерновами войны, Вринг снижает военную тему до будничного серого уровня, Ремарк рассказывает о судьбе маленького отряда немецких гимназистов, которых на войну погнал школьный учитель своим призывом к их патриотической чести.

Каждый из названных писателей по-своему отражает этот маленький кусок исторической трагедии. Хашек — гражданин богемы, полу-анархист, ненавидящий австрийскую бюрократию и милитаризм,— дал бессмертную карикатуру войны. Цвейг видел войну глазами гуманного интеллигента, со слезами на глазах глядящего из окна штаба армии на человеческие мучения. У него нехватило сил смотреть на человека — пушечное мясо, у него нехватило только нервов, чтоб показать, как колесует человека военная бюрократическая машина. Выше их обоих стоит Ремарк, поведший свой отряд прямо в огонь. Ремарк дает незабываемые сцены сражения, картины жизни рядовых солдат в скопах, в тылу, на «отдыхе» в военном госпитале, картины того, как они возвращаются к матерям на отдых внутренне опустошенными и не способными говорить о своих страданиях. Читаешь его книгу, сжимая кулаки и чувствуя, как спазмы подходят к горлу и горячая, кровавая ненависть — к сердцу.

В этом бессмертная заслуга Ремарка. Книга его представляет собой лучшее из того, что написано б империалистической войне. Правда, Ремарк стоит на грани своего мелкобуржуазного творчества. Ненависть к войне, которую в нас вызывает книга, мировая бойня возбудила в миллионах. У сотен тысяч эта ненависть выковала новое сознание. Оно вылилось в России в победоносную пролетарскую революцию, в Германии привело к параличу военной махины и к банкротству старого режима, оно дало восстание в германском флоте, поднявшем красный стяг революции. Во Франции уже в пятнадцатом году

Анри Барбюс услышал среди темной ночи в окнах имя Либкнехта, в семнадцатом году мелкобуржуазный радикал Пенлеве расстреливал уже тысячи восставших на фронте солдат. Этой ненависти, без которой не было бы послевоенной революционной борьбы, не чувствовал и не увидел Ремарк. Для него война была роком, против которого не бунтуют. Оставшиеся в живых герои его вернулись с войны опустошенные, не знающие, что делать, чем жить. Сам Ремарк десять лет носил в своей душе кошмар войны. Он освободился от этого кошмара, написав книгу о человеческих страданиях в этой войне, и стал мировой знаменитостью. На книге капиталистические издательства заработают миллионы, миллионы войдут в оборот капиталистического производства и обращения, которые породят новую войну, дабы новый Ремарк описал когда-нибудь снова, как перемалывались в порошок в мельницах новой войны миллионы.

Миллионы участников войны горячо отозвались на книгу Ремарка. Многие из них заявили публично: это книга о нашей жизни, она заставила нас еще раз пережить все ужасы войны и освободила нас от невысказанного страдания.

Коммунистическая пресса Германии, признавая революционизирующее значение картин, нарисованных Ремарком, сказала ему правду: а ты их все-таки предал, Ремарк, твоих товарищей, гниющих на полях Франции, ибо ты не зовешь на бой против тех, кто погнал их на смерть. Мертвых оплакиваешь, живых не зовешь!

Пролетарское сознание по-своему воспримет картину войны, которую так убедительно нарисовал Ремарк. Оно покажет молодежи эту картину не для того, чтобы сказать, как страшна война, а для того, чтобы сказать: надо уничтожить капиталистический мир, который порождает войну ради наживы.

Июль 1930 г.

МИРОВАЯ ЛИТЕРАТУРА И ПОДГОТОВКА ВОЙНЫ ПРОТИВ СССР

1. ВОПРОС, ПОСТАВЛЕННЫЙ ИСТОРИЕЙ

Международное объединение пролетарских писателей сделало очень полезное дело. Оно обратилось к «свободной республике мысли», к интернационалу писателей с вопросом, как будет он себя держать в случае войны империалистических держав против СССР.

Трудно найти более глубокий способ проверки того, чем является в сущности современный литературный мир. И так как буржуазная литература отображает буржуазный мир, то ответ на этот вопрос осветит состояние не только литературы.

Чудовищное время пережито человечеством. Четыре года под ряд война жгла, опустошала и потрясала мир от Нью-Йорка — через Лондон, Берлин, Петербург — до Токио, от Финляндии до мыса Доброй Надежды. Миллионы людей погибли, миллионы превратились в калек. Только теперь мир начинает выходить из состояния оцепенения и пытается при помощи потока литературы о войне дать себе отчет в том, что произошло. Он оглядывается на поля битв и несвязно пересказывает себе, как это было. Но из пекла пожаров, из клубящегося хаоса родилась звезда. В России массы поднялись против ужасов бойни и железной рукой схватили за глотку виновников войны. И не только кукол в царских бармах и генеральских мундирах проучили. Мстящий топор вырубил корни системы, которая родила войну, он уничтожил господство помещиков и капиталистов в России. Сметен с лица земли был старый порядок, и разорвана золотая цепь, связывавшая его с

империалистическим миром. Истекая кровью, в лохмотьях, покрытые окопной грязью, русские рабочие и крестьяне взялись за работу, за закладку основ новой жизни: без хозяина, без помещика и банкира, без попа и без царя. Годами дрались они против старого мира, который пытался вооруженной рукой помешать им в этой работе. Велика стала нужда в стране. Она выросла до размеров потрясающего голода. «Ничего вы не добьетесь»,— насмехались над ними писаки капиталистического мира, сами корчась в пароксизмах революционной лихорадки, борясь за собственную жизнь и все же не оставляя надежды, что порядок, при котором человек человеку — волк, есть единственный возможный в мире порядок. Капиталистический мир, принужденный сложить оружие военной интервенции, пытался создать рождающемуся социалистическому строю величайшие затруднения — от финансовой и моральной блокады до посылки наемных убийц и шпионов — все пускали в ход, чтобы подорвать и сорвать работу Советского союза. Отживший и безыдейный капиталистический мир хорошо понимал своим старческим инстинктом одно: когда новый, молодой мир крепко станет на ноги, когда он снимет с подавляющей массы людей тяжелую заботу о куске хлеба, когда он вооружит их наукой, которой они подчинят себе природу,— кто захочет тогда работать на капиталистов? Если в Советском союзе будет доказано, что народные массы могут без капиталистов и капитализма лучше построить жизнь, тогда в прах рассыплются хитросплетения, которыми капитализм связывает руки рабочих масс, и окажутся недействительными все средства буржуазного насилия. Это знают власть имущие. «Что такое военные победы? — сказал мне в 1920 г. после наших побед над белыми и Антантой Вальтер *Ратенау*, один из умнейших людей капиталистического мира.— Атилла тоже победил, но гунны не оставили после себя в истории никакого следа. Вашей проверкой будет ваше умение наладить хозяйство без капитализма». Поэтому они задрожали, когда пришла весть о том размахе, о том энтузиазме, с которым строят русские рабочие и крестьяне гигантские Днепрострой, Тракторострой и Магнитогорск, как они в нужде и с величайшим напряжением, выбиваясь из сил, закладывают основы нового порядка, в котором город и

деревня сольются в одно свободное, трудящееся целое. Капиталисты знали, что вся их болтовня о советской пропаганде,— все это была чепуха по сравнению с действием пятилетки. Словами не двинешь народных масс на борьбу на жизнь и смерть. Но *дела*, которые несут миллионам выход из нужды, из гнусного прозябания,— кто может уменьшить их вес?

Вот почему мирный труд народных масс Советского союза вызвал новый пароксизм интервенционистской пропаганды, за которой скрываются конкретные подготовительные мероприятия к новой войне против СССР. Возможно, что официальные правительства еще не сговаривались по этому вопросу, но короли железа и стали, короли нефти и денежного мешка уже обсуждают условия этой войны, а их наемники — герои из генеральных штабов — уже склонились над военными картами и отмечают на них места для будущих братских могил. Возможно, что сегодня и завтра им еще не удастся взорвать приготовленные мины. Но только дурак не видит их, только союзник заговорщиков отрицает их существование.

Вопрос — как вы относитесь к подготовке войны против СССР, какую позицию вы займете во время войны против СССР? — вопрос, который молодые пролетарские писатели поставили светилам мировой литературы, *есть вопрос об отношении этих светил к центральному вопросу мировой истории.*

Он означает: понимаете ли вы, что империализм подготовляет новую войну, в которой *лягут костьми* миллионы людей?

Он означает: осознали ли вы, что против этого существует только одно средство — уничтожить капитализм?

Он означает: осознали ли вы, что рабочие и крестьяне Советского союза строят новое общество, в котором на базе обобществленного труда и обобществленной земли все те технические средства, которые создал капитализм, будут использованы на благо всех членов общества и этим открывается новая эра в истории человечества?

Он означает: знаете ли вы, что те, кто вчера бросил мир в пекло войны, кто своими вооружениями подготовляет новые войны, угрожают разрушить эту созидательную ра-

боту Советского союза для того, чтобы задушить поднимающиеся народные массы собственных стран?

И он означает, наконец, что намерены предпринять вы, которые называете себя видящим оком, слышащим ухом, мыслящим мозгом и говорящим сердцем мира, что намерены предпринять вы, чтобы спасти человечество от этого преступления?

Никогда еще не был поставлен перед писателями вопрос более значительный. Часть писателей дала на него ответы. Разобраться в этих ответах есть дело огромной важности. Дело идет не о литературных спорах или политической склоке. Дело идет о жизни и смерти человечества.

Пока что пришли три группы ответов. Ответили солдаты пролетарской революции, ответили ее друзья, ответили ее враги — молчанием.

Послушаем же их всех.

2. О ЗАДАЧАХ ПРОЛЕТАРСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ

Ответы пролетарских писателей просты: они будут бороться плечо к плечу в рядах международного пролетариата за Советский союз. Многие заявили о готовности вступить в Красную армию.

Мы не сомневаемся в честности этих заявлений. И именно поэтому мы говорим этим пролетарским писателям: «*Не мечтайте, братья, работайте*».

Надо прежде всего все сделать, чтобы не допустить до войны против СССР или оттянуть ее. Сумеете ли вы бороться с оружием в руках — это вы докажете, когда эта тяжелая действительность станет перед вами. *Мы надеемся, что вы сумеете тогда лучше использовать это оружие, чем до сих пор использовали перо в борьбе за социализм и за Советский союз.*

Извините меня, товарищи, если я открыто говорю это. Дело идет для вас и для международного пролетариата о жизни и смерти. Мы находимся в подготовительном периоде. Враг вооружается, и мы готовимся. Вы являетесь частью нашей Красной армии или желаете ею являться. Поэтому надо знать, как владеете вы оружием, которое вам дано или которое вы взяли. Ваше оружие есть пока

что *перо*. Это оружие при случае стоит тысячи винтовок, ибо оно в состоянии мобилизовать тысячи винтовок.

Начнем с вас, русские пролетарские писатели! Сколько из вас показало в своих книгах тысячам и сотням тысяч пролетариев всего мира, как живет и борется пролетарская революция в СССР? Сколько произведений советской пролетарской литературы в состоянии зажечь сердца пролетариев Запада, укрепить в них священное убеждение, что стоит умереть за Советский союз? Их можно сосчитать по пальцам. Вы, может быть, ответите мне, что революция, которая все силы свои бросила на практическую работу, не смогла еще дать крупных литературных талантов. Не в этом дело, товарищи. Вы не делаете того, что смогли бы сделать. Мировая коммунистическая пресса есть пресса, наименее информированная о днях и трудах Советского союза. Ибо в то время как буржуазные писаки изо дня в день лгут, талантливо лгут, вы не сумели еще изо дня в день в маленьких рассказах изобразить перед мировым пролетариатом наши усилия, наши трудности и наши победы. Пролетарские писатели — вы отряды связи, но вы плохо выполняете эту важнейшую работу.

А как помогали пролетарские писатели других стран? На них лежит большая и ответственная работа. Они знают французский, германский, английский, американский пролетариат. Они знают, что у кого болит, лучше, чем мы. Они лучше умеют находить нужные для него слова. Я знаю, с каким горячим участием они следят здесь за нашей борьбой. И все-таки: где тот роман, та книга германского, французского, английского, польского пролетарского писателя, которые передают нашим зарубежным братьям образ русской революции? Где ваши описания, ваши рассказы? Сколько наследников у *Джона Рида?*

Вашей задачей является не только передавать иностранным рабочим, как борется русская революция, но и советскому пролетариату показать, как работают, живут, страдают и борются его братья. Мне незачем указывать, какое значение имеет для дела защиты СССР созерцание советским рабочим картины борьбы иностранного пролетариата. Убеждение, что он не одинок, что он — часть единого международного революционного пролетариата,— это половина силы русского пролетариата. Но он не видел

этой борьбы собственными глазами. Цифры, политические отчеты — этого мало. Он хочет видеть борьбу своих братьев. «Джимми Хиггинс» Уптона *Синклера*, «Гамбург на баррикадах» Ларисы *Рейснер*, «Говорящий Рур» *Грюнберга*, «Тисса горит» *Бела Иллеша*, китайские новеллы *Эрдберга* — все они жадно читаются нашими рабочими. Я читал ряд рассказов, в которых наша молодежь пыталась нарисовать перед собой образы Карла и Розы, которых она любит, но которых никогда не видала. Вы их видели, вы с ними встречались, вы пережили вместе с ними борьбу спартаковцев. Вы принимали участие в геройской борьбе финского пролетариата, вы были между бастующими пролетариями Англии, вы живете под гнетом фашизма в Италии, вы куете мечи в Польше, вы видели геройскую борьбу китайского пролетариата. Где ваши книги, ваши рассказы?.. Кое-что уже имеется. Но этого мало. А ведь это *снаряды*.

Такие книги нужны пролетариату Советского союза и пролетариату за границей. Пролетарские писатели, этими книгами вы должны выполнить взятое на себя обязательство: бороться всеми силами против опасности интервенции. Дело ведь не в том, чтобы в каждой стране человек двадцать влилось в ряды сотен тысяч пролетариев, которые выполняют свой пролетарский долг,— а мы знаем, что таких пролетариев будут сотни тысяч в каждой большой стране. Вы же будете выполнять взятые на себя обязательства не просто как рядовые солдаты. Вы должны быть певцами борющихся рабочих масс. И как сможете вы ими быть, если вы не связываетесь с этими массами изо дня в день? Как хотите вы это сделать, если вы не пытаетесь уже сегодня быть выразителями их горя, их борьбы, если сегодня они вас еще не знают, не слышат.

Если вы хотите помочь защищать революцию в Советской стране, то уже сегодня вы должны стать слезами, заботой, волей к борьбе, яростью пролетариата ваших стран — пролетарские иностранные писатели!

Только когда вы *это* сделаете, только тогда вы поймете, что означает ваше обещание бороться в рядах пролетариата против интервенции. Это будет не легко. Это означает, что вам придется одним собственной грудью стать против моря лжи, когда связь с Советской страной будет

прекращена и никакая весть оттуда не будет приходить. Это означает — твердо переносить дикие преследования Это, вероятно, будет означать еще большее.

3. МЕЛКОБУРЖУАЗНЫЕ ДРУЗЬЯ СОВЕТСКОГО СОЮЗА

Советский союз может гордиться тем глубоко симптоматическим фактом, что ряд первоклассных мировых писателей, как Бернард *Шоу*, Ромэн *Роллан*, Теодор *Драйзер*, Стефан *Цвейг*, несмотря на то, что они не только не коммунисты, но и не революционеры, заявляют, что в конфликте между капиталистическим миром и Советским союзом они будут на *стороне Советов*. Это заявление приобретает тем большее значение, что названные писатели многократно критически выступали против Советского союза, в разных конкретных вопросах и в ответах их содержатся положения, против которых приходится дружественно полемизировать. Почему эти некоммунистические писатели против войны, направленной против Советского союза? Самый четкий и обобщающий универсальный ответ дает великий американский писатель *Теодор Драйзер: «Я против каждого конфликта с Советским союзом, откуда бы он ни исходил. Я считаю, что Советская Россия является экономической и политической системой, которая уже ныне в состоянии конкурировать с западным капитализмом, а в будущем — возможно, уже в близком будущем — окажется сильнее его»*.

Это заявление Драйзера имеет важнейшее значение, ибо оно исходит от человека, который вырос в самой могущественной капиталистической стране,— в стране, где сохранился самый сильный капитализм. Он понимает, что все великое, заслуживающее подражания в Соединенных штатах создано руками миллионных масс, развитие которых капитализм задерживает. Советский союз еще беден и технически отстал, но его социалистическая система уже сегодня в состоянии начать борьбу с капиталистической, а завтра победит ее. Поэтому Драйзер за Советский союз. *Только эта точка зрения, понимание исторического значения Советского союза, как начала новой мировой си-*

стемы, является твердой базой, позволяющей ясно видеть мировое положение и занять твердую позицию в отношении новой грядущей интервенции.

Кто — как это делают некоторые наши друзья — выступает против интервенции на том основании, что она является нападением, вмешательством во внутренние дела другой страны, тот отдает себя с головой в руки международного империализма. Империалисты, понятно, сделают все, чтобы спровоцировать войну, создать видимость нападения со стороны Советского союза. А если это им не удастся, то это нападение будет высосано из пальца. Может ли человек, который наблюдает туманы лжи, поднимаемые буржуазией каждый раз, когда надо замаскировать неудобные факты, усомниться в этом хоть на минуту?

А как выглядит «невмешательство» в чужие дела? Это невмешательство капиталистических держав в дело революции есть или никчемное пожелание или грубая ложь. Они вмешиваются в дела Советского союза ежеминутно и делают это не только с оружием в руках. Когда они распространяют изо дня в день грязную ложь, направленную против Союза, то это и есть подготовка к вооруженной интервенции. А когда придет день этой интервенции, они выдвинут на первый план первые попавшиеся, но действующие на массы лозунги, они обрядятся в одежду защитников «свобод», которые будто бы нарушил Советский союз. Бумажная теория «невмешательства» не поможет: массам надо сказать, заслуживает ли общественная система, господствующая в СССР, того, чтобы ее покрыть грязью. Писатель может в своей тихой комнате выступить против войны, потому что она нарушила «принцип невмешательства». Но если он хочет призвать массы к борьбе против войны, то он должен указать на более существенные моменты, он должен им тогда сказать, *за что* ведется война с обеих сторон, он должен ясно сказать, на *чьей стороне* он стоит — на стороне ли буржуазии и капитализма или на стороне пролетариата и коммунизма.

Мы знаем, что это требование покажется очень странным многим выдающимся писателям, которые симпатизируют СССР, не будучи коммунистами. Но это требование мы выдвигаем не произвольно, это требование будет по-

ставлено всей обстановкой, если только друзья Советского союза действительно решатся на борьбу против войны. Если же дело идет только о словесных протестах, то нам вообще не о чем спорить.

Ясность в этом основном вопросе — вот что самое важное. Без нее неизбежна такая путаница, какую проявил Курт *Тухольский*, заявив, что будет бороться против интервенции, даже если бы ему пришлось при этом бороться против Германии (о *какой* Германии идет речь, Тухольский?). Но он готов бороться только тогда, когда борьба будет происходить между Советским союзом и европейскими капиталистическими державами. Если дело будет итти об азиатских конфликтах, то он, Тухольский, будет молчать, ибо он не разбирается в азиатских отношениях. Вы не имеете никакого права, Тухольский, не разбираться в азиатских отношениях, ибо как может сегодня писатель, т. е. учитель народных масс, не знать условий, в которых живут и борются сотни миллионов людей в Азии? Как может он считать свое незнакомство с китайской или индийской революцией фактом, с которым можно примириться: ведь и индийской и китайской революциям угрожает интервенция. А что же будет, если империалисты начнут нападение на Советский союз из Азии, выдвигая на первый план каких-нибудь китайских контрреволюционных генералов или афганских кочевников, руководимых полковником Лоуренсом, этим специалистом из английской разведки по освобождению восточных народов? Что же будет, если это нападение будет предпринято с Востока для того, чтобы отвлечь военные силы Советского союза на Восток? Неужели, Тухольский, вы только тогда поймете в чем дело, когда начнется второе наступление с Запада? Достаточно поставить этот вопрос, чтобы показать всю неправильность такой позиции.

Поэтому прежде всего: ясность, ясность и еще раз ясность, друзья Советского союза! Четкое понимание причин и источников вашего антагонизма по отношению к капиталистическому миру, готовящему нападение на Советский союз! Только эта ясность развеет все содержащиеся в ряде ответов *иллюзии* насчет числа и степени преданности друзей СССР.

Такой иллюзией является утверждение Ромэна Роллана,

что на борьбу с опасностью интервенции против СССР встанут *коммунисты, социалисты, синдикалисты и даже честные республиканцы*. Нет ничего более опасного, чем эта иллюзия. Разве Ромэн Роллан не знает, какую роль играют Поли Бонкуры и Ренодели в нынешней Франции? Неужели ему не известна роль *Жуо?* Может ли он хоть на минуту сомневаться, что они пойдут сомкнутыми рядами, рука об руку с французским империализмом, если последний постарается хоть кое-как прикрыть наготу интервенционистской политики? А Леоны Блюмы, Поли Форы, которые со своей стороны будут прикрывать наготу Бонкуров и Реноделей, разве они в войне не будут против СССР?

Мы все почитаем Ромэна Роллана, и мы будем радостно приветствовать его в рядах друзей Советского союза. Но мы не хотим умолчать, что вред, который принесет распространение в народных массах опаснейшей иллюзии, что Ренодель, Бонкур, Жуо, Блюм, Фор будут защищать Советский союз, значительно перевесит всю помощь, которую смогут оказать ему благороднейшие его друзья, если они поймут, что вожди официальных социалистических партий уже сегодня принимают непосредственное участие в подготовке интервенции против СССР.

Если Бернард *Шоу* предвидит, что в случае войны против СССР он, вероятно, будет повешен, то пусть же продумает старый борец вопрос: не намыливают ли уже теперь веревку, на которой он видит себя повешенным, кое-какие старые его друзья из фабианцев или лейбористской партии?

Среди некоммунистических друзей СССР есть писатели, которые считаются красой и гордостью своей отечественной литературы, к словам их прислушивается весь мир. Тем большая лежит на них ответственность. А для этого они должны вполне уяснить себе, как выглядит *система*, которая подготовляет войну против СССР, *почему* она подготовляет эту войну, какие *хитрости* будут применены, чтобы эту войну преподнести массам в наиболее удобоваримом виде, кто явится *союзником* в этом заговоре? Мы знаем, что большинство пацифистско-радикальных мелкобуржуазных друзей СССР — не революционеры и никогда ими не будут. Но они чувствуют гниль капитализма, чув-

ствуют жизненность нарождающейся новой эпохи. Мы требуем от них, чтобы они эту правду поняли и провозгласили. Но правда требует четкости, отказа от иллюзии. Правда требует смелости. У иных преобладает горячее сочувствие к страдающему человечеству, они хотели бы защитить его от новых испытаний. Ну, так вот, если они хотят помочь, они должны удерживать руку, подготовляющую войну, они должны пригвоздить зачинщиков войны к позорному столбу, сказать массам открыто, что готовится.

Опасность тут двоякая. С одной стороны, возможна недооценка военной угрозы Союзу Советов и, с другой,— расчет отделаться словесным протестом. Разгорается великая историческая битва. И поэтому недостаточно размахивать кулаком, надо ударить. Все другое есть жест Понтия Пилата, умывшего руки.

Мы, коммунисты, привыкли расценивать и литературные явления как явления общественные. Мы поэтому ищем социальных источников творчества Драйзера, Ромэна Роллана, Шоу или Цвейга. Мы задаем себе вопрос, где социальный, а не индивидуальный источник, который питает их симпатии к русской революции. Они — представители мелкой буржуазии, которую жернова империализма растирают в порошок. Отсюда их критическое отношение к капитализму, поэтому они ненавидят империализм, поэтому они симпатизируют нам. Но только немногим из них дано понимать историческую роль Советского союза. Отсюда их колебания, их оговорки при выражениях симпатии к СССР. Немногие сохранят верность пролетариату собственной страны, когда он будет бороться за свою советскую власть. Мы приветствуем каждый их шаг в направлении защиты Советского союза. Но мы ни на минуту не можем отказаться от разбора их точки зрения, от критики их противоречий. Этим мы защищаем от иллюзий и себя, и пролетариат западных стран, который должен принять эту помощь, но должен всегда помнить, что вся тяжесть борьбы против интервенции ляжет в первую очередь на *его* плечи. И в конечном счете мы нашей открытой критикой помогаем лучшим из мелкобуржуазных друзей СССР найти путь к ясности, т. е. путь к революции.

4. О ТЕХ, КОТОРЫЕ МОЛЧАТ

Часть известнейших писателей на поставленный им Международным бюро революционной литературы вопрос о том, как будут они себя вести в случае войны с СССР, не ответили или дали уклончивый ответ. Это молчание есть тоже ответ.

Молчальников можно разделить на две большие группы. Часть из них — это те, кто остался в стороне от большого потока истории. Они знают только личную судьбу человека. Они углубляются в его изолированную психологию, рисуют его любовь, его страдания. Им не дано видеть из-за дерева леса. С ними не о чем спорить. Чем крупнее талант их, тем большее сожаление они вызывают. Они реакционеры, они помогают угнетать человечество, порой даже не зная об этом.

Они служат буржуазии, ибо своими произведениями отвлекают внимание масс от тех важнейших вопросов, которые, решая судьбу человечества, решают и их судьбу.

Другая группа — это те крупные писатели, которые по занимаемому ими общественному положению чувствуют себя частью буржуазии. Они не прикидываются индивидуалистами или людьми, не понимающими общественных явлений. Гергардт *Гауптман* завоевал свое положение обрисовкой социальных отношений. Он даже начал с того, что нарисовал бунт молодого пролетариата. Кто тогда вдумчиво вчитывался в произведения натуралистов, тот тогда уже видел, что в лучшем случае ими движет сочувствие страданиям человека, но не солидарность с его борьбой. Но по мере того, как они вырывались из тисков мещанской студенческой нищеты и поднимались на ступени барских хором, делаясь рантье, они становились все тише, как будто замирали вокруг них отголоски социальных бурь. Они закапывались в свои переживания, переходили к «общечеловеческим» темам и из обвинителей превращались в защитников капиталистического строя. Они молчали во время мировой войны или же восхваляли ее, они будут молчать и во время новой империалистической войны, увертюрой к которой явится война против СССР. Если Гамсуны не знают, кому они помогают своим молчанием, то Гергардты Гауптманы знают это доско-

нально. Да будет это сказано олимпийцами прямо в лицо.

Мы ничего другого от них не ожидали. Но куда интереснее молчание господина *Ремарка*. Не получив от него ответа на первый телеграфный запрос, Союз пролетарских писателей обратился к нему с повторным запросом. И снова не получил ответа.

Это молчание красноречивее слов.

Ремарк создал себе мировое имя своей книгой «На западном фронте без перемен»; этой книгой он пытался запечатлеть в памяти человечества сгусток ужасов мировой войны. Кто читал эту книгу внимательно, тот заметил: в книге нет ни одного атома революции. Но можно было сказать себе: он не переживал революции, он вышел из войны исполненным ужаса, но не возмущения. Как честный художник, он дал только то, что переживал сам. Но никто ему не поверит, что теперь, когда годы отделяют его от кошмаров войны, он не задумывается над вопросом, кто же сгноил в могилах товарищей его, загробным криком которых он претендует быть? Немыслимо, чтобы человек, который спустя десять лет после войны с такой силой рисует ее чудовищную преступность, чтобы этот человек спокойно сгреб стотысячный гонорар, а потом встал и заявил: мое дело — сторона, я ничего не знаю! И, видя две телеграммы, на которые не последовал ответ, мне по-человечески трудно поверить в факт этого чудовищного молчания.

Ответьте, Эрих-Мария Ремарк!

Ответьте хоть несколькими никчемными фразами, но ответьте: какой вы видите исторический выход из положения? Ведь война уничтожила миллионы ваших товарищей, а теперь грозит смертью новым миллионам тех, кому вы в своей книге показали отвратительный лик войны. Товарищи ждут вашего ответа во всем мире, и вы не имеете права рассказывать о том, как это было, не давая указания, *чего вы хотите*, за что вы намерены бороться. Можно пройти спокойно мимо старых олимпийцев,— они живые трупы. Но вы молоды, вы потрясли людей своей книгой. Неужели для того вы воскресили в ваших товарищах память о войне и заставили их страдать заново, чтобы выторговать себе ренту из их крови?

Вопрос, поставленный Ремарку, относится ко всем писателям, описывающим войну, которые заваливают теперь своими произведениями мировой книжный рынок. Надо перед каждым из них публично поставить вопрос, надо их заставить ответить, как относитесь вы к подготовке новой империалистической войны, в первую очередь к подготовке войны против СССР? Если они не ответят, мы будем знать, что в их лице мы имеем дело с гиенами и мародерами полей сражения, и соответственно будем их трактовать в дальнейшем.

Июнь 1930 г.

V

Во имя чего?

ВО ИМЯ ЧЕГО?

Генерал-майор Фуллер, начальник штаба танкового корпуса в Англии во время мировой войны, более известен как военный писатель в СССР, чем в своем собственном отечестве, не говоря уже о других странах. Фуллер вместо того, чтобы заниматься изучением стратегии прошлых войн, занялся разработкой стратегии будущей войны и выработал систему мыслей, в значительной мере противоречащую общепринятым взглядам военных специалистов. Фуллеровские идеи подвергались неоднократно критике со стороны наших военных писателей, но это не уменьшало интереса к Фуллеру, как к оригинальному военному мыслителю, ставящему себе задачу продумать новые условия войны, созданные послевоенным развитием техники.

Недавно появившаяся книга генерала Фуллера «Зубы дракона»[1] не представляет узко-военной работы. В ней этот выдающийся военный специалист пытается разобраться в общей мировой обстановке, которая может породить войну. Именно на эту сторону его новой книги мы хотим обратить внимание нашей общественности, ибо она позволяет увидеть идейный развал, охватывающий более вдумчивых представителей мирового империализма. Статьи, состоящие в основном из цитат, литературно неуклюжи. Но я думаю, что несмотря на эти литературные недостатки, нашему читателю будет очень полезно познакомиться хотя бы в общих чертах с книгой генерала Фуллера.

[1] «The Dragons Feeth a study of war and peace by Mayor General J. F. C. Fuller».

ВЕРСАЛЬСКИЙ МИР — ВРЕМЯ САРДАНАПАЛА

«С начала нынешнего столетия, чтобы не возвращаться дальше, мы видим перед собою механический мир, внешне полностью упорядоченный, но живущий в *интеллектуальной анархии*... Наука, которая в прошлом столетии опиралась на неизменные законы, стала на рельсы теологии: возможности заменили установленные истины. Ничто даже во внешнем мире не считается реальным, обоснованным, устойчивым, душа человеческая окружена пустотой, научные сомнения ведут человека к сомнению в силе его разума. Люди потеряли свою душу, и они отброшены к звериным инстинктам и эмоциям. Цемент нравственности распадается точно так же, как интеллект человека. Любовь, семья, честь, смысл, справедливость, забота о будущих поколениях — все это исчезает и уступает место лозунгам: *есть, пить, ибо завтра умрем*. Внутренняя болезнь западной цивилизации — это какой-то острый сарданапализм» (стр. 59).

Что касается конкретной оценки политического состояния мира, Фуллер дает следующую характеристику *Версальского мира* и созданных им условий. «Мирные договоры, заключенные в Версале, в Сен-Жермене, Нейи, Трианоне и Севре, носят французские названия и исполнены французским духом. Они были навязаны побежденным нациям с жестокостью, которая испугала бы даже святую инквизицию. Они были навязаны без всякого учета будущего Европы, без всякого стремления создать мир. Главной движущей силой этих договоров была Франция. Испуганная германской жизнеспособностью, она решила любой ценой обеспечить себя, расчленяя Германию и окружая ее врагами. Принцип самоопределения, моральный стержень плана Вильсона был использован Францией для окружения Германии линией окопов, и Лига наций принята была Францией только ценой отказа Лиги от международной справедливости» (стр. 49).

«...Когда французы говорят о мире, они думают только о Версальском мире. Они не думают о мире человечества. Европа разбита на два враждебных лагеря: с одной

стороны стоит Франция и ее вассалы, которые смотрят на Версальский договор, как на святыню, которая должна быть обеспечена штыками. С другой стороны стоят те, кто считает договоры временным соглашением, а войну наиболее плохим средством улучшения положения. Между этими обоими лагерями живут побежденные нации, а по одну сторону этой мрачной картины стоят Соединенные штаты Америки, набивающие свои чемоданы европейским золотом, по другую же — Россия, ловящая в свои сети европейские души» (стр. 62).

...«Гегемония, которую пыталась установить Германия, была дурна; действительная французская гегемония еще хуже. Говорить о нынешней безопасности против войны, это говорить о том, что не существует. *Предвоенная дипломатия была мошенничеством, но послевоенная дипломатия, это — просто бандитизм,* ибо до сегодняшнего дня не было сделано действительной попытки установить мир, хотя растрачено очень много слов на эту тему. В годы, последовавшие за подписанием мирных договоров, произошло больше войн и революций, чем в годы, предшествовавшие войне. Австрия как независимое государство является аномалией, польские границы — невозможностью. Данцигский коридор — анахронизмом. Латвия, Литва, Эстония не удержатся, положение в Венгрии и Трентино, это — вопиющая несправедливость. Побежденные государства разоружены, победители ежегодно увеличивают свое вооружение. Вот результаты французского мира, результаты французского духа страха, воплощенного в мирных договорах. *Франция боится восстановления старой Европы, но она еще более боится возникновения новой.* С каждым днем не только в побежденных странах, не только в Италии, но и в Великобритании и в Соединенных штатах все более растет убеждение, что *мирные договоры не могут остаться в силе,* они должны быть изменены. Мировой экономический кризис, начавшийся в 1929 г., очень усилил эти чувства. Одно ясно — мирные договоры *будут изменены или разумом или войной.* Надо было бы предпочесть первое, но и война лучше продолжения теперешнего положения» (стр. 64).

«Было бы совершенно неразумно видеть во французском

преобладании гарантию против войны. В лучшем случае, это — только *перемирие между двумя войнами. Для Великобритании сегодня французские подводные лодки и французская авиация составляют большую угрозу, чем немецкие военные корабли в 1913 г.»* (стр. 63).

Мы не будем здесь доказывать, что генерал Фуллер сваливает вину односторонне только на Францию, освобождая от ответственности за соучастие свое отечество. Но какой же выход видит Фуллер? *Лигу наций*, которая согласно своему уставу должна быть средством изменения отживших свой век договоров, он называет *Лигой глупостей* (League of nonsense) и дает ей следующую правильную характеристику: «Это — окостеневшая организация, основанная на сохранении теперешнего положения, это — орудие обструкции, а не прогресса; эта организация, не будучи в состоянии принять решение даже о железнодорожных сигналах, тем не менее может решиться на пересмотр договоров» (стр. 56).

А как обстоит *дело с разоружением?* Генерал Фуллер, который знает хорошо Клаузевица, пишет: «Война является орудием политики, вооружения являются орудием войны; поэтому и разоружение точно так же, как война, может быть только результатом политики» (стр. 77).

И он показывает, что «*современный мировой хаос является результатом не вооружений, а экономической системы, которая требует вооруженной защиты*» (стр. 83).

Нельзя требовать от генерала Фуллера, чтобы он давал членораздельную характеристику современной экономической системы, ибо тогда бедному английскому генерал-майору пришлось бы стать коммунистом, что не совместимо, насколько нам известно, с присягой в верности королю. Фуллер указывает на бешеную *таможенную войну*, заполняющую послевоенную историю. «Если это не война,— он спрашивает,— то что это такое? Продолжающаяся 12 лет экономическая война стоила громадных денег, привела к таким разрушениям, что *когда придет действительно война, то она многим будет казаться спасением, ибо теперешний мир невыносим*» (стр. 91).

Но какие же перспективы открывает война, опасность которой генерал-майор Фуллер видит и не скрывает?

«Новая мировая война кончится общей победой большевизма в Европе»,— заявляет он (стр. 174).

Что же тогда? Может, все-таки итти на разоружение? «Несколько лет назад на подготовительной комиссии конференции по разоружению в Женеве русский делегат *Литвинов* с детской наивностью, свойственной всем русским, предложил уничтожение всех армий и флотов. *Если бы это предложение было проведено в жизнь, то результатом этого была бы революция и господство толпы во всей Европе, т. е. осуществлена была бы одна из целей русской внешней политики*» (стр. 176).

Мы не будем спорить с Фуллером насчет детской наивности советского наркоминдела т. Литвинова. Мы лучше перейдем к представлениям генерал-майора Фуллера о другой стороне медали, к его представлениям о тех, кто стоит по ту сторону баррикад.

«ЛЕГИОН МОЛОДЕЖИ»

Во вступлении к своей книге генерал Фуллер заявляет, что современная цивилизация вымирает. Что же он противопоставляет умирающей цивилизации капитализма? Он противопоставляет ей Советский союз. Союз является для него олицетворением молодости, энергии, веры в будущее. «Если приходят к столкновению две нации, две культуры, две цивилизации и одна из них находится под руководством молодежи, а другая — под руководством старых людей, то первая имеет все шансы разбить другую, и это, а не чисто экономическая сторона пятилетки, является, по-моему, главной опасностью для западной цивилизации. Жизнеспособность должна победить, старость будет побеждена» (стр. 31).

«...Чтобы сравнить состояние умов и сердец советской страны, мы должны вернуться к временам первобытного христианства с той разницей, что христианская молодежь третьего и четвертого столетий верила в загробную жизнь, большевистская молодежь хочет осуществить свои идеалы теперь. Христиане видели спасение в отказе от мирских дел, большевики — в труде» (стр. 33).

«*Русские имеют определенную политику*. Они убежде-

ны, что могут установить лучший мир, лучшую культуру и цивилизацию, чем те, которые теперь существуют... *Сила России,— это не физическая сила: она внутри страны пользуется террором*, но во внешних отношениях она его почти не употребляет. Я часто слышал утверждение, что в один прекрасный день русские начнут войну с одной из европейских наций. Это замечание удивительно, ибо Россия с 1917 г. находится в войне со всеми народами, являющимися приверженцами старого порядка. Эти народы имеют своих послов в Москве и русские имеют своих послов в европейских столицах. Иностранцы торгуют с Россией. Россия торгует с ними, иностранные граждане путешествуют по России, русские путешествуют в других странах. И несмотря на то, что с 1917 г. Россия ведет открытую войну с западно-европейской цивилизацией, опорой которой является Великобритания, заграница отказалась объявить войну России. Почему? Не потому, что заграница чересчур горда, чтобы воевать (намек на изречение Вильсона, которым он прикрывал свои колебания перед вступлением Америки в мировую войну.— *К. Р.)*, а потому, что они не могут нанести ей поражение орудиями войны, которыми располагают. *Бороться против России всеми существующими средствами войны — это то же самое, как бороться с электрической волной, передаваемой без проволоки, при помощи топора*» (стр. 39).

«Сила России состоит в том, что *она имеет идеал*. Слабость Европы в том, что она не имеет идеалов и ведет межусобицу... Европа бессильна» (стр. 185).

В чем же состоит идеал Советов, где его корни? Ленин для Фуллера «*Магомет индустриальной революции*, или, точнее говоря, той формы цивилизации, которая возникла из индустриальной революции... Он — Генри Форд, помноженный на миллионы» (стр. 189).

Тут начинается полнейшая абракадабра. Генерал Фуллер описывает большевизм, как индустриальную революцию Востока, которая строит новое общество деспотическими средствами на коммунистической основе, при чем коммунизм, по Фуллеру, является исконной азиатской культурой. Победит ли пятилетний план? «Это нельзя точно сказать, ибо это зависит не только от России, являющейся частью мира. Одно не подлежит сомнению. *Россия сегод-*

ня идет вперед, в то время как весь мир идет назад, и этот прогресс России будет расти по мере регресса Европы.

Не подлежит сомнению, что нельзя решать мировые вопросы без России. Европа — маленький континент, размещенный между Америкой и Россией, которая охватывает половину Азии. *Если пятилетка победит хотя бы частично*, Европа, разрываемая грызней из-за таможенных тарифов, окажется между двумя громадными областями, имеющими у себя внутри свободную торговлю, и будет *экономически раздавлена, как орех щипцами*» (стр. 194).

Какой же выход для почтенной европейской цивилизации? Генерал Фуллер требует от Америки помощи для объединения капиталистических европейских государств, он требует борьбы с Францией, сопротивляющейся этому объединению. Мы не будем спрашивать, почему Соединенные штаты должны объединять европейские капиталистические страны, чтобы в результате они могли лучше бороться с американской конкуренцией. Мы не будем спрашивать, какими же средствами хочет генерал Фуллер подчинить Францию своим европейским мечтам. Мы не будем, наконец, спрашивать, что стало бы с Англией — отечеством почтенного писателя, если бы она включилась в европейский экономический союз, как отнеслись бы к этому доминионы; мы даже не спросим генерала Фуллера, не попытался бы такой объединенный экономический союз, базирующийся на «западной цивилизации», т. е. на капитализме, попробовать бороться топором с электрическими волнами, т. е. начать новую интервенцию, которую генерал Фуллер считает идиотизмом. Мы вообще не ставили себе задачей полемизировать со взглядами английского военного писателя, которые представляют собой смесь острых наблюдений, стремления видеть факты, как они есть, с величайшей беспомощностью солдата перед сложнейшими вопросами, требующими для решения других средств, чем те, какие дают начитанность интеллигентного англичанина и проницательность ума военного. Поэтому мы не полемизируем с попыткой Фуллера понять коммунизм, как азиатскую культуру. Пусть с ним полемизирует на эту тему его коллега по ремеслу — японский военный министр генерал Араки, который недавно доказывал, что коммунизм

чужд азиатской душе. Для нас книга Фуллера есть замечательный документ неверия в капитализм, неверия в его политическую систему, неверия, возникшего в самой цитадели капитализма — в мозгу руководящих людей империалистических армий.

В книге Фуллера отсутствует анализ экономических отношений современного мира. Поэтому он не знает, откуда берутся наша «молодость», энергия, сила наших идеалов. Но достаточно указать на то, что Фуллер пишет о *коллективизации*, чтобы видеть, как подорвана вера этого военного писателя в основы современного капитализма. «Один из самых крупных экономических вопросов, это — реконструкция сельского хозяйства, которая может быть достигнута только путем создания такой организации фермеров, которая могла бы пользоваться машинами. Теперь они организованы так, что могут только пользоваться ручным трудом и тяговой силой лошадей, т.-е. сельское хозяйство разбито на мелкие участки. Применять на таких участках машины, это — то же самое, что запрягать паровоз в маленький тарантас. Никакие таможенные тарифы не могут решить этот вопрос. Только кооперация, государственный контроль могут этого достигнуть. Этот процесс требует, во-первых, добровольного объединения индивидуальных фермеров, что почти невозможно в такой консервативной стране, как Великобритания, и практически могло быть достигнуто только посредством государственного контроля. Если мы хотим решить этот вопрос, мы должны изучать советскую пятилетку, применяя из нее то, что подходит к нашей цивилизации, и отклоняя остальное» (стр. 99).

Написав эти наивные строки, Фуллер спохватился, что для этого надо устранить межи между клочками земли, созданные капитализмом. Но он вспоминает еще больше и спрашивает, что же скажут помещики, которые землю обращают в поля охоты? Мозг Фуллера наталкивается не только на преграды капитализма, но даже на остатки феодализма, позволяющие превращать целые районы Англии в поля для охоты крупных помещиков. *Откуда может взяться у генерала Фуллера подъем для защиты этой западноевропейской цивилизации?* Фуллер очень часто говорит, что она основана на «*свободе*». Но что же он гово-

рит об этой свободе, когда ему приходится ее конкретно характеризовать? «Демократия опирается на основную фальшь, что голосование является правом, а не функцией. Это право опирается на христианские идеи, что все люди равны. Эта фальшь приводит к политической системе правительства народа, для народа и через народ или, проще говоря, *правительства невежд, для невежд и через невежд... Речи о свободе печати, это — речи о том, чего нет*» (стр. 11).

Фуллер отвергает буржуазную демократию не с точки зрения коммунизма, а с точки зрения фашизма.

Все эти построения показывают, как современная действительность, разбивая идеологию лучших представителей капитализма, оставила в их головах *полнейший хаос*. Этот процесс распада буржуазных идеологий будет сопровождаться процессом кристаллизации коммунистических взглядов в головах народных масс. Во всяком случае с таким хаосом идей нельзя вести народные массы на войну против Страны Советов. «На войне борются не солдаты и матросы, *на войне борются нации*, которые пользуются солдатами и матросами, как своим орудием» (стр. 36),— говорит генерал Фуллер. И он прав. И в этой войне народов победит тот народ, который будет знать, чего хочет, и верить, что цели, за которые он борется, служат всему человечеству. Может ли современная буржуазия убедить народные массы, что она борется за их цели?

ВО ИМЯ ЧЕГО ВОЙНА?

Среди пустых людей, снующих по коридорам конференции по разоружению в Женеве, я познакомился с английским военным писателем *Лидлей Гартом* и его приятелем генерал-майором Фуллером, как единственными замечательными людьми на этой «ярмарке тщеславия». В продолжение нескольких часов мы обменивались мнениями о положении, и, когда генерал Фуллер говорил о необходимости продумать стратегию будущей войны, я спросил его и его приятеля: «Разве вам, господа, не случается, что ночью, после работы над стратегией будущей войны, вы просыпаетесь с мыслью — во имя чего вам воевать?»

Капитан Лидлей Гарт молчаливо сосал трубку, а генерал Фуллер посмотрел на меня внимательно своими холодными глазами и ничего не ответил. Прочитав его книгу, я знаю, почему я тогда не получил ответа от генерала Фуллера. Ему трудно сказать, во имя каких идей может капитализм повести на войну массы. Но это решает вопрос, сможет ли фуллеризм дать победу буржуазии.

Август 1932 г.

СЛОМАННЫЙ МЕЧ

Двадцать пять или тридцать лет назад русский рабочий в чьи руки попадала книжка, на обложке которой было напечатано «Женева», прятал ее как святыню. Эти книжечки, отпечатанные на тончайшей бумаге, представляли собою прессованный динамит, которому предстояло взорвать царизм. И в ореоле этих книжечек Женева представлялась русскому рабочему революционной Меккой. В Женеве собирал своих учеников Плеханов, и там же после раскола оттачивал свое оружие Ленин. Это провинциальное гнездо манило и революционную студенческую молодежь, отправлявшуюся за границу изучать революцию, и рабочих, которых выбрасывала из России волна преследований.

Мы бродим по лощеным улицам Женевы. За эти годы город стал богаче и пышнее, но новое свидание с Женевой производит на нас такое же впечатление, как вид женщины, которая когда-то вызывала восхищение своей молодостью и свежестью. Теперь, после двадцатипятилетней разлуки она стоит перед вами чужая, с обрюзгшим лицом и опустившейся грудью. Хочется улыбнуться приветливо, но улыбка получается меланхолической, и сказать друг другу нечего. А так как мы приехали из СССР, где видишь только людей, занятых трудом, то у нас создается впечатление, что этот город опустел и вымер. Витрины магазинов ломятся от товаров, по гладкому асфальту проносятся автомобили. Кризиса не видно, но не видно и спешащих на работу людей. Само собою разумеется, что и в Женеве и в ее окрестностях есть и промышленность и

ремесла. Но нигде не чувствуется темпа напряженной работы, ее пульса и запаха.

Однажды вечером, когда не знаешь, чем заняться, мы отправились на вокзал опустить письмо. Невдалеке от вокзала мы наткнулись на барак с надписью: «Рабочий очаг». Иш ты, какие дощатые хоромы могут строить себе рабочие богатой и пышной Женевы! Чего доброго, они подъезжают к этим хоромам на собственном автомобиле. Дверь отворилась и на улицу вышел железнодорожник. Он выплюнул шелуху каштанов. Михаил Кольцов, исполненный достоинства и сознания ответственности, сказал мне предостерегающе: «Мы не имеем права вмешиваться». Мы ограничились тем, что купили на 20 центов горячих каштанов и согрели этим наши сердца.

Хотя мы и «не имеем права вмешиваться», нам все же известно, что «простые» люди в Женеве знают, какая игра разыгрывается в балагане под вывеской «Конференция по ограничению и сокращению вооружений», охраняемом важными полицейскими, из коих каждый мог бы стать адмиралом того флота и генералом той армии, которые г. Тардье хочет преподнести Лиге наций. Однажды мы сидели в отеле и ожесточенно спорили с французскими журналистками, которые представляют пацифистское крыло французского империализма. Одна из этих дам делает, между прочим, и полезную работу, печатая в своем журнале все официальные документы о важных вопросах текущей политики. Было интересно слышать, как она поддерживает империалистические предложения Тардье пацифистскими аргументами. В стремлении опровергнуть наши доводы она раскрыла нам свою душу: «Безработным совсем не так плохо живется, как вы думаете, а кроме того, мы ведь не хотим революции» и т. д. и т. п. Когда я взглянул поверх моей собеседницы, я увидел пару дружеских глаз, которые поддакивали мне из-за спины пацифистской дамы.

Это был кельнер, один из тех, которые изо дня в день стоят за стойкой бара и обслуживают высоких господ. Они не принадлежат к числу самых лучших революционеров, эти бедные люди во фраке, прислуживающие буржуазии и довольные, когда в добавление к небольшому заработку им перепадают кое-какие крохи от щедрот богатых

гостей. Этому пролетарию во фраке, который смотрит на мир из-за стойки, было далеко не безразлично, что происходит на конференции, и он был заодно с нами. Ни атома скептицизма не замечалось в его взоре, и в его любопытстве не сквозило той жажды сенсации, с которой таращат на нас глаза скучающие глобтроттеры и шакалы конференции. За стойкой бара стоял товарищ.

Я убежден, что если бы мы имели возможность побывать в убогих домах на окраине города, мы бы всюду нашли друзей. «Простой народ» знает, что мы боремся за мир, а те, другие, подготовляют войну.

Зал, конструкция которого напоминает барак. Посредине на длинных скамьях сидят делегаты. По сторонам — военные эксперты. Впереди восседает президиум. Сзади толпится профильтрованная публика, в большинстве состоящая из пожилых дам. На галлерее помещается пресса, рабочие комнаты которой находятся тут же, рядом. Здесь биржа конференции.

На скамьях красуются гг. дипломаты. Старые и молодые, умные и такие, которые хотят поумнеть. У многих за плечами более полувека дипломатической деятельности. Те, которые помоложе, в особенности свежеиспеченные представители новых европейских государств и южноамериканских республик, впервые попавшие в «большой свет» Женевы, приглядываются к мастерам дипломатии, как они топорщатся и сплевывают. Мастера оглядываются вокруг со всеведущим, скучающим и холодным видом, говоря в нос. Что между ними общего? Никто из них не верит в то, что возвещают с трибуны один за другим руководители делегаций буржуазных государств. Эти люди вышли из рядов крупной, средней и мелкой буржуазии; это сыновья юнкеров и плантаторов. В рядах этой старой и новой дипломатии представлены все слои имущих классов. Я допускаю, что те из них, которые побывали на войне, считают ее весьма неприятным событием, в связи с которым можно получить ранение или лишиться головы. Но разве не бывает несчастных случаев в авиации и при занятиях спортом, от которых, несмотря на это, и не думают отказываться? Каждый из них сделал карьеру или хочет ее сделать любой ценой. Их буржуа-

зия также хочет «сделать карьеру», наживаться, расти. Конечно, было бы лучше, если бы можно было обойтись без войны. Излишних войн следует избегать. Но что делать, если иначе не выходит?

Очень характерно их отношение к дальневосточным событиям. Над Шанхаем летают аэропланы. Они сбрасывают бомбы на миллионный город. Как вопила печать Антанты во время войны, когда цеппелины сбрасывали бомбы над Лондоном! О бомбардировке с воздуха в Шанхае здесь говорят как об интересной сенсации. Эти господа громко аплодировали японскому послу Мацудайра, когда он поднимался на трибуну, чтобы произнести речь о разоружении. Даже американцы, которые не очень-то долюбливают японцев, и те защищают их в разговорах из-за принципа. События на Дальнем Востоке — большая неприятность для Соединенных штатов. Их престиж сильно пострадал, и им придется поломать голову над тем, как остановить продвижение японцев. Но ведь «надо же понимать»! «У японцев нет угля, нет железа, они хотят жить и т. д. Если из-за угля и железа приходится воевать, то что ж, войну надо вести».

Самое важное, что здесь можно буквально осязать,— это то, что эти люди, приехавшие в Женеву, чтобы организовать мир, в принципе готовы вести любую войну, которую сочтут необходимой господствующие классы. Я имею в виду не пиратов финансового капитала, которые рыщут здесь с сигарой во рту и с улыбкой святош на упитанных лицах. Я имею в виду не режиссеров империалистической политики и не адвокатов, которым совершенно безразлично, на чем делать карьеру,— на мире или на крови. Я имею в виду массу, те сотни маленьких людей дипломатического ремесла и чиновников, которые представляют здесь буржуазные государства. Эти не хотят войны сегодня, а возможно и завтра. Они были бы очень довольны, если бы можно было выработать соглашение, которое удешевит вооружения и отодвинет войну в отдаленное будущее. Они не кровожадны и не гонятся за славой. Они предпочитают мирные заседания в уютных пивных за кружкой пива.

Но в тайниках своей души они убеждены в том, что война неизбежна. Они уверены, что мир не может существо-

вать без войны, ибо их господа не остановятся перед морем крови, если этого потребуют их интересы.

И вот они сидят и следят за тем, чтобы различные предложения об ограничении вооружений, вносимые отдельными делегациями,— потому что ведь нужно же считаться с кризисом и усталостью от войны,— не содержали пунктов, которые могли бы помешать военным приготовлениям их государств. Они рукоплещут каждому представителю буржуазного государства, пожимают ему руку по окончании речи, поздравляют его с «интересной», великолепной» речью и затем погружаются в изучение стенограммы, чтобы обнаружить не содержит ли эта речь какого-нибудь подвоха. Лозунг: «сначала безопасность — потом ограничение вооружений» прекрасно выражает это исповедание войны, а лозунг: «равная безопасность» выражает то же самое, но лишь со стороны тех, кто вооружен недостаточно. «Безопасность от войны», которой потребовал Литвинов, рассматривается всеми ими как агитационная фраза.

На боковых скамьях сидят военные эксперты. В большинстве еще молодые, крепко сколоченные люди. Они не произносят ни слова и слушают, плотно напялив на голову радионаушники. Они натасканы для войны. На войне началась их карьера. Она привела их в этот зал. Это большей частью майоры и полковники, и перед ними еще длинная лестница чинов. Незадолго до мировой войны, когда начальник австро-венгерского генерального штаба Конрад фон-Гецендорф был вынужден подать в отставку, вследствие столкновений с эрцгерцогом Францем-Фердинандом, один австро-венгерский писатель написал статью об ужасающей трагедии этого генерала. Целые 50 лет готовился он к войне и должен подать в отставку, не успев повоевать. Со столбцов этой статьи сочились слезы сострадания. Как известно, Конрад фон-Гецендорф вернулся в генеральный штаб и на его долю выпало «счастье» руководить войсками Австро-Венгрии во время войны. Но продолжительная подготовка не помешала ему войну проиграть. В наши дни господа военные эксперты не знают никаких трагических переживаний. Со стороны правительств им не угрожают никакие пацифистские сюрпризы.

Непосредственно по окончании войны господа эксперты, может быть, и чувствовали себя несколько неуверенно, не зная, какой оборот примет дело, теперь же они изумительно спокойны. Военная усталость и перепуг, вызванный войной, уже изжиты буржуазией, и, чем хуже идут дела, тем охотнее прислушивается буржуазия к нашептываниям военных о необходимости новых вооружений. С 1925 г. кривая вооружений идет непрерывно вверх. И надо сказать, что господа военные эксперты ведут себя совсем не как «бравые вояки». Грубые приемы и недомыслие чужды им. Они стали почти что философами. Они изучают тенденции развития милитаризма и стремятся изобразить перед человечеством волшебную картину будущей войны — как загремят с неба газовые и бризантные бомбы, как автомобильный спорт уступит место танковому и т. д. О, эти господа отнюдь не консервативны! В Женеве рассказывают, что когда один из военных экспертов увидел впервые медаль, выбитую в память конференции, на которой изображен сломанный меч, он причмокнул и сказал: «Совершенно правильно. Кто же будет пользоваться в современной войне мечом? Этот старый хлам пора выбросить. Надо строить танки и бомбовозы!»

Конференция не нервирует военных экспертов. Им даже не приходится будировать против шляповатых штафирок. Пацифистскую болтовню в небольших дозах они считают прямо-таки полезной. Каждый из них нисколько не затруднился бы произнести такую же пацифистскую речь, как и политический представитель его страны. В наше время, когда целые части городов и отряды самолетов окутываются дымовыми завесами, когда танки красят под цвет кустарника, господа военные вполне отдают должное значению пацифистской маскировки. И они даже помогают дипломатам в устройстве этой маскировки. Никто иной, как они, выработали для каждой страны перечень пацифистских требований в зависимости от военного положения данной страны. В Англии они доказывают недопустимость подводной войны или бесполезность сверхдредноутов. Во Франции они твердят об опасности, которую представляет собой гражданская авиация в Германии. Современный военный эксперт уже не гремит саблей. Он сюсюкает по-пацифистски и готовится к войне с той делови-

тостью, которая отличает современный стиль. Но будущая война является для них аксиомой.

Ни господа дипломаты, ни господа военные не выходят из роли по крайней мере в разговорах с нами. Что они думают в действительности, очень легко узнать, если подняться этажом выше, в буфет, предназначенный для журналистов, или в зал печати.

Здесь околачиваются 700 журналистов. Они отменно скучают, потому что на конференции ровно ничего не происходит. Отсутствие политических деятелей, возглавляющих правительства великих держав, свидетельствует о том, что нет никакого смысла разнюхивать за кулисами. Журналисты ловят мух и очень словоохотливы. Совсем недавно среди них было принято сплетничать о вооружениях противника и подчеркивать миролюбие собственного правительства. Так, в 1924 г. они почти все были пацифистами, и какой-нибудь Пертинакс или представитель «Дейли Мейль» был в их глазах пережитком средневековья. Теперь в частных разговорах среди журналистов пацифиста не встретишь, если только данное лицо не оплачивается специально за то, чтобы оно разыгрывало пацифиста и доказывало, что его правительство — «в принципиальной оппозиции к которому, как вам известно, я нахожусь» — самое миролюбивое из всех. На всякий случай этот вымирающий вид еще держат на складе: для пацифистских разговоров с тем, кого считают безнадежным дураком. Вообще же разговоры вполне откровенные и недвусмысленные. Никто не верит в разоружение, даже в серьезное сокращение вооружения. Каждый охотно рассказывает пикантные анекдоты о настроениях собственной делегации и чужих, а речи руководителей делегаций оцениваются исключительно с точки зрения мастерства в маскировке военных целей.

При всем этом они не националисты и не поклонники войны.

Если поскрести какого-нибудь известного националистического писателя, то на свет божий выползет вполне разумный и трезвый мелкий буржуа. «Но что вы хотите! Кто может разоружиться и какой имеется выход, кроме войны? Ограничение вооружений? Ведь нельзя же отка-

заться от современных орудий войны и сражаться копьем и луком. Ведь не откажетесь вы от автомобиля! Почему же в таком случае отказываться от танка?» — так говорят они.

Все они очень умные. Они без оговорок соглашаются, что новая война окончится революцией. Наиболее скептически настроенные добавляют: «по всей вероятности».— Но что поделаешь? После нас — потоп. Мы же хотим жить, есть, иметь собственный автомобиль. Все это можно получить, если писать так, как требует господствующий класс... Эти «милые люди» откроют, когда будет нужно, такую кампанию против СССР, которая затмит все примеры этого рода.

«Ведь это игра. Один любит покер, а другой — маджон»,— заявил мне редактор одного франко-польского органа пропаганды.— Эти господа убеждены, что пацифистская фразеология вымирает. Она представляет собой пережиток времен Эррио — Бриана — Макдональда — Штреземана. Теперь брианистов выгоняют из редакций. Зауэрвейн вылетел из «Матен» и обслуживает мадам Ано, аферистку крупного пошиба, которая снова учреждает дутые финансовые предприятия и с этой целью издает газетку «Ля форс». На конференции совершенно не видно социал-демократических теноров. Вандервельде, Грумбах промелькнули, как метеор, и исчезли. Только Гендерсон высоко восседает на президентском троне, молчаливый и покинутый своими единомышленниками, да де-Брукер высится как скала, меланхолически взирая на вялую пацифистскую возню.

Любопытно отношение этой журналистской братии к нам. Когда читаешь их прессу, можно подумать, что они ненавидят нас всей душой. Но это совсем не так. Сапожник перестает тачать сапоги и снимает передник, когда его рабочий день окончен. Барабанщик не оглашает свою квартиру барабанным боем. Господа журналисты ненавидят нас только на бумаге, потому что им за это платят гонорар. Вообще же они любезные люди, всегда готовые оказать «коллеге» услугу и дать справку. Один консервативный английский журналист заявил мне, что он не берется судить, в какой мере влияют на массы вопли о нашем враждебном отношении к религии, потому что сам он

давно утратил всякую веру и не имеет масштаба для оценки религиозных эмоций. «Возможно, что это до известной степени так,— сказал он,— потому что иначе не прибегали бы к этому аргументу. Но очень возможно, что мы имеем в данном случае неправильный расчет заправил этой кампании, которые сами ни во что не верят, но предполагают, что другие еще продолжают верить». Они с интересом расспрашивают нас, каковы наши дела в действительности. И при слове «действительность» подмигивают. «Вы порядочные люди,— заявил мне старый и влиятельный американский редактор,— и, кто знает, быть может, вы сумеете исправить мир. Но это дело не для нас. Достаточно я покорпел, чтобы создать себе положение». И он с гордостью поведал, что приехал в Америку, имея сто долларов в кармане, а теперь является влиятельным редактором очень крупного издания.

«Что такое общественное мнение?» — спросил Литвинов в своей речи. Это — громкоговоритель буржуазии. Механизм, служащий для того, чтобы пропагандировать волю буржуазии среди миллионов мелких буржуа, которые довольны, когда получают готовое мнение, и им не приходится ломать себе голову над вопросами, в данный момент не затрагивающими их частных интересов. Тех, кто дирижирует общественным мнением, на этой конференции не видно. Тех, которые это мнение распространяют, можно видеть и на трибуне, и в кулуарах, и в зале печати, и в доме Лиги наций. Все они варят ядовитый напиток войны.

Посылка этой статьи совпадает с началом новой бомбардировки Шанхая японцами. Начальник нового японского десанта сопровождает это человеколюбивое начинание речью, как будто бы он является делегатом на конференции по разоружению и дает интервью журналистам. Десятки тысяч новых японских войск, сотни новых бомбовозов и бронемашин Япония послала в Шанхай исключительно с мирными целями. Единственным препятствием на пути к истинному миру в Шанхае являются китайские войска. Пусть они только очистят Шанхай, и все будет в порядке. Здесь в Женеве смеются над этой речью Уеда: жаль, что он не делегирован на конференцию. А над головами миллионного Чапея шумят сбрасываемые япон-

цами бомбы.— «Известно ли вам, что китайский делегат Янь обращался к папе с просьбой о помощи? — Что же ответил ему папа? — Что он каждый день молится о ниспослании мира».

Неплохая острота. А тем временем бомбы падают на китайские фабрики и превращают в кровавую кашу работниц, которые пришли с детьми в корзинках, чтобы получить за 12-часовой рабочий день две тарелки риса.

За моей спиной польский журналист радостно сообщает, что две польские текстильные фабрики получили заказ на 10 миллионов метров солдатского сукна. Он, по всей вероятности, привирает, хочет показать, что Польша также цивилизованная нация, которой перепадет кое-что от благ военной конъюнктуры. Телеграммы о повышении акций Гочкиса, Шнейдер-Крезо и пр. производят на женевскую публику такое же впечатление, как звезда, которая светила волхвам на их пути в Вифлеем. С той разницей только, что на этот раз речь идет о Вифлеемской стальной корпорации.

Так реагирует «общественное мнение», так реагирует дипломатия на войну против Китая, несмотря на то, что интересы буржуазных государств на Дальнем Востоке резко противоречат друг другу, несмотря на то, что Китай в социальном отношении не отделен от них пропастью.

Женева. Март 1932 г.

ХИДЕИОСИ

Это происходило в конце XVI столетия, когда по всей Азии поползли слухи о белых людях, пробирающихся издалека на быстрых кораблях и проникающих в страны Востока. Азия смотрела на них свысока. Своими изделиями они не могли импонировать ни Индии, ни Китаю. Но они приезжали с огнестрельным оружием в руках, захватывали портовые города, пытаясь проникнуть отсюда в глубь страны, или пробирались туда в качестве миссионеров, несущих христово учение. Когда они навербуют учеников, они создадут из них армии и захватят наши страны,— говорили при дворах феодальной азиатской знати и на базарных площадях.

В Японии тогда стоял у власти Хидеиоси. Из простых крестьян, бродяга-солдат Хидеиоси умом и энергией пробился в военноначальники. Опираясь на отряды из своих бывших товарищей, с которыми он когда-то искал хлеба на большой дороге, Хидеиоси прибрал власть к рукам и пытался сломить сопротивление феодальных князей, чтобы создать централизованное японское государство. Этот предшественник сиогуната Токугавов понял угрожавшую опасность в лице европейских колонизаторов. Он прекратил агитацию иезуитских миссионеров и начал ставить препятствия проникновению иностранных купцов. Но это не уничтожало опасности иностранного нашествия. Если европейцы захватят Китай, если они займут Корею, то они перебросят свои войска с азиатского континента на Японские острова, и тогда быть беде.

Хидеиоси — современник Филиппа II и Елизаветы, современник испанской армады, которая двинулась завоевы-

вать Англию, создает японскую армаду, перебрасывает войска на материк и захватывает в 1592 г. Корею. Сообщения японских и китайских современников о полумиллионной армии Хидеиоси, наверное, во много раз преувеличены. Но и при этом условии поход Хидеиоси представляет собой самый большой подвиг японского феодализма, пытавшегося с оружием в руках защититься от нарождающегося европейского капитализма.

Шесть лет продолжалась борьба Хидеиоси. «Я возьму Китай подмышку, как цыновку, и унесу его»,— говорил воитель, покоривший многие феодальные кланы Японии. Но уже тогда, в XVI столетии, нельзя было взять Китай подмышку, как цыновку, и унести его. Кто приходил в Китай, уходил из него разбитый или застревал в громадной стране. И когда поход Хидеиоси окончился банкротством, когда Хидеиоси понял свое бессилие, он, умирая, начертал тушью на шелке свое глубокое разочарование.

«Как капля я падаю,
Как капля я исчезаю.
Даже крепость Осака —
Есть сон в тяжелом сне».

Поражение феодальной Японии не означало ее разгрома. Европейский капитализм был чересчур слаб чтобы, завоевать Китай, и должно было пройти 2½ столетия, прежде чем он мог взяться за эту задачу. Япония периода сиогуната Токугавов закрыла свои ворота, повернулась спиной к остальному миру и пыталась жить на своих островах, не впуская чужих купцов и не ища наживы в торговле с другими странами.

Японские господствующие классы, сделавшие из своей истории поучительную патриотическую легенду, вспоминают величие Хидеиоси, но не задумываются над уроком его жизни. История современного империализма — история его великих завоеваний и великих банкротств, приближающийся крах империалистической системы, не подсказывает им даже того, что она шепнула умирающему Клемансо, который на книге о своих победах поставил заглавие, полное глубокого содержания: «Величие и нищета побед». Между тем никогда еще Япония не имела столько оснований задуматься о Хидеиоси и его четверостишии, как теперь.

Япония борется лицом против солнца и ветра, как говорят немцы.

В наше время, когда негры в лесах и пустынях Африки начинают чувствовать себя одним целым, когда национальное сознание охватывает народы, которые никогда не имели ни национального государства, ни национальной культуры; в наше время, когда весь Восток переживает величайший подъем национального движения,— Япония бросила вызов 400-миллионному китайскому народу, народу старой культуры, народу необычайной живучести, народу, который создает современное государство и борется за условия культурной жизни. Этот народ поднялся против привилегий империализма. В 1925 г., снимая английский флаг с ханькоуского консульства, он заставил задрожать гордый английский империализм. Своекорыстные и близорукие господствующие классы Китая задушили великий национальный порыв народных масс, потопили его в крови рабочих и крестьян. Но в муках борьбы с контрреволюцией и с иностранным империализмом, в стыде и унижении мужает и крепнет народная и национальная воля Китая. Возможно, что понадобится долгий период жестокой борьбы не только с собственной контрреволюцией, но и с интервенцией империалистических держав, чтобы превратить китайский народ в тот гранит, о который сломают себе зубы его враги. Но кто следит за ходом событий в Китае, может различить сквозь кровавый туман, которым контрреволюция окутала великую страну, очертания нового Китая.

Лучшими сынами Китая были когда-то ученые, ткущие тонкую паутину мыслей,— люди, оторванные от жизни, с одной стороны, и беднота, отчаянно борющаяся за условия человеческого существования, темная, невежественная, которой историки нацепили ярлык разбойников, с другой стороны. Теперь острая, как клинок, мысль, мысль, опирающаяся на опыт международной революции, охватывает народ в лохмотьях, народ, идущий в бой босиком, с окровавленными ногами, народ, которому, знать, стало невмочь.

Когда в великих боях выкристаллизуется китайский народ, тогда соотношение сил в мире изменится, ибо 400 миллионов, появившиеся на исторической сцене, это — новая

великая страница истории. И горе тем народам, которые не понимают уже сегодня будущего величия Китая и не расслышали в борьбе за Чапей железной поступи батальонов грядущей народной китайской армии. Горе народам, которые пытаются задержать этот исторический поток и думают разграбить Китай прежде, чем он станет на ноги.

С точки зрения своих интересов и своей политики господствующие классы Японии могут привести тысячу аргументов для оправдания своих действий против Китая. Эти аргументы не лучше и не хуже тех, которыми империалисты так называемых белых стран оправдывают свои походы и свои завоевания. И когда японский дипломат Сато сквозь стиснутые зубы спросил женевский ареопаг — представителей капиталистических стран: а судьи кто?, то правда была на его стороне. Но когда Япония ввяжется в вооруженную борьбу с Китаем, когда она своим напором сломит хребет последнему правительству китайской контрреволюции и, в этих боях обессилев, очутится с глазу на глаз с бушующим морем народных масс Китая, тогда ей не помогут ссылки на то, что она не делала ничего такого, чего не делали бы все империалистические державы. Тогда история повторит устами народных китайских масс слова немецкого поэта, брошенные им в лицо наполеоновским армиям, которые, победив Германию, повергнув ее к своим стопам, возвращались потом, разбитые, из снежных равнин России:

«Бейте их —
Трибунал истории
Не спросит у вас причины».

Когда японские пушки громили царизм на полях Манчжурии, русские революционеры не создавали себе никаких иллюзий насчет намерений и мотивов Японии, но они признавали, что в лице Японии прогрессивная Азия бьет отсталую Европу. В лице тех империалистических кругов Японии, которые сами поворачивают против Страны Советов и пытаются повернуть против нее политику своей страны, отсталая, хищническая и одновременно жалкая в своем утопизме Азия ополчается против прогрессивной и революционной Европы.

Несмотря на мнимое равноправие Японии в «семье» ка-

питалистических держав, несмотря на лживые лицемерные комплименты, которые время от времени расточает перед Японией буржуазная дипломатия, японский народ для капиталистического мира — желтый народ, презренный народ. Трудящимся Японии закрыт доступ в Соединенные штаты Америки и многие английские колонии. Советский союз — единственная страна, которая даже теперь, в момент напряженных отношений, ни на один миг не забывает о дани уважения к великим достижениям Японии, к ее технике, к ее культуре, пробивающей себе путь через все феодально-теократические рогатки. В поисках содействия развитию своего хозяйства Советский союз обратился к японской железнодорожной технике, подобно тому, как он искал помощи для развития своей химии в Германии, а для развития тракторостроения — в Америке. Рабочий класс СССР пытается разглядеть и под цветным японским кимоно такое же сердце, что бьется в его груди. Если когда-нибудь трудящиеся Японии постучат в двери СССР, в поисках труда и братского отношения, они его найдут.

Но те в Японии, кто работает над обострением отношений с Советским союзом, те ополчаются не только против поборника равноправия для всех человеческих рас,— они пробуют втянуть свою страну в борьбу, в которой она не найдет ничего, кроме поражения. Наша страна, мы это можем заявить без хвастовства, больше Японии и по человеческим ресурсам и по материальным. Наша страна первая мужественно шагнула на путь борьбы за новый строй и разбудила социальные силы, о которых капиталистический мир не имеет понятия. В случае опасности она поставит под ружье миллионные армии, достаточные, чтобы прикрыть все ее границы. Во время интервенции 1918—1920 гг. Страна Советов показала, как она умеет преодолевать препятствия, пространства, голод, разруху. Теперь, когда завершение постройки фундаментов социалистического строя во сто крат увеличило наши силы, когда страна окрылилась, смешно думать о победе японских империалистов над нами. Мы знаем, что война с Японией развязала бы и другие враждебные нам силы. Мы не кричим: шапками закидаем. Мы знаем, что эта война причинила бы величайшие бедствия нашему и японскому на-

роду. И поэтому правительство нашей страны неоднократно и недвусмысленно поднимало голос, предостерегая об опасностях, угрожающих миру. Нет ни одного человека в Европе и во всем мире, который бы поверил, что Советский союз легкомысленно ринется в войну, что он не сделает всего во избежание вооруженного столкновения. Но вместе с тем мы знаем, что в этой войне японские господствующие классы нашли бы только свою могилу.

Японский империализм бросил вызов великому китайскому народу. Авантюристические элементы японского империализма работают над обострением отношений Японии и Советского союза. Они это делают в тот момент, когда в тылу Японии появляется грозный враг: американский империализм, считающий, что раздел Китая, предпринимаемый Японией, означал бы для Америки величайшее историческое поражение. «*На Востоке может снова наступить один из тех исторических моментов, которые могут повергнуть в смятение весь мир*»,— сказал американский министр иностранных дел Стимсон, недвусмысленно указывая на перспективу войны. Опыт мировой войны показал, что Америка втягивается в борьбу медленно, но всякий, кто внимательно следит за американской прессой, видит, что против Японии повернула вся машина американской политики, что подготовка общественного мнения для войны против Японии уже ведется.

Японская военщина успокаивает себя тем, что, захватив Манчжурию, она обезопасит себя от блокады, что Манчжурия даст ей хлеб, железо, уголь, необходимые для войны. Но Япония не имеет капиталов для развития Манчжурии, и у нее может не хватить для этого времени. Современная авиация также изменила условия войны. В случае войны американская промышленность может выпускать целые стаи стальных коршунов, которые Страну восходящего солнца могут превратить в страну пепелищ.

Надо быть сумасшедшим, чтобы в такой обстановке создавать против себя новые фронты, восстанавливая против себя великую страну, стоящую в стороне от борьбы, раздирающей империалистический мир, которая не ищет наживы за счет других народов, но требует сохранения мира на ее границах и уважения к ее интересам.

Разбитый в Корее, Хидеиоси мог вернуться на Японские острова, где его не ждали бури. Если японские господствующие классы обессилят себя в военных авантюрах,—а финансовое их положение угрожающее,— если они еще более подорвут свою надорванную экономику, то в самой Японии их не спасет никакая героическая легенда о войне и ее подвигах. Они могут рассказывать, что угодно, о незыблемых основах быта Японии, верной идеалам своих предков, японская литература — зеркало японской жизни — говорит, что все это — басни. Старое японское дворянство срослось с современным капиталистическим классом, его разъедает спекуляция, жажда наживы. Рабочий класс ищет новых берегов, и крестьянин не может жить по-старому. Японская интеллигенция охвачена глубочайшим брожением. Сколько бы японское правительство ни проводило законов против «опасных» новых мыслей, новые условия рождают новые мысли. В Европе, к сожалению, очень плохо знают детали японской политики. Но из японской прессы мы узнаем о массовых арестах в Японии. Мы слышим выстрелы, которые в короткое время уложили по очереди японского премьер-министра, японского министра финансов и главу крупного капиталистического концерна. Нельзя рассматривать эти явления иначе, как зарницы каких-то бурь, надвигающихся на Японию.

Пусть господствующие классы Японии вдумаются в свое положение и его перспективы. Положение это труднее, чем положение Германии перед войной. Или Япония будет изолирована и разгромлена в момент решений или же она будет объектом англо-американской борьбы, несмотря на свою теперешнюю военную силу. Во время великой войны о силе решают экономические резервы, которые в Японии не велики. Попытка решить военным путем противоречия японского положения может кончиться только великим поражением Японии. Полного разрешения ее трудностей нет при существующем капиталистическом строе, но, встав на путь дружественной кооперации с народами азиатского континента, помогая им и получая взамен то, что ей нужно, Япония имеет еще большие перспективы. Борясь против всех великих исторических тен-

денций, она идет к величайшим бедствиям и к величайшему поражению.

Путь соглашения, соглашения, не направленного против народных масс других стран,— путь мира. Путь, по которому идет Япония, чреват глубочайшими бедствиями не только для японского народа, но и для всего мира, ибо он может привести в мировой войне. Решение Японии — не чисто японское дело, а касается всех. Поэтому все теперь думают о том, что сделает Япония. Советский союз искренно желает, чтобы Япония выбрала дорогу, которая вывела бы ее на путь мира. Рабочие и крестьяне Советского союза не боятся исторической бури. Они рождены в ней. Буря не сломит молодого древа социализма. Оно, как сталь,— крепкое и гибкое. Но буря сломит прогнившее древо капитализма. Не нам жалеть о судьбах капитализма, но именно, благодаря глубокому убеждению в неминуемости перехода от теперешних к более высоким формам социальной жизни, рабочему классу СССР незачем понукать историю. На него она возложила геркулесову задачу вспахать мир от Березины до Тихого океана. Он убежден, что, исполняя эту задачу, он показывает всем труженикам превосходство нового рождающегося строя над старым.

Война сулит величайшие бедствия народным массам всего мира. Она сломит преграды для социализма, но она на десяток лет истощит, подорвет его материальную силу, обескровит народные массы. Поэтому мы—страстные враги решений противоречий капитализма, которые накопились во всем мире, путем войны. Поэтому Советский союз будет с величайшей энергией отстаивать дело мира, и всякий, кто захочет с ним воевать, должен будет взять на себя инициативу, принужден будет взять на себя ответственность, от которой сломится.

Путь Советского союза ясен и прост. Представитель интересов трудящихся — он не хочет войны. Он не ищет наживы, он не хочет быть втянут в драку империалистов, ибо он никогда не будет обогащаться за счет других народов и *не может заключать сделок* против народных масс других стран. Но он следит за собирающимися облаками, он видит, как насыщается воздух электричеством. Он настороже и не даст взять себя врасплох. Вызванный на бой,

он будет иметь право искать временных союзников среди тех капиталистических держав, которые на данном этапе не посягают на его границы и интересы. Он будет вести борьбу, опираясь на помощь того, что есть лучшего в человечестве, на помощь трудящихся всего мира, знающих, что при всяком международном переплете, при всяком соотношении сил Страна Советов борется не за корыстные интересы финансовых клик, отживших помещичьих слоев, запутавшейся военщины, а борется за мир и благо всего человечества.

Апрель 1932 г.

ЖОРЖ КЛЕМАНСО

«Марлей был мертв. Марлей был мертв, как гвоздь, заколоченный в дверь».
(Диккенс — «Рождественская сказка»)

Вот он умер, старый Жорж Клемансо, он мертв, как старый Марлей, который был мертв, как гвоздь, заколоченный в дверь, ибо в могилу сходит не только его 88-летнее тело. Мертв тот мир, в котором он жил, который он любил и ненавидел, мертвы идеи, которым он служил. Его хотели похоронить так же пышно, как Фоша, но от этого он защитился завещанием,— пришлось особо хоронить его и особо справлять похоронные парады. У гроба его пресса повторяла слова, которые он написал о Демосфене: «Человек, который в первую очередь был хорошим борцом за свое отечество». К нему лучше походят другие слова из его книжки о Демосфене, странной книжки разговоров с самим собой: «И может быть последней его радостью было освобождение от тех, за которых он принял смерть». Немцы, которых он ненавидел, как чуму, и которые теперь конечно произнесли все полагающиеся слова официального соболезнования, указывают, что он умер после того, как Локарно и Гаага заколотили ворота, через которые вновь мог бы быть брошен факел войны между двумя «европейскими народами». Это до того прекрасная фраза, что просится прямо на перо сентиментальных европейских писак европейской биржи. К сожалению, она неверна, и не в этом пацифистском смысле мертв мир, в котором жил Клемансо.

Он был в Париже 1870 г., окруженном германскими армиями, и ночью с Монмартра смотрел на зарево пожаров и бивачные огни пруссаков. Не ложь и предательство коварного Бисмарка конечно вызвали франко-германскую

войну. Малоделикатные манипуляции, которые Бисмарк проделал с эмской телеграммой, были, понятно, вызваны менее всего его любовью к миру. Но они были только психологическим средством спустить с цепи фурию войны.

Война пришла, так как хозяйственное объединение Германии вызвало передвижение в соотношении сил Западной Европы. Французская гегемония покоилась на раздроблении Германии. Объединение Германии означало конец французской гегемонии. С тех пор, как существует капитализм, гегемония означает более высокую прибыль. Поэтому ни одно государство не отказывается от нее без войны. В этой войне историческое право было на стороне Германии.

Но Клемансо всю свою жизнь был всем чем угодно, только не исторически мыслящей головой. Сын сельского врача из Вандеи — он имел мужицкую голову, которая видела только одно: проклятые пруссаки снова появились под стенами Парижа, и их драгуны поят своих лошадей водой Сены. «Сосед» — рок крестьянина. Крестьянин конечно мирное существо, но дьявольский сосед этот всегда лезет в драку,— он во всем виноват. Сколько раз французская кавалерия топтала поля Германии, об этом он не помнил, а если вспоминал, то только о войнах революции. Для этих войн, он, который гордо называл себя якобинцем, находил достаточно оправданий. Ведь французы на своих штыках принесли права человека этой низшей расе пожирателей сосисок, которые после своей победы сумели только одно: создать в Версале две дюжины королей и принцев, чтобы воздвигнуть в Германии трон, в то время, как во Франции он был разбит вдребезги.

События 1871 г. были теми ударами молота, которые выковывали душу молодого французского мелкого буржуа и республиканца. Он до конца жизни оставался человеком периода национальных войн. Только с этой точки зрения можно распутать запутанный клубок его внешнеполитического развития. Именно потому, что он был мелкобуржуазным националистом и думал только о реванше, он был противником колониальной политики, которую с 1878 г. начала вести едва оправившаяся от ударов Франция.

Французская политика в продолжение 15 лет завоевала колониальное государство, в семь раз большее самой

Франции. Клемансо отлично понимал, почему Бисмарк поддерживал эту экспансию: надо было, чтобы Франция не сосредоточивала внимания на дыре в Вогезах; хорошо было бы, если бы ее политика привела к столкновению с Англией и Италией. Клемансо метал громы не только потому, что эта политика стоила больших денег мелкой буржуазии и наполняла карманы гиен финансового капитала,— он боролся против колониальных авантюр, так как они подрывали обороноспособность Франции. Он не только был за союз с царской Россией — горькая пилюля для республиканского идеолога!— он первый боролся за сближение с Англией во времена, которые привели к англо-французскому столкновению в Фашоде. За свое «англофильство» он чуть не поплатился политической головой, и оно выбросило его как «мистера les» на годы из активной политической жизни.

И не шутка истории, а ее железная поступь, диалектика развития, сделала то, что именно империалистическое развитие, против которого он боролся, позволило ему, наконец, вкусить сладкое, хотя и остывшее блюдо мести. Он пришел к власти после того, как империалистическая борьба германского и английского капитала за мировое господство сделала англофильскую политику, за которую его недавно чуть не растерзали, политикой Франции. Его правительство до войны было правительством подготовки империалистической войны против Германии. Нет сомнения, Клемансо оставался верен себе, когда он за уступки, сделанные Германии в вопросе о Конго, нападал на Кайо, своего ученика и соратника. Конго не было лучше, чем Тунис и Индокитай, по поводу завоеваний которых он дрался против правительства Ферри. Но завоевание Туниса и Индокитая с поощрения Германии делало Францию более уступчивой в отношении Германии. Поэтому он был против них. Уступки со стороны Франции Германии в Конго должны были сгладить марокканский конфликт, поэтому Клемансо готов был защищать каждого негра и каждую пядь земли в Конго.

Противоречия между германским и английским империализмом привели к войне. Война велась, в первую очередь, главным образом на французской земле. Больше другой лилась французская и немецкая кровь. И все-таки

это не была национальная франко-германская война. Это была война за империалистический передел мира. Но для Клемансо это была национальная война между Францией и Германией. Ее он хотел вести всеми силами с полной решительностью. Если читать его статьи в «L'homm libre» или «L'homm enchainé», то кажется, что читаешь статьи якобинской прессы 1793 г. Он не одевал якобинской маски, он действительно был убежден, что ведет войну национальной защиты. Он готов был для победы над Германией организовать восстание против «вялых» империалистических правительств Франции. Он готов был похоронить Францию под грудой развалин, чтобы только помешать победе Германии. 76 лет было ему, когда, став в критический момент у руля правления, он кричал палате: «Вы меня спрашиваете про мою внутреннюю политику: я веду войну; вы меня спрашиваете про мою внешнюю политику: я веду войну!»

Когда он так метался с одного участка войны на другой и входил, опираясь на свою палку, в окопы, когда бушевал против мнимых пораженцев в среде мелкобуржуазных политиков, он дышал национальной ненавистью. Жизнь, идущая от великих побед к величайшим поражениям, познакомила старика со всеми видами человеческой подлости: с подхалимством перед сильными и презрительным третированием слабых. Он стал человеконенавистником. Присматриваясь к жизни буржуазных партий, он знал, чего стоит патриотизм французской буржуазии, он знал, за что борется буржуа. Война дала ему невиданную власть, перед которой все лежало на коленях. От этого не уменьшилось его презрение к людям. Ллойд-Джордж сказал о нем: «Он ненавидит всех французов, любит только Францию...» Он не любил трудящейся, борющейся за новую жизнь, страдающей, живой Франции. Он любил только ту, которая победит и отомстит Германии. Когда во время переговоров о перемирии встал вопрос, согласятся ли немцы принять сокрушительные условия, поставленные им маршалом Фошем, в совете союзников разбирался вопрос о переброске через побежденную и капитулировавшую Австрию эскадрилий аэропланов, которые должны были из Праги полететь и бомбардировать Берлин,— Клемансо не удержался от восклицания: «Это

предложение мне нравится!» Пришло известие о немецкой капитуляции, и старик, который рычал на своих министров, который осыпал насмешками союзных представителей, в первый раз нашел в своей груди мягкие человеческие слова благодарности и написал полковнику Хаузу, представителю Вильсона: «Мой дорогой друг, в эту торжественную минуту исторических событий, в которых ваша великая страна и ее достойный вождь сыграли такую крупную роль, я не могу удержаться от желания обнять вас и прижать вас к своему сердцу».

Победа была его, и он мог сидеть на заседаниях «четырех великих» полудремая. Только когда падали слова «Рейн», «Саарская область», «разоружение», он поднимал голову коршуна и вцеплялся во всякого, кто хотел смягчить условия для Германии. Он относился с глубочайшим презрением ко всякому пацифизму, к вильсонианскому в особенности. «Богу хватило десяти заповедей, а Вильсону понадобилось четырнадцать»,— смеялся он непочтительно. Но он стал ярым защитником идеи Лиги наций. когда она должна была дать ему взамен за отказ от левого берега Рейна английскую и американскую гарантию новых французских границ. Генерал Фош, по-солдатски не доверяющий дипломатическим договорам и полагающийся только на свою саблю, попытался сопротивляться. Но Клемансо, отшвырнув его меморандум и стукнув по столу, прикрикнул: «Молчите, вы победили, и этого с вас хватит! Заключить мир — мое дело!» Всякие попытки Пуанкаре, президента республики, вмешаться в переговоры, он отстранял угрозой отставки. Он — «отец победы». чувствовал себя достаточно сильным, чтобы нести ответственность за чудовище, носящее имя Версальского мирного договора, чудовище, действительным автором которого был он, хотя литературно оно вышло из-под пера его ближайшего сотрудника и ученика Тардье.

50 лет он ждал дня поражения Германии. Этот день он подготовлял с тщательностью театрального режиссера, хотя вообще чужд был театральных жестов. Немцев держал в гостинице, как зверя в клетке, не выпуская ни на один шаг без конвоя. Всякие попытки Брокдорфа Ранцау добиться личных переговоров с представителями союзников кончились неудачей. Никаких переговоров, горе по-

бежденным! Версальские условия, напечатанные толстой книгой, будут им вручены,— речь может итти только о принятии или отклонении.

Пришел день торжества. Немецких представителей привезли в Версальский дворец. У входа собралась дипломатическая челядь с женами, которые толкались и влезали на стулья, чтобы увидеть унижение побежденных. В зале, в котором 50 лет тому назад Вильгельм I, окруженный немецкими королями, принцами и германским генералитетом, принимал корону императора Германии, засели делегаты союзников и союзничков, представители 44 наций. Отсутствовал только представитель царской России, которая столько поработала на победу союзников, но успела за это время потерять голову (Ллойд-Джордж вспомнил, вероятно, свое выражение от 17 г.: «Россия летит в пропасть, но мы ее поддерживаем на веревках». Поддержали!). Клемансо, наверное, не подумал о погибшем союзнике, к которому он относился с прохладцей. Он думал лишь о своей победе. Чтобы сохранить иллюзию этой победы, союзники передали ему исполнение торжественного акта вручения германской империи смертного приговора. Он стоял за столом со своим неподвижным монгольским лицом, тяжело опираясь на сжатые кулаки. Желтые руки его, изъеденные экземой, в серых перчатках, протянулись к бумаге с текстом речи. Голос его был спокоен, но он не выдержал и начал, отходя от текста, петь свою песнь победы и мести: «День расчета пришел»,— так началась короткая речь Клемансо. Когда ему указывали, что в условиях, созданных Версальским миром, Германия не сможет жить и развиваться, он отвечал коротко: «Живет 20 миллионов лишних германцев».

Расчет Клемансо оказался неверным. Клемансо отклонил требование Фоша о захвате левого берега Рейна не потому, что боялся будущей войны с Германией, как последствия такой политики: для него ведь не подлежало никакому сомнению, что такой уже закон природы, чтоб немцы с французами время от времени дрались,— но он считал, что Францию от коварства немцев лучше защитит помощь могущественных Соединенных штатов и Англии, чем рейнский барьер. Реальная действительность

сыграла злую шутку с поклонником реальной политики. Понятно, английские дредноуты, американская сталь, нефть — лучшая защита, чем воды Рейна, но для этого нужно располагать Америкой и Англией. Клемансо оказался не менее слепым, чем самый большой дурачок из пацифистов, которых он так презирал. Загипнотизированный своей националистической верой в величие и роль Франции, он не понял роли Америки и Англии в империалистической войне. В 1871 г. война Франции с Германией была делом Франции и Германии. Не только Англия и Россия не вмешались в эту войну, но даже Австрия не решилась вмешаться, хотя в Вене не было недостатка в вояках и дипломатах, которые с удовольствием дали бы сдачу за удары, полученные под Кениггрецом. Франко-германская война 1871 г. закончила для Западной Европы эру национальных войн. Война 1914—1918 гг. не была национальной войной немецкого и французского национализма. Но главные силы этой войны мерялись на французской земле. Франции пришлось выдержать главный удар немцев. Англия медленно втягивалась в эту войну. Америка участвовала в ней целые годы только своими экономическими ресурсами, в самую войну вступила только для того, чтобы решить ее исход. Поэтому роль Франции в мирных переговорах была так велика, поэтому бумага Версальского договора запечатлевает в первую очередь французскую победу, как национально-континентальную победу, а только во вторую очередь — победу Англии на море и в колониях. Победа же действительная, самая крупная — Соединенных штатов, которые только в эту империалистическую войну сложились и осознали себя как величайшую империалистическую державу,— эта победа записана только в конторских книгах американских трестов и в книгах европейской задолженности, сделавшей европейские державы финансовыми вассалами Соединенных штатов. Клемансо считал, что он связал Соединенные штаты обязательством помогать Франции в будущем, но Соединенные штаты вышли из войны с убеждением, что они есть центр мира, по которому должны равняться другие, и поэтому они отклонили Версальский договор с прикрепленным к нему уставом о Лиге наций. Они не намерены позволять

никакой Лиге вмешиваться в их отношения с другими державами и тем более обязываться вперед поддерживать какую-то Францию. Уже во время войны и Вильсон и его советник Хауз в интимных разговорах начали давать себе отчет, что центральным противоречием послевоенного периода будет англо-американское противоречие. Полковник Хауз немедленно после подписания Версальского договора сообщает Вильсону из Лондона, что англо-американские отношения вступают на те же самые рельсы, по которым англо-немецкие отношения докатились до мировой войны. Противники Версальского договора в американском сенате, по крайней мере их верхушка, связанная с королями железа и стали, давала себе в этом еще более ясный отчет и отклоняла Лигу наций как средство, при помощи которого Англия может попытаться мобилизовать европейские капиталистические страны против американского капитализма. Если в будущем состязании Англии с Америкой Франция окажется на английской стороне, то Америка неминуемо будет поддерживать против нее Германию. И честные американские демократы, быть может, будут проливать такие же горячие слезы по поводу судеб Эльзаса и Лотарингии под французским владычеством, как они возмущались судьбами этих пограничных стран, угнетенных Германией.

Это почувствовала Франция вскоре после Версальского договора. Клемансо, поехавший сначала охотиться в Индию на тигров, отправился позже в Америку, чтобы охотиться за симпатиями американцев, которым Франция должна миллиарды. Он был принят со всеми почестями, но со счетов Америка не скинула ни одной копейки. Если Франция не имеет денег, чтобы уплачивать свои долги, то пусть сократит свое вооружение. Во время Вашингтонской конференции американцы с наслаждением слушали соловьиные песни Бриана о Франции — защитнице цивилизации и демократии. Ведь аплодировали они и Карузо. Но американская пресса пустила в ход убийственное словечко: кроме «nouveau riche» (новых богачей) война создала и «новых бедных». Им надо понять, что великое прошлое не дает дивидендов.

Старый тигр не мог уже рычать по поводу американ-

ских вымогательств. Он почувствовал на ногах золотые цепи зависимости от Америки и жалобно завизжал в печати. Его наследник, господин Бриан, заговорил о Соединенных штатах Европы. Но это — идея без больших перспектив при капитализме, ибо, кроме всего, Англия, страна не менее азиатская, чем европейская, озирается на свои колонии и глядит на Америку; России, старого вассала Франции, нет. Союз советских республик не намерен связывать своих судеб с судьбами континентального капитализма. Если поэтому Соединенные штаты Европы имеют какой-либо смысл, то только смысл союза капиталистической Франции, Германии и Италии против Соединенных штатов Америки, Англии и Советской России. А это — идея на рахитических ножках.

Клемансо, размышляющий в своем вандейском затишьи о дальнейших судьбах Франции, растерялся полностью. Книга его о Демосфене — документ этой растерянности. Он восхваляет афинского ритора, который мобилизовал общественное мнение против Филиппа Македонского, но *кто* Филипп Македонский по отношению к послевоенной Франции,— он объяснить не может. Последние месяцы своей жизни, терзаемый сомнениями, он писал книгу против Фоша, упрекавшего его в том, что он продал реальный Рейн за фантом Лиги наций. Мы не знаем еще этой книги и не намерены защищать реализм Фоша против иллюзионизма Клемансо. Левый берег Рейна в эпоху авиации не вернул бы Франции безопасность, как не дала ей этого Лига наций. Франция стала державой второго разряда и будет в эпоху империализма придатком или к Англии или к Америке...

В колыбели своей Клемансо не слышал сказок о королях и о боге, хотя родился в монархической и клерикальной Вандее. Дед его был членом Конвента. Отец его, деревенский врач, участник республиканских движений, воспитывал его в ненависти и к богу и к королям. Молодой Жорж учился медицине, чтобы обеспечить себе материальную независимость в среде монархической и клерикальной. Еще будучи студентом, принимал участие в демонстрациях парижской мелкой буржуазии против Наполеона III, за что и попал в тюрьму. Приехав в Соеди-

ненные штаты после гражданской войны и наблюдая картину лихорадочного развития капитализма и большой коррупции, которую оно порождало, он укрепился в убеждении о правильности мелкобуржуазных идеалов. Он стоял за частную собственность, но против капиталистической монополии, против разделения общества на богатых и бедных. Демократия должна дать средства бедным, чтобы те могли стать на собственные ноги и отстоять свое независимое существование от капитализма. Социализм — это утопия, ибо разве не кончили банкротством все создания социалистических колоний в самой свободной стране? Социализм — учение, которое вышло из Франции — вывел массы в 1848 г. на улицу. Гражданская война в Париже кончилась возвышением Наполеона III. В Америке социализм обанкротился даже без кровавой резни.

С такими идеями вернулся Клемансо в Париж в 1870 г. Глубокие симпатии связали его с мелкобуржуазной орабоченной массой, геройски боровшейся против немцев и прогнавшей Наполеона III. Но, когда эта масса восстала против версальцев, он, несмотря на преобладание в Национальном собрании скрытых и открытых монархистов, не мог стать в ряды Коммуны. Выбранный мэром 18-го округа, он отправляется 22 марта во главе делегации мэров, требующей от Центрального комитета восставших рабочих и ремесленных полков передачи власти в руки мэров. «Вы не представляете Парижа, а Париж не представляет Франции»,— кричит Клемансо, размахивая знаменем демократии. Товарищ его Мильер разоблачает то, что скрывается у Клемансо за юридической фикцией: «Час социальной революции не пришел еще. Прогресса надо добиваться на более медленном пути». Парижские рабочие со свистом принимают предложение подчинить революционную крепость версальским помещикам, капиталистам, попам и бюрократам. Они знают, какой прогресс готовит им буржуазная банда, не сумевшая защитить страны от внешнего врага и жаждущая победы над внутренним. Господа мэры бегут в лагерь версальцев. Клемансо остается в Париже, но не принимает участия в борьбе Коммуны. В открытой борьбе классов нет места для примиренчества. Это говорят республиканцу рабочие, и это говорят

ему позже версальцы, сваливая на него ответственность за «зверства» Коммуны. Революция требовала решения,— мелкобуржуазный радикал не мог его принять.

Ему не пришлось его принять и после падения Коммуны. Он мог продолжать борьбу за мелкобуржуазную демократию, которая появилась на месте сгоревшей в огне поражений наполеоновской империи. Эту демократию пытались ликвидировать монархисты, оказавшиеся в большинстве в учредилке, ее пытались выхолостить от всякого социального содержания правые республиканцы с Гамбеттой во главе, создавшие фракцию оппортунистов. Они были за республику, поскольку она приемлема для буржуазии. А господа буржуа этого времени считали, что она приемлема только постольку, поскольку держит на цепи рабочих и не трогает их кармана. Клемансо борется во главе партии радикалов за амнистию для коммунаров, за свободу союзов и печати, за роспуск постоянной армии и создание милиции, за прогрессивный подоходный налог, за национализацию банков, железных дорог, против господства церкви, военщины, против капиталистической коррупции. Вооруженный программой мелкобуржуазного радикализма, обладающий бешеным темпераментом, мужеством, оратор, лишенный галльской элегантности и лирики, полный злобы, логики, он идет во главе всех мелкобуржуазных штурмов против монархистов и оппортунистов. В палате и прессе он выступает как низвергатель правительств.

Экономический подъем, возвращение коммунаров оживляют рабочее движение. Под руководством Лафарга и Гэда формируются кадры социалистической партии. Клемансо прислушивается и присматривается к новой растущей силе. В одном из последних своих писем к Энгельсу Маркс с иронией сообщает, что, заболев, Клемансо читал «Капитал». «Когда чорт болен», иронизирует Маркс, вспоминая английскую поговорку. Когда современный чорт болен,— он читает не Библию, а «Капитал», хочет сказать Маркс. Энгельс в письме своем к Бернштейну от 4 ноября 1882 г. высказывает уверенность, что Клемансо, если его суметь убедить, может стать коммунистом.

Клемансо не становится марксистом, но среди грызни и драки, которую ведет мелкобуржуазная демократия с

укрепившимся капитализмом, он как бы начинает понимать, что рождается какая-то новая великая сила. О 1 мая 1890 г., которое показало всему буржуазному миру в первый раз невиданную картину международной пролетарской солидарности, он говорит в палате депутатов: «Даже самый близорукий не может не заметить брожения, охватившего рабочий мир, рождения новой великой силы. Мы должны иметь мужество признать, что рабочий класс поднимается для борьбы за власть. Я утверждаю, что надвигающаяся революция является самым важным фактом современной политической истории. По отношению к этой революции надо занять четкую позицию: или надо противопоставить ей насилие, или ее надо приветствовать. Если ей противопоставить насилие, то это означает гражданскую войну. Разве предопределено, чтобы парламентская республика дошла другими путями к той же самой цели, что и монархия?»

История еще не заставляет его дать ответ на вопрос, ею поставленный. Борец против капиталистической коррупции оказывается захлестнутым самой грязной волной коррупции, которую знала Франция: панамским скандалом. Банкир Корнелий Герц, один из участников этого скандала, давал деньги на газету Клемансо. То, что не свернуло шеи матерым взяточникам из «Тан», «Фигаро», получившим миллионы от банков, финансировавших постройку Панамского канала, сбивает с ног этого мелкого буржуа, не находящего среди мелкой буржуазии достаточно средств для издания своей газеты и попавшего в зависимость от капиталистических акул. Разоблачения Деруледа и других клерикально-националистических патриотов, обвиняющих Клемансо на основании подложных документов, что он продался Англии,— выбрасывают его на годы из политической борьбы и заставляют уйти в литературу.

Афера Дрейфуса выдвигает его снова в первые ряды мелкобуржуазных борцов против господства военщины, церкви, помещиков и плутократии. Его газета «Aurore» создает ему мировую известность. Борьба радикальных мелкобуржуазных масс приводит к новому периоду парламентского господства мелкобуржуазного радикализма. Лозунг «революция в опасности» оказывает свое действие

не только на малосознательные массы рабочих, но даже на часть социалистической партии. Участие Мильерана в правительстве Вальдека Руссо как бы перебрасывает мост от пролетарской демократии к мелкобуржуазной. Во всем мире рождается ревизионистское течение, указывающее на участие представителей пролетариата в буржуазном правительстве, как на средство медленного проведения социализма без гражданской войны. В 1900 г. Парижская выставка, которая должна была показать силу Франции на пороге XX столетия, открывается речью Мильерана, занимающего пост министра торговли. Ревизионистская и открыто мелкобуржуазная печать приветствует эту речь как знамя новой эры: электричество, прогресс и примирение классов. В литературе это время находит свое выражение в великих романах Золя, оруженосца в борьбе против дрейфуссаров; в прессе наиболее ярко выражает эти идеи, кроме Жореса, также и Клемансо.

Но уже «социалист в отпуску», министр Мильеран во исполнение своих обязанностей по водворению общественной гармонии должен был расстреливать бастующих рабочих. Когда гэдистская пресса подняла трупы рабочих, убитых мелкой буржуазией при содействии реформистов, на щит, чтобы показать их рабочему классу, Жорес, защищая реформистов, отвечает: «Вы эксплоатируете трупы, не видя из-за печальных частностей общего направления развития».

Придя к власти в 1905 г. в качестве министра внутренних дел в кабинете Сариена, Клемансо вводит уже «печальные частности» в систему. Он подавляет одну забастовку за другой, разгоняет профсоюзы, подавляет вооруженной рукой движение крестьян-виноделов, борющихся за улучшение своего положения. В своем парламентском диспуте с Жоресом он ставит точки над «i». «Вы хотите мирного развития,— говорит он, обращаясь к реформистам,— и я его хочу, но его не хотят рабочие, бурно поднимающиеся, забрасывающие камнями жандармерию, обязанную следить, чтоб трения классов не нарушали спокойного развития. Вы — противники баррикадных боев, рабочие строят во время забастовок баррикады, вы не разделяете этих методов, так и не поощряйте их!»

Логика была целиком на стороне Клемансо, не стыдящегося уже окровавленных рук. Жорес мог ему только ответить философскими рассуждениями о том, общественные ли условия влияют на человека или человек на общественные условия. Да, индивидуалист Клемансо был философски неправ. Общественные условия, создавшие идеал мелкобуржуазной демократии, идеал гармонии классов, похоронили этот идеал, стерли его в борьбе классов в порошок, и мелкобуржуазный демократ Клемансо стал прямым орудием французского крупного капитала в его борьбе против рабочего движения, растущего благодаря индустриализации Франции. Но бедный реформист Жорес со своими правильными философскими максимами не понял, что его философский спор с Клемансо должен решиться революционной борьбой пролетариата против буржуазии.

Передовая часть французского рабочего класса это смутно понимала. Видя оппортунистический развал социалистической партии, она искала выхода на путях революционного синдикализма. Этот путь был неверен, но, вступая на него, рабочие искали путей к революции.

Боязнь нарастающих революционных движений в Англии, Франции, Германии, России являлась одной из причин, почему так легко удалось империалистической дипломатии толкнуть все правительства на войну. В этой войне мелкобуржуазная демократия поставляла империализму все его лозунги — и националистические и пацифистские, но сама мелкая буржуазия не могла играть никакой самостоятельной роли, ибо это была война миллионных армий, потребляющих на десятки миллиардов пушки, снаряды, т. е. железо, уголь, нефть, сталь, хлопок, хлеб, находящиеся в руках мировых трестов и банков.

Пришедший в этой войне к власти Клемансо был диктатором милостью крупного трестированного капитала, шедшего неуклонно к победе.

Война, уничтожившая в развитых капиталистических странах мелкобуржуазный национализм как независимую от империализма силу, не оставила ни следа самостоятельности мелкобуржуазной демократической мысли. И

национализм и мелкобуржуазная демократия стали лохмотьями империализма. Солдатская шапочка и засохшие цветы, сорванные в траншеях, которые Клемансо завещал положить в свой гроб,— это символы идеи мира, погибшего раз навсегда.

Английские буржуазные газеты сообщают, что, несмотря на гром пушек, которым империалистическая Франция прощалась с мертвым Клемансо, простой народ почти не обратил внимания на его смерть. Это неверно, поскольку дело идет о революционных рабочих Франции. Они ненавидели Клемансо, и они были правы. Французские социалисты у гроба Клемансо на словах отмежевались от него. Но они представляют ту породу могикан мелкобуржуазной демократии, которая призвана служить последним прикрытием для империализма.

От имени империалистской Франции прощался с Клемансо ученик и ближайший соратник его—Андрэ Тардье, биржевая гиена и рыцарь империалистической наживы, тот Тардье, которого Клемансо прогнал перед смертью. Господа социалисты «оппонируют» правительству Тардье. Ничего, в случае войны будут ему служить не за страх, а за совесть! Клемансо тоже не любил биржевых гиен, а кончил лакеем. Старик Клемансо был все-таки сильнее господина Леона Блюма. Мелкобуржуазная демократия — пацифистская ли она или националистская — она только орудие империализма.

Эта деградация мелкобуржуазной демократии до роли орудия империализма так полна, что для народных масс, оценивающих политические течения по результатам их действий, она вполне уже стерлась. Русскому рабочему и крестьянину было не интересно, какой идейный механизм сделал мелкобуржуазного революционера Керенского слугой Антанты. Их мог интересовать только тот факт, что он гнал их на войну в качестве пушечного мяса Антанты. О Клемансо они знали одно: он возглавлял империалистическую Францию, он автор империалистического Версальского договора, он требовал *санитарного кордона* для защиты капиталистической Европы от большевистской заразы. Все прочее их не касалось. И они были правы: судили по делам, а не по идейным истокам, мотивам

Историк должен уметь соединить этот суровый и справедливый приговор своего класса с исследованием «истории преступления». Это нужно не для литературных упражнений, а для того, чтобы лучше понять роль мелкой буржуазии в эпоху империализма, ее полную неспособность к самостоятельной политике.

Январь 1930 г.

АРИСТИД БРИАН, или как теперь высиживают голубей мира

«Если г. Бриан будет избран президентом республики, то эту ошибку исправит револьвер»,— заявляет с грозной миной *Шарль Мора,* главный публицист уличной и альковной реакции во Франции.

В «Волонте», «радикальном» и «пацифистском» органе, Урбен Гойе трагически вращает глазами и кричит в ответ: «Победа Бриана, это — победа республики, демократии, мира. Провал Бриана, это — победа роялистов, реакции, войны».

И германская «демократическая» пресса не остается безмолвным зрителем этих гомерических боев. От «Берлинер тагеблатт» до «Форвертс» все тетушки гадают на кофейной гуще: победит Бриан или не победит? Вот трагический вопрос, над которым, якобы, бьется весь мир.

Бриан стыдливо заявляет, что он не выдвигает своей кандидатуры, однако он произносит одновременно в палате большую кандидатскую речь. Во Франции искусство кокетства очень развито, и когда парижская красотка говорит «нет», это всегда означает «да». Но что же говорит в своей речи «президент мира», как его величает корреспондент «Берлинер тагеблатт»? Он заявляет, что с его программой согласны и г. Пуанкаре, черный человек германской националистической печати, и г. Тардье, скалящий зубы, как людоед. Пуанкаре-война солидарен с Брианом, по свидетельству самого Бриана, а Бриан есть мир.

Не является ли здесь мир продолжением войны, только другими средствами?

Откуда взялся *Бриан-мир?* Вспомните только: Лига наций собралась 10 сентября 1926 г., чтобы принять в ряды

честных миролюбивых государств буржуазную Германию, вчерашних «бошей», «извергов человечества». Бриан говорил приветственную речь: «Долой винтовки, долой пулеметы, долой пушки! Место — примирению, арбитражным судам, миру!» И газетный хроникер истории передает:

«Буря энтузиазма сорвалась с цепи. Я еще вижу перед собой лицо канадского делегата, старого человека. Лицо это было залито слезами, когда он под конец речи с глубоким воодушевлением подскочил и закричал: «Мира, мира!»

А после — парад в Лондоне 1 декабря 1926 г. Собрались делегаты Франции, Англии и Германии. Киноюпитеры придавали невиданную яркость мрачным залам на Даунинг-стрит. После подписания договора Бриан встал для короткой речи. Он держал в руках письмо, полученное им от неизвестной матери, и читал его своим мягким, лирическим голосом: «Позвольте матери семейства приветствовать вас. Наконец-то я буду в состоянии смотреть на моих детей без страха и любить их с известным чувством безопасности».

Газетные репортеры, которые чувствуют движение земли, утверждали, что даже крокодилы английского империализма и те дрожали от волнения. Как же не дрожать г. Грумбаху из парижского «Попюлера» или маленькому Шифу из «Форвертса», которые получают жалованье за то, чтобы убеждать рабочих, что дело мира — в руках не худших людей. Сперва они присягали, что Вильсон обеспечит мир, после присягали, что мир обеспечат Бриан и Штреземан. Сегодня обеспечить мир должны уже Бриан и Макдональд. Должен же кто-то обеспечить их мир, раз его не обеспечивает социал-демократия.

Г. Бриан рожден не из морской пены, как богиня красоты Афродита. Г. Бриан рожден из потребности империалистической буржуазии прикрыть подготовку войны пацифистскими фразами, из потребности крупной буржуазии обмануть мелкобуржуазные массы и из потребности мелкобуржуазных масс быть обманутыми крупной буржуазией. Мелкая буржуазия не может бороться самостоятельно с империализмом. Но она не может холодно смотреть империалистической правде в глаза, как короли

биржи, ибо ей приходится итти на войну. Поэтому ей нужен пацифистский дурман.

Казалось бы, что г. Бриан сделал все для того, чтобы народные массы не верили в его пацифизм. Но если бог захочет — выстрелит и метла, говорят евреи, желая выразить всемогущество бога. Когда одновременно и крупной буржуазии, и мелкой буржуазии нужен пацифистский герой, то он рождается если не из морской пены, то из вибрации голоса и милой улыбки.

Г. Бриан, сын кабатчика из Нанта, начал свою политическую карьеру, как многие молодые французские адвокаты, в качестве социалиста. Он уже тогда проявлял большую чуткость. Так как ни гэдисты, представители безжизненной ортодоксии, мнящей себя марксистской, ни жоресисты, несмотря на то, что Жорес прикрывал свой махровый оппортунизм большим темпераментом, не могли удовлетворить революционных рабочих, то г. Бриан стал проповедывать всеобщую забастовку, заигрывая таким образом с синдикалистами. Когда свирепый пропагандист всеобщей забастовки, пробравшись в палату и примкнув к борьбе радикальной буржуазии с католической церковью, решил делать буржуазную карьеру и вошел в буржуазное правительство, никто не мог догадаться, что он будет в дальнейшем работать на поприще пацифизма. Он не только подавил вооруженной рукой забастовку железнодорожников, но заявил под рев социалистических депутатов, что если понадобится, то он не будет считаться ни с какими законами для подавления рабочего движения. Он пытался перещеголять в своих выступлениях тигра-Клемансо. И тогдашняя «Юманите», издаваемая Жоресом, ежедневно посвящала много места самой беспощадной борьбе с предателем социализма.

«Пацифист» Бриан внес в палату предложение об увеличении военной службы до трех лет, что являлось непосредственной подготовкой французского империализма к войне. Во время войны он был одним из глашатаев борьбы до победного конца. После войны, хотя он понимал, что Версальский мир представляет собой пресловутую клячу Роллана, имевшую очень много великолепных качеств, но один маленький недостаток, а именно тот, что

она была мертва, г. Бриан в качестве министра иностранных дел правительства Пуанкаре-война провозглашает, что «*Германию надо взять за горло*», и подготовляет *захват Рура*. На Вашингтонской конференции 1921—1922 г. Бриан произносит речь в защиту особого права на особые вооружения невинной Франции, подвергшейся нападению в 1914 г.

Г. Бриан был *глашатаем французского империализма и находил довольно грозные интонации для защиты его прав.*

В 1922 г. на конференции в Каннах, так гласит легенда, г. Бриан понял невозможность обеспечения мира насилием и стал пацифистом. Но отличительное свойство всякой легенды заключается в том, что она не соответствует действительности. В Каннах Бриан выразил согласие пойти на известные уступки Германии в вопросе о репарациях для того, чтобы получить от Ллойд-Джорджа обязательство Англии защищать совместно с Францией границы, установленные Версальским договором. Это обязательство дано Франции в Версале Ллойд-Джорджем совместно в Вильсоном, но, как известно, взято назад, когда сенат САСШ не ратифицировал вильсоновской подписи.

«Пацифизм» Бриана заключается в том, что он великолепно понимает, что Франция одна не в силах защитить Версальский мир. В 1922 г. он добивался того, чтобы ценой отказа от сумасшедших требований, которые Германия не в состоянии выполнить, обеспечить Франции английскую помощь.

Пуанкаре провалил тогда Бриана, ибо этот адвокат все еще надеялся, что невозможное станет возможным, раз у него буква Версальского договора. Если адвокат может при помощи одной буквы отправить на виселицу невинного человека, то ему, Пуанкаре, одному из лучших французских адвокатов, не может удаться заставить немцев, проигравших войну, делать из версальских букв золото. И Пуанкаре повел французские войска в Рурский бассейн, но не только не добыл там золота, но не сумел даже добыть уголь. Вдобавок он привел франк к стремительному падению. Пришлось искать английской и американской помощи для удержания франка от падения и для спасения

Германии от социалистической революции, которая уничтожила бы Версальский договор.

Пришли времена г. Бриана. *Локарнский* договор дал ему взамен за отказ от оккупации Рейна, который и так пришлось бы очистить через несколько лет, английскую гарантию восточных границ Франции. Но это не ликвидировало еще опасений Бриана перед неизвестным будущим. Он делает новый шаг, который должен был укрепить позицию французского империализма по отношению к Германии. Он предлагает Америке двухсторонний договор, в котором обе стороны обязуются никогда не воевать друг с другом. В переводе с пацифистского языка на деловой это означает, что, получив от Англии признание восточной границы Франции, Бриан пытался добиться американского нейтралитета на случай войны с Германией, обещая взамен французский нейтралитет на случай войны САСШ с Англией. Но аппетит американского империализма соответствует его материальным силам. Он не признает нейтралитета в случае, если он будет воевать. Если дядя Сам будет воевать, то это понятно будет самая священная война за все блага человечества, и тогда Франция обязана воевать на стороне Америки. Но для такого договора время еще не пришло, и поэтому *Келлог* ответил любезным предложением заключить общий договор, по которому «все честные люди и государства самым решительным образом отказываются от войны, как орудия национальной политики». Договор Келлога был принят с кислой миной и английским империализмом, заявившим, что этот отказ понятно не касается колониальных стран.

Принял американское предложение и французский империализм, заявивший, что договор не касается тех войн, которые Франция, может быть, будет принуждена вести для проведения в жизнь обязательств, принятых ею по отношению к ее чистым, как агнец, союзникам, т. е. войн в защиту Версальского мира.

Четвертое по счету, считая выступление в Каннах первым пацифистским выступлением г. Бриана, это — его проект создания *пан-Европы*. Этот проект расшифрован всеми прошедшими самый скромный курс политграмоты, как попытка увековечить Версаль и подчинить на основе

этого договора французскому империализму всю капиталистическую Европу, как базу для самостоятельной империалистической политики Франции по отношению к английской империи, североамериканскому империализму и СССР.

Таким образом Бриан представляет *не просто политику сохранения Версальского договора. Он пытается на его основе собрать в кулак Европу для борьбы за французскую мировую империю.* Хотя у г. Бриана помятые штаны, милейшая улыбка, мягчайший голос и вместо наполеоновской треуголки котелок или мягкая шляпа, над ним реют наполеоновские орлы. О лучшем слуге французский империализм не может и мечтать.

Это великолепно знают закулисные заправилы французского империализма, и поэтому Бриан имеет поддержку не только «левого» короля финансового капитала Ораса *Финали*, но и руководителя Комите де Форж Рибо, этих действительных капитанов французского империалистского корабля. Если на Бриана рычат «королевские молодцы», если его разоблачает герольд генерального штаба Пертинакс, то Бриан, хорошо знающий, где раки зимуют, весело щурит глаз и говорит начальнику своего штаба — умнице Бертело: Хорошо, что они рычат, как тигры, а не поют, как соловьи. Наши немцы скажут: надо делать уступки Бриану, а то придется иметь дело с дикими людьми.

Это не означает, что Бриан сговаривается с Пертинаксом, как тому рычать. История не всегда делается так просто, как фильм, и далеко не исключена возможность, что какой-нибудь роялистский дурак, поверивший воплям «Аксион франсез», когда-нибудь попытается ухлопать почтенного пацифиста, защитника Версальского мира. Такие ошибки бывают и на сцене. Но простой факт, что французские правые даже при парламентских спектаклях никогда не оказывают полной поддержки Франклен-Буйонам и Маренам, требующим немецкой крови, показывает, что французский империализм не сможет выступать без всякого прикрытия и что ему нужен пацифистский фасад Бриана, который не мешает в случае необходимости поднимать французский военный флаг.

Будет ли Бриан президентом, или нет, это не изменит французской внешней политики. Не изменил бы ее и г. Тардье, заняв место Бриана на Орсейской набережной, ибо не г. Бриан, несмотря на все его красноречие, диктует политику французскому империализму, а французский империализм прикрывается г. Брианом, когда ему это нужно. Если в Германии были честные иллюзии насчет Бриана, то он постарался их рассеять своей кандидатской речью в палате, в которой сказал Германии: Если вы, господа, считали, что Локарно должно усилить *германский капитализм*, то вы немного ошиблись. Моя политика должна была усилить *французский империализм*, и я не намерен от этого отступать ни на сантиметр.

Бриану, понятно, было неприятно перед пан-европейской конференцией, перед конференцией по разоружению говорить такие определенные речи, ибо уже другим мастером дипломатии, стариком Дизраели, установлено, что «определенность — не язык политики». Но в том-то и трудность политики Бриана в данном положении, что *обстановка заставляет говорить определенным языком*. Экономический кризис заставляет все капиталистические державы следовать лозунгу: «Спасайся, кто может и как может!» И Гувер принужден был грубо сказать собравшимся в Вашингтоне на международную конференцию торговых палат представителям мирового капитализма, что Америка не намерена отпустить им ни одной копейки, и если у них нет денег, то пусть они откажутся от вооружений.

Германия в поисках выхода из экономического кризиса метнулась на юго-восток Европы, куда направляется теперь вывоз французского капитала. Таможенный договор с Австрией только мостик к юго-востоку.

Франция отвечает Германии: Ни шага по этому направлению,— там должны пить воду мои кони!

Быть может, это обострение положения заставляет французскую буржуазию отказаться от мягкого голоса и мягких манер г. Бриана и послать его в Елисейский дворец. Сам Бриан в свое время, когда услышал о кандидатуре в президенты республики Клемансо, сказал: «Что же, это *гражданские похороны* в Елисейском дворце». Но если французский империализм придет к убеждению, что Бриан. именно потому, что он имеет марку пацифиста, бу-

дет пригоден более, чем другие, для нажима на Германию, и оставит его на посту министра иностранных дел, то все увидят, что прав был английский публицист, который писал недавно: «Бриан внес в послевоенную политику не другую субстанцию, а другую манеру».

Искатели «живого человека» в политике ломают себе голову над тем, искренен ли Бриан, или не искренен, хотя, как известно, даже у девушек искренность не играет главной роли.

Бриан корнями своими уходит в городскую мелкую буржуазию. Она не может противопоставить империалистской политике никакой другой. Где тот французский мелкий буржуа, который согласился бы отказаться от стремления «к величию Франции», т. е. к господству французского империализма над Европой.

Понятно, когда стремление к этому величию рождает войну, то мелкая буржуазия бросается от слез и вздохов — их олицетворяет г. Бриан — к отчаянию, выразителем которого был Клемансо. Но и слезы не помогают — надо драться, и Брианам приходится играть роли Клемансо. Играл же эту роль Бриан во время Вердена. Разберите после этого, что более свойственно г. Бриану: героический тенор или лирический? Но тот факт, что такой вопрос могут задавать взрослые люди, показывает, что с точки зрения буржуазии нет цены Брианам, ибо «искренний» пацифист или такой, которого считают искренним, это просто клад во время подготовки империалистской войны.

Май 1931 г.

НАПОЛЕОН БОРЕТСЯ ЗА МИР

Французские выборы проходят довольно вяло. Экономический кризис во Франции углубляется и расширяется. Он с каждым днем все более и более дает себя чувствовать всё более и более широким массам населения, но острота его еще не та, что в Америке, Англии и Германии. Поэтому он не вызвал еще того обострения классовой борьбы, которое приводит к кристаллизации двух крайних социальных флангов, ищущих выхода в двух противоположных направлениях и борющихся за решающие слои населения с величайшей страстностью. Между так называемыми правыми и левыми частями французской буржуазии различия незначительны. Победа так называемого «левого блока» не изменила бы французской политики ни в чем существенном. Это доказала победа «левого блока» в 1924 г. Он оказался неспособным провести хотя бы одну из тех реформ, которые значатся в программе буржуазного радикализма во Франции. Перед лицом мирового кризиса он был бы столь же беспомощным, как и английские консерваторы, немецкая народная партия и другие непосредственные представители финансового капитала. Лепет г. Кайо, несколько лет назад считавшийся великим человеком французского радикализма, показывает все убожество мысли так называемой «левой» французской буржуазии.

Внутренние вопросы играют главную роль во французской предвыборной кампании. Но тот факт, что во время этой кампании г. Тардье бросается очертя голову в поезд и почти каждые несколько дней совершает путешествие из Парижа в Женеву и обратно, показывает, что незави-

симо от настроения широких слоев буржуазии, мало интересующейся вопросами внешней политики, внешнеполитические противоречия не менее определяют перспективы дальнейшего развития положения во Франции, чем внутренние отношения.

Когда после обеда для 2 000 человек, на котором, по тщательному подсчету польского телеграфного агентства было съедено 2 000 кур и 360 кило гусиной печенки и выпито 3 000 бутылок вина,— выборная кампания во Франции, как видим, началась очень вкусно,— г. Тардье выступил с «великой» речью 12 апреля в Женеве, то он выступил в качестве единственного реалистического «пацифиста». Защищая тяжелые орудия, крупные танки, бомбовозы, г. Тардье доказывал, что все это он делает во имя мира. Нет закона без жандарма,— кричал г. Тардье, апеллируя к чувству собственности мелкой буржуазии, которая не представляет себе мира без жандармов.— Если вы хотите иметь мир между народами, то на страже международных законов должен тоже стоять жандарм. А так как ему придется иметь дело не с похитителями куриц, а с целыми нациями, то ему нужны тяжелые танки, тяжелая артиллерия и бомбовозы. Пусть Лига наций возьмет на себя роль этого жандарма, тогда Франция отказывается от собственного тяжелого вооружения и готова его передать Лиге наций. Франция — чемпион мира, но мира, обеспеченного международной армией, находящейся в распоряжении Лиги наций и имеющей перевес в вооружениях над национальными армиями. Г-н Тардье с большим искусством разбивал попытки провести грань между нападением и обороной. Чтобы оборона была действительной, она должна поставить себе задачу сокрушить врага, и тогда ей нужны все средства, которыми обладает нападающий. А раз нельзя делать различия между средствами обороны и средствами нападения, то нельзя уничтожить тяжелые военные средства, надо их только интернационализировать. Франция — единственная страна, имеющая конкретную интернациональную программу, программу, гарантирующую проведение в жизнь международных договоров, без сохранения и соблюдения которых нет мира.

Искусная диалектика г. Тардье, позаимствовавшего многое у Клаузевица, имеет все же большие изъяны. Если

трудно отделить средства нападения от средств обороны, если существует возможность, что некоторые страны, не считающиеся с решениями Лиги наций, могли бы тайком заводить у себя запрещенные тяжелые средства борьбы,— а это г. Тардье утверждал с известной долей правды,— то как быть с интернациональной армией? Ведь г. Тардье не предлагает собрать ее в Швейцарии с тяжелыми танками, бомбовозами и тяжелой артиллерией? Он хочет, чтобы она составлялась из определенных частей национальных армий. Где же гарантия, что в случае военной опасности какая-либо страна не захочет использовать имеющиеся у нее «на хранении» средства независимо от Лиги наций, а может быть и вопреки Лиге наций? Мы не будем говорить, о чем г. Тардье умалчивает, о том, что трудно было бы передать на хранение Лиги наций наиболее агрессивные средства морской борьбы вроде дрендоутов хотя бы по той причине, что их нельзя поместить ни в Женевском, ни в Боденском озерах. Дыра в диалектике г. Тардье показывает, что дело идет не о реальном политическом плане, а о политическом маневре, который должен, с одной стороны, доказать миролюбие Франции, а с другой — сохранить в ее руках громадные средства военного превосходства, и это превосходство должно послужить французскому империализму в качестве последнего аргумента. Французская дипломатия сердится, когда кто-нибудь говорит об опасности французского милитаризма.

— Помилуйте, мы не стремимся ни к каким новым завоеваниям. С нас достаточно труда удерживать то, что завоевано французским оружием в великой империалистической войне. Нам не нужны новые колонии, в то время, когда наши еще пустуют. Франция защищает только мир, защищает мирные договоры.

В этих заявлениях есть зерно правды. Если бы Франция могла сохранить без войны то, что она завоевала, она была бы самой мирной державой. Французский мир, это — мир насытившегося завоевателя, но в том-то и трагедия французского империализма, что Франция не может без новой войны сохранить завоеванное.

Версальский мир оторвал от Германии богатые области; он разложил на атомы всю Юго-восточную Европу; он углубил экономический кризис, переживаемый Германией

наравне со всем капиталистическим миром. Юго-восток Европы не может жить в состоянии расчленения его хозяйства. Германия не хочет и не может примириться с Версальским миром, а на страже этого Версальского мира стоят, кроме Франции, Польша, Чехо-Словакия, Югославия, Румыния, связанные с Францией тем, что каждая из них возникла за счет других наций, тем, что каждая из них имеет поэтому врагов и ищет помощи у сильного союзника. И каждый из вассалов Франции, который должен быть ей в помощь, становится камнем, тянущим Францию в омут войны.

Франция накопила миллиарды на основе выжатых из Германии репараций, активного торгового баланса и своих доходов от туристов. Эти миллиарды требуют применения. Страны Юго-восточной Европы и Польша, это — страны военной опасности. Французский рантье боится помещать туда свои капиталы. Бок-о-бок с Францией находится Германия, нуждающаяся в этих капиталах. Но нельзя усиливать Германию экономически, не усиливая этим ее политически. И французские капиталы боятся итти в Германию.

Опасность угрожает не только Версальскому миру. Она угрожает капиталам, накопленным Францией. Английский экономист Поль Айнциг в своей книге «За кулисами международных финансов» (Лондон, 1932 г.) показывает, как начали таять французские капиталы. Он указывает, что растет пассивность французского торгового баланса, что падает французский вывоз предметов роскоши, уменьшается, вследствие кризиса, поток туристов, привозящих свое золото во Францию. Он указывает на то, что Франция должна расходовать значительные средства, чтобы спасти своих вассалов от банкротства, и приходит к убеждению, что ликвидный капитал, накопленный Францией в размере около 8 млрд. руб., начинает таять такими темпами, что к концу 1933 г. в руках Франции будет не больше каких-нибудь 5 млрд. руб. Французские вооружения пожирают огромные суммы. Бюджетный дефицит заставит Францию нажать на налоговой пресс. Но забота о защите версальских завоеваний—не единственная забота французского империализма.

Он понимает великолепно, что дело не только в его

борьбе с Германией, но и в положении, в котором он очутится в тот момент, когда гиганты мировой политики — Англия и Америка — вступят в бой, когда станет в порядок дня вопрос о новом переделе мира. Французский капитализм с его колониями, огромные пространства которых не заполнены человеческим трудом и капиталом, с его морскими базами, разбросанными по Атлантическому океану и в таких стратегических пунктах, как переходы из Индийского в Тихий океан, неминуемо станет центром притяжения для борющихся сторон. И Франция, снедаемая страхом за свои завоевания в Европе и в колониях, должна думать о том, в каком она очутится положении в случае новой мировой империалистической войны.

Если она будет играть роль союзницы одного из воюющих лагерей, ей придется неминуемо стать разменной монетой по окончании войны. Все это скрыто от широких мелкобуржуазных масс, но глубоко беспокоит французскую дипломатию. Уже в момент великих побед, в момент, когда они закреплялись в Версале на бумаге мирного договора, Клемансо душили кошмары будущего. Он то мечтал о расчленении Германии, прислушиваясь к словам Фоша о необходимости завоевать левый берег Рейна, то бросался в объятия англичан и американцев, чтобы получить от них гарантию своих завоеваний. Он ее не получил. И вся послевоенная история Франции заполнена этим исканием гарантий завоеваний. Франция чувствует, что она одержала слишком большую победу, и пытается во что бы то ни стало добиться, чтобы Англия и Америка — бывшие ее союзники в войне — обязались защищать ее вновь в случае опасности. Гарантия завоеваний Франции принимает в практике французской дипломатии различные формы. То речь шла об английских и американских пактах с Францией, то о протоколе, который обязал бы Лигу наций защищать Францию,— под Лигой наций понимались в первую очередь хотя бы английские обязательства защищать границы Франции,— то выдвигается единая международная армия, идея которой сводится все к тому же — заставить другие державы оказывать вооруженную помощь Франции в случае выступления против нее какой-нибудь державы.

На ряду с созданием угрозы врагам Франции делаются попытки связать этих врагов по рукам и ногам. Бриан добивался создания Пан-Европы, т. е. организации Европы на основе полной добровольной капитуляции Германии, за что Франция финансировала бы германскую промышленность. Когда эта затея обанкротилась, г. Тардье выдвинул проект придунайской федерации, означающий стремление французского империализма окружить Германию с юго-востока.

Среди всех этих кошмарных теней, пляшущих в бессонные ночи вокруг руководителей французской политики, немалую роль играет Советский союз. Казалось бы, что положение Польши, созданной отчасти на территории, принадлежащей ранее Германии, или на территории, имеющей огромное стратегическое значение для Германии, должно было заставить Францию влиять на Польшу в направлении ее сближения с СССР, в направлении обеспечения ее восточной границы, в случае столкновения с Германией. Но на путь этой политики Франция последовательно не стала. По убеждению французских империалистов, само существование Советского союза несовместимо с существованием Версальского договора. Французские дипломаты не повторяют слов Клемансо, что надо взять Москву и Ленинград, чтобы обеспечить мир, пришедший на смену мировой войне. Но они постоянно думают об этом. Советский союз показал народам, что борьбой можно завоевать независимость от французского империализма. Французская дипломатия боится Советского союза не только потому, что она дипломатия реакционной буржуазии, но и потому, что она—дипломатия буржуазии, строящей свое господство на порабощении других народов, на насильнических мирных договорах, приговоренных историей к краху. Как Бисмарк дрожал при мысли о франко-русском союзе, так и теперь мысль о германо-русском союзе не дает спокойно спать французской дипломатии. Когда она хочет напугать строптивую Германию, она начинает играть в игру сближения с СССР, начинает вести переговоры о пакте о ненападении. В дальнейшем дело застревает. Основная линия французской дипломатии, это — линия вражды по отношению к Советскому союзу. Франция делает все, чтобы соседи Совет-

ского союза не сблизились бы с ним, не укрепили бы своих мирных отношений с ним.

Франция борется за мир, но за мир версальский. А так как фантастично, чтобы народ в 40 миллионов, не являющийся первым в промышленном смысле, господствовал над Европой, то эта борьба за Версальский мир является подготовкой к войне.

Противоречия теперешней французской политики очень напоминают положение, в котором находилась Франция начала XIX столетия. Английские историки, а вслед за ними немецкие, создали легенду о Наполеоне, как о гении войны с ненасытными завоевательными стремлениями. Сам Наполеон выступал с величайшей яростью против этого утверждения, указывая, что его всегда принуждали хвататься за оружие. История наполеоновской эпохи, изученная с экономической точки зрения, полностью подтверждает это утверждение Наполеона. От истории континентальной блокады Кизельбаха до истории континентальной блокады Тарле и Пецан накопился громадный материал, который позволяет оценить политику Наполеона, как политику, которая, по словам марксистского историка Франца Меринга, по крайней мере с 1804 г. стремилась к миру, но не могла его достигнуть. Франция наполеоновских времен накопила в борьбе с своими врагами столько завоеваний, что решался вопрос, кто будет гегемоном развивающейся капиталистической Европы — английский капитал или французский, взращенный на полях сражений наполеоновских войн. Французский капитализм хотел довольствоваться завоеваниями, но он должен был организовать блокаду Англии, он должен был организовать континентальную блокаду, направленную против Англии, которая разорвала его союз с Россией и толкнула его на авантюристический поход на Москву, надорвавший силы наполеоновской Франции. Вопрос не в том, хотел ли Наполеон после 1804 г. войны. Он хотел мира, но он хотел его на основе сохранения своих завоеваний, которые не позволяли молодому промышленному капитализму Англии, растущему на дрожжах индустриальной революции, экономически подчинить себе континент. Поэтому Наполеон был принужден итти дальше и даль-

ше. Поэтому его стремление к миру не могло увенчаться успехом, поэтому он должен был заливать Европу кровью.

Капиталистические враги империалистической Франции не стоят экономически выше, чем Франция. Но они сильнее ее. Америка сильнее Франции своей техникой, размерами и богатством. Англия в промышленном отношении сильнее Франции и не беднее ее накопленными ресурсами, несмотря на бешеный кризис, треплющий ее хозяйство. Германия сильнее Франции массами населения и промышленностью. Развитие рынков не идет в ногу с развитием производительных сил. Кто-то должен быть вытеснен.

Самая могущественная капиталистическая держава — САСШ — не имеет морских баз, необходимых для того, чтобы дать возможность развернуться своему флоту, а Франция их имеет. Это неминуемо приведет к новому переделу мира. Как будут тогда держаться народы, притесняемые Францией, как будет тогда держаться Италия, зарящаяся на французские колонии? Ответа на этот вопрос Франция не находит, и вся ее политика, это — стремление найти гарантию против неблагоприятного ответа, который может дать история.

Советский союз стоит в стороне от драки империалистических держав, он не связан ни с одной из них. Он не заключает договоров, направленных против интересов народных масс каких бы то ни было наций.

Но есть капиталистические державы, делающие все, чтобы бросить на советскую землю факел войны и разрушить великую стройку, воздвигнутую народными массами Советского союза, и есть страны, не ставящие себе этих целей по крайней мере на данном отрезке времени, ищущие мира с Советским союзом. Само собою понятно, Советский союз не может не делать различия между капиталистическими странами именно на основе их отношения к нему. Всякая страна держит в своих собственных руках решение вопроса об отношении к ней Советского союза. Французский империализм ведет политику, которая не может кончиться ничем, кроме краха. Он сегодня в апогее своих сил, он может потрясти весь мир, как может его потрясти Япония. Он может ввергнуть весь мир в новую мировую войну, как может ее вызвать и Япония.

Он может выиграть битву, но он не может выиграть войны против истории. И от французского империализма зависит, будет ли СССР заинтересован в том, чтобы помочь его гибели.

Наполеон относился с величайшим презрением к царской России, но ему пришлось в первый раз именно в сражении с ней у Прейсиш-Эйлау 8 февраля 1807 г. убедиться в громадной силе российского народа даже тогда, когда он был мобилизован царизмом. Ему пришлось в борьбе с самой варварской тогда нацией — с Россией — пережить Березину. Несмотря на царизм, даже под его железным игом народные массы России были громадной силой. Царизм исчез, революция расковала исполинские силы, таящиеся в народных массах бывшей царской империи.

Наполеоновская Франция представляла по сравнению с царской Россией прогресс, но борьба с громадными силами даже реакционной царской России сыграла немалую роль в разгроме Наполеона. Советский союз по сравнению с современной империалистической Францией объединяет силу нового общественного принципа и громадной массы. Верные сыновья Октябрьской революции развернут в случае нападения на Советский союз такую энергию, которая удивит весь мир во сто крат больше, чем во времена первой интервенции. Они будут черпать эту силу из завоеваний революции, из великих ее индустриальных достижений.

Французский империализм, играющий с вопросом о мире, делающий вопрос о мире игрушкой превратности меняющихся политических конъюнктур и предметом дипломатических маневров, совершает величайшую ошибку — ошибку недооценки сил противника. Объективно в его интересах, чтобы растущий советский гигант не ответил на слова Клемансо «Нет мира без уничтожения Москвы» словами «Нет мира без гибели французского империализма».

Все заявления французской дипломатии о ее мирных намерениях, все лихорадочные попытки французской дипломатии забаррикадироваться документами, которые должны быть основой французской гегемонии, это — постройка карточных домиков. Их разрушит вихрь истории,

а Советский союз есть и будет, ибо он — организация десятков миллионов масс, сбросивших иго царизма и буржуазии, окрепших в гражданской борьбе за новый строй. Трудности Советского союза, это — трудности гиганта, выкорчевывающего старый мир и строящего новый. Затруднения Советского союза, это — затруднения великих работ; затруднения французского империализма, это—тупик, из которого французский империализм может пытаться найти выход при помощи динамита, но динамит этот взорвет тишину и спокойствие, обманчиво характеризующие теперешнее положение Франции.

Май 1932 г.

БРЮНИНГ— ПАУК У ПУЛЕМЕТА

«Это лучший рейхсканцлер после Бисмарка» — такую оценку дал Брюнингу Ольденбург фон Янушау, старый юнкер, собутыльник кронпринца, прославившийся в предвоенное время заявлением, что для разгона парламента ему нужен только поручик и десять солдат.

Брюнинг — идеальный рейхсканцлер старого прусского юнкера — является одновременно «меньшим злом» для германских социал-фашистов, которые оказывают ему поддержку во имя того, чтобы избежать... необходимости поддерживать Гитлера.

Что такое Брюнинг? Революционные рабочие ответят просто: Брюнинг — это уменьшение помощи безработным, это уменьшение помощи инвалидам, это невиданный рост таможенных пошлин, удорожающих жизнь народных масс, Брюнинг — это увеличение репрессий против революционного движения, Брюнинг — это новые налоги, Брюнинг — это диктаторские декреты.

— Брюнинг,— отвечают социал-демократы,— это сохранение парламента, это сохранение легальности «разумного» рабочего движения, это переговоры с социал-демократией и профсоюзами, это отказ от фашистской диктатуры, при которой, по обещанию Гитлера, головы должны лететь на плаху.

Биографию Брюнинга нельзя найти в общих политических справочниках почти до 1928 г. Но когда г. Брюнинг и появился у руля правления, биографы его смогли рассказать о нем только несколько сухих фактов. Но кто знает политическую историю Германии, ее внутренний механизм, для того расшифровка этих фактов даст достаточно материала для политического портрета четвер-

того рейхсканцлера, которого дала партия католического центра Германии.

Название «центрум», т. е. середина, указывает на желание партии, из которой вышел Брюнинг, быть чем-то вроде посредника между полярными силами германской политики.

Центр объединяет помещиков, крупных промышленников с мелкой буржуазией и миллионы отрядов католических рабочих. Он является единственной открыто буржуазной партией, которая сумела сохранить, пройдя через все потрясения послевоенной истории, не только свои основные кадры, но и свою постоянную периферию. В прошлом католический центр представлял собой компромисс помещичьих и промышленно-капиталистических интересов, все-таки он требовал умеренной социальной реформы. После войны, оставаясь партией реакции, он не вел монархической агитации, подчеркивал свое примирение с республикой, выдвигая даже своего представителя *Маркса* как республиканскую кандидатуру, противопоставленную кандидатуре Гинденбурга — представителя старой Германии. А в моменты, когда казалось, что националистические силы Германии идут на штурм, центр принимал участие своим левым крылом в защите буржуазной республики, выдвигая на пост рейхсканцлера *Вирта*, который клялся, что в боях с контрреволюцией место его — на стороне рабочего класса.

Но «центрум» не просто середина буржуазной Германии. Он — *католическая* его середина. Он представляет собой католическое меньшинство, меньшинство, в прошлом боровшееся против протестантского большинства, меньшинство, представлявшее в прошлом центробежные тенденции, отпор против унитаристических, централизующих сил капитализма. Связанный с Римом, с папским престолом, «центр» был в глазах протестантской мещанской массы представителем ультрамонтанных стремлений, т. е. стремлений, которые делали политику его зависимой от интересов, находящихся «за горами», от интересов такой международной организации, какой является папский престол. Поэтому ему очень трудно было играть роль действительного центра германской буржуазной политики. Только тот факт, что центр сохранил — один из всех бур-

жуазных партий — какую-то народную массу, выдвинул его теперь во главу германской буржуазии.

И вот, рейхсканцлер Брюнинг происходит из буржуазной католической семьи, издавна идущей с католическим центром. Он впитал в себя не только политические традиции этой реакционной партии, но и ее мировоззрение. Изучая общественные науки, он не только восхищался Платоном, которого идеал — правительство мудрецов — он переводил по-своему в правительство попов, но изучал св. Августина и других не менее современных основоположников клерикального мировоззрения.

История католического центра научила многому г. Брюнинга. Объединить учение средневекового отца церкви со службой монополистическому капиталу дело не лёгкое, но г. Брюнинг учился не только искусству умственной эквилибристики. В мировой войне он принимал участие в качестве командира пулеметного отряда. Школа эта была немаловажной в развитии этого государственного мужа. В ней он, интеллигент, долженствующий презирать «мамонизм», современное господство денег, учился во имя любви к ближнему сидеть у пулемета, держать нервы в руках, подпускать врага на расстояние, с которого лучше всего скосить его пулеметным огнем. Служба пулеметчика, а тем более служба пулеметного командира требует больше выдержки, больше хладнокровия, чем служба артиллериста, действующего на дальние расстояния, и чем служба пехотинца, который должен опьянеть, чтобы броситься в последний рукопашный бой.

Вернувшись с войны, г. Брюнинг занимает руководящий пост в католическом профессиональном движении. Этот пост был всегда очень трудным, ибо он требовал умения тонко защищать интересы капитала при сохранении видимости защиты интересов рабочих. Он был особенно трудным в революционное время, когда волна революционных настроений захлестывала даже католических рабочих и заставляла их выдвигать требование социализации. Среди католических рабочих,— писала весной 1919 г. «Фоссише цейтунг»,— настроение, мало чем отличающееся от настроения коммунистических горняков. Они вспомнили все коммунистические места из Ветхого и Нового Завета. Тут положение требовало не просто выждать приближе-

ния врага и открыть по нем огонь, тут надо было уметь итти с рабочей католической массой до известной грани и предать ее так, чтобы ее при этом не потерять, суметь в момент предательства повернуть ее. Все искусство умственного лавирования должно было объединиться с искусством пулеметчика на самой высокой ступени, на ступени маневрирования с массами. Стратегия католического попа, бесприрывно, спокойно ткущего свою паутину вокруг жертвы, объединилась с решительностью командира пулеметного отряда, провозглашающего «Огонь!» в решительный момент.

Паук у пулемета был избран в парламент. Пауки-пулеметчики не любят больших речей, не любят света прожекторов. Г. Брюнинг ткет свою паутину за кулисами германской политики, работает в парламентских комиссиях, принимает участие в переговорах партии. Он первый помощник прелата *Кааса*, главного вождя католического центра. Прелат *Каас* не может представлять католической партии в ее роли руководящей партии германской буржуазии. Трудно поставить во главе протестантской Германии католического попа в черной рясе. Но Брюнинг — не просто гражданское орудие церкви, к которому церковь обращается, когда надо сжигать на костре еретика. Он сам по своему мировоззрению человек церкви в сто раз больше, чем юрист, человек параграфов, бывший католический рейхсканцлер Маркс, или чем жизнерадостный, любящий поесть, попить и поспекулировать южанин, бывший рейхсканцлер *Вирт*. Этот молчаливый человек, скрывающий глаза за очками, выслушивающий молчаливо представителей других партий, капиталистических организаций, как поп на исповеди, носит рясу, одетую на душу.

Идеал Брюнинга лежит в прошлом. Понятно, дело идет не о библейском прошлом, а о прошлом господствующих в Германии классов. Все германские контрреволюционеры заявляют, что они не реакционеры, что возврата к прошлому нет.

Даже *Гитлер* прокламировал не возвращение к вильгельмовской империи, а выдвинул лозунг «Третьей империи».

На деле господство германского фашизма отличалось бы от восстановления господства гогенцоллерновской монар-

хии в основном тем, что революционное рабочее движение было бы при фашизме лишено той ограниченной свободы, которой пользовалось в известной мере в эпоху поднимающегося капитализма, во времена Вильгельма II. *Г. Брюнинг поставил себе задачу восстановить старый блок господствовавших в Германии слоев и классов на парламентской почве.*

Католическая церковь, имеющая дело с громадными еще народными массами, знает, как опасно полагаться только на силу оружия. Она предпочитает опутать массы паутиной лжи, суеверий, связать их изнутри и прибегает к оружию только при крайней необходимости: видимость парламентского, демократического режима, позволяющего силам капитала, силам реакции делать свое дело, но оставляющего массам иллюзии демократии, католическая церковь и ее партия в Германии ценят высоко. И зачем отказываться от видимости парламентаризма, если блок помещиков, капиталистов и попов позволит создать парламентское большинство для реакционной политики? Наконец, католическая церковь, которая не может уже пытаться восстановить господство церкви над государством, за что она боролась в средние века, не хочет признать безусловного подчинения фашистской диктатуре, пытается руководить самостоятельно всеми проявлениями жизни. Поэтому католическая партия «Популяри» в Италии долго боролась тихой сапой против диктатуры фашизма, за что вождь ее *Стурдо* и находится в изгнании. Побежденный итальянским фашизмом, папа римский пошел на капитуляцию, но достаточно было полугода, чтобы стало ясно, что массовая католическая организация «Аццione каттолика» ведет тихую работу против фашизма и приготовляется к роли руководителя буржуазной Италии на случай его провала. В католической Италии пришли снова к открытому конфликту между обоими орудиями контрреволюции: между фашизмом и церковью. Чего ожидать католическому центру в протестантской Германии, где фашизм сможет опереться на вековые антикатолические предрассудки?

Во главе объединенного блока бывших господствующих партий *Брюнинг* надеялся поставить в порядок дня ревизию Версальского мира, без потрясений продвинуть вперед дело восстановления германского империализма.

Но, как хорошо ни работал католический паук, работа его не увенчалась успехом. Это была очень искусственная работа. Командир пулеметного отряда, фронтовик действовал *из-за спины Гинденбурга* — идола старой Германии. *Тревиранус* — морской офицер, доверенный Гинденбурга, получил задачу перетянуть в ряды правительства национальную партию, партию юнкеров, объединившую вокруг себя при помощи националистической пропаганды значительную часть городской мелкой буржуазии, руководящую «стальным шлемом» — самой массовой националистической организацией Германии. Высокие аграрные пошлины, проводимые правительством Брюнинга, должны были разжечь аппетиты юнкеров к государственному пирогу.

Эта игра провалилась. Национальная партия с Гугенбергом во главе отклонила предложения Брюнинга войти в правительственный блок. Если бы она приняла в нем участие, она должна была бы признать Версальский договор и все тяготы, из него вытекающие. Но ведь борьбой против Версальского договора они завоевали миллионные городские мелкобуржуазные массы. Высокие пошлины на сельскохозяйственные продукты? Ведь они их получают потому, что правительство их боится,— Гугенберг отклонил сделку. Отколовшаяся от национальной партии группа Тревирануса, которая должна была на выборах разбить Гугенберга, сама была наголову бита. Выборы 10 сентября 1930 г. дали победу двум крайним крылам: коммунистам, открыто стремящимся к пролетарской диктатуре, и национал-социалистам, стремящимся к финансовой диктатуре.

Г. Брюнинг проиграл сражение. Но он не растерялся. Он уехал в отпуск, чтобы подумать, как быть: итти на сделку с гитлеровцами? Но это означает опасность вызвать внешне-политическую катастрофу, которая может потянуть за собой внутреннюю.

Шесть миллионов мелких буржуа, тяжело страдающих от экономического кризиса, будут ведь добиваться всяких ярких жестов против Версаля, всяких «нерассудительных» экономических мер, от которых они ожидают улучшения своего положения. Понятно, не так страшен чорт, как его малюют.— этот Гитлер. Он скромно кушает из рук Тиссенов, Штраусов — королей угля и биржи. Но сумеет ли

он повернуть идущую за ним мелкобуржуазную массу, сумеет ли он заставить ее отказаться от мелкобуржуазного радикализма и всех других благоглупостей?

Брюнинг пришел к убеждению, что это было бы чересчур опасной игрой. Он, видно, думал, как заявила «*Дейче Бергверксцейтунг*» — руководящий орган немецкой тяжелой промышленности, что лучше иметь дело с социал-демократами, которые обломали себе уже рога своего радикализма, опираться на дисциплинированную массу их избирателей, слушающую своих вождей, чем обучать Гитлера в практической школе ответственности, учить его перестать бросать всякие неответственные требования в массу. Брюнинг решает не впускать в правительство Гитлера и создать себе парламентское большинство из католического центра народной партии, партии тяжелой промышленности, при поддержке социал-демократии. Эта поддержка, без которой Брюнингу нельзя было бы сохранить видимость парламентского режима, не требует со стороны правительства никаких больших жертв. Социал-демократия пойдет на все мероприятия, требуемые монополистским капиталом, если эти мероприятия не будут носить на себе открытой фашистской эмблемы. Она согласится на ликвидацию, шаг за шагом, социального страхования. Она согласится на самые крутые полицейские меры против народных масс. Ведь социал-демократия воспитала целую династию полицейских директоров и министров внутренних дел — лучших специалистов по применению всех мер насилия против рабочего класса. Ведь никогда же юнкер фон-Ягов при Вильгельме не смел стрелять 1 мая по берлинским демонстрантам, а социал-демократ Цергибель устроил кровавую бойню в сердце рабочего Берлина — в Веддинге.

Г. Брюнинг не достиг своей цели восстановления старого предвоенного правительственного блока из представителей крупного капитала и помещиков. Но он удержался у власти, жертвуя временно парламентской генеральной линией в пользу очень реальной цели спасения буржуазии от крупных потрясений. В своей политике он получил полнейшую поддержку Гинденбурга, который тоже предпочел бы спасать капитализм, опираясь на парламентскую гвардию своих старых друзей — консервативных юнкеров и

националистских заводчиков, чем на смесь масс, которые состоят из социал-демократии и католического центра. Но, что невозможно, то невозможно,— а ведь и социал-демократы защищают капитализм. То, что от них немного несет запахом бывшей революционной партии, с этим надо мириться.

И началась *диктатура Брюнинга*. Парламент не собирался, правительство выпускает за подписью Гинденбурга и Брюнинга декреты, регулирующие все и вся, и можно было бы сказать, варьируя слова Гейне, что если хорошо присмотреться к делу, то оказывается, что Германии нужен парламент и демократия, как собаке пятая нога. Когда парламент собрался, чтобы отклонить или принять в окончательном виде диктаторские декреты Гинденбурга и Брюнинга, социал-демократы собрали парламентскую фракцию и заявили с мрачной миной: не имеем никакой причины любить Брюнинга, правительство его не только не отвечает нашим идеалам, но совсем наоборот. Но что же вы хотите? Провалить Брюнинга, который оставляет несколько тысяч социал-демократических чиновников на их постах, не трогая никого, и открыть путь к власти Гитлеру? Когда на социал-демократическом съезде делегат «левой» социал-демократической «оппозиции» Экштейн попросил указать ему, чем же отличается правительство Брюнинга от фашистского правительства, когда оно взваливает все экономические тяжести на рабочий класс и мелкую буржуазию, когда оно взялось за ликвидацию всех социальных завоеваний пролетариата, когда оно уничтожило все права парламента, ему ответили: «Оно отличается тем, что вы здесь имеете право против него выступать, а Гитлер посадил бы вас в тюрьму». В переводе на простой язык ответ означает, что социал-демократия согласна с фашистской политикой, если только ей позволят принимать участие в проведении ее в жизнь.

Но растущий экономический кризис, приведший к громадному бюджетному дефициту в 1 млрд. 700 млн. марок, поставивший под сомнение возможность уплаты репараций, сразу показал всю *неустойчивость брюнинговской диктатуры*. Все старания заштопать дыру в бюджете привели к тому, что оказалось нужным взвалить на народные массы новые громадные тяготы. Но еще не успела высох-

нуть краска на декретах о новых тяготах, как положение обострилось так, что правительство Брюнинга должно было подумать об освобождении себя от обязанности уплачивать репарации. Для этого оно нуждалось в поддержке по крайней мере Англии и Америки, ибо ясно было, что французский империализм использует экономические затруднения германской буржуазии, чтобы отбить у нее охоту не только стремиться к ревизии Версальского договора, но и говорить о ней. Последовало свидание в Чеккерсе, униженное послание Гинденбурга к Гуверу, гуверовское предложение годичной отсрочки. Но все это не помогло. То, что сдержало Германию от просьбы предоставить ей мораторium, а именно боязнь потрясения доверия к стабильности германской экономики, наступило в полной мере. Не только иностранный капитал начал отзывать свои деньги, предоставленные Германии в виде краткосрочных займов, но и сама немецкая буржуазия начала лихорадочно обращать в валюту немецкие деньги и вывозить ее за границу. Затряслись основы германского капитализма.

Экономический механизм этих потрясений был очень прост. Немецкая промышленность работает с нагрузкой в 30—50 проц. Не выполняя своего промфинплана, она не в состоянии уплатить процентов от основного капитала, предоставленного ей банками, этими регуляторами монополистического капитализма. Промышленный кризис вызвал таким образом не только кризис финансов и государства, но кризис руководящих банков, т. е. финансовый кризис промышленности. Крах Данатбанка — это первый раскат грома. Другие банки находятся тоже в очень напряженном положении. Попытка спасти положение взваливанием нового бремени на народные массы ничего не может дать. Общий штурм на положение рабочего класса, ухудшившееся на 30 проц. по сравнению с предвоенным, неминуемо привел бы к революционным событиям. Есть мера терпения народных масс. Поэтому, взваливая все, что можно, на народные массы, связывая их по рукам и ногам, запрещая собрания, уличные демонстрации, закрывая одну коммунистическую газету за другой, Брюнинг должен был искать отдушину за границей. Уже недостаточно было добиваться отсрочки платежей. Дело идет о миллиардах новых

долгосрочных займов, без которых немецкому капитализму угрожает крах.

Но тут наступило то, чего надо было ожидать. Франция поставила вопрос о ликвидации всего антиверсальского курса националистической части германской буржуазии.— Нельзя одной рукой грозить мечом, а другой просить займов у того, кому грозишь,— писал Зауэрвейн. Франция потребовала не только залогов под одолженные деньги, но и контроля над немецкими финансами. Она потребовала обязательства Германии в продолжение 10 лет не ставить никаких вопросов о ревизии какой бы то ни было части Версальского договора. Поставила ли Франция это требование официально или неофициально, ничуть не меняет положения. Часть этих требований основана на объективном положении дел. Если немецкие капиталисты увозят деньги за границу, как можно ожидать, чтобы заграница дала займы, не потребовав залогов? А если иностранный капитал вложит в Германию новые миллиарды, то как же может не увеличиться его влияние на всю внешнюю политику Германии?

В момент, когда мы пишем эту статью, неизвестно, получит ли Германия заем или нет, неизвестно, чем кончатся переговоры, как будут сформулированы требования международного финансового капитала, удастся ли германским дипломатам выторговать одну или другую скидку путем использования противоречий между Америкой, Францией и Англией. Все победы, которые может ожидать германская дипломатия, могут касаться только частностей. В основном германская буржуазия стоит перед выбором: *или отказаться от займов или взамен за заем пойти на фактическое ухудшение того положения, которого она добилась после Дауэсовского договора, а тем более за последние годы*, когда казалось, что она снова начинает играть самостоятельную роль в политике. Может ли германская буржуазия отказаться хотя бы временно от иностранных займов? Нет, не может, ибо тогда ей пришлось бы вступить на путь инфляции или же поднять внутреннее обложение имущих классов Германии до английских размеров. Путь инфляции понравился бы германским промышленникам, ибо позволил бы им без открытой фронтовой атаки на рабочий класс уменьшить наполовину и без того нищенскую

заработную плату и, понизив себестоимость продукции, начать при помощи демпинга борьбу за мировой рынок. Но другие капиталистические страны ответили бы на это репрессиями. Путь повышения налогового обложения буржуазии уменьшил бы источники накопления, заставил бы еще более сворачивать промышленность. В конце инфляционного пути и повышения налогового бремени для буржуазии лежит громадное обострение внутренних противоречий. Инфляция довела бы положение немецкого рабочего до положения китайского кули. Сворачивание промышленности удвоило бы безработицу. Этим путем Германия пришла бы к социальному взрыву. Другой путь, путь капитуляции, означает увеличение внутреннего бремени, демонстрирование мелкобуржуазной массе, что правительство Брюнинга является правительственным агентом иностранного капитала, выжимающим все соки из германских народных масс для удовлетворения мировой биржи. Этот путь неминуемо обострит не только борьбу рабочего класса с правительством Брюнинга, но и противопоставит Брюнингу националистские массы Германии с такой остротой, что это будет угрожать существованию правительства Брюнинга.

На двух столпах держится диктатура Брюнинга. На *рейхсвере* — организованной вооруженной силе германского капитала, задача которой — с оружием в руках держать в повиновении народные массы. Второй столп диктатуры Брюнинга, это — *социал-демократия*, которая пугает массы тем, что правительство Брюнинга может уступить место еще более плохому правительству, и этим связывает рождающуюся революционную энергию масс. Путь капитуляции перед иностранным капиталом будет требовать с каждым днем новых жертв от народных масс и поставит перед ними вопрос, могут ли эти жертвы быть еще увеличены другим правительством. Уже теперь умные буржуазные газеты указывают, что буржуазия требует чрезвычайно много от социал-демократов, требуя от нее согласия на те жертвы, которые правительство Брюнинга накладывает на массы. Под новыми тяготами социал-демократия может сломаться, стать непригодной для буржуазии вследствие отхода от нее рабочих масс. Политика капитуляции перед

иностранным капиталом взрывает и вторую опору правительства Брюнинга — рейхсвер — внутри. Рейхсвер — наемная армия. Но было бы смешно думать, что она не связана ни с какими социальными слоями, что она не отражает никаких процессов, происходящих в народных массах. Она была создана — как орудие не только борьбы с рабочим классом, но и как орудие борьбы против версальских цепей. В этом духе она воспитывалась. Ее офицерский корпус представляет собой основное ядро немецкого национализма. Она политически более дисциплинирована, чем масса гитлеровцев. Она более, чем эта масса, понимает всю тяжесть нынешнего положения, в котором находится германская буржуазия. Генерал Гренер, военный министр Германии, генерал Экфорт фон-Гаммерштейн, командующий рейхсвером, генерал Шлейхер, помощник Гаммерштейна, доказали это в 1918 г., принадлежа к ядру офицерства, пошедшего, несмотря на свой монархизм, на службу к республике, чтобы спасать буржуазию и создавать орудие для будущей войны-реванша.

Но если они перейдут предел того, что может понять рядовой националистский офицер, такие явления, как отказ в повиновении поручика Шерингера, восставшего против старого генералитета во имя национализма, перешедшего из ненависти к Версалю на сторону коммунистов, могут охватить значительные слои офицерства.

Смысл политики Брюнинга состоял в попытке восстановления блока господствовавших перед войной классов, возвращения германской политики на старые предвоенные рельсы. Это должно было дать возможность осторожно, но беспрерывно развертывать борьбу против Версальского договора. Правительство Брюнинга по очереди ставило в порядок дня вопросы о ревизии польско-немецкой границы, об объединении с Австрией, об усилении германского вооружения, о ликвидации репараций.

Первая цель — восстановление правительственного блока старых господствовавших слоев,— оказалась иллюзией. Если Брюнинг держится поддержкой, хотя бы пассивной, известных масс, то эти массы поставляют ему католический центр и социал-демократия из рядов рабочей аристократии и части мелкой буржуазии. Помещики борются с правительством Брюнинга, вымогая от него с каждым днем

все новые уступки. Тяжелая промышленность не решилась играть ва-банк, поставить открыто ставку на гитлеровцев. Но она не доверяет правительству Брюнинга, несмотря на то, что оно делает все, чтобы исполнить ее желания.

Вторая цель Брюнинга — организация наступления немецкого капитализма для ликвидации Версальского договора — кончилась грандиозным поражением. Брюнинг является уже банкротом без всякой перспективы выхода из тупика, в котором очутился германский капитализм. Он остается у власти потому, что внешняя обстановка не позволяет кадрам фашизма начать открытую борьбу за власть, и силы пролетарской революции развертываются в этой тяжелейшей международной обстановке тоже очень медленно. В социал-демократической литературе очень часто пробивается мысль, что в период, когда и контрреволюция и революция чересчур слабы для того, чтобы померяться силами в открытом бою, с надеждой на победу, приходится итти на коалицию контрреволюции и революции.

Правительство Брюнинга показывает, как в таких положениях может возникнуть диктаторское правительство, не решающееся задушить сил революции и не решающееся дать отпор фашизму. Но это правительство сидит на штыках, которые под ним колеблются. Это правительство есть олицетворение самой большой неустойчивости, какую можно себе представить. Фашист, против которого борется фашистская партия, националист, принужденный капитулировать перед иностранным капитализмом,— вот что представляет собой г. Брюнинг, это олицетворение тупика, в котором находится германская буржуазия.

Будет ли он еще у власти в момент, когда появится эта статья, или не будет, он почти сметен волной событий. Но пересядет ли он открыто на фашистскую лошадь, в этот момент нельзя предсказать.

Но очень характерно, что ничего нельзя сказать о будущих неделях человека, которого значительная часть германской буржуазной печати окружала легендами, как о человеке, призванном историей вывести буржуазию Германии из тупика. Что он ее из тупика не выведет, это единственный факт, не могущий подлежать никакому сомнению.

Август 1931 г.

ГИТЛЕР

I. РОЖДЕНИЕ МЕЛКОБУРЖУАЗНОГО ГЕРОЯ

Мелкобуржуазные слои Германии, не изжившие еще полностью демократических иллюзий, смотрят, как загипнотизированные, на рост национал-социалистического движения, смотрят, как загипнотизированные, на вождя немецких фашистов Гитлера, повторяющего им без конца монотонным голосом маниака, что он призван спасти Германию и провести ее через море фашистского террора в обетованную Третью империю. Речи Гитлера не содержат никакого экономического или политического анализа. Они не содержат никакой конкретной программы. Они, с ораторской точки зрения, представляют образчик пошлой провинциальной риторики. И, несмотря на это, буржуазная Германия слушает эти речи с затаенным дыханием. Миллионы мелких буржуа в истерике аплодируют им. Миллионы прислушиваются к ним с величайшей тревогой, как к предвестнику тягчайших бедствий.

Политические писатели всех слоев пытаются разгадать тайну: в чем же сила Гитлера, где источник его влияния? Объяснение это легко найти, если продумать биографию Гитлера, взятую не оторванно от германской истории за последние 20 лет, а как часть этой истории.

В маленьком городишке на австро-баварской границе живет маленький таможенный чиновник. Мелкий крестьянин пробился с железной энергией на мелкий чиновный пост, гарантирующий ему не роскошную, но все-таки устойчивую, спокойную жизнь. Ему ежедневно приходится счи-

таться с каждой копейкой. Ему приходится во всем экономить, но он знает, что и завтра у него будет кусок хлеба, а на старости лет — маленькая пенсия, позволяющая жить без заботы о пропитании.

Этот мало прельщающий идеал был идеалом, выше которого отец Гитлера не мог себе представить. И его мечтой было: чтобы его сынишка тоже стал чиновником. Но буйный парень мечтает о широкой, свободной жизни, он трясется, когда видит монотонную жизнь родителей, когда видит, как им приходится жить в клетке ежедневных ограничений, в полном подчинении своей воли скучному, бездушному чиновничьему аппарату. Он мечтает о свободной жизни художника, который благодаря своему таланту может подняться над уровнем серой жизни мелкой буржуазии и рабочего люда. Между отцом и сыном клокочет спор. Но вот отец помирает, помирает и мать, и юноша Гитлер, мелкий буржуа, мечтающий о большой карьере художника, не окончив гимназии, не может попасть в художественную академию, а принужден искать кусок хлеба в качестве неквалифицированного строительного рабочего.

Он отправляется в Вену с головой, набитой не только мечтами, но и всяким хламом буржуазной идеологии. Он начитался националистических книг по истории Германии. Германия — блестящий молодой герой Зигфрид, со всех сторон окруженный врагами. Франция — черный Гаген, она всегда ждала момента, чтобы вонзить молодому герою нож в спину. А что теперь угрожает Зигфриду? Вот в Австрии немцам приходится биться со «всякими славянскими народами». «Евреи отравляют дух немецкого народа». Разве этого не доказывал сто раз вождь антисемитов Люегер? Славянам и евреям помогает социал-демократия, внося в немецкую народную массу классовую борьбу.

С этой массой Гитлеру приходится встретиться самым непосредственным образом. Венские строительные рабочие — народ организованный и требуют от мелкобуржуазного сынка, попавшего на стройку, вступления в организацию. И тут начинается *первый конфликт будущего вождя фашистов с рабочими*. Ему наплевать на требования рабочих. Он не хочет быть рабочим. Он работает на стройке, как на каторге, из которой он хочет выбраться. Он — будущий свободный художник — не намерен подчиняться

рабочей дисциплине. И Гитлер не подчиняется товарищам по работе. Он с ними не разговаривает, когда они во время перерыва за скудным обедом читают социал-демократические газеты и обсуждают их. Гитлер, как собака, съедает свой нищенский обед в углу и мечтает о другом обществе, о другом окружении. С чувством глубочайшего удовлетворения он встречает момент, когда может уйти со стройки и попасть чертежником в строительную контору, где работают люди в белых воротничках, точно так же, как он, ненавидящие евреев, чехов и рабочих...

Перед войной Гитлер покидает Австрию и переезжает в Баварию. Живет он жизнью бедной богемы, состоящей из полурабочих, чертежников, маляров, которые «лезут» в художники.

Вспыхивает мировая война, и Гитлер вступает добровольцем в германскую армию. Один из историков, анализирующий темные места в биографии Гитлера, указывает, что это вступление в германскую армию очень просто объясняется тем фактом, что он раньше не отбыл воинской повинности в австрийской армии и поэтому вступление в германскую армию было только средством избавиться от неприятностей. Но как бы то ни было, не подлежит сомнению, что Гитлер идет на войну с головой, набитой всей мелкобуржуазной требухой о невиновности Германии, подвергшейся нападению, о блестящем будущем, которое сулит всему германскому народу победа, и т. д. Не подлежит сомнению, что Гитлер видит в войне возможность лично выбраться из тяжелого, безнадежного положения, в котором он находится. Если он не погибнет на войне, то может выйти в офицеры, что раскроет ему двери к лучшей жизни. Гитлер отличается на войне, но в офицеры не попадает. Ему не удается подняться выше унтера. Он возвращается с войны раненый и стоит перед крахом всех своих надежд. Германия разбита, немецкая армия распущена, и все военные лишения ничего не дали не только Германии, но и ему — Гитлеру.

Но он не чувствует еще призвания к роли спасителя германского народа. Что Гитлер делал после своего возвращения с войны — точно неизвестно. Он говорит об этом времени самым неясным образом, но одно не подлежит сомнению: он в это время борется за свое существование,

не пытаясь играть политической роли, а когда в Баварии устанавливается на короткое время советская власть, Гитлер остается в Мюнхене, не смея даже пикнуть. Только после ликвидации баварской советской власти, когда белые формируют новые части, он попадает к ним нето в роли агента разведки, нето в роли агитатора. Его посылают на рабочие собрания, после которых он должен писать отчеты для начальства, и тут впервые Гитлер узнает тайны политической пропаганды, тайны политической техники. В качестве такого разведчика он попадает на маленькое собрание сумбурно рождающейся националистической организации, ставящей себе задачей агитацию среди мелкого люда и среди рабочих. Белые организации не популярны даже среди отсталых рабочих. Они носят слишком заметный штемпель самой густопсовой реакции, штемпель организации помещичьих и буржуазных сынков. Они не умеют говорить с рабочими, с раздраженным мелкими лавочником.

И тут на этих маленьких собраниях Гитлер слышит слова об Антанте, которая повинна в разорении мелкой буржуазии, о том, что освобожденная Германия должна освободить мелкую буржуазию от бремени долгов. Тут он слышит, что нужна такая Германия, где будет устранена «еврейская власть золота» и всякий талантливый человек сумеет выбиться своими знаниями и трудом на первые посты.

Все эти мысли полностью отвечают тому, что Гитлер когда-то слышал на демагогических собраниях австрийских антисемитов. Новым является только объединение антисемитизма с национализмом. Гитлер таким образом, наконец-то, прибыл к идейной гавани. Но тот факт, что эта гавань не стала для него убежищем, а стала исходным пунктом для создания большого националистического движения, что она стала исходным пунктом для возникновения фашизма,— это является результатом *той обстановки*, которая сложилась в Германии после 1920 г., когда после короткой конъюнктуры, вызванной военным бестоварьем, начался стремительный распад хозяйства.

Германия принуждена платить репарации. Германская буржуазия платит их главным образом при помощи печатного станка. Она печатает бумажные марки и пускает их

на мировой рынок. Мелкие буржуа за границей, думая, что марка еще поднимется, покупает немецкие бумажки в надежде на будущие барыши. На инфляцию толкают правительство крупные капиталисты, руководители немецких синдикатов, ибо это дает им возможность делать большие дела. Они получают от государственного банка сотни миллионов в марках. За эти деньги они скупают заводы, имения, гостиницы, газеты, а долги платят тогда, когда марка полностью обесценилась.

Стинес является одним из главных инициаторов этой политики, которую прикрывает патриотическими фразами. Если-де марка обанкротится, то союзники получат кукиш. Расплачиваются же за эту политику рабочие и мелкобуржуазные массы. Заработная плата растет номинально, но купить на нее нечего. Городская мелкая буржуазия распродает все, что можно, чтобы прожить и прокормиться. Ее охватывает растущее беспокойство за свое будущее.

Короли железа и угля, больше всех выигрывающие на этом, великолепно умеют отвлечь от себя внимание. Они не принимают участия в правительстве находящемся в руках социал-демократии, демократов и центра. Стинес командует, но ответственность падает на Шейдемана, Эрцбергера, которых пресса Стинеса представляет массам как предателей Германии, платящих репарации врагу и поэтому несущих ответственность за все бедствия мелкой буржуазии. И националистическая пресса, финансируемая Стинесом и Гугенбергом, доказывает мелкобуржуазным массам, что политика инфляции есть политика «марксизма», ибо «марксизм» стремится, во-первых, к уничтожению мелкой буржуазии, а во-вторых, как «антинациональное» учение он является пособником врага.

Для этой агитации руководители монополистического капитализма и помещиков не только пускают в ход значительную часть купленной ими прессы, но они начинают финансировать националистические заговорщические организации, как орудие, при помощи которого давят на «демократическое» правительство, когда оно из страха перед избирателями хотя бы на момент отказывается танцовать под их дудку.

Брожение среди мелкой буржуазии является той почвой, на которой возникает на юге Германии национал-социали-

стическое движение, в ряды которого кинулся Гитлер, на севере — движение «народников», руководимое Вулле, капитаном Геннингом и графом Ревентловым.

Гитлеровская агитация, поднимающая мелкого буржуа, имеет большой успех. Ему удается не только привлекать на свои собрания в Мюнхене и других баварских городах сотни тысяч мелких буржуа, но и вербовать десятки тысяч в свои организации. Туда входит офицерская молодежь из заговорщических союзов и помогает ему создать первые штурмовые батальоны, возникающие в столкновениях с рабочими, разгоняющими гитлеровские собрания.

Этот период развития национал-социалистического движения кончается, как известно, полным крахом 9 ноября 1923 г. Этот крах заслуживает того, чтоб на нем остановиться, ибо он позволяет уяснить многое из механики гитлеровского движения, уяснить многое из тех целей, которым служит Гитлер.

Почему Гитлеру удалось пустить особенно глубокие корни в Баварии? Этого нельзя объяснять тем фактом, что ему, как австрийцу, была близка южногерманская обстановка. Дело — в переплете социально-политических отношений, существующих в Баварии, и в той роли, которую Бавария играла в программе французского империализма.

Французский империализм, не довольствуясь версальскими цепями, наложенными на Германию, пытался после войны добиться ее раздела. Влиятельные круги французской военщины и дипломатии выработали план создания из католической немецкой Австрии и католической Баварии южногерманского государства под властью баварской династии Вительсбахов. Франция держала в Баварии особого посла. В кабинете католического архиепископа Фаульгабера вели переговоры агенты французского империализма с агентами баварского кронпринца Рупрехта. Эта политика велась под лозунгом защиты баварской мелкой буржуазии от разорения ее «протестантско-еврейским» Берлином. Баварский сепаратизм видел поэтому в возникновении гитлеровского движения подмогу, несмотря на то, что Гитлер и группирующаяся вокруг него офицерня выступали с самыми яркими обвинениями против французского империализма, выступали в качестве представителей

«освободительного движения всего германского народа». Они били по Берлину, и этого было достаточно, чтобы баварский сепаратизм оказывал им помощь.

Присоединение к движению Людендорфа, пользующегося еще в кругах военщины и мелкобуржуазной интеллигенции громадным авторитетом, сделало из гитлеровского движения движение общегерманского значения, ибо националистические офицерские круги, организующиеся вокруг Гитлера и Людендорфа, льстили себя надеждой, что не они являются игрушкой в руках Вительсбахов, католической церкви и баварской буржуазии, а что наоборот, Бавария с ее вооруженными силами послужит им рычагом для завоевания Германии. Часть германской крупной буржуазии, думающая о том, что ей, быть может, придется для борьбы с нарастающим революционным движением отбросить защитное прикрытие социал-демократии, центра и демократов и продекламировать открытую диктатуру под эгидой военщины, поддерживала затеи Гитлера и Людендорфа, вела переговоры о согласовании их действий с действиями главнокомандующего рейхсвером генерала Секта.

Все эти заговоры дошли до апогея, когда в 1923 г. пришли столкновение с Францией, захват Рура, крах марки и когда в ворота Германии начала стучаться пролетарская революция.

Но в решающий момент, когда Гитлер и Людендорф, не договорившись с генералом Сектом, решили действовать по собственному почину — выступить в Баварии, подчинить себе государственную власть Баварии и ее средства и двинуться в качестве спасателей Германии от пролетарской революции на Берлин,— оказалось, что мелкий буржуа Гитлер и романтик национализма Людендорф, потерявший в сражениях последние остатки разума, оказались покинутыми и крупной буржуазией, и баварскими сепаратистами.

Крупная буржуазия, придя к убеждению, что политика инфляции исчерпалась, что разорение мелкой буржуазии и нищета пролетариата могут довести до пролетарской революции, решила капитулировать перед Францией. Ей незачем было опрокидывать Эберта и прокламировать диктатуру военщины. Эберт сам отдал полноту власти генералу

Секту и послал войска против саксонского «рабочего» правительства левых социал-демократов. Тогда Стинес выбросил в два счета своего финансового директора Мину, через которого шла связь с Людендорфом и Гитлером и другими фашистскими организациями.

Католическая церковь заявила через архиепископа Фаульгабера, что в момент капитуляции крупной немецкой буржуазии перед французским империализмом она на данной стадии не будет поддерживать тенденции к отделению Баварии от Германии.

Гитлер, заставивший руководителя баварской политики Кара налетом на его собрание присоединиться «к революционному правительству спасения Германии», на другой день был встречен в штыки баварской полицией. Демонстрации национал-социалистов были рассеяны полицейским огнем. Спасителю нации пришлось бежать из Мюнхена и очутиться за решеткой.

Это завершение первого периода развития национал-социализма показало в полном свете весь характер национал-социалистического движения.

Опираясь на мелкобуржуазные массы, оно не имело никакого самостоятельного значения. Оно было игрушкой в руках сепаратистской реакции, крупного капитала и лопнуло, как мыльный пузырь, в тот момент, когда оно перестало быть нужным крупным капиталистам.

2. НАЕМНИК МОНОПОЛИСТИЧЕСКОГО КАПИТАЛА

Придя в себя после поражения, Гитлер и его окружение сделали два вывода из случившегося. Первый состоял в осознании того, что надо создать более компактную и более упругую собственную организацию, чтобы заставить крупную буржуазию считаться с собой. Наймит, получивший пинок от хозяина, решает скопить столько сил, чтобы и хозяину пришлось с ним считаться. Второй вывод состоял в том, что все-таки *нельзя итти ни на какие авантюры против воли заправил капитализма.* Гитлер в тюрьме изживает свою детскую болезнь вспышкопускательства. Оба вывода представляют при проведении в жизнь известные противоречия, и мы увидим, как фашизм пытается их «разрешить».

Для того, чтобы создать собственную организацию, завоевать широкие массы мелкой буржуазии, прорваться в рабочие районы, нужна была безудержная *социальная демагогия*, рассчитанная на разные слои населения. Гитлеровская программа формулирует различные обещания всем этим слоям в 25 тезисах.

Она апеллирует сначала к националистическим инстинктам мелкой буржуазии. Полноправным гражданином Германии может быть только «полнокровный» немец. Версальский договор должен быть уничтожен. Германия должна получить колонии. Но ведь это — требование всех немецких националистов, не находившее достаточного отклика среди обедневшей мелкой буржуазии, а тем более среди рабочих. Гитлер украшает свою программу и социальными элементами. Государство должно создавать условия для хозяйственного процветания всех граждан.

«Если невозможно кормить все население государства, то надо выселить из Германии всех людей не немецкого происхождения».

Ну, а как же должно быть построено германское хозяйство?

«Все *нетрудовые доходы* должны быть уничтожены. Должна быть свергнута власть процента (Zinsknechtschaft). В виду неслыханных жертв кровью и имуществом, которых потребовала война от народа, надо всякое обогащение при помощи войны признать преступлением против народа. Мы требуем полной *конфискации всех военных прибылей. Мы требуем огосударствления всех уже обобществленных предприятий* (трестов). Мы требуем участия в *прибылях крупных предприятий*. Мы требуем создания *здорового среднего* сословия, его сохранения. Все *универмаги* должны быть переданы городским управлениям и сданы в аренду мелкому купечеству... Мы требуем *аграрной реформы*, отвечающей нашим национальным потребностям, создания закона, позволяющего провести *без выкупа экспроприацию земли*, необходимой для общественных целей, *уничтожения поземельной ренты* и запрета всяких спекуляций».

Эти требования фашистская пресса пропагандировала самым энергичным образом. На десятках тысяч собраний фашистские агитаторы потрясали этой программой, как

знаменем, которое должно было свидетельствовать, что они служат оплотом всего бедного люда против эксплоатации. По сегодняшний день на первой странице берлинского органа фашистской «Ангриф» значится лозунг: «*За притесненных — против эксплоататоров*».

Господа социал-демократы рука об руку с целым рядом буржуазных университетских профессоров доказывали фашистам, что нельзя же при капиталистическом строе запретить взимание процентов по займам, ибо тогда никакой капиталист займов давать не будет. Они доказывали им, что нельзя крупные предприятия, какими являются универмаги, сдать в аренду по кускам, ибо тогда пропадают весь смысл и экономическая польза универмага. Но эти аргументы, понятно, не могли уменьшить влияния национал-социалистических лозунгов на мелкую буржуазию. Универмаг вытесняет лавочника, какое же дело лавочнику до хозяйственной рациональности. Долой универмаг! А какой задолжавший ремесленник — их в Германии полтора миллиона — откажется от лозунга прекращения уплаты долгов? Что этот лозунг нашел большой отклик среди придушенного долгами крестьянства, не подлежит сомнению. Что будет после этого с капиталистическим кредитом, пусть над этим ломают себе голову капиталисты и... социал-демократы.

Демагогическая программа фашистов завоевала им большие массы разоренной мелкой буржуазии, которая после окончания инфляции оказалась нищей перед лицом стабилизации капитализма. Ее сбережения канули в пропасть вместе с германской маркой. Магазины мелкобуржуазных владельцев опустели, товар был распродан за миллиарды бумажных марок, которые потеряли всякую цену, а новые товары надо было покупать на золотую валюту.

И мы видим, что майские выборы в 1924 г. дают фашистам большую победу. Они получают около 2 миллионов голосов и 32 мандата. Фашизм появляется на политической сцене как массовая сила. Правда, на следующих выборах в декабре 1924 г. и в мае 1928 г., с временным укреплением капитализма, фашисты теряют больше половины голосов. Те слои мелкой буржуазии, которые в полосу временного капиталистического подъема улучшили свое положение (это были в первую очередь мелкие домовладельцы, ре-

месленники, зарабатывающие на ремонте фабричных изделий), отхлынули от национал-фашистов к так называемой хозяйственной партии, которая обещала защищать конкретные интересы мелкой буржуазии, не пугая ее перспективой гражданской войны. Но с момента начала кризиса, когда, как мыльный пузырь, лопнули надежды на выход германского капитализма на широкую дорогу, когда крестьянство, ремесленники, мелкое купечество буквально начали падать под гнетом налогов, когда значительная часть великой четырехмиллионной армии служащих оказалась выброшенной на улицу,— мелкая буржуазия хлынула снова массами в партию Гитлера. Гитлер и гитлеровцы начали свой триумфальный поход по всей Германии.

Наученный опытом 1923 г., Гитлер в это время работал лихорадочно не только над расширением своего влияния, но и над укреплением своей организации. После поражения 1923 г. его партия имела всего несколько тысяч членов. В 1928 г. она уже насчитывала 80 тыс. членов. Теперь национал-фашисты хвастают, что у них 900 тыс. членов и среди них — 300 тыс. участников боевых дружин. Эти цифры наверное преувеличены. Однако социал-демократия, имеющая наиболее сильные массовые организации из всех политических партий Германии, признает, что по крайней мере в провинции фашисты ее перещеголяли.

Фашистская организация очень сильно отличается от обычного типа буржуазных партийных организаций. Буржуазные партии во всем мире не имеют постоянных массовых организаций. Они имеют только политически организационные штабы и громадную прессу. В момент выборов они пускают в ход аппарат воздействия на народную массу. Помимо парламентских выборов, организация им не нужна. Буржуазные партии культивировали легенду о свободном волеизъявлении избирателей, которые, когда этого потребуют интересы «отечества», высказывают на выборах свое доверие той или другой буржуазной партии. Фашистская организация есть организация борьбы за открытую диктатуру буржуазии. Понятно, фашисты не намерены отказываться от использования всех орудий насилия, созданных капиталистическим государством. Но так как фашистская диктатура является, по словам программы Коминтерна, «террористической диктатурой крупного капитала» и

«главной задачей фашизма является разгром революционного рабочего авангарда, т. е. коммунистического слоя пролетариата и его кадрового состава», то ясно, что фашистам нужна *не выборная* политическая организация, *а военная организация*, способная наносить решительные удары массовым организациям пролетариата и не допускать позже их воссоздания. Поэтому ядром фашистских партийных организаций являются их штурмовые колонны, военные организации, подчиненные военной дисциплине, обученные методам ведения гражданской войны, готовые в каждый момент выступить с оружием в руках.

Мелкий хозяйчик, идущий за фашистами, очень любит за кружкой пива побряцать саблей, но в настоящую драку он соваться не любит, ибо, как бы ни было тяжело его положение, у него все-таки «есть что терять». Поэтому эти штурмовые организации фашистов формировались не из зажиточных крестьян, не из городских лавочников, ремесленников, а из люмпен-пролетариев, безработных, прельщенных оплатой их «труда», и из студенческой молодежи, играющей в этих организациях роль вожаков и видящей в них будущую армию, средство не только для гражданской войны, но и для войны против Франции.

Фашисты имеют свои агитпропы, развертывающие громадную агитационную деятельность в форме, наиболее приспособленной к умственному уровню мелкобуржуазной массы, свои хозяйственные штабы, которые должны дать после прихода фашистов к власти кадры специалистов.

Форма воздействия на мелкобуржуазную массу полностью соответствует тем целям, которые ставят себе фашисты. В своей агитации они отказываются от распространения буржуазно-демократических иллюзий. Они не говорят, что фашистская масса может свободно направлять политику фашистской партии. Наоборот, они вколачивают в головы мелкобуржуазных масс идею о том, что решать должен избранный богом и судьбой спаситель, герой, вождь. Масса должна повиноваться и слепо выполнять волю своего вождя, ибо только он один знает конечные цели движения и путь, которым надо итти.

Люди, которым пришлось побывать на гитлеровских собраниях, с большим удивлением спрашивают себя, где

источник его влияния, почему мелкобуржуазная масса приветствует его с восторгом? У него ведь нет ясных мыслей, у него нет продуманной конкретной программы, он — пустой оратор. «Он имеет мужество быть банальным»,— цинично пишет один из писателей крупной буржуазии. Кто ставит так вопрос,— не учитывает положения мелкобуржуазной массы. Нет конкретных мер, которые могли бы ей немедленно помочь. Она цепляется ногтями и зубами, чтобы не дать себя столкнуть на низшую ступень социальной лестницы буржуазного общества — в мир пролетариата, хотя это и является единственным путем, который мог бы вывести ее на широкую дорогу борьбы за свое освобождение от нищеты. В таком положении мелкой буржуазии остается только цепляться за знахарские рецепты Гитлера, за его социальную болтовню. Она никогда не имела собственных политических мыслей, она никогда не решала сама политических вопросов, поэтому идея героя-спасителя, которая всегда была мелкобуржуазной идеей, является для нее родной. Нереальность обещаний фашистов есть другое выражение нереальности идеи о государстве мелкой буржуазии в мире империализма.

Когда Гитлер появляется в зале, окруженный знаменами штурмовых отрядов, и всходит на трибуну под звуки десяти военных оркестров, когда перед ним склоняются знамена, тогда эта мелкобуржуазная масса поднимается, как под действием электрического тока, и приветствует спасителя, пророка Третьего государства, в котором будет существовать товарное хозяйство, но не будет капитализма с его эксплоатацией. Когда Гитлер провозглашает войну за «немецкую честь», войну за освобождение Германии не только от цепей Версаля, но и от «ига римского права», то мелкий буржуа, который не знает, что такое римское право, радуется, что будет восстановлено никогда не существовавшее германское право, при котором наверное не надо будет платить долгов. Когда Гитлер громит развратную французскую литературу и провозглашает возврат к гордому северно-германскому искусству, то мелкий буржуа, который никогда не читал ни Эдды, ни исландских саг и ничего конкретного не может себе представить при упоминании о них, все-таки чувствует себя винингом духа, торжествующим над всеми «французскими болезнями». Когда,

наконец, Гитлер провозглашает победу над еврейской философией, то всякого лавочника интересует не столько изгнание из университета профессора Эйнштейна, сколько разгром универмагов Вертхейма, Титца и Карштадта.

Но в то время, как на массовых митингах, насыщенных электрической атмосферой, в помещениях, заполненных табачным дымом и испарениями пива, в воздухе смело реет к победам свободный дух мелкого немецкого буржуа, за кулисами Гитлер и его штаб — все эти капитаны Геринги, полковники Ремы — самым мирным образом ведут переговоры с руководителями немецких банков (директор Дейче банк *Штаус* является одним из «советников» Гитлера), с заправилами металлургических трестов,— король металлургической промышленности *Тиссен*, обанкротившийся теперь глава большого металлургического концерна *Борзиг* и многие другие «контролируют гитлеровские предприятия своими «пакетами акций», финансируя Гитлера и руководя его политикой.

Гитлер давно перестал быть взбесившимся мелким буржуа, которым играют, как марионеткой, силы контрреволюции. *Гитлер уже давно стал простым наемником монополистического капитала, великолепно понимающим свою роль, хотя пытающимся, как это всегда делали преторианцы, поднять и свою цену.*

Тот, кто мог сохранить хотя бы малейшие сомнения на этот счет, должен был их потерять, наблюдая работу немецких фашистов во время *забастовки*, следя за их голосованием в *рейхстаге*, за их политикой в *Тюрингии* и в *Брауншвейге*, где они вошли в правительство. Когда потребовалось занять определенную позицию по отношению к конкретным предложениям коммунистов об уничтожении военных прибылей, о высоком обложении нетрудовых доходов, дивидендов,— к предложениям, направленным против крупных землевладельцев, фашисты, как один человек, голосовали против коммунистических предложений.

Но кроме этих действий, имеющих, понятно, решающее значение для оценки фашистской политики, существует *документ*, дающий, так сказать, *освещение изнутри теперешнего состояния ума и политического настроения Гитлера.*

Маленькая брошюрка *Отто Штрассера*, в прошлом одного из главных публицистов гитлеровской партии, содержащая запись разговора, происшедшего между ним и Гитлером 21 мая 1930 г., снимает все покровы с истинного лица вождя германского фашизма. Отто Штрассер после этого разговора порвал с Гитлером. Эта запись засвидетельствована рядом лиц и имеет значение достовернейшего документа.

В ответ на вопрос Отто Штрассера, как Гитлер представляет себе участие рабочих в прибылях, Гитлер заявил ему:

«*Предприниматель*, несущий ответственность за производство, *дает рабочим хлеб*. На основе чего вы требуете от него, чтобы он допустил их к участию в прибылях или к руководству предприятием? Вы хотите *посадить ему на шею чиновника или фабзавком, не имеющий никакого понятия* о производстве. Ни один руководитель хозяйства этому не подчинится».

На точный вопрос Штрассера, готов ли Гитлер после взятия власти подчинить государству, к примеру, крупповские предприятия, Гитлер ответил ему:

«Что вы думаете, *я с ума сошел и хочу разрушить хозяйство?* Только если бы предприниматели не действовали в интересах национального государства, мы должны были бы вмешаться, но для этого не надо конфискации или участия государства в руководстве предприятием. Сильное государство это и так сумеет сделать».

Когда Штрассер указал ему, что тогда название партии национал-*социалистической* является обманом масс, Гитлер заявил:

«*Название «социализм»* — плохое название. Но даже оно не означает, что мы *обязаны* социализировать предприятия, но что мы их можем социализировать, если предприниматели будут действовать против интересов нации. Пока этих фактов нет налицо, а раз это так, то было бы преступлением разрушать хозяйство».

Гитлер выдвинул обыкновенные капиталистические аргументы о зависимости германского хозяйства от мирового, не позволяющей проводить какие бы то ни было эксперименты.

Не менее характерны слова Гитлера о роли рабочего класса:

«Рабочая масса ничего не хочет другого, кроме хлеба и зрелищ. Она не имеет никаких идеалов, и мы не имеем никакой надежды завоевать ее в больших размерах. Нам нужно выбрать людей нового слоя, *господ,* которыми не руководит мораль жалости, но которые отдают себе отчет, что они как *представители лучшей расы имеют право господствовать и это господство без всяких церемоний устанавливать и обеспечить».*

Гитлер, создавая при помощи денег, полученных от крупных фабрикантов и помещиков, свою партию, потерял мелкобуржуазные иллюзии насчет целей, которым эта партия должна служить. Она знает, что *национал-социалистическая партия есть партия, которая должна помочь крупной монополистической буржуазии отнять у рабочей массы последние остатки прав и сделать ничем не ограниченную эксплоатацию этой массы источником возрождения германского капитализма.*

3. СТРАТЕГИЯ И ТАКТИКА ГЕРМАНСКОГО ФАШИЗМА

Гитлер и немецкие национал-социалисты провозгласили своей целью ликвидацию германского парламентаризма, установление диктатуры своей партии и проведение в жизнь своей «программы». Все это должно означать начало новой эпохи в развитии Германии, начало Третьей империи. Путь к этой цели должен итти через разрушение всех других буржуазных партий и через удушение и уничтожение революционного рабочего движения. Буржуазные партии должны отказаться от игры в парламентаризм и демократию. Коммунизм должен быть уничтожен огнем и мечом. Фашисты притворяются, что они причисляют и социал-демократию к марксистскому революционному лагерю и рычат в своих речах о том, что полетят головы «ноябрьских преступников», которые вонзили меч в спину «победоносной армии» в 1918 г.

Что касается позиции фашистов по отношению к социал-демократии, то не подлежит сомнению что дело

здесь идет о демагогической декламации. Фашисты великолепно знают, что социал-демократы не хуже их готовы подавлять революционное рабочее движение и утопить его в крови. Вымостил же Носке улицы германских городов трупами 30 тыс. германских рабочих в 1919-1920 гг. Фашисты великолепно знают, что германская социал-демократия не только не вела революционной пропагады в армии, но, наоборот, до последнего момента поддерживала кайзерское правительство. Фашисты великолепно знают, что Эберт не меньше Макса Баденского старался спасти гогенцоллерновскую династию и что это ему не удалось благодаря тому, что его захлестнула волна революции. Но фашистские организаторы боятся социал-демократической конкуренции. Монополистическая буржуазия иначе относится к социал-демократии. Редактор ее органа «Дейче альгемейне цейтунг», предназначенного не для широких масс и поэтому могущего говорить время от времени правду, *Фриц Крейн* пишет:

«*Социал-демократия является главной консервативной партией республики. Она представляет тот другой крупный фактор* (кроме национал-социалистов.— *К. Р.*), *пользу которого для государства надо понимать. Этот фактор надо использовать для решения хозяйственного кризиса*». (Auf die Barrik den, Berlin. 1931, стр. 51).

Таким образом монополистический капитализм пользуется социал-демократией и фашизмом для проведения своей политики, опираясь то на первую, то на вторую, иногда противопоставляя их друг другу, иногда заставляя их работать рука об руку. Но именно эта политика тяжелой индустрии вызывает большое недовольство у вожаков фашизма, которые хотели бы играть роль единственной опоры буржуазии и таким образом поднять свою цену. Не подлежит сомнению, что все крики фашистской печати о «марксизме» социал-демократии, о необходимости ее уничтожить руководители монополистической буржуазии допускают только как средство, ускоряющее окончательную фашизацию социал-демократов. Когда монополистический капитал решится впустить гитлеровцев в правительство, он сумеет втолковать им, что нельзя отказываться от услуг социал-фашистов, что надо использовать их наравне с «демократами» и центром, т. е. наравне со всеми другими буржу-

азными партиями,— другими словами, включить их в фашистский аппарат власти.

По отношению к буржуазным партиям фашисты ставят себе эту задачу совершенно откровенно. Они отрывают своей националистской агитацией и своей социальной демагогией мелкобуржуазные и ярко националистические элементы от всех буржуазных партий, даже от тех, которые, как германская национальная партия, действуют в союзе с ними. Таким образом они стремятся умсньшить влияние этих партий как особых организаций до тех размеров, чтобы они представляли только привесок к фашизму: в Италии националисты были привеском и прикрытием фашистов в переходный момент захвата ими власти.

Проникнуть к социал-демократическим рабочим массам фашистам удалось только в незначительных размерах. Рабочие, находящиеся еще под влиянием социал-демократии, великолепно понимают, что победа фашизма будет означать ликвидацию всех завоеваний рабочего класса. Фашисты отрывают от социал-демократии только мелкобуржуазные элементы и бюрократию, идущие за ней. Подрыв, размывание кадров откровенно буржуазных партий фашистам удается великолепно, ибо эти кадры состоят из мелкой буржуазии и буржуазных масс, или никогда не имевших никаких демократических иллюзий, или давно их изживших. Если помещики из «национальной партии» или фабриканты из «народной» не распускают своих организаций, то причина этого состоит в том, что они сомневаются, удастся ли Гитлеру удержать разоренные мелкобуржуазные массы на рельсах политики крупной буржуазии.

Вышеупомянутый Фриц Клейн признает это открытие: «*Нет полной уверенности, являются ли национал-социалисты резервуаром для партии Гугенберга, для буржуазного центра или для коммунистов*» (там же, стр. 71).

Единственная буржуазная партия, которая, проводя политику фашизма, сохраняет в неприкосновенности свои кадры,— это *партия католического центра*. Она руководствуется при этом двумя соображениями. Имея за собой по крайней мере миллион католических рабочих-избирателей, боящихся фашизма, ненавидящих его, она понимает,

что соглашение с Гитлером угрожает ей потерей этих рабочих масс. Точно так же, как социал-демократия, католический центр предпочитает прикрывать фашистскую политику остатками лохмотьев демократии. Во-вторых, католический центр боится, что открытая диктатура фашистов, являющихся в своем большинстве протестантами, может неблагоприятно отозваться на положении католической церкви. Католический центр непосредственно связан с папским престолом. Папа римский и католическая церковь являются старейшими орудиями феодальной реакции и сумели приспособиться к роли одного из основных орудий капитализма. Римская церковь, имеющая громадный политический опыт, боится, что ничем не прикрытый режим насилия может вызвать революционное сопротивление рабочего класса. Поэтому католическая церковь в Италии пытается сохранить известную самостоятельность по отношению к фашистскому правительству, вступает время от времени в конфликт с ним. Хотя эти конфликты и завершаются соглашениями, она демонстрирует, благодаря им, свою независимость и свою готовность стать самостоятельным оплотом против пролетарской революции в католической стране, если фашизм обанкротится. Полная победа фашизма в Германии означала бы усиление итальянского фашизма и затруднила бы положение римского папы. Кроме того, Рим великолепно понимает, что победа фашизма в Германии может привести к обострению отношений Германии с Францией и Польшей, двумя католическими странами, в которых папская курия имеет значительное влияние. Это точно так же ослабило бы положение Германии, как его ослабила мировая война.

Вот моменты, затрудняющие католическому центру окончательную сделку с гитлеровцами. Но, понятно, эти моменты могут играть только подчиненную роль по отношению к общеклассовым интересам германской буржуазии. И в самом католическом центре находятся очень влиятельные круги, работающие над устранением препятствий, стоящих на пути вхождения гитлеровцев в правительство. Достаточно указать на крупного заводчика *Клекнера*, главного владельца берлинского органа центра «Германия», и на *фон Папена*, действующего энергично за кулисами католической реакции.

Большим затруднением на пути к победе Гитлера является *международное положение Германии.*

Фашистские тенденции — интернациональные тенденции. Они, как говорит программа Коминтерна, проявляются всюду, где имеются: «неустойчивость капиталистических отношений, наличие значительных деклассированных социальных элементов, обнищание широких слоев городской мелкой буржуазии и интеллигенции, недовольство деревенской мелкой буржуазии, наконец, постоянная угроза массовых выступлений пролетариата».

Интернациональный характер фашистских тенденций, в разных странах пробивающих себе путь с разной силой, вызывает во всех странах сочувствие к германскому фашизму со стороны соответствующих кругов крупной буржуазии. Не может подлежать никакому сомнению, что и английские твердолобые, и французский «Комите де форж» (организация французской тяжелой промышленности) симпатизируют социальным целям германского фашизма. Но последний является орудием германской монополистической буржуазии, пытающейся восстановить свое империалистическое положение в мире. Германская мелкая буржуазия, которую фашизм мобилизует против рабочего класса, охвачена националистической лихорадкой. Она полна глубокой искренней ненависти в первую очередь к Франции, на которую возлагает ответственность за все свои неурядицы. Французский империализм боится, что приход к власти немецких фашистов может привести к усилению националистических тенденций в Германии, толкнуть ее на сопротивление притязаниям французской политики.

Фашисты пытаются рассеять страхи мировой буржуазии, опасающейся, что приход их к власти будет означать войну германской буржуазии против Версаля.

Гитлер рассылает во все концы мира своих агентов, дает иностранным газетам интервью, в которых клянется быть благоразумным. Но имея за собой мелкобуржуазные массы, он все-таки должен представить им какую-то перспективу освобождения от петли французского империализма. Поэтому его специалист по внешней политике, прибалтийский немец *Розенберг*, развертывает в своей книге о внешней политике фашизма программу союза с английским

империализмом и совместного нападения на СССР, взамен за что Англия должна поддержать Германию против Франции. Он развертывает перспективу антифранцузского союза с Италией, для которого фашисты готовы пожертвовать немецким населением в Тироле.

Понятно, Гитлер одновременно пытается через немецкую тяжелую промышленность завязать сношения с Францией, нащупать возможность сделки с французским империализмом и через него соглашения с Польшей против СССР. Но даже если некоторые капиталистические круги Франции склоняются к мысли, что сделка с Гитлером означала бы связанность по рукам и ногам германского национализма, то все-таки ответственные круги французского империализма не могут решиться на подобный прыжок в неизвестность. Они знают, как обострится экономическое положение Германии в случае прихода к власти Гитлера, что неминуемо вызовет паническую утечку золота из страны: еврейская буржуазия, боясь погромов, будет эвакуироваться, чтобы переждать и увидеть, что будут делать фашисты. Мелкие рантье за границей, предоставившие свои деньги банкам, будут требовать возврата этих денег из боязни революции в Германии, и иностранные банки будут вынуждены нажимать на Германию, требуя от нее уплаты долгов. В таком положении Гитлер неизбежно должен будет,— так думают в капиталистических кругах Франции — подкупать мелкобуржуазные массы антифранцузской политикой. Это, понятно, не исключает возможности, что в случае прихода гитлеровцев к власти французские империалисты попытаются договориться с ними и усилить их тенденции, направленные против СССР.

Внутреннее положение Германии ухудшается. С каждым днем растет недовольство мелкобуржуазных масс, и у германского правительства нет уверенности в завтрашнем дне. Фашисты чувствуют приближающийся политический кризис. Они видят, как вся государственная бюрократия, вплоть до верхушки социал-демократического аппарата, приготовляется перекочевать в их лагерь. Гитлер чувствует уже себя властелином Германии и, принимая иностранных журналистов в Кайзергофе, напротив дворца рейхсканцлера, говорит с ними, как завтрашний глава правительства.

Фашисты хотели бы избежать необходимости взять власть с оружием в руках не только потому, что их штурмовые батальоны не в состоянии помериться силами с рейхсвером или с полицией. Они знают, что их агитация имеет большие успехи и среди полиции и в рейхсвере, но они не могут не замечать перемены отношения руководителей рейхсвера к себе. Свидание Гитлера с политическим руководителем рейхсвера генералом Шлейхером, главным советником генерала Гренера со времен ноябрьских событий 1918 г., говорит о том, что если до этого времени руководители рейхсвера были противниками допущения к власти гитлеровцев, то теперь они меняют свою позицию отчасти под влиянием усиления фашистов, отчасти повидимому, исходя из убеждения, что добиться компромисса с Францией не удастся и что надо будет погрозить ей кулаком. Они знают, что когда они войдут в правительство, их агитация в армии и в полиции станет легальной, и тогда, завоевав эти органы принуждения и опираясь на свои собственные военные организации, они смогут подчинить себе осколки буржуазных партий и покончить со всякими остатками ноябрьской революции. Главная причина их желания добраться до власти легально состоит в опасении, как бы их вооруженное выступление не вызвало сплочения рабочих масс под руководством коммунистов для отпора. Если они войдут в правительство легально, то социал-демократия начнет доказывать массам, что это все-таки лучше, чем если бы они захватили власть, ибо они должны считаться с другими и не будут поэтому в состоянии установить режим террора.

Этот расчет фашистов правилен.

Не подлежит сомнению, что, если буржуазия призовет фашистов легально к власти, вожди социал-демократии сделают все, чтобы саботировать всякое движение протеста со стороны социал-демократических масс, призывая их к подчинению «законам демократии», которые не позволяют оставлять вне правительства такую сильную партию.

«Где мы находимся? На улицах бушуют *банды*. В домах *царит отчаяние*, сердца разъедает *недоверие*.

Государство довольствуется мелкими мероприятиями от случая к случаю вместо того, чтобы создать *новый авторитет* и новую систему.

В промышленных районах в массе городов существуют кварталы со стотысячным населением, которое состоит исключительно из безработных. Они отличаются трагическим терпением, но до каких пор его хватит? Чем меньше государство может оказать им помощь, тем сильнее растет *их отчаяние* и тем сильнее слышен их *глухой ропот... Подземные толчки* в массах усиливаются нашим *международным бессилием...*

В парламенте все перевернулось вверх дном: Защитники парламентаризма выступают за отстранение парламента от дел. Его принципиальные противники требуют созыва парламента. Противники диктатуры высказываются за диктатуру исполнительной власти. Защитники диктатуры требуют, чтобы парламент играл роль контрольного органа».

Так характеризует положение в Германии представитель тяжелой промышленности Фриц Клейн.

Положение в Германии обостряется с каждым днем. Репарационная конференция и конференция по разоружению прольют яркий свет на внешнее положение Германии. Острота экономического положения несколько затушевана благодаря временному мораторию не только по репарационным, но и по частным долгам. Но это может быть ежедневно прервано финансовыми крахами за границей — в Англии, в Америке. Растет не только брожение среди мелкобуржуазных масс города и деревни, но и решимость пролетариата не допустить прихода к власти фашистов.

В кругах социал-демократии полное смятение. Казенный социал-демократический борзописец *Штесингер* признает, что социал-демократы потеряли всякую притягательную силу для масс, что они еле-еле сохраняют повиновение своих кадров. Предстоят выборы в прусский ландтаг, в парламент самого крупного германского государства, в котором социал-демократы находятся у власти совместно с католическим центром. Предстоят выборы президента. В Германии трещат и экономическая база, и политическая надстройка.

Приход к власти гитлеровцев не означал бы *никакого изменения классового характера германского правительства,* ибо оно и сейчас является правительством монополистического капитала, ибо оно и сейчас ведет по отноше-

нию к рабочим массам фашистскую политику. Но не подлежит сомнению, что приход к власти Гитлера означал бы обострение этой политики, означал бы, в первую очередь, *период беспощадной политики ухудшения революционных рабочих организаций*. Вожди германских социал-демократических профсоюзов уже подготовляют свое слияние с христианскими профсоюзами. Они это делают под маской подготовки единого фронта для борьбы с фашистами. На деле же эта мера имеет целью снятие социалистической вывески с реформистских профсоюзов, чтобы облегчить фашистам сделку с ними и включение их в фашистский аппарат власти. Крича об опасности фашистского переворота, принимая меры для вооруженного отпора фашистам, социал-демократы на деле хотят усыпить бдительность рабочих, сохранить в своих руках руководство, чтобы не допустить никакого отпора со стороны рабочих. Поскольку дело идет о социал-демократии,— фашисты могут быть спокойны: с ее стороны не встретят никакого сопротивления ни приход фашистов к власти, ни фашистский режим. Но социал-демократия начинает терять влияние на рабочие массы, которые понимают угрожающую им опасность. Сила отпора, который германские рабочие сумеют оказать фашистским головорезам, зависит от того, в какой мере социал-демократические рабочие освободятся от влияния социал-фашистского руководства.

Январь 1932 г.

ПАДЕНИЕ ДОЛЛАРА И ВОЦАРЕНИЕ ГИТЛЕРА

11 ноября 1918 г., получив известие о том, что Германия подписала условия перемирия, полковник Гаус, советник Вильсона, послал своему шефу телеграмму: «*Автократия мертва, да здравствует демократия* и ее бессмертный вождь. В этот великий час сердце мое обращается к вам с гордостью, любовью и восхищением». Полковник Гаус не был чиновником-подхалимом, а был незаурядным искренним человеком, убежденным, что участие Соединенных штатов в войне, обеспечивая поражение Германии, обеспечивает в дальнейшем развитие мира на основе демократии и социальных реформ. Он сам считал себя учеником Луи Блана и Манцини, и его оценки мировой империалистической войны и ее последствий были луиблановщиной чистейшей воды.

Отправляясь на корабле, носящем гордое имя «Джордж Вашингтон», в Европу, Вильсон сказал сопровождающим его экспертам и делегатам, что американская делегация на версальской конференции является единственной, не защищающей отдельных узких интересов, а выражающей волю и чаяние народов.

Мелкая буржуазия всего мира приветствовала появление Вильсона в Париже, как начало новой эры человечества. Она ожидала, что Америка не только имеет идеи, на основе которых можно организовать мир, но что громадная мощь Соединенных штатов будет использована для залечивания ран войны, для укрепления дела мира.

Прошло несколько недель и оказалось, что у так называемой американской демократии не было никаких идей, которые могли бы лечь в основу новой организации капи-

тализма. Или, иначе говоря, те смутные, демократические идеи, которые прокламировал Вильсон, как основу устройства мира, разлетелись в пух и прах при соприкосновении с империалистической действительностью. В момент, когда провал луиблановщины стал совершенно очевидным, и Вильсон и Гаус великолепно понимали, что единственным путем к проведению их идей в жизнь было бы обращение к народным массам.

3 марта 1919 г. полковник Гаус записал в своем дневнике: «Если бы президент попытался использовать свое влияние на либералов *и трудящиеся классы, то он, вероятно, смог бы опрокинуть правительства Великобритании, Франции и Италии. Но если бы он это сделал, то ему пришлось бы считаться также с собственным народом и он мог бы вызвать хаос во всем мире. Дело могло бы не кончиться низвержением правительств,* и всякий, кто принялся бы за такое дело в это время, взял бы на себя громадную ответственность». И Вильсон и Гаус поняли, что их демократические идеи без революции являются утопией и что революция «в это время» не кончилась бы низвержением одного или другого правительства, что она стала бы социалистической революцией. Американские Луи Бланы должны были себе сказать, что они созданы не для того, чтобы делать социалистическую революцию, и поэтому они подписывали все, чего требовали от них вожаки французского и английского империализма.

Но вернувшись обратно в САСШ, Вильсон и Гаус узнали, что американская буржуазия, заработавшая миллиарды на мировой войне, вообще не намерена пока что вмешиваться в европейские дела. Прикрывала ли она это решение протестом против империалистского характера Версальского мира или нет, на деле в основе ее решения лежало сознание, что Северная Америка представляет особый мир, который, освободившись от экономической зависимости от Европы, может процветать в качестве самодовлеющей системы.

Через несколько лет Америка *вернулась в Европу,* но уже не с проповедью демократических идеалов, а побрякивая звонкой монетой. Хотя господа Кулидж и Гувер не были такими златоустами, как Вильсон, но звон американского золота придал американскому престижу совер-

шенно невиданный блеск. Америка взяла в свои руки решение репарационного вопроса. Она одолжила миллиарды Германии. Глаза всех нуждающихся капиталистических стран повернулись к Вашингтону и Нью-Йорку в поисках займов. Все страны юго-востока Европы выписывали себе американских «докторов», которые прописывали их больным бюджетам соответствующую диэту, как условие предоставления стабилизационных займов.

Ход послевоенного развития Америки вызвал в европейской буржуазии глубочайшее убеждение, что капитализм еще здоров и, преодолев свою болезнь, вступит в новый период прогресса. Книги по истории американской экономики издавались на европейских языках под заглавием «Объяснение чуда «просперити». Американская рационализация, американская техника и даже американские иде,— что это означает, никто не знал,— стали путеводной звездой европейской буржуазии.

Влияние этих идей было так велико, что ему подчинилась не только международная социал-демократия, но и правые в Коминтерне, а особенно в американской коммунистической партии, выдвинув теорию об «исключительном характере американского развития». Это было время, когда *Троцкий* выступил со своей речью «Европа и Америка», в которой говорил: «Американский капитал сейчас командует, приказывает дипломатам. Он готовится и собирается точно так же приказывать европейским банкам и трестам европейской буржуазии в целом... Он к этому идет *Он будет нарезать участки рынка, он будет нормировать деятельность европейских финансистов и европейских промышленников*». Вся эта теория сводилась по существу к убеждению, что очень болен только европейский капитализм, что американский еще совершенно здоров и крепок и что не исключается, что он сможет спасти своих европейских собратий ценой подчинения их своей воле. Основой такого взгляда являлась буржуазная теория империализма, которая видела его главную черту в централизующей тенденции. Раз империализм не поднимает на новую и последнюю ступень противоречия между производительными силами и производственными отношениями, раз монополистический капитализм не является эрой загнивания капитализма, то европейский капитализм в ос-

новном болен противоречием между централизующими тенденциями хозяйства и раздробленностью государств. Но так как Соединенные штаты Америки являются государством, размеры которого позволяют развиваться производительным силам, то они здоровы. Европа, объединившись в Соединенные штаты Европы, могла бы еще излечиться от своего недуга.

Грянул гром мирового кризиса, и грянул он именно в САСШ. Жрецы «просперити» заявили, что это только кризис спекуляции. Ренегаты американского коммунизма — Левстоны и компания, повторяя азы со своими учителями с Уолл-Стрита, заявляли, что это целительный кризис, который оздоровит капитализм Соединенных штатов. Господин Гувер обещал в каждой очередной речи, что кризис скоро-скоро минует. Но проходили месяц за месяцем, за весной лето, за летом осень, год за годом, а кризис углублялся не только во всех презренных странах, над которыми не реет звездное знамя САСШ, но и в самом отечестве «просперити».

Отказ Соединенных штатов от золотого стандарта является рубежом не потому, что мы думаем, что Соединенные штаты уже никогда не смогут вернуться к золотой валюте. Этого доказать нельзя: если буржуазия не будет во время этого кризиса сброшена пролетарской революцией, то капитализм, хотя бы на суженной базе, временно сможет еще преодолеть кризис. И самые богатые страны, к которым в первую очередь принадлежат САСШ, имеют наибольшие шансы для этого. Падение золотого доллара является рубежом, ибо *оно символизирует те громадные сдвиги, которые вызвал кризис в Соединенных штатах.* Крах американской денежной системы выражает в сжатой форме тот факт, что Соединенные штаты Америки стали капиталистической страной, *страдающей всеми теми же болезнями,* что и *все другие капиталистические страны.* Доллар, оторванный от своей матери — золота и брошенный в мир, как сирота, чтобы пробивать себе путь, как сумеет — доллар не стал еще беспризорником, но ему предстоит тяжелая борьба за существование. И за этими его судьбами видна тяжелая участь народных масс Америки.

Миллионы фермеров переживают тягчайший кризис. Они не знают, что несет им завтрашний день. Дело идет

не только о падении цен и не только о грандиозной задолженности фермерства, дело идет о том, что современная техника создала средства индустриализации сельского хозяйства, а мелкофермерская собственность несовместима с новыми производственными силами, созданными капитализмом. Это признают все мыслящие знатоки американского сельского хозяйства, и совсем недавно американский политик, посетивший Советский союз, наслушавшийся от своих соотечественников о затруднениях, которые встречала на своем пути наша коллективизация, сказал мне: «Ваши затруднения по сравнению с нашими — ничто. Вы вышли на большую историческую дорогу. Вы знаете, чего хотите и что будете делать, а мы этого не знаем».

Миллионы *рабочих в САСШ*, которые до этого времени свято верили в незыблемость капиталистического строя, свято верили в то, что всякий рабочий может найти труд и заработную плату, позволяющую ему жить по-человечески, стоят теперь перед фактом грандиознейшей безработицы. Их хозяева не только не в состоянии сказать, как они намерены выйти из кризиса, или когда он кончится, но они говорят рабочим, что даже если кризис кончится, то останутся многие миллионы безработных, ибо этот кризис приведет к громадной концентрации производства, к дальнейшей рационализации, которая сделает лишними многие миллионы пролетариев.

Общественный кризис, переживаемый теперь Америкой, имеет уже тяжелейшие *внешние последствия*. Он парализовал способность САСШ дать отпор японскому империализму, он демонстрирует беспомощность государства, которое вчера в глазах всего мира было окончательным судьей во всех вопросах.

Буржуазные партии, которые руководили Соединенными штатами с момента их возникновения, обанкротились. Это уже полностью признано, поскольку дело идет о республиканской партии. Что касается демократов, то это станет ясным очень скоро. Лихорадочная деятельность, которую развивает г. Рузвельт, представляет собою скорее метания под влиянием толчков, получаемых извне, чем проведение какой бы то ни было продуманной до конца программы. А самое характерное в этом метании то, что демократический спаситель американского капита-

лизма начинает с требования *диктаторских полномочий*, т. е. выключает машину демократии, заменяя ее бюрократической диктатурой, за которой скрывается часть кругов финансового капитала САСШ. «Мозговой трест» — профессорская группа, стоящая за Рузвельтом,— убежден, что он управляет событиями. На деле же события управляют им и очень скоро может притти момент, когда этот «мозговой трест» поймет, а с ним поймет и американское общественное мнение, что он представляет собой только игрушку воли.

11 декабря 1918 г. демократ, полковник Гаус, телеграфировал Вильсону: «Автократия мертва. Да здравствует демократия и ее бессмертный вождь!» Демократия, получив эту телеграмму, очень скоро обанкротилась и прожила в состоянии прострации в продолжение более, чем 12 лет. Полковник Гаус является теперь советником нового демократического президента, пришедшего к власти в момент новой исторической бури. Но полковник Гаус пишет теперь статьи в защиту диктаторского метода разрешения вопросов кризиса. 20 лет назад он написал анонимный роман «Администратор Гру», в котором рассказывал, как поднялись народные массы против господства трестов и как возглавил их гениальный Гру. Он вылечил диктаторскими методами капитализм и восстановил позже демократию.

В романе это звучит очень благородно, но в действительности демократия не зонтик, который можно раскрыть во время дождя и после закрыть. Старик *Гегель*, размышляя о причинах якобинского террора, сказал, что, видно, демократия совместима только с известной степенью материальных противоречий; когда же эта степень превзойдена, демократия должна исчезнуть. Классовые противоречия, которые знал прусский регирунгсрат, продумывавший законы движения мира, были похожи на теперешние классовые противоречия, как буря в стакане воды похожа на бурю, от которой погиб «Акрон». Но в том-то и гений Гегеля, что он умел видеть в маленьких зачатках развитие грандиозных противоречий. Сегодня не надо быть Гегелем, чтобы увидеть, что *глубокий кризис монополистического капитализма захватил САСШ, и чем американский монополистический капитал сильнее, чем он выше по срав-*

нению с монополистическим капитализмом европейских держав, тем острее будут разрывающие его противоречия. Кризис капитализма охватил весь мир. Вот великое значение тех потрясений, которые переживают САСШ.

Только понимая это *расширение области* кризиса капитализма, только понимая, что он охватил *весь мир*, только понимая, насколько он *углубился*, можно понять те процессы, которые происходят в *Германии*. Если САСШ были самым сильным звеном капиталистического мира, то Германия была самым слабым его звеном, поскольку дело идет не об аграрных, а о крупнокапиталистических странах.

После мировой войны громадный механизм германского монополистического капитализма был лишен необходимого для его развития основного капитала. Страна, кормившая экспортом индустриальных изделий треть своего населения, выбита с мировых рынков, не будучи в состоянии противопоставить на них американскому и английскому вывозу капитала свой. Громадная страна монополистического капитализма, которая сохранила громадное туловище,— тресты и картели, организованные лучше, чем во всех странах мира, потеряла руки для борьбы, т. е. армию и флот. Страна, где по крайней мере 85 проц. населения живет на уровне пролетариата, поставила себе задачей восстановить капитализм. И эту задачу она пытается осуществить в период общего кризиса капитализма, в период, когда не только во всем мире поднимаются валы революции, но когда в самой Германии 5 миллионов взрослых мужчин и женщин встали под знамя коммунизма. Мировой кризис не мог не потрясти этой страны больше, чем какой-нибудь другой. Она потеряла все капиталистические перспективы.

Одалживая за границей деньги, взваливая на себя громадное бремя долгов, Германия обновила свой производственный аппарат. Теперь этот аппарат работает с нагрузкой в треть своей производственной мощности. Стоят фабричные корпуса —чудо техники — и неизвестно, когда они оживут. Если даже кризис минует, разве будет достаточно места для развития германской промышленности, разве не вытеснят ее страны, которые сумеют предоста-

вить покупателям займы? Можно ли полагаться на промышленность, на экспорт, стоит ли приносить громадные жертвы ради уплаты коммерческих долгов для того, чтобы сохранить кредит? К чему этот кредит? Мелкая буржуазия в продолжение десятилетий видела в развитии промышленности спасение. Хотя это развитие уничтожило преобладание в хозяйстве мелкой буржуазии, но ремесленники, мелкие купцы, бюргер все-таки могли прицепить к ее громадному кораблю свою маленькую ладью и как-нибудь просуществовать. А если им и неважно жилось, то дети устраивались в промышленности в качестве мастеров, техников. На основе промышленного развития Германии возникло ее мировое могущество. Германский флот грозно поднимал свой флаг на морях, германская армия была самой сильной в мире, и слова кайзера: «Я поведу вас навстречу блестящим временам» не казались болтовней хвастунишки, а вернейшим векселем крупнейшей коммерческой фирмы. Когда эти надежды рухнули — первый раз во время войны, когда они рухнули во второй раз с крахом стабилизации, нельзя было уже не задать себе вопроса: не были ли они вообще миражем. Вот почва для *идеи об автаркии,* о государстве, которое решает свои дела, устраивает свое хозяйство, не оглядываясь на других, ничего от них не ожидая. Когда читаешь «Миф XX столетия» *Розенберга,* с его проклятиями «нечестному мировому хозяйству», с его разоблачением капитализма, как «ассирийской» выдумки, с его идеалом Германии, в которой каждый человек имеет свой кусок земли, то, понятно, первое впечатление такое, как будто слушаешь экономическую дискуссию в сумасшедшем доме. Но в этом сумасшествии есть система. Оно социально определяется безысходным положением широчайших кругов германской мелкой буржуазии, которая потеряла доверие к крупнобуржуазному руководству и его старым путям.

Когда следишь за взрывами звериного антисемитизма, позорящего страну Лессинга, Гете, Канта и Шиллера, то надо за ними видеть борьбу за кусок хлеба сотен тысяч германских адвокатов, врачей, журналистов, инженеров, которые кончили высшую школу, а сейчас не могут выработать столько, сколько зарабатывает промышленный рабочий. Они готовы перегрызть горло всякому конкуренту,

Как им не подкрепить своего права на кусок хлеба ненавистью и презрением к «инородцам», людям другой религии?

Когда читаем, что в центре Германии организуются концентрационные лагери, куда после зверских истязаний запирают десятки тысяч революционных рабочих, то перед нами встает картина буржуа и помещика, у которых *трясутся колени*. Они помнят, что этот пролетариат когда-то уже поднялся и схватил рукой за горло имущие классы. Пролетариат руку, поднятую против буржуазии, опустил, поверив социал-демократии, что на почве демократии можно шаг за шагом реформировать капитализм, пока количество не перейдет в качество и контролируемый демократией капитализм не станет социализмом. Что эти массы не могут дальше лелеять надежду на пути демократии и на пути реформ — ясно самому тупому буржуа. Реформы стали невозможны, их поглотил кризис капитализма, а если невозможны реформы, то и невозможна демократия, ибо она дает рабочим базу, на которой они могут организоваться для борьбы с капитализмом. Разоренный мелкий буржуа мечтает о розе без шипов, о капитализме без разорения, без нужды, но от капитализма отказаться он не хочет. Он хочет сладкого капитализма. Он прислушивается к рассказам национал-социалистов о *третьей империи*, где не устранена частная собственность, отдельный «свой» горшок всякого мелкого буржуа, но где фашистская диктатура гарантирует, что волк мирно будет пить воду совместно с овечкой, а потому — долой рабочий класс, который мечтает о своей власти, о своей диктатуре, о социализме! Остерегайся льва, который может почувствовать свою силу! Долой демократию, которая позволяет организоваться рабочему! Да здравствует фашистская плеть и наручники! Крупный буржуа из страха перед пролетариатом приветствует коричневорубашечников, которые должны его оградить массовым барьером от пролетарской революции. Пусть они помечтают при этом о реформе капитализма, о своем господстве, когда на деле защищают господство буржуазии!

Но разве социал-демократия не хотела реформировать капитализм, разве она на знамени своем не написала его реформы?

Да, она писала все эти лозунги, но после совместно с буржуазией проводила политику в интересах крупного капитала, облагала тяжелыми налогами мелкобуржуазную массу. Вожди социал-демократии стали «бонзами». Каждый из них хорошо устроился. Другое дело — фашисты. Они еще не были у дела. Мелкий буржуа снова сияет, когда слушает их разговоры о равенстве товарищей по окопам. Они обещают царство справедливости. Надо попробовать, не выведут ли они из тяжелого положения.

Но ведь коммунисты тоже были в окопах, они — часть народной массы и ведут ее на бой. Почему им не довериться. Но мелкий буржуа не верит, что рабочий класс может управлять сам собою. Мелкий буржуа боится, что революция до конца разрушит хозяйство. Ведь победить капитализм в Германии труднее, он организован лучше, чем в царской России. Он создал себе наемную армию. Германия окружена врагами, ей придется воевать. Как воевать без офицерства. Она втиснута между Везером и Одером. Ей не оставят времени. Вырваться из клещей врага можно только решительными ударами, которые может подготовить только офицерство, а вырваться надо. Нельзя дальше терпеть, чтобы Германия оставалась безоружной, когда все кругом вооружаются. Нельзя терпеть, чтобы она не имела воздушного флота, когда другие народы имеют бомбардировщики, способные долететь до Берлина в час и испепелить его... И мелкий буржуа, представляющий в Германии еще громадный человеческий массив, не верящий в социализм, желающий сохранить «исправленный» капитализм, не веря в силу рабочего класса, разделенного предательской политикой социал-демократии, мелкий буржуа, потерявший веру в капиталистов, но не в капитализм, полный презрения к грязным делишкам политиканов, набивающих в продолжение тринадцати лет карманы во имя демократии, поднялся под фашистским знаменем, чтобы навести «порядок».

Три месяца германский фашизм у власти. «Национальная революция» победила,— кричит буржуазная пресса. «Не национальная революция, а национал-*социалистическая*»,— отвечает Геринг на собрании фашистских фабзавкомов, заигрывая с рабочими и люмпенпролетарскими ни-

зами фашистской партии. Хороша революция, от которой фабриканты ожидают понижения заработной платы, устранения социального страхования и уничтожения профсоюзов! Хороша революция, которая, по мнению помещиков, должна согнуть в бараний рог батраков! *Фашизм есть диктатура монополистического капитала, сумевшего себе вернуть временно поддержку всей мелкой буржуазии,* которая не разглядела за фашистским флагом старых хозяев! Хороша революция великого германского народа, которая сжигает все прогрессивные произведения германской литературы, оставляя в качестве философии германского народа абракадабру Розенбергов!

«Горе народам, что преследуют своих пророков»,—писал когда-то великий польский поэт *Мицкевич*. Не может победить народ, который сжигает свои библиотеки. Если вдуматься в историю германского разгрома в империалистической войне, то идейным источником отсутствия всякой *реальной* ориентировки в мировой обстановке был отказ германской буржуазии от Гегеля в пользу Канта. Немецкая стратегическая мысль объясняет поражение на Марне переброской двух армейских корпусов с Западного фронта в Пруссию. вопреки плану Шлиффена. Но сам план Шлиффена, исходящий из того, что главный враг — Франция, и стремящийся к его разгрому, был создан в период, когда Англия не была еще врагом Германии, и поэтому даже если бы план Шлиффена был точно проведен, Германия все равно была бы разбита. Германская буржуазия, отвернувшись от диалектической философии, являющейся нитью Ариадны в сложном лабиринте событий, лишилась возможности ориентироваться в мировых событиях и не могла победить, ибо ставила себе нереальные цели. Но если нельзя было победить с кантовской «Критикой чистого разума» в кармане, то как можно победить с идейным вздором Розенбергов, как путеводной нитью? Германский фашиз может «уничтожать» рабочий класс и коммунистическую партию, сколько хочет,— отсеченная голова «гидры революции» будет постоянно отрастать — но он обращен лицом к тылу истории. Он привязывает лошадь за хвост. *И поэтому он не только не может победить, но он ускоряет гибель германской буржуазии.*

Фашистская диктатура, это — железные обручи, которыми германская буржуазия пытается связать треснувший бочонок германского капитализма. Фашистские обручи могут сохранить этот бочонок до тех пор, пока он стоит неподвижно и его не взорвут нагроможденные внутри противоречия. *Но исторический смысл германского фашизма это — заковывание в кандалы рабочего класса, главной производительной силы Германии, для того чтобы погнать рабочую массу на поля сражения за новый передел мира.*

Великий организатор германской армии в войне с Наполеоном *Шарнгорст* писал, что германский народ не может подняться на спине крепостного крестьянина. И это было верно. Тем более верно, что германский народ не может подняться на спине закованного в кандалы германского рабочего класса. Когда этот класс объединится,— а фашистская диктатура неминуемо спрессует его в одно целое,— никто не сможет его победить. К нему примкнут мелкобуржуазные массы, которым фашизм принесет только разочарование. Германский народ победит свою буржуазию и без войны. Но если германский фашизм, гонимый внутренними противоречиями, в своих попытках уклониться от исполнения данных им неосуществимых обещаний будет искать спасения на полях сражения, он только ускорит свою гибель.

Всякий, в ком бесчинства немецкого фашизма не могут уничтожить глубокой симпатии к завоеваниям германской культуры, к заслугам германского рабочего класса, всякий, кто умеет отличать варварство сбесившегося мелкого буржуа от того великого вклада в культуру человечества, который внесла и внесет еще Германия, не может освободиться от чувства тревоги за будущее германского народа. Ему придется пройти через величайшие испытания. Но то, что переживает теперь Германия, *не является доказательством силы германской контрреволюции и силы германского капитализма; оно является доказательством его прогрессирующей слабости.* Если кризис капитализма вызвал в Америке глубокий социальный кризис, то в Германии, где капитализм потрясен во сто крат сильнее, он должен был вызвать *судороги фашистской реакции.* Насколько слабой она сама себя чувствует, лучше всего показывает тот факт, что ей пришлось украсть у революционного пролетариата

красное знамя и майский праздник. Собираясь «уничтожить марксизм», она из страха перед пролетариатом должна пытаться мистифицировать его собственными символами. Но это ей не поможет.

Национал-социалисты чествуют Фридриха Великого как своего героя. Фридрих Великий вел семилетнюю войну, держа яд в кармане. Он ее выиграл, использовав противоречия между Англией и Францией, которые находились почти на равном уровне развития. Германские фашисты хотят выиграть на противоречиях между умирающим капиталистическим миром и рождающимся социализмом, ставя ставку на капитализм.

В отличие от Фридриха Великого, им придется воспользоваться ядом.

Май 1933 г.

СУМЕРКИ ГЕРМАНСКОЙ БУРЖУАЗИИ

Дела и мысли господ Уврардов

Крупный германский промышленник *Отто Вольф* не выдвигает — поскольку мы знаем — своей кандидатуры в Прусскую академию наук; но, не довольствуясь миллионами, нажитыми во время войны и после нее, г. Отто Вольф пытается играть политическую роль в качестве человека круга генерала фон-Шлейхера. В его вилле собираются «благородные фашисты» из Перевровского круга вместе с дельцами из германских реформистских профсоюзов и из заправил «левого» крыла национал-социалистов, чтобы строить так называемый «третий фронт», который должен явиться профсоюзным заслоном диктатуры немецкого финансового капитала, если правительство фон-Папена не удержится. И вот как бы в обоснование своей политической роли г. Отто Вольф выпустил недавно исторический труд, посвященный биографии *Увррарда*.

Кто такой Уврард, знали только специалисты по экономической истории Французской революции, консульства наполеоновского режима и реставрации во Франции. Это — крупный спекулянт, начавший свою пиратскую карьеру с основания фабрик бумаги. Потом он пустился в большое плавание и был по очереди крупным спекулянтом по продовольствию, главным провиантмейстером франко-испанского флота, банкиром и поставщиком французского правительства времен Наполеона и реставрации. За это время, зарабатывая десятки миллионов, он то поднимался вверх на крыльях спекуляции, то опускался вниз, в тюремные подвалы, из которых выходил победоносным при помощи отложенных на сторону миллионов. Г-н Отто Вольф пишет о нем с восхищением, с любовью, считая его гением, да-

леко превосходящим Наполеона. Вольф настолько одушевил облик его героя, что он написал поистине талантливую книгу, бросающую яркий свет на крупную буржуазию времен Французской революции.

Что увлекает г. Отто Вольфа, что позволяет ему, хорошему германскому патриоту, забыть пренебрежение, с которым относилась предвоенная германская буржуазия, воспитанная в страхе божьем и в страхе перед остальбскими юнкерами, к безбожной Франции, и выбрать своим героем дельца Французской революции?

Г-н Отто Вольф почувствовал классовым инстинктом *настоящего предка* германской буржуазии.

Рейхсканцлер фон-Папен в поисках идеологического прикрытия диктатуры финансового капитала выступает в средневековом панцыре, с рыцарским копьем в руках. Забывая, что является акционером завода фарфоровой и фаянсовой посуды, он говорит о восстановлении германского «санктум империум», святой империи средневековых времен. Помещик и офицер ищет феодальных предков для королей германской промышленности, чтобы подчинить их старой полуфеодальной бюрократии. Г-н Отто Вольф не разыскивает предков в средних веках или даже в вильгельмовской эпохе. Он поднимает на щит спекулянта Французской революции, который умел наживать и при Конвенте, и при консульстве, и при Наполеоне, и при Людовике XVIII, который прошел огонь, воду и медные трубы. Указывая на оный высокий пример, г. Отто Вольф говорит своим братьям промышленникам по металлу и углю: «Вот пример гибкости, умелости, энергии, вот как можно выйти сухим из воды собственными силами. Что нам честные бюргеры времен фрейтаговских «Sol und haben»! Это — мелюзга. Что нам Круппы и Борзиги вильгельмовского времени, политически безвольные, полагающиеся на юнкеров? Будем же как мой герой, что умел у чорта изо рта вырвать золото».

Самый факт выбора героем германской буржуазии французского спекулянта времен революции и реставрации свидетельствует о глубоком классовом инстинкте г. Отто Вольфа. Поэтому нельзя рассматривать книгу Вольфа как курьезный результат досугов крупного промышленника, как это делает германская пресса. В этой книге выражается

новое самосознание капитанов германской промышленности, их убеждение, что они сумеют справиться с громадными задачами и затруднениями будущего.

Мы вспомнили книгу Вольфа об Уррарде, когда нам в руки попал замечательнейший документ, а именно: статьи немецкого бюллетеня «*Дейче фюрер брифе*», посвященные оценке внутренних политических задач германской буржуазии. Этот бюллетень издается доктором Францем *Гейтером*, долголетним сотрудником «Имперского союза немецкой промышленности», руководящего объединения германского капитализма. Он предназначен для ограниченного круга главарей немецкой промышленности, которых ориентирует в политическом положении. Статьи этого бюллетеня, на которые мы хотим обратить внимание читателя, представляют собой образчик сознательных, почти марксистских, формулировок политического положения германской буржуазии, данных ее агентами. Возможность появления подобного документа, возможность подобной классовой сознательности у представителя германской буржуазии показывает, как далеко она ушла вперед политически по сравнению с германской предвоенной буржуазией, которая слепо доверяла свои судьбы имперской бюрократии. Расплатившись за это большим военным поражением, проделав большие политические маневры с народными массами при помощи разных рычагов, германская буржуазия накопила громадный политический опыт, которого раньше не имела. Правда, Эберт и Шейдеман не Робеспьер и не Марат, и они не бросали господ капиталистов в тюремные подвалы, как это делал Конвент или даже, в случае необходимости, Наполеон со спекулянтами своего времени. Но это отсутствие последнего испытания огнем компенсировалось тем фактом, что германским Уррардам противостояли *16 миллионов германских пролетариев* — класс, являющийся непобедимым врагом, если бы он развернул все свои силы. Этот класс обмануть, разбить, запрячь значительную его часть в колесницу победоносной буржуазии,— все это требовало громаднейшей ловкости даже при наличии германской социал-демократии, которая, отказавшись от революционых задач, пошла навстречу своей буржуазии. Без Шейдеманов и Эбертов грманская буржуазия не могла победить пролетариат в 1918-1919 году, но без Гренеров,

Шлейхеров господа Эберты и Шейдеманы не могли бы справиться со своей задачей так легко, как они справились.

По обеим сторонам — и по стороне германской социал-демократии, и по стороне германской буржуазии — нужно было величайшее развитие тактических способностей, чтобы суметь сыграть ту игру, которая на 14 лет продлила жизнь германской буржуазии.

Статьи «Дейче фюрер брифе» заслуживают внимания не только германского, но и международного рабочего класса, как образчик ясного понимания стратегических задач врагом. Великая армия изучает «военную доктрину» своих врагов, что помогает ей выработать собственную стратегию. И в классовой борьбе, чтобы правильно оценить врага, надо знать, к чему он способен: он способен не только к кровавым расправам с рабочим классом,— в чем никто никогда не сомневался, но и к применению искусства маневрирования, недооценка которого представляет опасность для пролетариата. Одновременно эти статьи бросают ярчайший свет на внутреннее положение в Германии перед выборами 6 ноября. Наконец, они подтверждают при помощи авторитетнейшего свидетельства крупно-капиталистического органа правильность той оценки, которую давали коммунисты и социал- и национал-фашистам.

Бюллетень видит проблему, за решение которой борется германская буржуазия, в *консолидации ее режима.*

> «Проблема укрепления буржуазного режима в послевоенной Германии определяется в общем тем фактом, что руководящие круги буржуазии, держащие в своих руках хозяйство, представляют собою чересчур узкую группу, чтобы они сами могли быть носителями власти.
>
> Если они не хотят доверяться *очень опасному оружию чисто военного господства,* то их господство требует связи со слоями, которые, не принадлежа к буржуазии, могут помочь ей *закрепить это господство в самих народных массах* и таким образом стать последним столпом этого господства.
>
> *Этим последним или предельным столпом буржу-*

ного господства являлась в первый период послевоенной консолидации социал-демократия».

Определив таким образом, почти словами резолюции Коминтерна, *социал-демократию как самую важную опору буржуазного господства*, бюллетень определяет *задачу*, которую должна была исполнить социал-демократия:

> «*Необходимым условием всякого социального укрепления буржуазного господства в послевоенной Германии является раскол рабочего класса.* Всякое низовое растущее объединение рабочего движения по необходимости было бы *революционным, и против него нельзя было бы сохранить власть даже средствами военного насилия*».

Социал-демократия обвиняет коммунизм в расколе рабочего движения. Орган капиталистов свидетельствует: социал-демократия раскалывала рабочий класс в интересах сохранения буржуазного господства, которое не могли сохранить никакие белые банды. При помощи *каких же рычагов и средств* раскалывала социал-демократия рабочий класс? И снова почти терминами коммунистических резолюций отвечает на этот вопрос бюллетень:

> «В первом периоде укрепления буржуазного послевоенного режима и в период с 1923-1924 гг. по 1929-30 гг. *раскол рабочего класса опирался на социально-политические завоевания в области зарплаты, в которые социал-демократия перечеканила революционный штурм рабочего класса*».

Рабочий класс поднялся против господства буржуазии, а с.-д., пользуясь «уступками» буржуазии в области социальных реформ,— мы знаем, как жалки они были,— расколола рабочий класс, разбила его наступление и сделала из профсоюзов, массовой организации пролетариата, опору буржуазии.

> «Благодаря своему социальному характеру рабочей партии социал-демократия внесла в систему укрепления буржуазного господства не только свою чисто политическую силу, но и *более важную и более постоянную силу: организации рабочего класса*,

которые она связала с буржуазным государством, парализуя их революционную энергию»...

Как же действовала буржуазия конкретно для раскола рабочего класса при помощи социал-демократии и профсоюзов? На этот вопрос орган монополистического капитализма дает замечательный ответ:

> «Завоевания в области социальной политики и заработной платы действовали как *механизм шлюзов*. Эти *шлюзы* давали организованной части рабочего класса, хотя и диференцированный, но постоянный уровень занятости и заработков, стоящий значительно выше уровня безработной текучей массы низших категорий. *Эта часть занятых и крепко организованных рабочих была сравнительно охранена против воздействия безработицы и кризиса на ее жизненный уровень. Политическая граница между социал-демократией и коммунизмом проходит почти точно на социальной и экономической линии этих плотин и шлюзов*, и усилия коммунизма, не увенчавшиеся до этого времени успехом, были направлены на то, чтобы ворваться в эту охраняемую область профсоюзов».

После этого анализа раскола рабочего класса при помощи социал-демократии на рабочую аристократию и плебс орган капиталистов подводит *итоги помощи*, оказанной социал-демократией буржуазии:

> «Так как социал-демократическая подмена революции социальной политикой совпадает *с перенесением борьбы с заводов и с улиц в парламенты, министерства*, то-есть с заменой «*борьбы снизу*» «обеспечением сверху», то социал-демократическая и профсоюзная бюрократия, а с ними и та часть рабочего класса, которой они руководили, *была выдана с руками и ногами буржуазному государству и прикреплена к буржуазной власти*. Но это могло продолжаться только так долго, как долго социал-демократия могла еще сохранить хотя бы часть завоеваний и как долго рабочие доверялись ее руководству».

Социал-демократия не может уже сохранить тех крох со стола буржуазии, которыми она покупала рабочую аристократию и раскалывала рабочий класс. Она заговорила об оппозиции. Но прошлые годы не остались без последствий. Социал-демократия не может вернуться в первобытное состояние.

> «*1. Политика меньшего зла это не тактика, а это политическая субстанция (сущность) социал-демократии. 2. Связь профсоюзной бюрократии с государственным рулем сверху стала более глубокой, чем ее связь с социал-демократией.* Эта связь *будет существовать по отношению ко всякому буржуазному государству, которое захочет ее поддержать.* 3. Связь профсоюзной бюрократии с социал-демократией стоит и падает политически вместе с парламентаризмом. *4. Возможность либеральной политики монополистического капитализма зависит от наличия автоматического механизма для раскола рабочего класса.* Буржуазный режим, который захочет сохранить либеральную конституцию, должен быть парламентским, должен опираться на социал-демократию и оставлять социал-демократии достаточно уступок. Буржуазный режим, который уничтожает эти завоевания, должен пожертвовать социал-демократией и парламентаризмом и должен найти замену социал-демократии и новую конституцию».

А почему же отказывается буржуазия от либеральной конституции и ищет «замены» социал-демократии? И на этот вопрос мы получаем точный ответ:

> «Мы теперь находимся в процессе перехода, потому *что экономический кризис уничтожает по необходимости уступки, сделанные социал-демократией.* Это *создает стадию опасности.* Исчезновение уступок, делаемых социал-демократии, выключило действие механизма раскола рабочего класса и *рабочий класс начинает двигаться по направлению к коммунизму.*
>
> Буржуазное господство приближается к границе необходимости *военной диктатуры.* Установление ее

создало бы громадную опасность для буржуазного господства. Спасение от этой возможности только в том, если удастся расколоть рабочий класс и связать его, после того как нельзя восстановить механизма шлюзов *другими* непосредственными *путями*. Тут лежат положительные возможности и задачи *национал-социалистов*».

С брутальной ясностью орган немецких капиталистов устанавливает, что буржуазия не хочет или не может больше подкупать верхушку рабочего класса теми жалкими уступками, которые она ей делала. Таким образом исчез рычаг, при помощи которого социал-демократия раскалывала рабочий класс. Поэтому господство буржуазии находится в опасности. Социал-демократии, может, больше не удастся раскалывать рабочий класс. Рабочий класс начинает в своем большинстве итти и двигаться по направлению к коммунизму. Военная диктатура не является достаточной дамбой против этой опасности. Против нее буржуазия пытается *опереться на национал-социалистов*.

«*Задача национал-социалистов в 1932 г. представляет собой параллель к роли социал-демократии в 1918-1919 гг.* Параллель эта идет очень далеко. Тогдашняя социал-демократия и теперешний национал-социализм имеют *равные функциональные задачи*, и одна и другой должны были похоронить предыдущую систему и провести идущие за ними *массы не к революции, которую обещали, а к новой организации власти буржуазии. Часто делаемое сравнение Гитлера и Эберта имеет в этом смысле полную значимость*».

Даже если дело идет о настроении широких масс, идущих за национал-социалистами и социал-демократией, крупный капиталистический бюллетень не видит большой разницы между социал-демократией и национал-социалистами.

«Обе эти партии обращались к антикапиталистическим чаяниям масс и обещали им осуществление нового общества... Национал-социалисты имеют задачей — сменить социал-демократию и создать мас-

совую опору для господства буржуазии в Германии».

Мы увидим дальше, что *орган капиталистов не отказывается от дальнейшего использования социал-демократии*, что его слова «замена социал-демократии социал-националистами» означают только, что на данной стадии надо опираться больше на национал-социалистов.

Орган трестированного капитализма *не противопоставляет социал-демократию национал-социалистам функционально: задачи одной и другой — те же; изменились только условия для их выполнения.* Трестовый капитал, опираясь на национал-социалистов, боится довериться им полностью, отдать им полностью власть, точно так же, как он не отдавал ее полностью социал-демократии. Причины этого следующие:

> «Национал-социализм представляет пока-что все еще движение, штурм, марш, идеологию. Если пробраться в глубь этого движения, то видишь за ним *пустоту, ибо, охватывая многие слои и группы, национал-социализм не тождественен ни одной из них.* В этом обстоятельстве лежит фундаментальное отличие обоих массовых движений в смысле их значения для нового укрепления буржуазного господства».

Буржуазия, опираясь на национал-социалистов, выражает опасение, что им не удастся достаточно крепко связаться с рабочим классом и *что они не смогут полностью заменить социал-демократию.*

> «Так как национал-социализм не имеет специфической социальной основы, которая была бы и без Гитлера носителем национал-социализма, то он должен или захватить всю власть, дабы при помощи государственного аппарата создать себе то, что ему недостает социально, или сила его разобьется о социальную структуру, которая даст ему политический отпор».

Мысль этих вычурных формулировок ясна. Национал-социалисты не могут надеяться завоевать рабочий класс, хотя за ними идет часть отсталых рабочих. Они должны

завоевать всю власть, чтобы создать широкий слой нового чиновничества, социально от них зависимый, ибо они не могут, будучи у власти, закрепить своего влияния ни на рабочих, ни на мелкую буржуазию. Ведь им придется ликвидировать все уступки, сделанные буржуазией в области социальных реформ. Они могут опереться только на своих чиновников.

Где же выход из положения? Социал-демократия оказалась недостаточной опорой, ибо ликвидация социальных завоеваний рабочего класса шаг за шагом устраняет почву для раскола рабочего класса. Рабочие должны итти от социал-демократии к коммунизму. Национал-социалисты завоевать рабочий класс не могут. Чисто военная диктатура недостаточна для спасения буржуазии. «Дейче фюрер брифе» намечает *компромисс между профбюрократами и национал-социалистами, как новую опору власти финансового капитализма.* Уничтожение парламентаризма должно облегчить создание этого компромисса, ибо раз будет уничтожен парламентаризм, то профсоюзам не нужно социал-демократическое представительство в парламенте и они будут находиться в непосредственной связи с государственной властью.

> «Отделившись от социал-демократии, профсоюзы отказываются от своего политического представительства, место которого в непарламентарном или только частично парламентарном государстве должно занять новое своеобразное политическое руководство. *Если национал-социалистам удастся это руководство создать и ввести профсоюзы в фашистскую конституцию,* как это раньше делала социал-демократия по отношению к либеральной конституции, *то национал-социалисты стали бы носителями функции, необходимой для будущего буржуазного режима, и должны найти организованное место в новой государственной системе этого господства*».

Политический план ясен: парламент теряет значение, исчезает трибуна, с которой социал-демократия при помощи своих маневров обманывала рабочий класс. Профсоюзы должны и дальше существовать, как организация, свя-

зывающая рабочую массу. Государственная власть признает их, если они будут ее поддерживать, как фашизм в Италии признает существование фашистских профсоюзов. *Пусть национал-социалисты свяжутся с бюрократической верхушкой профсоюзов и помогут ей войти как составной части в новую государственную систему. За это буржуазия готова фашистам уплатить, допуская их к власти.*

СРАЩИВАНИЕ НАЦИОНАЛ- И СОЦИАЛ-ФАШИЗМА

Мы имеем здесь дело не просто с «генштабистскими» тактическими упражнениями на бумаге, а с планом, для проведения которого известные элементы имеются уже налицо в действительности. Только на днях *Страссер*, «левый» вождь национал-социалистов, похвально выразился о националистическом выступлении *Лейпер*та, главы реформистских профсоюзов. Эта похвала — продолжение линии, начатой Страссером в известной речи в парламенте, где он высказал свое согласие с большинством требований реформистских профсоюзов в вопросе подыскания работы для безработных. Происходили переговоры между национал-социалистами и Фуртвенглером, одним из теоретиков реформистских профсоюзов.

Эта попытка найти место в государственной системе немецкого фашизма характерна не только для *вожаков реформистских профсоюзов*, но и для руководителей созданного социал-демократией «*Имперского знамени*», массовой полувоенной организации. Эта массовая организация, созданная якобы для борьбы с фашизмом, стремится включиться в предстоящую организацию германской милиции, опирающейся на добровольческие организации.

Вождь «Имперского знамени» Гольтерманн указывает, что такое участие «Имперского знамени» в организации германской милиции помогло бы обеспечить ей демократический характер.

Чистка государственного аппарата от социал-демократов, проводимая правительством Папена, затронула только верхний слой социал-демократической бюрократии. Выброшенные с хорошо оплачиваемых мест, высшие социал-демократические чиновники фрондируют и говорят о

«борьбе» с папеновским правительством. Но десятки тысяч низших чиновников, не выброшенных из аппарата, сидят, как клопы за обоями, и отчасти пытаются быть незаметными, а отчасти, наоборот, демонстрируют свою готовность проявить преданность и новому режиму.

Речь профбюрократа *Тарнова*, провозглашающая помощь для осуществления экономической программы правительства Папена, выражает эти настроения.

Таким образом мы видим *тенденцию к сращиванию профсоюзов с новым аппаратом рождающейся открытой диктатуры финансового капитала.* Национал-социалисты еще не отказались от стремления к самостоятельному возглавлению власти. Поражение на выборах, если оно будет значительным, может ускорить этот отказ и ускорить процесс сращивания социал и национал-социалистов.

Современные господа Уврарды — тертые калачи, нечего говорить, они хорошо маневрируют. *Но одними маневрами жить нельзя.* Для того, чтобы маневрировать армиями, а не шашками на шахматной доске, надо эти армии накормить и одеть и дать им перспективу победы. И тут начинается просчет господ Wolt de Ouwraid.

Незачем недооценивать значения перехода профсоюзной бюрократии на сторону правительства диктатуры монополистического капитала, включения профсоюзов в этот аппарат. Но все-таки надо спросить: а что же, собственно, *эта профсоюзная бюрократия дает рабочим массам?* Она сохранит места и жалованье, но чем же она убедит рабочие массы, чем она удержит их от борьбы, если, как говорит цитированный бюллетень, надо ликвидировать социально-политические завоевания рабочей аристократии, т. е. ликвидировать социальные реформы.

Герой Отто Вольфа мосье Уврард поднимается на волне капиталистического развития. Превратности политических событий могли бросать его временами в тюрьму, но капитализм-то шел вперед, и с ним росли Уврарды.

Их немецкие поклонники, как показывают цитированные статьи,— люди неглупые. Но сова их сознательности вылетела во время сумерек капитализма. Капитализм перестал быть исторически разумным строем, строем, который выполняет прогрессивную роль. Он болен неизлечи-

мой болезнью, и поэтому не поможет господам немецким Уврардам хитрость, не помогут маневры, и если бы они оказались в десять раз умнее, чем их новоявленный предок и герой. У них нет исторического выхода из положения. Они могут выиграть битвы, но не войну.

Октябрь 1932 г.

ДЖОН ПЕРПОНТ МОРГАН НА ЧИСТКЕ

Французские якобинцы ввели в политическую историю понятие чистки. Отрезывая головы королям, графам и помещикам, дерясь против всего феодального мира, они, понятно, скоро сообразили, что, ежели режешь, нужен острый нож. В момент всякого крупного боя, в момент всякого большого потрясения они подвергали пересмотру свои ряды. *Якобинцы пролетариата*, большевики, восстановили эту меру не ради исторических воспоминаний, не для того, чтобы рядиться в исторические костюмы, а потому, что они ведут в десять раз более острую борьбу, чем это приходилось делать якобинцам. Якобинцы только устраняли препятствия для развития новых производительных сил. Большевики являются организаторами грандиозного здания социалистического производства. Якобинцы, разбив феодалов внутри страны, сражались с ними на поле брани внешних войн. Средств «вмешательства» в экономическую жизнь, саботажа, вредительства в руках феодалов не было или было несравненно меньше, чем имеют остатки капиталистических классов в первом социалистическом государстве.

Международная буржуазия высмеивает наши чистки, как выражение нашей нетерпимости, и хвастается тем, что в ее политических партиях всякой твари по паре и все уживаются в мире, любви и взаимном уважении. Насчет мира и любви она бы лучше молчала, что же касается уважения, питаемого друг к другу представителями буржуазных партий, то оно является только другим выражением поговорки: рука руку моет, но обе остаются грязными. Но история теперь так сильно потрясла почву под ногами буржуа-

зии, что ей приходится против своего желания *устраивать хотя бы видимость чистки своих рядов.*

Мастерами этих показных чисток являются *германские фашисты.* Они устраивают показные процессы если не представителей своей партии, своих организаций, то по крайней мере представителей конкурирующих с ними буржуазных организаций, клик, хозяйственных групп. Достаточно указать на процесс бывшего министра *Гереке,* члена национальной партии, руководителя выборной кампании в пользу президента Гинденбурга. Чтобы подмочить репутацию националистов, имеющих значительное влияние в рядах старой бюрократии, рейхсвера и в окружении президента, национал-социалисты поставили Гереке перед судом по обвинению в растрате денег, собранных с банков, трестов и помещиков на выборы Гинденбурга. Мелкий буржуа, прислушиваясь к судебному процессу, говорит себе: вот как любят чистоту фашисты, они не постеснялись вывести на чистую воду даже человека, который был доверенным лицом Гинденбурга. Мелкий буржуа не знает, что весь этот процесс имеет целью не вывести на чистую воду Гереке, а скомпрометировать окружение президента и напутать близких к президенту так, чтобы они не смели сопротивляться национал-социалистам. Гереке судят, но директор шерстяного треста *Лахузен,* обворовавший на десятки миллионов своих акционеров, не может найти своего судьи, ибо он давал деньги национал-социалистам.

Тяжелый кризис не только подорвал хозяйство *Соединенных штатов,* но и вызвал глубочайшее брожение в рядах американского крестьянства, в рядах американской городской мелкой буржуазии. Это привело Рузвельта к власти. Новое американское правительство пытается провести ряд мер, направленных на задержку радикализации мелкобуржуазных масс; для этого оно выдвигает вполне утопическую программу подчинения государственному контролю хозяйственной жизни Соединенных штатов и разыгрывает комедию чистки авгиевой конюшни монополистического капитализма.

Сама идея государственного контроля даже при капитализме вообще не утопична. Вопрос только, какой это

«контроль» и что он дает. Во время войны все капиталистические страны проводили в интересах победы своей буржуазии такой контроль. Поскольку дело идет о подготовке войны, и теперь возможен ряд мер, которые позволяют буржуазии в лице своего правительства подготовлять экономически будущую войну. Понятно, эти меры не могут принять того общего характера, который они имели во время войны, ибо война создавала рынок для контролируемой государством промышленности, а инфляция давала средства на оплату продуктов промышленности по любой цене. Этого рынка теперь нет. Инфляция только начинается. За исключением Японии, валюты крупных держав, несмотря на их отход от золотого стандарта, не потеряли больше 20 проц. Но если все-таки меры государственного капитализма возможны, то *утопической является идея, что при помощи этих мер капитализм может выйти из кризиса*, не говоря уже о вздорности социал-фашистских идей, видящих в таких мерах путь к социализму. Опыт исторически показал, что эти меры, которые на словах должны охранять народные массы от эксплоатации со стороны монополистической буржуазии, на деле открывают *путь к самому безграничному грабежу народного достояния акулами финансового капитала.* Опыт Соединенных штатов в войне это полностью доказал.

В книге *Джона Кенета Тернера* об участии Соединенных штатов в мировой войне (Shall it be again. N.-Y. 1922) дан громадный материал, показывающий, как грабили Соединенные штаты короли трестов и банков во время войны при «госкапитализме»: *Никогда в истории Америки и, вероятно, никогда в истории ни одной страны не существовало такого открытого и непосредственного контроля правительственных действий горсточкой богачей. Теоретически и юридически контроль находился в руках парламента. На практике власть сената и парламента была властью привратников контор плутократов, которых назначал президент»* (стр. 265). *Кто проводил этот государственный контроль?* Правительственный совет национальной обороны состоял из шести министров, но реальная власть была в консультативной комиссии, во главе которой стоял *Вилард*, председатель правления крупной железной дороги, членами этой комиссии были банкир *Барух*. *Ро-*

зенвальд, связанный с самыми крупными трестами, *Коффин* — вице-президент «Гудсон мотор корпорейшен». Во главе отраслевых организаций, созданных правительством для регулирования производства, стояли *главари самых крупных предприятий;* во главе *стального* комитета стояли *Гарри*, директор стального треста, *Шваб*, президент Вифлеемского стального треста. Во главе *медного* комитета стоял *Райн*, президент «Анакондского медного треста». Во главе комитета по производству *паровозов* стоял вице-президент Болдвинского паровозного треста и т. д., и т. д. *Функции этих джентльменов состояли в распределении между собою заказов правительства, в рекомендации, а на деле в установлении цен, которые правительство им должно было платить*» (стр. 268, Тернер). Автор показывает, как эти «плановики» и «регуляторы» зарабатывали на войне. О господине Моргане он говорит: «Многократно установлено, *что молодой Морган заработал в два года больше, чем его отец за всю жизнь*». Когда война началась, цены на пшеницу равны были 1,30 долл. за бушель. Весь урожай уже был продан, но крупные капиталисты продавали несколько месяцев позже бушель за 3,23 долл. Хлопок, купленный по дешевым ценам, достиг самой высокой цены за 45 лет. Стальной трест заработал за один год на 70 млн. долларов больше, чем за три года, предшествующие началу войны, совместно взятые. Вифлеемский стальной трест платил в 1917 г. *200 проц.* дивиденда, Болдвинская паровозная компания платила *500 проц.* дивиденда. Ничего удивительного, что во время войны в САСШ, так сказать, родилась *21 тыс. новых миллионеров.*

Все плановые идеи Рузвельта кончатся, если выйдут из фазы проектов, *созданием картелей трестов, которые увеличат концентрацию промышленности, усилят власть самых крупных капиталистических групп над рынком и таким образом увеличат прибыли самых сильных капиталистических групп.*

Так же, как пацифизм Вильсона и его реформизм только помогли американской монополистической буржуазии втянуть народные массы в войну, расширить и укрепить свою власть над ними, новый «*реформизм*» *Рузвельта*, независимо от его субъективных намерений, *является попыткой лучшей организации именно той трестовой и финансо-*

вой олигархии, против которой он выступает в своих речах. И поэтому такие факты, как *допрос Моргана* перед комиссией парламента, являются не актом действительной борьбы против власти финансового капитала, против разврата, который он вносит во всю жизнь страны, *а средством разряжения атмосферы, средством создать отдушину для настроений мелкой буржуазии.*

Мы еще не имеем стенограмм допроса Моргана, после которого будут допрашиваться еще другие банковские короли. Американских газет с этими стенограммами еще нет, и нам приходится судить на основании телеграмм в европейской буржуазной печати. Картина, которую дают даже эти короткие телеграммы, заслуживает внимания широчайших народных масс. Уже перед войною банковский дом Моргана контролировал предприятия, имеющие стоимость 22 миллиардов, т. е. он контролировал сумму в 20 раз большую, чем доходы правительства САСШ перед войной. Во время войны власть Моргана неимоверно выросла. Он финансировал Англию и Францию. После войны дом Моргана спас франк. Его агенты держали в руках репарационный аппарат.

Как же шли делишки г. Моргана во время кризиса? Еще в 1931 г. активы банка Моргана равны были *700 млн.* долларов, т. е. на 80 миллионов больше, чем перед началом кризиса. В начале кризиса акула еъедала рыбешки поменьше. В 1932 г. активы банка *упали на 220 млн.* долларов. Морган объяснял этот факт тем, что его банк поддержал 60 банков и предприятий, с ним связанных, вложил в них деньги, а дела этих предприятий идут плохо. На вопрос: какое обеспечение дали эти банки и предприятия дому Моргана, Морган ответил со скромностью древнего героя: «Наш дом не требует от приятелей никакого обеспечения». «Дом Моргана,— сказал г. Морган,— вырос на доверии, ему оказываемом. И он оказывает доверие тем, которые этого заслуживают».

Это все — белиберда, рассчитанная на наивных читателей. Правда состоит в том, что дом Моргана вложил громадные деньги в ряд предприятий. Эти деньги заморожены, активы дома Моргана уменьшились. Но если дом Моргана переживет кризис, то он концентрирует предприя-

тия, в которые вложил свой капитал, объединит их, убьет тех, которые менее способны к жизни, и повысит прибыли наиболее мощных. Тут г. Морган не занимался благотворительностью. Он, с одной стороны, вынужден был обстановкой итти на риск, вкладывать новые деньги в предприятия, в которые уже вложил значительные суммы, чтобы их спасти, а с другой стороны, он делал это в надежде, что так как он имеет больше шансов выдержать удары кризиса, чем менее мощные финансовые группы, то после он наверстает упущенное, хотя и с опозданием, получит проценты. Но как жертва кризиса г. Морган *не платил за все время кризиса никаких податей в САСШ*, ссылаясь на то, что американские законы позволяют отчислять от дохода потерянную часть состояния. Английский закон этого не допускает, и в Англии г. Морган платил налоги, но, понятно, нельзя требовать от Моргана, чтобы он платил из патриотизма больше податей, чем требовал от него закон. Если дело идет о благотворительности, то всякий свободен выбирать ту форму благотворительности, которая ему наиболее нравится. И г. Морган для удовлетворения своих благотворительных инстинктов избрал *форму поощрения всем родам деятельности, полезным для государства и для общества.*

Мелкобуржуазная американская пресса трясется от возмущения. Г-н Морган давал акции не по рыночным ценам, а по *ценам почти наполовину ниже, целой плеяде «великих людей»*. Президент Соединенных штатов г. *Кулидж*, американский Аристид, представитель стопроцентного американизма и честности, в рот хмельного не берущий, изрекающий редко, но зато золотые слова, сойдя с президентского престола, немедленно получил наполовину даренные акции от Моргана. Но разве это не доказательство возвышенных чувств Моргана? Ведь не действующему президенту давал он подарки, а вернувшемуся к домашней тишине, откуда только по временам изрекал истины для народа. Разве ушедший от дел президент должен был заняться спекуляцией? Морган взял спекуляцию на себя, чтобы президент, ушедший от дел, мог в дальнейшем думать только о возвышенных вопросах. Только низменный человек может заподозрить Моргана в желании подкупить человека, пользующегося еще большим по-

литическим влиянием, и только недостойный человек может допустить мысль, что готовность г. Кулиджа получить наполовину даренные акции имеет какой бы то ни было нескромный оттенок.

Если г. Морган одалживал деньги, давал акции по пониженным ценам *генералу Дауэсу*, когда он был послом в Лондоне, или другим американским дипломатам, то это не было средством, при помощи которого финансовый капитал подкупал дипломатию, подчинял ее своей воле. Наоборот, г. Морган освобождал дипломатию от цепей финансовой олигархии, ибо, как известно, в других капиталистических странах дипломатические посты занимаются только людьми, имеющими громадные состояния. Дипломатическая профессия, совершенно устаревшая со времен, когда существует почта, а тем более, когда существуют радио и авиация, требует громадных расходов. Посол не ведет переговоров в кабинете, он для переговоров завтракает и обедает, и обязательно хорошо. Посол не читает ни книг, ни газет. Он «ориентируется» на балах и приемах. И не может же посол ударить лицом в грязь перед каким-нибудь мыловаренным или пивоваренным миллионером, который расходует десятки тысяч на один прием. Посол должен тоже иметь возможность устраивать такие приемы. Нужных ему для этих расходов денег не может дать никакое государство из боязни перед общественным мнением людей, которые больше трех блюд не видели. Или надо отменить старомодную профессию послов, заменив их курьерами и посылаемыми на переговоры на аэропланах чиновниками, или надо дать возможность людям, не являющимся миллионерам, исполнять обязанности посла. И Морган поддерживал дипломатические таланты людей, не заработавших на предыдущих спекуляциях миллионов (как известно, генерал Дауэс, поддерживаемый на лондонском посту моргановскими подачками, позже так научился грабить, что сам сможет в будущем со своей стороны поддерживать молодые таланты).

Морган не ограничивался поддержкой дипломатов. Он давал «взаймы» генералу *Першингу*, командующему американской армии во время войны. Только циники могут сказать, что это был процент от сотен миллионов, заработанных Морганом на войне. Если он давал подобные зай-

мы национальному герою — летчику *Линдбергу*, то в этой «поддержке» скрещивались и любовь к смелому летчику и желание поддержать зятя Двайт Мороу, компаньона фирмы и американского посла в Мексике (насколько сентиментальным является капитал, свидетельствует изречение Двайт Мороу, который, объясняя, почему выдает дочь за Линдберга, сказал: «Я собираюсь выставлять свою кандидатуру в президенты. О Линдберге пишут все газеты. Свадьба моей дочери с ним, это — величайшая реклама. А если он себе свернет шею, то будет другой раз даровая реклама»).

Г-н Морган, давая показания перед комиссией, сумел проявить еще одну сторону своего величия: *он поддерживал не только республиканцев*, как генерал Дауэс или Кулидж, он *поддерживал и демократов*, как Оуэн *Юнг* или *Раскоб*, который был главным руководителем избирательного аппарата демократической партии. Демагоги могут сказать, что таким образом Морган *подкупал и республиканскую и демократическую партии*. Но если отбросить вульгарное слово «подкуп» и сказать, что он *влиял* на обе партии буржуазии, то это показывает только, какую благотворительную роль играет финансовый капитал, обеспечивая постоянство в политике, необходимое в интересах «общества». Лучшим доказательством, что Морган так именно понимал «поддержку», оказываемую представителям обеих партий, является тот факт, что он ведь сам об этом рассказал комиссии, ничего не скрывая и ничего не стыдясь. Если некоторые газеты утверждают, что Морган, выкладывая на стол всех демократов, которых держал в кармане, этим хотел сказать Рузвельту, что опасно чересчур далеко заходить в демагогии, то г. Морган за такое толкование его чистосердечия, как *шантажа*, понятно, не несет никакой ответственности.

Мы не знаем, как откликнулась крупнокапиталистическая пресса Америки на допрос Моргана, но достаточно привести оценку венской «Нейе фрейе прессе», газеты, представляющей теперь очень обедневший финансовый капитал, но искони выражающей взгляды биржевиков, и оценку ее братского органа — будапештского «Пестер Лойд», чтобы видеть насколько *вынуждена* эта «чистка»

Моргана и насколько буржуазия... ее *не боится:* «Это не зрелище, которое заслуживает подражания,— пишет венская газета,— президент Рузвельт показывает то, что американцы называют большой палкой. Он проводит инфляцию и одновременно борется с инфляционистами, *он создает условия, в которых создаются миллиардные биржевые прибыли, и одновременно он хочет регламентировать промышленность,* как какой-нибудь ученый государственный социалист. При этом *для народа он устраивает маленькую охоту.* Магнаты из Уолстрит должны явиться перед следственной комиссией и должны отвечать на вопросы человека по имени Пекора, на которого они даже сверху не посмотрели бы, если бы он случайно не был государственным прокурором в этом процессе». И венская биржевка жалуется на антикапиталистический дух, проявляющийся в Америке.

Будапештская биржевка, пролив слезы над реками Вавилонскими, молодецки заявляет: «Это был *кинопросмотр, устроенный для маленького человека с улицы. Хотели показать маленькому человеку, миллионам маленьких людей, потерявшим деньги на бирже, что для демократического режима Уолстрит и цезарь Уолстрита Джон Перпонт Морган не является недотрогой*». И так же, как венская, будапештская биржевка заявляет, что самое важное в этом деле — это демагогическая тенденция подзадоривания мелкобуржуазной массы против финансового капитала.

Обе биржевки правы: они великолепно знают, что так же невозможен капитализм без коррупции, как невозможны публичные дома без разврата. Биржевые жрецы правы, когда вспоминают, что дядя теперешнего президента Соединенных штатов бывший президент *Теодор Рузвельт* в 1903 г. начал бешеную «борьбу» против покойного папаши Перпонта Моргана по поводу объединения двух больших железных дорог в руках морганговского дома и что эта борьба окончилась *полной победой дома Моргана над Белым домом.* Вспоминая эту историю, базельская биржевая газета «*Базелер нахрихтен*» пишет: «*Мы не ошибемся, высказывая мнение, что и теперешние неприятные разоблачения не потрясут дома Моргана. Человека, который финансировал войну, не легко опрокинуть*».

Базель — город тихий, далекий от мировой бури. Поэтому там был помещен «Репарационный банк». Но и Репарационного банка этого скоро не будет. Война, которую финансировал г. Морган, потрясла кое-что побольше и покрупнее дома Моргана,— она потрясла капиталистический строй. И поэтому даже показные демагогические «чистки», устраиваемые режиссерами капиталистических партий, чтобы создать отдушину для настроений мелкой буржуазии, имеют *революционизирующее влияние.* Они показывают гниль капитализма воочию массам, которые видят, как возникает новый социалистический строй, не знающий капиталистической гнили. *Показные чистки могут уступить место действительным чисткам мировой атмосферы исторической бурей.*

Июнь 1933 г.

VI

Кровавая вина

КРОВАВАЯ ВИНА

Пришли сведения о том, что в Петрограде восстали рабочие, что царское правительство разлетелось в прах. «Первая революция, порожденная всемирной империалистической войной, разразилась. *Эта первая революция, наверное, не будет последней*,— писал Ленин 21 марта 1917 г.

Исполнилось то, что он проповедывал с самого начала мировой войны. «Империализм поставил на карту судьбу европейской культуры: за данной войной, если не будет ряда успешных революций, последуют вскоре другие войны — сказка о «последней войне» есть пустая, вредная сказка, мещанская «мифология» (по первому выражению «Голоса»). *Пролетарское знамя гражданской войны не сегодня, так завтра, не во время теперешней войны, так после нее,— не в ту, так в ближайшую следующую войну соберет вокруг себя не только сотни тысяч сознательных рабочих, но миллионы одураченных ныне шовинизмом полупролетариев и мелких буржуа, которых ужасы войны будут не только запугивать и забивать, но и просвещать, учить, будить, организовывать, закалять и подготовлять к войне против буржуазии и «своей» страны и «чужих» стран* [1],— писал Ленин еще 1 ноября 1914 г. И вот свершилось. И обдумывая, как бы возвратиться на родину, чтобы возглавить первую революцию, порожденную войной, Ленин устанавливает, какая будет расстановка классовых сил в предстоящих революционных боях. Он, который изучал в продолжение больше чем 25 лет конкретнейшим образом классовую структуру царской России,

[1] Подчеркнуто мною.— *К. Р.*

который знал, так сказать, чем дышит всякая единица русской статистики, не сомневался, что с революционным пролетариатом пойдут значительные слои крестьянства, не говоря уже о батраках. Он знал, что пролетариат возглавит городскую бедноту. Это доказал не только марксистский анализ русской действительности, это доказал грандиозный опыт 1905 г. Но в отличие от 1905 г., когда европейский пролетариат, относясь с большой симпатией к революции, активно ей не помог, теперь можно было и надо было рассчитывать на *активную помощь рабочих всех стран*. «Не надолго удалось буржуазии оттянуть революционный кризис, порожденный войной. *Он растет с неудержимой силой во всех странах*[1], начиная от Германии, которая переживает, по выражению одного посетившего ее недавно наблюдателя, «гениально организованный голод», кончая Англией и Францией, где *голод* подвигается *тоже* и где организация гораздо менее «гениальна»,— писал Ленин в том же самом «Письме издалека».

Он ни на момент не забывал, что силы, противодействующие пролетарской революции, могут еще задушить ее. Он повторял это позже многократно в 1917 г., он повторял это с величайшей силой во время брестских споров. Он еще раз подчеркнул это в своем докладе о международном положении на II конгрессе Коминтерна, говоря, что если положение буржуазии исторически безысходно, то это не значит, что она не может найти временного выхода. Но великий вождь пролетарской революции не занимался гаданием на кофейной гуще, «предсказыванием» революции и пассивным взвешиванием ее шансов. Русский пролетариат восстал не благодаря тому, что он был «избранным революционным пролетариатом среди рабочих других стран»... «Не особые качества, а лишь особенно сложившиеся исторические условия сделали пролетариат России *на известное, быть может, очень короткое время* застрельщиком революционного пролетариата всего мира»,— писал Ленин в «Прощальном письме к швейцарским рабочим». И долг русских большевиков не только как русских революционеров, но как представителей международного пролетариата, всеми силами вести вперед рус-

[1] Подчеркнуто мною.— *К. Р.*

скую Февральскую революцию от её мелкобуржуазного, демократического этапа — вперед к борьбе за победу мирового социализма. И Октябрь 1917 г. видел победу большевиков, возглавивших пролетариат и массы страдающего, отчаявшегося крестьянства, видел победу первой пролетарской революции. Открылась новая страница в истории человечества.

О том, *что делалось за линией военных фронтов*, на которых перегрызали друг другу горло армии Антанты и германского империалистического блока, Ленин и большевики узнавали только в *самых незначительных размерах*. Хотя во всех странах у большевиков были друзья, военная цензура не пропускала никаких сведений о революционном движении, не позволяла передавать из одной страны в другую сведения о том, что было известно насчет революционного движения в воюющих государствах. Только время от времени правительства приоткрывали кусок занавеса, когда им это было нужно для репрессий против пролетарских организаций. Так к концу 1917 г. мы узнали о массовых арестах в *германском флоте* и о смертных приговорах матросам, ведущим в нем революционную пропаганду. После крушения империи Гогенцоллернов этот занавес поднялся целиком, и картина революционного движения в военной *Германии* теперь перед нами открыта. *Что делалось в странах Антанты, как сильны были там революционные движения в армии, в пролетариате — об этом по сегодняшний день мы не имеем полного представления.* Только за последнее время кое-какие новые факты стали известны о том, что происходило во Франции и Англии. Только на-днях появившийся *IX том дневника*[1] тогдашнего президента французской республики Раймонда *Пуанкаре* сообщает ряд сведений о революционных событиях во французской армии, совпавших с первыми месяцами Февральской революции.

«Генерал Франсе д'Эспере сообщает главнокомандующему, что два пехотных полка — 36-й и 126-й — решили итти на Париж. Приняты меры для разгона их. В Дорман они кричали: «*Долой войну! Да здравствует русская революция!*» (Дневник от 30 мая).

[1] 1932, стр. 448.

31 мая Пуанкаре записывает: «В военном комитете Петен прочел доклад о восстаниях в 36-м и 126-м пехотных полках. Солдаты не отказались признавать своих начальников, но решили между собою захватить поезда, отправиться в Париж и послать делегацию в палату с требованием немедленного мира. Среди них распространялись сведения о том, что аннамиты, находящиеся в Париже, имеют приказ стрелять во французские войска. Эти ложные слухи распространяются с громадной быстротой».

1 июня Пуанкаре отмечает начало *забастовок в Париже.* 2 июня он записывает: «Полковник Эрбильон доносит мне *о новых восстаниях. На этот раз в 21-м корпусе люди отказываются отправляться в окопы*».

4 июня он записывает, что вынесены *смертные приговоры* и что на просьбу военного министра Пенлеве о помиловании он ответил: «Это время не допускает проявления слабости». Далее Пуанкаре сообщает: «Полковник Эрбильон донес мне о новых происшествиях. Часть солдат демонстрировала с криками: «Долой Пуанкаре! Долой Рибо!» Это не имеет значения, но *они отказались итти в окопы*, отказались разойтись, отказались повиноваться приказам, а это *очень серьезно*».

11 июня Пуанкаре записывает: «Петен сообщил нам новые сведения о положении в армии, *5 корпусов уже охвачены болезнью:* «Болезнь серьезная,— сказал генерал,— но есть лекарства. Надеюсь в несколько недель справиться с положением. Надо будет дать урок всем *восставшим полкам, надо будет отказаться от помилования во всех случаях коллективного неповиновения, во всех случаях, когда солдаты покидают посты*». Совет министров согласился с ним».

19 июня Пуанкаре записывает о приведении в исполнение *18 смертных приговоров,* о восстаниях среди русских войск, находящихся во Франции; 22-го он сообщает о докладе министра внутренних дел Мальви, который сообщает *о связи революционного движения в армии с революционным движением среди рабочих.* «В полках, находящихся в разных местах,— пишет он,— слышатся те же самые лозунги: «*Мы не пойдем в наступление. Мы хотим мира!*» Он сообщает о распространении революционных

брошюр на станциях, где скопляются солдаты, о захвате ими поездов.

Картина, даваемая г. Пуанкаре, очень пестра. Г. Пуанкаре вообще не очень любит неприятные сведения. Так, например, *победа Октябрьской революции* находит у него отражение буквально в двух строчках: «Плохие новости из России. Максималисты торжествуют». Но мы имеем *другой источник*, позволяющий дать более точную картину событий, разыгравшихся весной 1917 г. во французской армии. Французский публицист *Поль Аляр* использовал в ряде статей помещенные в августе и сентябре этого года в парижской газете «Эвр» стенографические протоколы тайных заседаний французской палаты депутатов и сената, посвященных революционным событиям в армии. Эта работа показывает, что дело шло не о стычках, не о местных актах неподчинения, а *о крупном революционном движении, охватившем 75 пехотных полков, 23 венгерских полка и 12 артиллерийских, т. е. охватившем значительную часть французской армии*, о движении, которое могло разрастись в революцию.

3 900 тыс. солдат Франции, Англии и Бельгии сражались против 2 600 тыс. немцев. Обе стороны пытались вырвать друг у друга победу, прибегая к невиданным до этого времени средствам уничтожения врага. Прячась от бешеного артиллерийского огня, несчастное пушечное мясо зарылось в окопы.

Фронты застыли. Не считаясь с жертвами, командующие пытались ежедневно продвинуться хотя бы на несколько метров то в ту, то в другую сторону. Немецкая попытка прорыва фронта у Вердена кончилась потерей сотней тысяч людей с обеих сторон. Руководящие круги французской буржуазии начали нервничать. Русская армия с каждым днем все больше выбывала из строя. Что будет, если она совсем выбудет? Поползли обвинения против «систематического», спокойного главнокомандующего Жоффра. Почему он не рискует? Почему только пытается отгрызться, отхватывать куски фронта? Надо рисковать. Жоффр снимается с командования. Его посылают с особой парадной миссией в Америку. Командующим назначается генерал *Нивелль*. Он решается вопреки советам командующего английской частью фронта Хейга и вопреки советам своего

начальника штаба Петена перейти к более решительным действиям. 12 апреля начинается французское наступление на линии реки Эн. Наступление это сумасшедшее. Немцы держат линию гор, французские войска атакуют с равнины горные хребты, великолепно защищенные артиллерией и пулеметами. На тайном заседании парламента и сената 29 июня депутат поручик *Ибарнегере* в следующих словах описал последствия этого наступления:

«Я вижу перед собой и всю жизнь буду видеть равнину над рекой Эн. Спустя четверть часа после начала нашего наступления без плана блуждают черные войска, ища своих руководителей. Их косят снаряды, по ним стреляют наши 75-сантиметровые пушки. *В 6 часов утра началось сражение, в 7 часов оно было проиграно.* Утренний сон был окончен. Сон о продвижении вперед, сон о мужественном, стремительном наступлении... А после этот хаос, эта неслыханная нищета, эта земля, залитая кровью, упреки, злоба, бешенство солдат против командования, которое таким образом пожертвовало лучшими из наших солдат».

160 тыс. жертв стоило это наступление. По показаниям, данным свидетелями на заседании парламента, установлено, что о раненых никто не заботился. Они бежали пешком, на подводах, легко раненые тащили тяжело раненых. Ряд дней они оставались без всякой помощи, лежа в лихорадке, они не имели воды, чтобы утолить жажду. Наступление генерала Нивелля было потоплено в крови. Но он *в мае возобновил* его с тем же самым результатом.

Истерзанные, залитые кровью солдатские массы, массы, которыми пожертвовали для того, чтобы бравый генерал мог показать, насколько он энергичнее своего предшественника, слышали, лежа в лихорадке, известия о русской революции, о революции, обещающей народам мир. Глубокое волнение охватывает их. Начальник штаба генерала Нивелля, генерал *Петен*, в своем докладе дает следующую картину этого пробуждения солдатских масс:

«Уже несколько дней накоплялись, вызывая беспокойство, акты коллективного неповиновения. Рота, которая должна была принять участие в наступлении на мельницу в Ляфо, отказалась итти на фронт. Солдаты распространяют прокламации: «*Долой войну! Смерть генералам!*» Они заявляют, что не хотят больше драться. 19 мая батальон,

который должен был выступить, разбежался по лесу. 20 мая запасная дивизия демонстрирует с пением «Интернационал» по улицам. 26 мая перед квартирой дивизионного генерала собираются солдаты 4 батальона, которые должны отправиться на линию фронта. Офицерам не удается их разогнать. 27 мая на участке Ляфер-ан-Тарденуа предстоит посылка батальона на автомобилях. Солдаты *стреляют* и не допускают отправку. Утром *занимают железнодорожную станцию*, чтобы захватить поезда. Сильный отряд жандармерии разгоняет их. 2 мая полки, получившие приказ выступить, демонстрируют, поют «Интернационал» и кричат: «*Не пойдем на фронт! Не пойдем на фронт!*» Того же самого числа в Суасоне полки пытаются уйти в Париж. 30 мая генерал Фош приказывает командующим и префектам принять все меры к восстановлению порядка».

В письме от 29 мая, которое зачитал Лаваль, бывший тогда членом социалистической партии, сообщалось: «*Армейский корпус отказался отправиться в окопы.* Ни просьбы, ни угрозы командующего третьим корпусом генерала Лебрена не смогли заставить солдат выполнить приказ. Особые отряды пулеметчиков были откомандированы для захвата их оружия. Командующий ими офицер сказал: «Это самый черный день моей жизни! Эти люди правы. Чего ожидать? Командование бессильно, офицеры молчат. Озлобление солдат растет». Шпионские бюро, перлюстрирующие солдатские письма, сообщают: «*Одна мысль повторяется с каждым днем все чаще и чаще, а именно, что не важно, как кончится война.* Разочарование переходит в гнев. Солдат можно успокоить только дипломатическими переговорами. *Остается только заключить мир*». Депутат Аристид Жобер, отправившийся на фронт с комиссией, которая должна была расследовать события, сообщает следующее заявление, сделанное ему одним полковником: «Я солдат, я должен слушаться. Я знал, что веду солдат на смерть. Я потерял 1 600 человек. Если бы они отказались меня послушаться, я бы отступил». Офицеры говорили Жоберу: «Если бы *отдать восставшим голову генерала Манжена*, они бы успокоились». Депутат Бокановский, посланный для расследования положения в первой армии, сообщает следующие слова одного сержанта, обвинявшего генералов в том, что они посылали солдат на верную

смерть только для того, чтобы получить военные отличия. «Недостает лишь, чтобы генерал вел своих солдат на погибель только для того, чтобы окрасить их кровью свой галстук».

Движением было охвачено 115 полков. Движение это представляло собою *не демонстрацию солдат, а восстание армий. Мир о нем не знал. Не знала о нем даже немецкая разведка.* О нем знали только *верхушка французской буржуазии и руководство французской социалистической партии.*

Французская *социалистическая партия* возникла как партия рабочего класса, как партия, которая стократно клялась вести пролетариат на борьбу против войны. Она клялась в Штутгарте и Базеле в случае войны сделать все, чтобы эта война кончилась победой социализма. *И что же делала французская социалистическая партия, получив сведения о том, что в армии идут восстания, что восставших расстреливают военные суды?* Протоколы дают на это яркий ответ.

От имени социалистов на тайном заседании палаты и сената говорил Лаваль.

«Во всей стране мы находим людей, которые желают мира. На фронте и в стране видно разочарование. Эта усталость от войны является источником последних событий. Мы здесь не для того, чтобы друг друга обманывать и говорить красивые фразы о стойкости Франции. Надо отчетливо сказать то, что есть: Во Франции господствуют усталость от войны и желание мира. Мирный вихрь носится над страною».

Прочитав приведенные уже выше письма с фронта, Лаваль заявляет, что «*он далек от того, чтобы производить на кого-нибудь давление*». Он прочел письмо только для того, чтобы стала известна правда. «Если французский парламент и французское правительство,— продолжает Лаваль,— заявят, что в случае народного восстания, они выступят против массы, то вы, господа, должны принять полную ответственность. Вы должны решать, не лучше ли в дальнейшем *сохранить спокойствие, не раздражать народных масс*, не делать ненужных вещей, понимая, что после таких громадных потерь, после трех лет войны

страна устала, что *надо искать лучших средств для того, чтобы поднять заново моральную силу страны*». Возгласы: «Что это за средство, что вы предлагаете?» Это средство,— отвечает Лаваль,— которое должно дать войскам и рабочему классу *надежду и мужество*, это — хотите ли вы или нет — «Стокгольм».

Социал-демократические участники тайного заседания палата и сената, скрывая от народных масс факт восстания в армии и принимая участие в заговоре империалистической буржуазии против пролетариата, умоляли ее открыть отдушину, обмануть народные массы надеждой на то, что *стокгольмская конференция II интернационала* даст мир. Вся кровь, пролитая на войне, кровь расстрелянных военными судами солдат, должна была дать, как единственный результат... разрешение социал-демократам отправиться в Стокгольм и там разыграть *комедию борьбы за мир* с представителями германской социал-демократии, комедию мирных переговоров между представителями партий, которые совместно присягали вести войну против войны и совместно эту присягу растоптали ногами.

Но *французская империалистическая буржуазия, увидев, что никто не возглавляет восстания солдат, что она может безнаказанно расстрелять вождей восстания, что социалистическая партия скрывает от народных масс восстания, происходящие за кровавой завесой линий фронта, поняла, что она выиграла дело.* Она даже не разрешила социал-демократам разыграть комедию борьбы за мир. Она знала великолепно, что господа социал-демократы только играют мирной конференцией, которая кончится ничем. Но она боялась, что если эта конференция кончится ничем, то солдатская масса, взбудораженная сведениями о переговорах, может выйти из повиновения. 31 мая Пуанкаре записывает следующий свой разговор с генералом Петеном: «Я поставил в решительной форме генералу Петену вопрос: «Если состоится международный социалистический конгресс в Стокгольме и если французы встретятся с немцами, чтобы обсуждать условия мира, *удержите ли вы армию в руках? Захочет ли она продолжать сражаться?*» Петен ответил мне ясно: «Нет». Этот односложный ответ, произнесенный твердым голосом, произвел сильное впечатление на членов военного совета».

Так безрезультатно напитала землю кровь восставших французских солдат. Не выросли из нее красные гвоздики народного восстания. Социал-демократия помогла их растоптать.

«Пусть маловеры предаются отчаянию по поводу временной победы в европейском социализме таких отвратительных лакеев империалистической буржуазии, как Шейдеманы, Легины, Давиды и К° в Германии, Самба, Гед, Ренольд и К° во Франции, фабианцы и «лабуристы» в Англии. Мы твердо убеждены, что эту грязную пену на всемирном рабочем движении сметут быстро волны революции» [1],— писал Ленин в своем «Прощальном письме к швейцарским рабочим».

Союз империалистической буржуазии и социал-демократических предателей задушил начинающееся восстание пролетариата 1917—1919 гг. Господа социал-демократы, помогая буржуазии задавить пролетарскую революцию в ее начале, свято храня тайну о своей помощи, оказанной палачам под покрывалом военного режима, смеялись над «романтизмом» Ленина, который, якобы, переоценил революционность положения, созданного войной. Но после 15 лет из могил восстают тени солдат, расстрелянных за то, что пытались окончить войну революцией, расстрелянных при политической помощи вождей французской социалистической партии. И эти кровавые тени свидетельствуют историческую правду.

Помогая душить пролетарские восстания, они обещали пролетариату *триумф демократии*, которая даст победу *социализму* более легким путем, чем путь революции. Во время кратковременной стабилизации капитализма они открыто прокламировали задачу его сохранения для того, чтобы его реформировать, чтобы дать ему возможность «преобразиться» в государственный капитализм. Теперь вождь II интернационала г. Вандервельде помещает в бельгийской социалистической печати письмо к Августу Девия, в котором заявляет: *«Я пришел к убеждению, что наша задача как социалистов не может состоять в сотрудничестве для спасения обанкротившейся системы. Мы должны бороться — даже в условиях, которые могут стать тра-*

[1] Подчеркнуто мною.— *К. Р.*

гическими — за создание общественного порядка, который заменит эту систему».

И старый плут подкрадывается к *вопросу о войне*, подкрадывается к памятнику кровавой вины социал-демократии и спрашивает: «А если война вспыхнет, что сделал бы Интернационал? Может ли социал-демократия *перед лицом фашизма, насилия реакционных партий, уничтожения свободы и политических прав везде, где буржуазия чувствует опасность, полагаться на демократические методы* как растет разочарование масс и пытается возбудить в них

В 1917 г. господа социалисты выдвинули перед лицом восстания во французской армии как средство окончания войны поездку в Стокгольм для принятия мирной резолюции. Теперь г. Вандервельде, указывая на то, что с мечтой о демократии, как средстве, обеспечивающем мирный захват власти пролетариатом, покончено, дает понять, что он не побоится «трагических условий» и пойдет в бой за социализм и против войны. Г. Вандервельде уже 66 лет. Он подписывает вексель на свою трагическую кончину в надежде, что спрашивать уплаты будут с других. Социал-демократия чувствует, как нарастает *кризис в ее рядах*, как растет разочарование масс, и пытается возбудить в них надежду, что начнет новую жизнь... с понедельника.

Пусть уроки французских событий 1917 г., как уроки германской ноябрьской революции, помогут рабочим во всем мире освободиться от социал-демократического дурмана. И тогда исполнится то, что писал Ленин в ноябре 1914 г.: «*Сегодня*, т. е. во время мировой войны, удалось еще социал-демократии саботировать победоносное восстание пролетариата. *Старые реформистские тенденции оказались еще сильнее новых революционных*». 15 лет миновало со дня Октябрьской победы русского пролетариата. Революционное движение пролетариата за это время выросло и окрепло. Первый раз на Западе налицо большевистские кадры, настойчиво борющиеся за завоевание большинства рабочего класса. Мирные перспективы постройки социализма демократическим путем оказались миражем. Ни буржуазии, ни социал-демократии не удалось задушить, залить кровью победоносную пролетарскую революцию в России: перед лицом банкротства международной социал-демократии стоит *первая советская республика*,

построив фундамент социализма, стоит, как *маяк надежд международного пролетариата и как доказательство кровавой вины II интернационала.* Всякий честный рабочий не может не спросить себя, как выглядел бы мир, *если бы социал-демократам не удалось предать пролетарскую революцию на Западе,* если бы весь пролетариат нашел в себе уже во время войны силу и решимость пойти за Лениным. Но придет время, когда исполнятся слова, сказанные Лениным в начале мировой войны:

«Пролетарское знамя гражданской войны не сегодня, так завтра,— не во время теперешней войны, так после нее,— не в эту, так в ближайшую следующую войну соберет вокруг себя не только сотни тысяч сознательных рабочих, но миллионы одураченных ныне шовинизмом полупролетариев и мелких буржуа, которых ужасы войны будут не только запугивать и забивать, но и просвещать, учить, будить, организовывать, закалять и подготовлять к войне против буржуазии и «своей» страны и «чужих» стран».

Этого не миновать и это может создать «трагическую обстановку» для господ вождей II интернационала, пытающихся еще раз обмануть пролетариат обещаниями.

Ноябрь 1932 г.

ЭДУАРД БЕРНШТЕЙН

В возрасте 82 лет скончался Эдуард Бернштейн, имя которого 35 лет назад и для буржуазии, и для революционного пролетариата стало именем знаменосца реформизма. И буржуазия, и революционная часть рабочего класса одинаково поняли значение выступления Бернштейна под лозунгом ревизии марксизма. Буржуазия ликовала, что в лице Бернштейна международный социализм проявил свою готовность капитулировать перед капитализмом. Революционные рабочие объявили Бернштейна ренегатом дела революции. К сожалению, в рядах II интернационала, за исключением большевистской части русской социал-демократии, было очень мало элементов, ясно понявших значение выступления Эдуарда Бернштейна. Большинство так называемых теоретиков II интернационала спорило с Бернштейном как представителем умеренных тенденций в социализме. Рабочие массы понимали своим инстинктом, что несет с собой Бернштейн. Это объясняет, почему на съездах германской социал-демократии, несмотря на примиренческое отношение ее верхушки к Бернштейну, учение его отклонялось громадным большинством делегатов. Рабочая масса чувствовала, что дело идет не о споре об оторванных от жизни вопросах, но об основных жизненных вопросах рабочего класса, о его существовании как класса революционного и о его праве на завоевание власти. Но если и левые элементы западноевропейского рабочего движения говорили, что победа бернштейнианства означала бы гибель революционного социализма, то они утешались, что реформизм окажется изолированным перед лицом обострения классовых противоречий. Один только *Ленин* видел,

что борьба с реформизмом является предвестником гражданской войны, которую во время революции придется вести с реформистами, как с основным отрядом буржуазии.

«То, что теперь мы переживаем зачастую только идейно: споры с теоретическими поправками к Марксу, то, что теперь прорывается на практике лишь по отдельным частным вопросам рабочего движения, как тактические разногласия с ревизионистами и раскол на этой почве,— *это придется еще непременно пережить рабочему классу в несравненно более крупных размерах, когда пролетарская революция обострит все спорные вопросы*, сконцентрирует все разногласия на пунктах, имеющих самое непосредственное значение для определения поведения масс, заставит в пылу борьбы отделять вратов от друзей, выбрасывать плохих союзников для нанесения решительных ударов врагу. Идейная борьба революционного марксизма с ревизионизмом в конце XIX столетия есть лишь *преддверие великих революционных битв пролетариата*, идущего вперед к полной победе своего дела вопреки всем шатаниям и слабостям мещанства»[1]. Эти слова Ленина, написанные в 1908 г., нашли свое полнейшее подтверждение в той роли, которую сыграл русский меньшевизм в революции 1917 года. Русские меньшевики еще пытались замазать значение для международного рабочего движения их предательства революции, указывая, что основоположник русского меньшевизма Плеханов принадлежал к самым решительным врагам Бернштейна и что на словах они объявляли себя врагами реформизма. Роль открытых реформистов в германской революции 1918 г. и вообще роль реформизма в подавлении всех революционных движений Западной Европы после войны доказала, что судьбы русского меньшевизма не представляют никакой национальной особенности, вытекающей, якобы, из мнимой незрелости русских социальных отношений для социализма.

Роль международного меньшевизма после войны доказала наоборот, *что реформизм стал основной опорой буржуазной контрреволюции именно потому, что во всем капиталистическом мире полностью созрели условия для со-*

[1] Ленин. Сочинения, т. XII, стр. 189, 2-е издание. Выделено мною.— *К. Р.*

циализма, которой стал только вопросом революционной силы и боевой готовности рабочего класса и его умения найти союзников для борьбы за низвержение капитализма. В лице Эдуарда Бернштейна умер знаменосец реформизма, при помощи которого мировая буржуазия пытается разложить изнутри рабочий класс и сделать его неспособным к захвату власти. Историческая роль Бернштейна принадлежит в основном к первому периоду реформизма, к его — так сказать — демократической фазе. Но он жил достаточно долго, чтобы собственной жизнью засвидетельствовать, что реформизм — отец *социал-империализма*, последний — отец *социал-фашизма*.

Эдуард Бернштейн родился и воспитывался в Германии, не завершившей своей буржуазной революции, в Германии, буржуазия которой капитулировала перед феодализмом даже не из страха перед собственным пролетариатом, тогда еще очень слабым, а под влиянием гигантской борьбы, которую вел французский пролетариат. Бернштейн воспитывался в среде, в которой происходила смычка молодого германского пролетариата, не освободившегося от влияния либерализма, с мелкой буржуазией. Отец его был железнодорожником, а дядя, имеющий большое влияние на молодого Бернштейна, Аарон Бернштейн, популяризатор естествознания, был редактором демократической «Фольксцейтунг», органа, наиболее распространенного среди радикальной берлинской мелкой буржуазии. Эдуард Бернштейн рос, как заурядный мелкобуржуазный молодой человек. Отец послал его учиться, а затем предназначал для банковской карьеры. Молодой банковский служащий пережил 1871 г., франко-германскую войну, не имея никаких других мыслей перед лицом войны, кроме желания победы Германии и ее объединения. В своих воспоминаниях он очень наивно рассказывает, что на Парижскую коммуну, которая потрясла умы и воображение всех революционных элементов, коммуну, за короткой историей которой следили с глубочайшим вниманием молодые русские революционеры по тем скудным сведениям, которые проникали в русскую подцензурную печать, на это событие, завершившее всю эпоху буржуазных революций и предвещавшее эпоху пролетарских революций, Бернштейн не

обратил никакого внимания. Но демократический мелкий буржуа, полный «доброй воли» и доступный всяким «возвышенным чувствам», с симпатией следил за протестом социал-демократии против аннексии Эльзас-Лотарингии, с возмущением за процессом Бебеля и Либкнехта, приговоренных к крепости за протест против военной политики Бисмарка, и только в 1873 г., когда Германия расплачивалась тяжелым кризисом за вакханалию грюндерства, охватившего ее после победы над Францией, Бернштейн понял, что капиталистический строй «не самый лучший», что он имеет известные «изъяны», начал искать новое мировоззрение. Но прирожденный эклектик, он составил его из лассальских брошюр и из сочинений берлинского профессора Бюринга, которому несколько лет спустя Энгельс поставил своеобразный памятник, беспощадно его разгромив. Характерно, что, по словам самого Бернштейна, больше всего ему нравился в Бюринге «либеральный характер учения этого берлинского «социалиста». Бернштейну эти либеральные тенденции бюринговского социализма казались особенно ценными в качестве средства, предостерегающего рабочих от преувеличенных надежд на завоевание в будущем государственной власти. Смысл этого очевиден. Не имея тогда, вероятно, даже понятия о диктатуре пролетариата, молодой Бернштейн боялся революционной борьбы пролетариата за овладение государственной властью для низвержения капитализма, ибо он стоял на почве мелкобуржуазной утопии исправления капиталистического строя.

Этот реформистский трусливый характер Бернштейна проявился немедленно, когда Бисмарк, запуганный ростом социалистического движения, начал период преследования германской социал-демократии и загнал ее в подполье. Эмигрировав за границу, Бернштейн присоединился к группе филантропа Гегберга, который, материально поддерживая социал-демократию, одновременно проповедует ее смирение, как лучшее средство преодоления бисмарковского преследования. Гегберг с согласия своего секретаря Бернштейна учит партию, что во всех преследованиях виноват радикализм в агитации и в социал-демократической прессе, что надо говорить цивилизованным языком для того, чтобы завоевать себе симпатию образованных слоев, без

которых невозможна победа социализма. Поведение Бернштейна в начале действия исключительного закона против германской социал-демократии показывает, что он не был даже последовательным мелкобуржуазным демократом, а был типичным представителем германского «демократизма», трусливого, подловатого, не смеющего бунтовать даже против власти помещиков и королей божьей милостью.

В Швейцарии, редактируя нелегальный орган партии «Социал-демократ», Эдуард Бернштейн входит в контакт с бежавшей от разгрома Коммуны французской эмиграцией, с итальянскими революционерами и пытается завязать связи с Марксом и Энгельсом, относящимися с глубочайшим недоверием и сомнением ко всему направлению «Социал-демократа» и к революционности тогдашнего руководства германской социал-демократии. Бернштейн начинает изучать сочинения Маркса и Энгельса, обращается к Энгельсу за советами, и его переписка с Энгельсом представляет собою те помочи, на которых мелкий буржуа Бернштейн пытается дотянуться до марксизма. Позже создалась легенда о революционном марксисте Бернштейне, которым он якобы стал под влиянием Энгельса на посту редактора «Социал-демократа». Кто теперь, имея перед собою переписку Бернштейна с Энгельсом, прочтет внимательно центральный орган германской социал-демократии, редактированный Бернштейном, тот увидит, что все, что есть в нем марксистского,— от писем Энгельса, от его советов, от его терпеливых разъяснений. Бернштейн в лучшем случае немножко научился отражать тот боевой дух, который проявили германские рабочие в борьбе с исключительным законом, в значительной мере вопреки воле части руководства германской социал-демократии. И в этот период вряд ли можно говорить о последовательном применении марксизма Бернштейном.

Изгнанный из Швейцарии под давлением Бисмарка и переехав в Лондон, Бернштейн попадает под двойное влияние: революционизирующее влияние Энгельса и совершенно противоположное влияние английской обстановки. Под руководством Энгельса он читает и изучает Маркса, политическую экономию вообще, историю, и хотя даже в своих лучших статьях он остается по-старому эклектиком, никогда не сумевшим овладеть «хитрой наукой диалектики», но

во всяком случае работы его становятся, так сказать, марксистообразными. А так как ему приходится часто писать ответы на книги, направленные против социализма, то его писания получают отрицательно боевой характер.

Но одновременно он внутренне подавлен картиной английского богатства, силами, олицетворенными в английском капитализме, и очарован английской буржуазной демократией. Мещанин из страны, в которой профессор университетов ползает на животе перед всяким фельдфебелем, из страны, в которой кайзеру воздаются чуть ли не божеские почести, где парламентаризм является только фиговым листом абсолютизма, Бернштейн с глубочайшим почтением относится к строю, где все решает парламент, где офицеры вне службы ходят в штатском и не имеют особых привилегий, где даже еврей мог стать премьер-министром. Даже английская колониальная политика начинает ему импонировать. Да, Клаив и Уоррен Гастингсы когда-то огнем и мечом завоевали Индию, да, английская капиталистическая промышленность засеяла костьми индейских ткачей всю громадную Индию. Но разве теперь англичане не строят в колониях железных дорог и не делают неграм прививок против заразных болезней. Еще при жизни Энгельса, Бернштейн поддается влиянию экономического подъема, который начался в последнем десятилетии XIX столетия. Если депрессия, начавшаяся в 80-х годах, вызвала в нем убеждение, что приближается конец капитализма, если это убеждение, а также героическая борьба рядовых немецких рабочих против Бисмарка создали в нем революционные настроения, то теперь он начинает задумываться над силой капитализма и спрашивает себя — не является ли учение Маркса о неизбежности крушения капитализма ошибкой.

Немедленно после смерти Энгельса он публикует приложение к истории 48-го года, написанной французским социалистом *Эрритие*. В этом приложении, которое тогда не обратило на себя ничьего внимания, Бернштейн высказывает убеждение, что Маркс ошибся в оценке степени классовых противоречий в 1848 г., что поэтому прав был Прудон и реформисты 48-го года, которые предостерегали рабочих от борьбы с буржуазией. В размышлениях своих он подходит к самым основным взглядам реформизма. Ци-

тируя слова Маркса, что «публичный и частный кредит являются экономическим термометром, по которому можно измерить интенсивность революции», и что в «той же самой мере, в которой он (кредит) падает, растут огонь и творческая сила революции», Бернштейн заявляет, что очень сомнительно «*является ли хозяйственный хаос лучшим условием создания новых жизнеспособных организмов. Именно в современном обществе с его очень сложными связями, с растущей взаимной зависимостью разных сфер производства друг от друга, трудно согласиться с такими взглядами. Рабочие могут быть заинтересованы в том, чтобы на один момент задержать колеса производства, но они не имеют никакого интереса в том, чтобы эти колеса заржавели*». В этих словах слышен уже основной мотив всей борьбы германской социал-демократии и реформизма против пролетарской революции, которая, по словам «левого» близнеца Бернштейна — Каутского, угрожает непрерывности производства, без которого не может жить современное общество.

Смерть Энгельса уничтожила тот обруч, который сдерживал действие всех внутренних сомнений Бернштейна и создавал впечатление о его приверженности марксизму. Теперь он поддался полностью влиянию «новых» явлений, якобы требующих пересмотра всех основных положений марксизма.

Во всех странах начался *бурный подъем капитализма, входящего в свой монополистический период*. Развитие электричества дало ему новый толчок. В англо-бурской войне, в войне Соединенных штатов против Испании, в подготовке завоевания Китая, в постройке Сибирской железной дороги капитализм начал последний период своего подъема. Бернштейн в этом видел проявление непобедимых сил капитализма, доказательство его вечной молодости. Одновременно рабочие во всех странах создают профсоюзы, которые на континенте во время депрессий вели чахоточную жизнь. Теперь они становятся массовыми организациями пролетариата, на волне капиталистического подъема с успехом борются за повышение заработной платы, сокращение рабочего дня, социальную гигиену и т. д. На всем континенте рабочие борются за избиратель

ное право, врываются в парламенты, и гонимые полулегальные социал-демократические партии становятся крупными факторами политической жизни. Возникает широко распространенная ежедневная пресса социал-демократии. Во Франции и в Англии начинается борьба мелкобуржуазных и даже среднебуржуазных слоев против реакции, которую несет с собою империализм.

Эдуард Бернштейн начинает мечтать *о другом пути к социализму*, чем тот, которому учил Маркс. Вся концепция Маркса кажется ему отжившей свой век, детской болезнью рабочего движения и результатом увлечения Маркса гегелевской диалектикой с ее развитием через противоречия, с ее скачками. Никакие скачки не нужны; но прыгнув, можно сломать себе ногу; рабочий класс при помощи своих организаций, профсоюзов, парламентской борьбы, кооперативов добивается растущего участия в национальном доходе. Если он везде завоюет демократию и пойдет на союз с демократической прогрессивной буржуазией, то он сумеет добиться без революции не только улучшения своего положения, но реформировать весь капиталистический строй, который перерастет в новый общественный порядок. В нем коммунальное и кооперативное хозяйство объединится с государственной промышленностью, находящейся под контролем демократического государства и с частной промышленностью, в которой профсоюзы добьются замены деспотизма частного капитализма хозяйственной демократией. Демократия из государства будет перенесена в хозяйство, и просвещенный рабочий класс при снисходительном отношении просвещенных капиталистов научится управлять наравне с его прежними господами. Что же касается империализма, опасности новых войн, гонки вооружений, то они будут вытеснены растущим сотрудничеством культурных наций, которые отменят таможенные тарифы и будут совместно развивать колонии. Рост «плановых элементов» в хозяйстве, выразителем которых являются тресты и профсоюзы, *устранит опасность экономических кризисов*, рост международного сотрудничества цивилизованных держав устранит опасность *войн внутри культурного человечества*. Если в будущем придется бороться с оружием в руках против негров, не желающих подчиниться благам цивилизации, то это

только приблизит их к культуре, а если придется вести войну против царизма, то это принесет только пользу его жертвам, которым Бернштейн, понятно, глубоко симпатизировал.

Эту мелкобуржуазную утопию развил Эдуард Бернштейн не сразу в полном объеме. Он начал от поправочек к Марксу, от сомнений без выводов, но толкали его вперед и логика мысли, и тот факт, что он скоро убедился, что из своего лондонского изгнания он *нащупал серьезную струю в рабочем движении Европы*. Бернштейн мог учесть тот простой факт, что его партия не изгнала его с позором, как предателя, что ряд вождей партии признал, что социал-демократия является чисто реформистской организацией, но что не стоит об этом кричать на весь мир, чтобы не пугать рабочих. Таких блюстителей марксистской ортодоксии, как Карла Каутского, пришлось буквально пинками поднимать на борьбу с реформизмом, причем в этой борьбе они избегали ответа на самый основной вопрос, поставленный Бернштейном, а именно, на вопрос о диктатуре пролетариата, Все это толкало Бернштейна на дальнейшее развитие своих идей, которые по существу были идеями примирения рабочего класса с капиталистическим строем и повторили все азы либеральных реформистов.

Бернштейн нашел широчайший отклик не только в лагере буржуазии, которая подняла его на щит, но и в лагере бюрократии II интернационала. Широкий слой *парламентариев*, ежедневно встречавшихся с представителями буржуазии, ищущий с ними совместного языка, *профессиональный чиновник*, который начал бояться за кассы профсоюзов и предпочитал заменять забастовочное движение договорами о тарифах,— все они всей душой стояли за Бернштейна, сулящего им мирное врастание в капитализм вместо бурной борьбы против капитализма. Но влияние Бернштейна шло глубже, хотя до войны многие левые были убеждены, что оно не охватывает больших прослоек в рабочей массе. Эта иллюзия западно-европейских левых, торжествовавших после всякой победы на съездах II интернационала, на которых принимались резолюции против Бернштейна, эта иллюзия была одной из причин, почему нигде на Западе левые социал-демократы не вели с доста-

точной энергией действительной борьбы против реформизма и не ставили перед собою вопроса о расколе с ним. Они не понимали того, что великолепно понимал Ленин, что реформизм имеет *корни в рабочей аристократии*, как эти же корни имели английские тред-юнионы, на что постоянно указывал *Маркс. Политика Бернштейна становилась с каждым годом все в большей степени политикой руководящих партий II интернационала.* Не только английская рабочая партия, завоевавшая за это время значительное количество мест в английском парламенте, не только французская социал-демократия под руководством реформиста Жореса, но и германская социал-демократия с каждым годом больше скатывалась на реформистские позиции.

Пришла *мировая война.* В гражданском мире, который социал-демократия заключила во всех странах с империалистической буржуазией, якобы во имя спасения отечества и его защиты, нашла выражение эта победа реформизма. *Социал-империализм* был только созревшим и достигшим идейного завершения реформизмом. Мелкобуржуазный утопист Эдуард Бернштейн не сразу понял это. Как герой немецкого драматурга Гебеля, мастер Антон, Эдуард Бернштейн хватался за голову и кричал: «Я этого мира больше не понимаю». Он мечтал о демократии, а во всех странах солдатчина отбросила пинком своего сапога демократические кулисы, устанавливая господство шашки. Он мечтал о мире между цивилизованными народами, а цивилизованные страны гнали в бой не только своих рабочих, но и своих колониальных рабов. Он мечтал о подъеме рабочего класса, о его восхождении к человеческой жизни, но во всех странах мира рабочий был прикован к станку, чтобы обслуживать машину войны, часто голодая. Он мечтал о хозяйственной демократии, а везде короли железа и угля диктовали свои законы генералам, бряцающим оружием, требуя и проводя уничтожение завоеваний рабочего класса в области социальной политики.

Мелкобуржуазный демократ, мечтающий о мирном развитии, оглушенный гулом оружия, бегал, как сумасшедший, по Берлину, охая и ахая. Он представлял собой картину такой жалкой растерянности, какую мне никогда

в жизни не приходилось видеть. Когда после его первой статьи, призывающей германскую социал-демократию свернуть с пути поддержки империалистической войны, ибо ведь немецкие войска далеко отбросили врага и немецкое отечество вне опасности, я написал в бременской газете, которую мы, левые, имели тогда в руках, язвительную статью с запросом, что будет с Бернштейном, когда военное счастье изменит германскому оружию. Бернштейн, встретив меня, размахивал руками, как испуганная курица крыльями, и говорил мне: «Вы, может быть, правы, но я вообще ничего не знаю, что делать. Это конец мира». Когда ему указывали, что социал-империализм есть законченное детище реформизма, он выходил из себя.

Но «оппонируя» империализму, он служил ему.

Бернштейн объединился с Гаазе, Каутским, Брейтшайдом, создавая германский центр и выдвигая знамя борьбы за примирение империалистических держав. Все лозунги «центра» германской социал-демократии и его практика фактически служили одной цели: успокоению пролетариата, внушению ему веры, что империализм может «под давлением пролетариата» заключить «честный мир», удержанию пролетариата от революционной борьбы. Когда германские левые, под давлением обостряющейся борьбы и под влиянием систематической критики со стороны Ленина и большевиков начали решительно выдвигать лозунги социалистической революции и диктатуры пролетариата, Бернштейн, старый реформист, ни на один месяц не переставал видеть в них своего основного врага. И, *когда победила Октябрьская революция, он ни на один момент не скрывал своей враждебности к ней.* Так как основой реформизма является соглашение интересов пролетариата и буржуазии, то Бернштейн, вздыхая по поводу войны, должен был бороться против революционной борьбы, направленной против империализма. И все «оппозиционные» жесты не смывали с него *клейма социал-империалиста.*

Когда германский империализм был разбит и его крушение привело к бегству Гогенцоллернов, к развалу старого аппарата власти, к возникновению демократической республики, Эдуард Бернштейн считал, что, хотя и с опозданием на 20 лет, начинается осуществление его надежд.

Он сразу сбежал от независимых социал-демократов, явившихся прикрытием шейдемановцев, в лагерь этих последних. «Новая демократическая эра» началась от кровавого разгрома революционного движения пролетариата. Кровавая собака Носке не испугала демократа и пацифиста Бернштейна. И в книге своей, посвященной истории ноябрьской германской революции, он, пролив несколько слез по поводу убийства Розы и Карла, открыто защищал гражданскую войну, которую вела социал-демократия против революционного рабочего класса.

Этот представитель «демократического реформизма» остался полностью на позициях германской социал-демократии, оказавшейся ничем другим, *как главным спасителем германской буржуазии от пролетарской революции*. Предсказания Ленина, что борьба с бернштейнианством является только предвестником непосредственной борьбы лицом к лицу в огне пролетарской революции, исполнились и в отношении отца реформизма 10 лет после того, как они были высказаны Лениным. *Демократический путь к социализму оказался просто обманом; реальность реформизма нашла свое выражение в Носке.*

Если Бернштейн связывал с возникновением германской буржуазной республики, с победой «демократии» на костях 30 тыс. германских рабочих, убитых в гражданской войне по приказу социал-демократии, надежды на осуществление демократии, на новую эру социальных реформ, то они оказались такими же тщетными, как предвоенные реформистские мечты. Капитализм вошел в период глубочайшего непрерывного кризиса. Все его диспропорции, приводившие раньше к периодическим кризисам, выросли в таких размерах, что *кризис капитализма стал беспрерывным*, хотя в его рамках возможны временные и частичные подъемы. За несколько дней перед своей смертью Эдуард Бернштейн мог прочесть в ноте английского правительства по вопросу о международных долгах, *что стабилизация с 1924 по 1929 г.*, которой так гордилась социал-демократия и с которой она связала столько надежд, что *эта стабилизация была иллюзорной*. Вера в капитализм подорвана глубоко не только в народных массах, но даже в руководящих кругах буржуазии. Подыха-

ющий капитализм толкает в пропасть рабочий класс и беспощадно разоряет мелкую буржуазию.

Кто возьмет в свои руки книгу английского социал-демократа *Феннера Броквея «Голодная Англия»*, тот увидит, как пролетариат самой богатой капиталистической страны Европы отбрасывается назад к положению, которое Энгель обрисовал в своей бессмертной книге «Положение рабочего класса в Англии» почти 100 лет назад. «*Всю жизнь я боролся, чтобы выбраться из трущобы, а теперь я должен туда вернуться*»,— говорит в этой книге рабочий, не будучи в состоянии уплатить квартирной платы и принужденный из коммунального дома возвратиться обратно в грязное, смердящее логово нищеты. *Этот рабочий — символ международного рабочего класса, пауперизованного гибнущим капитализмом.*

Противоречия капиталистических стран, грызущихся, как собаки у кости, за всякий малейший участок мирового рынка, привели к сумасшедшей оргии *таможенных тарифов*. Англия вернулась к протекционизму. *Гонка вооружений* привела капитализм на край пропасти, наиболее дальновидные представители капитализма трясущимися руками стараются распутать петлю, затягивающуюся на шее мира, пытаются избегнуть *новой войны*, которая угрожает новой, на этот раз победоносной революцией в решающих капиталистических странах. Гибнущий капиталистический мир, потрясенный до основ, ищет спасения в непосредственном насилии, в *фашистской диктатуре*, облеченной в те или иные одежды.

Социал-демократия, помогавшая капитализму спасти себя с 1918 по 1920 г., служившая ему всеми своими силами, теперь отброшена и должна довольствоваться *второй ролью*, как придаток к открытому фашистскому режиму, она трепещет от страха и сомнений, будет ли она еще нужна и получит ли она еще вознаграждение за оказание капитализму услуги. Она готова отбросить все демократические и реформистские лохмотья, чтобы не дать себя перещеголять открытому фашизму. *Реформизм* перерос через *социал-империализм в социал-фашизм*. В этих условиях демократический реформизм, мечта о врастании капитализма в социализм, о растущем участии рабочего клас-

са в управлении государством, в управлении хозяйством, звучит, как насмешка.

Бернштейн, пораженный параличом, не мог уже лично подвизаться на социал-фашистской арене, но он никогда ни одним словом не выступил против своей партии. Он, видно, признавал, что она делает его дело. Он наверно считал фашизм «меньшим злом» по сравнению с диктатурой пролетариата...

И социал-демократическая пресса не откажется от своего «великого учителя», как он от нее не отказался, ибо, выдвигая идею солидарности интересов рабочего класса и буржуазии, идею невозможности победы революции пролетарской, *Бернштейн, знаменосец реформизма, был предтечей социал-фашизма.* Но чествуя память Бернштейна, германские социал-демократы смотрят на него немножко с насмешкой, как на старого чудака предисторических времен. Им чужды его реформистские и демократические эмоции.

Место демократических реформистских утопистов заняли люди, готовые без всяких стеснений и без всякого зазора итти на службу открытому фашизму. *Цергибели и Носке,* оставшиеся на постах при рейхсканцлере Папене, *Леппарты,* свидетельствующие перед всем миром, что генералу Шлейхеру, который руководил за кулисами подавлением рабочей революции в 1918—1919 г., не приходится «стыдиться» этого не только с его точки зрения,—с точки зрения представителя буржуазии,— но и с их точки зрения, с точки зрения представителей профессиональной бюрократии,— вот *новые герои II интернационала:* это «реформисты», которые уже ничего не хотят реформировать и готовы работать открыто на фашистскую диктатуру, прикрывая ее словечками об «организованном капитализме» и т. д.

Перед своей смертью, которая последовала после крушения всех реформистских надежд, Эдуард Бернштейн имел хотя одно удовлетворение. В 80-й год его рождения старый его друг Карл *Каутский,* который в продолжение 15 лет казался его врагом, выступил с заявлением, что все разногласия, которые омрачали их дружбу, оказались временными, несущественными и под конец жизни у них осталось только одно разногласие... об отношении к сионизму.

Революционные рабочие, оценивая исторический путь, пройденный Бернштейном и Каутским, могут сказать, что *Каутский и вся эта братия, прикрывающая предательство социализма марксистскими фразами, оказалась исторически более вредной, чем открытый реформизм Бернштейна.* На деле Каутский был «левым» близнецом Эдуарда Бернштейна и помогал победить реформизму, прикрывал его переход в социал-империализм и социал-фашизм. Клокочущая ненависть Каутского к Советскому союзу, этой единственной надежде человечества, ярчайшим образом выражает *исторический смысл реформизма.* Буржуазная утопия для обмана рабочего класса, чтобы пролетариат не посмел вывести сильной рукой корабль человечества из этого гибельного омута, в который завел его капитализм,— вот что представляет собой реформизм, знаменосцем которого был Эдуард Бернштейн.

Этот реформизм погиб, как демократическая реформистская утопия. Он жив, как шеренга наймитов погибающего монополистического капитализма, готовая на любое преступление против рабочего класса. Бернштейн погиб, но его социал-фашистские наследники еще живы, и с ними нам придется вести еще бой лицом к лицу.

Декабрь 1932 г.

НОВЫЙ МИР, КОТОРЫЙ ОНИ, НЕ СУМЕЛИ ЗАДУШИТЬ

Москва недавно имела честь видеть в своих стенах гражданина Эмиля Вандервельде, главу II интернационала, который решил использовать перерыв в министерской работе для посещения ряда «диких» восточных стран. Бывший и будущий министр бельгийского короля изволил задержаться на неделю и в Москве, чтобы посмотреть картины б. Щукинской галлереи и мимоходом узнать, что же происходит в стране, «трепещущей под гнетом большевиков». Советское правительство не чинило никаких препятствий проезду и пребыванию в Москве знаменитого путешественника, ибо, поощряя искусство, оно не чинит препятствий даже своим врагам, если они занимаются не заговорами, а изучением картин Пикассо.

Но, к величайшему нашему удивлению и еще большему неудовольствию приятелей господина министра, он не только занялся изучением памятников искусства, находящихся в Москве, не только внимательным изучением института Маркса и Энгельса, но нашел время для посещения наших рабочих предместий и изучения нашего строительства. Результаты своих наблюдений он начал излагать в статьях, первая из которых появилась в известной радикальной буржуазной газете юга Франции.

В социал-демократической печати мы ее еще не встретили, хотя «Форвертс», извещая о поездке вождя II интернационала через страну «большевистской тирании», обещал напечатать его впечатления.

Господин Вандервельде «не сторонник поспешных выводов», как он оговаривается в своей статье. Но, описывая

хаос московских улиц, вызванный перестройкой города, он говорит, что это пыль строительства, что «*рождается новый мир*».

Так сказал Эмиль Вандервельде. Это не просто обмолвка. В конце своей статьи он говорит о «своем все крепнущем убеждении», что «*те, кто склонен недооценивать усилия по реконструкции Советского союза, легко рискуют ошибаться насчет возможностей будущего русской революции.* Она испытала, она сейчас испытывает и в дальнейшем еще испытает немало лишений, но таков *закон всякого процесся родов*».

В частной жизни, когда вас посещает враг, вчера еще клеветавший, полный злобы, враг, который хотел убить. посещает для того, чтобы поздравить с успехами, можно отвернуться с презрением, не сказав ни слова. В общественной жизни это невозможно. В ней решаются в борьбе классов судьбы целых народов, судьбы человечества. В общественной жизни надо спросить себя об *общественном значении факта*, оставляя в стороне личные чувства. Признание Вандервельде, что у нас рождается новый мир и что те лишения, которые переносит наша страна — лишения, неизбежные при всяком процессе родов, заслуживает внимания именно потому, что они высказаны человеком, враждебным нам, человеком, не отказавшимся от вражды к нам, человеком, которому, вероятно, нелегко было сделать это признание.

Значение слов Эмиля Вандервельде можно оценить только, зная его *биографию*. Он стал для наших масс нарицательным именем, но они не имеют времени изучить его жизнь, хотя, найдя в институте Маркса и Энгельса свое, забытое им самим, письмо к Энгельсу, Вандервельде и сказал, что если бы кому-либо вздумалось писать его биографию, то это легче было бы сделать в Москве, чем в Брюсселе.

Господин Вандервельде чересчур скромен. Его биографию стоит написать, и она, наверное, будет написана; мы даже надеемся, что она будет написана в Москве, хотя это, быть может (несмотря на богатство собранного у нас материала), не слишком желательно для господина Вандервельде. Мы хотим этой биографией напомнить советским рабочим только то, что необходимо для облегчения пони-

мания *большого политического значения* заявлений господина Вандервельде о рождении нового мира в СССР.

Вандервельде происходит из богатой буржуазной семьи. Тридцатилетним человеком он примкнул к бельгийскому рабочему движению, которое тогда бурно билось между преградами, поставленными ему буржуазией. Рабочие Бельгии не имели тогда даже избирательных прав. Профсоюзы подвергались преследованиям. Положение рабочего класса оправдывало полностью изречение Маркса, что Бельгия является образцовой страной эксплоатации пролетариата.

Что же привлекло сына богатой буржуазной семьи в рабочее движение? Талантливый, великолепный оратор, он ведь мог сделать большую карьеру на любом буржуазном поприще. Ответ на этот вопрос надо искать в том, что оттолкнуло Вандервельде от буржуазии. Это была полная пустота буржуазной политики. Почти сто лет продолжалась борьба бельгийского либерализма с клерикализмом. Либералы чередовались у власти с клерикалами, но власть церкви не уменьшалась. Рождала ее не традиция, а дикая капиталистическая эксплоатация, которая сделала человека вьючным животным, лишив его всякой помощи, уничтожив всякую солидарность между человеком и человеком, побуждая надеяться только на небеса. Но и вне Бельгии буржуазия не представляла другого зрелища. В Германии либерализм не имел никогда других идеалов, кроме торгашеского стремления к свободе торговли. Он не смел даже думать о победе над юнкерами (помещиками). Во Франции буржуазия дрожала еще при воспоминании о Парижской коммуне. В Англии либерализм полностью выдохся. Везде поднималась снова волна рабочего движения, везде социализм делался целью, идеалом, за который самоотверженно боролись сотни и тысячи рабочих. Пустота буржуазной жизни и огни, зажженные на далеких вершинах социализма, заставили талантливого, культурного Эмиля Вандервельде перейти в ряды рабочей партии, в которой вскоре, благодаря своему образованию, большим ораторским способностям, он выдвинулся в первые ряды вождей. Он скоро оставил позади популярного в рабочих массах, но тупого Анзейле — организатора потребительских обществ.

Но Вандервельде никогда не порывал с буржуазией. Богатство, культурная изощренность связывали его сот-

нями видимых и невидимых нитей с миром, с которым он якобы порвал. Во время самых тяжелых боев, которые вел бельгийский пролетариат за свои выборные права, боев, в которых правительство мобилизовало войска, в которых мужественный бельгийский пролетариат прибегал к всеобщей забастовке, становясь пионером новых форм массовой революционной борьбы, Вандервельде сохраняет закулисную связь с буржуазией и в решающий момент выступает с проектом компромисса, согласованного с врагом. Он, быть может, предполагал, что он только придерживается умной тактики медленного продвижения вперед. Революция, кровавые бои, это — ведь романтика. Как может пролетариат, «самый низкий», эксплоатируемый класс, класс, «лишенный культуры», думать серьезно о победе над буржуазией. Его счастье,— думал Вандервельде,— что у пролетариата есть умные вожди, происходящие из буржуазии, знающие ее силу и слабости, которые помогут ему добиться демократических прав, научиться пользоваться ими, добиться реформ, которые изменят со временем лицо капиталистической культуры. Вандервельде выступал в роли марксиста, применял в своих книгах марксистскую терминологию, не объявлял себя никогда реформистом, но в своем марксизме обходил все острые углы, избегал всех острых вопросов, и именно это делало его образцовым вождем II интернационала и его председателем. Когда надо было решать в идейном бою острейший вопрос, когда надо было поставить вопрос о буржуазной природе реформизма, о разрыве с ним, златоустый Вандервельде выступал с прекрасной речью и мирил всех. Он сам — мост от пролетариата к буржуазии — был, само собою, мостом от бессильного, бескровного радикализма Геда, Каутского к реформизму Бернштейнов, Жоресов и даже Мильеранов. Поэтому уже перед войною революционные борцы, как Ленин и Роза Люксембург, относились к нему с глубоким недоверием.

Когда началась давно предсказанная марксистами мировая империалистическая война, война за прибыль, война за колонии, Вандервельде, который видел собственными глазами в бельгийской колонии Конго, как проливается кровь негров во имя прибылей королей каучуковой промышленности, не задумывается ни на один момент насчет своей

позиции. Он, которому пролетариат до войны доверял почетнейший и ответственнейший пост председателя Международного социалистического бюро, не только первый призывает пролетариат к участию в войне, на стороне союзников, не только вступает в бельгийское правительство в качестве министра, но обращается через царского посла Кудашева с телеграммой, призывающей русских социалистов не сопротивляться войне, поддержать Антанту против прусского юнкерства. Перед самой войной Вандервельде приезжал в Петроград, чтобы мирить большевиков с меньшевиками, зная, как томятся в тюрьмах, в ссылке и на каторге борцы русского пролетариата под игом царизма. Но, если он жертвовал будущим международного пролетариата во имя своего «отечества», эксплоатирующего не только миллионы бельгийских пролетариев, но и миллионы негров, если для него превыше всего была так называемая буржуазная демократия, то почему же ему было не предать узников царя — русских пролетариев. Эмиль Вандервельде — социалист на словах, а приверженец буржуазии на деле — отбросил только слова, когда встал в войне на сторону Антанты с такой страстью, с такой решительностью, какой не проявлял никогда на посту руководителя бельгийской рабочей партии и II интернационала.

Все прочее было только последствием. Он был полностью в согласии с самим собой, когда приехал после Февральской революции призывать русских рабочих, чтобы они боролись на стороне Антанты. Он оставался верным себе, когда в 1917 г. сопротивлялся всеми силами переговорам антантовских социал-империалистов с немецкими, ибо ведь Бельгия еще не была освобождена, и надо было для ее освобождения добиться окончательной победы над Германией. Если эта победа требовала крови еще нескольких миллионов пролетариев, то г. Вандервельде, не будучи людоедом, наверно, жалел об этом, но независимость Бельгии и победа Антанты ведь должны обеспечить демократию, без которой невозможен социализм! Господин Вандервельде остался верен себе, как римские герои. Ему не пришлось класть руку в огонь в доказательство этой верности своим взглядам, но не ниже этого надо оценить его подпись на Версальском договоре, когда именем председателя II интернационала резалось на части живое тело народов, зако-

вывались в кандалы миллионы, когда создавались основания для новой мировой войны.

Одна страница истории была перевернута. Предательство пролетариата реформизмом было завершено. Но, несмотря на все усилия реформистов, социализм не был убит. Борьба русских большевиков, 15 лет неутомимых усилий дали свои результаты. Из моря крови поднялся остров социализма. Пролетариат победил под руководством большевистской партии и взял власть в свои руки. Невиданным в истории человечества напряжением сил, среди бушующей кругом войны он начал строить *первое государство пролетариата.* Тут начинается вторая страница истории предательства Эмиля Вандервельде. Каутские, Ренодели помогали словами удушению рождающегося нового мира. Они писали книги, статьи и воззвания против большевиков. Но они не были у власти и не могли, к своему сожалению, принимать непосредственное участие в организации интервенции. *Господин Вандервельде был непосредственно министром иностранных дел бельгийского правительства, когда оно признало совместно с другим союзником Колчака и благословило его на удушение нового мира и восстановление старого.* Господин Вандервельде непосредственно намыливал веревку, на которой Колчак вешал русских рабочих и крестьян. Но русские рабочие и крестьяне прогнали антантовские войска и, не считаясь с признанием председателя II интернационала, Колчака расстреляли. Господин Вандервельде не пытался выступить на суде его защитником, но два года спустя, придя в себя, он посмел приехать в Москву защищать эсеров, которых он сам благословил на низвержение советского правительства, эсеров, которые покушались на жизнь Ленина.

Теперь тот же господин Вандервельде устанавливает, что в СССР рождается новая жизнь, которой он не сумел задушить. Он даже с объективизмом историка устанавливает, что лишения, которые переживает наш пролетариат, неотделимы от процесса всяких родов. Объективизм господина Вандервельде идет, повидимому, так далеко, что он готов признать историческую неизбежность предательства пролетариата реформистами, как один из факторов, усиливающих страдания и лишения при этих родах.

От этого объективизма тошнит. Но, преодолевая эту тошноту, надо себя спросить: что заставляет Вандервельде делать такие признания. Он более дальновиден, нежели социал-демократические лавочники из Берлина,— у тех весь горизонт закрыт корытом, до которого они дорвались через трупы двадцати тысяч рабочих. Он видел решительность рабочих СССР, видел, что *наша берет*, понял, что пятилетка будет проведена, и он видит уже день, когда углекопы из Шарлеруа, когда гентские ткачи узнают правду о новом мире, который родился в СССР. Прожженный, гибкий политикан готовится уже к моменту, когда нельзя больше будет перед рабочими выступать против Советского союза. Но он и теперь взвешивает каждое слово. Когда мы будем строить вторую пятилетку, когда начнется действительный триумф организованного труда в СССР, господин Эмиль Вандервельде сможет сказать: «Я беспристрастно признал рождение нового мира, хотя он рождался не по рецептам моих акушерских книг. Вы же, бельгийские рабочие, придерживайтесь демократии, дабы не переносить таких мучений при родах нового мира, как «наши братья, русские рабочие». Но если бы у нас начались большие затруднения, господин Вандервельде сказал бы: «Я сказал, что это — роды нового мира, но я ни звука не говорил о том, что роды правильны и что акушерка хороша».

Не бойтесь, господин Вандервельде! Роды правильные, акушерка очень хороша и мать здорова. Советский пролетариат — не бельгийский адвокат, который, сказав, что в СССР рождается новый мир, уедет поддерживать старый. Советский пролетариат знает, что означает рождение нового мира и какие обязанности это рождение налагает на него. Советский пролетариат преодолеет тяжелым трудом все препятствия, стоящие на его пути. Если бы господин Вандервельде задержался еще на несколько дней в СССР, он прочел бы воззвание ЦК ВКП(б), в котором говорится открыто о наших затруднениях, но не для того, чтобы перед ними отступать, пасовать, а для того, чтобы мобилизовать все силы пролетариата на их преодоление.

Бельгийские и европейские рабочие удивлялись, когда

услышали новые нотки в речи господина Вандервельде. Мы надеемся, что его вынужденное признание рождения нового мира в СССР поможет бельгийским пролетариям освободиться от влияния господина Вандервельде, который остался тем, чем был,— врагом класса, вождем которого он именуется, ибо, будь он честным участником рабочего движения, он должен бы из признания рождения нового мира сделать вывод, что вся его политика была преступлением против этого мира.

Сентябрь 1932 г.

„ТОВАРИЩ" КЛАЙНС

на страже рабочих интересов... у кровати герцогини Иоркской

Ничего не стоит наша информация о международном рабочем движении. ТАСС и наша пресса сообщают о забастовке 15 ловцов сардинок, о победе индусских повстанцев в неизвестных городах и деревнях Азии, а о чаяниях и тревогах великой рабочей партии в стране цивилизации и демократии, о заботах ее руководителей — ни слова.

Разве советский читатель знает, что думал, о чем мечтал старый вождь английских газовых рабочих *Клайнс*, министр внутренних дел английского рабочего правительства, когда он больше двух недель ждал далеко на севере, в шотландском дворце Глемис, исторического решения.

В каком Глемис? — спросит наш варварский читатель, который по своей необразованности не знает, что Глемис есть летняя резиденция герцога Иоркского, что дворец Глемис овеян древними легендами об убийстве короля Дункана королем Макбетом, о чем рассказал небезызвестный писатель Шекспир в небезызвестной драме «Макбет». Я вижу, что наш читатель начинает обалдевать. Кто такой герцог Иоркский? За что его убивал министр рабочей партии Клайнс? Я вижу, что должен помочь читателю заполнить все пробелы, которые в его воспитании оставила наша пресса, и открыть, так сказать, заочный университет высшего духовного воспитания. Не теряйте надежды, узнаете все по порядку. Начнем с герцога Иоркского. Это титул младшего сына английского короля Георга VII. Старшего зовут принцем Уэльским.

Герцог Иоркский не убил ни Макбета, ни Клайнса, ни Шекспира. Он только ожидал рождения второго ребенка.

У него уже есть шестилетняя дочь, но он надеялся, что следующий ребенок должен быть сыном.

— Почему надеялся, нам-то какое дело, при чем здесь Клайнс и «рабочее» правительство? — волнуется читатель. Подождите, невежда, это вам не пятилетка, которую надо провести в четыре года.

Принц Уэльский (При чем здесь принц Уэльский?..— Подождите! — говорю вам), принц Уэльский является наследником английского престола, но он не хочет жениться (Не хочет или не может? — Это вас не касается, не вмешивайтесь в личную жизнь принцев,— вы ведь республиканец!). Таким образом он не может обеспечить английскому народу наследника престола. Такую возможность предвидел закон и предрешил, что в случае, если старший сын короля не хочет или не может иметь детей, то наследником является старший ребенок младшего королевского сына — сиречь герцога Иоркского. Но если старший ребенок — девочка, а после нее родится мальчик, то старшая дочь младшего второго сына короля теряет право на престол в пользу младшего сына младшего сына короля. Вы поняли?

Если не поняли, слушайте дальше! И вот английский народ, озабоченный, что принц Уэльский не хочет или не может подарить ему наследника престола, и обрадованный, что эту услугу ему может оказать герцог Иоркский, все-таки был огорчен тем, что у герцога Иоркского родилась дочка, а не сын. Но английский народ, как известно, отличается большой настойчивостью, и поэтому он ожидал, что второй ребенок, которым должна разрешиться герцогиня, будет мальчик.

Я вижу, что читатель вспотел, что у него глаза мутные. Какое нам, к чортовой бабушке, дело до всей этой средневековой белиберды! Стыдитесь, варвары, чувствующие биение сердца при сведениях из Чанша и не понимающие чаяний великого цивилизованного народа, который дал миру мать всех парламентов и рабочего премьер-министра Макдональда и министра внутренних дел Клайнса!

Но какое дело даже Макдональду и этому Клайнсу до младшего сына младшего сына короля?..

Вот в том-то и дело. Так как Макдональд и Клайнс не хотят и не могут сделать революции, то они и являются не

правительством рабочего класса, а рабочим правительством его величества английского короля. А так как его величество английский король должен передать корону своему наследнику, а тот, в свою очередь, своему наследнику, то «рабочее» правительство кровно заинтересовано в долженствующем появиться в мир ребенке герцога Иоркского. По старым английским традициям, министр внутренних дел обязан присутствовать при рождении предполагаемого наследника престола, дабы злодеи не подменили ребенка и не посадили на трон хотя бы и старшего сына, но не того, которого полагается. В этом были заинтересованы феодальные короли. К этому проявила интерес и буржуазия после того, как вылечилась от увлечений, которые в XVII ст. толкнули ее на такое злодеяние, как казнь собственного короля. Макдональд и Клайнс, в отличие от Макбета и Кромвеля, учитывая уроки истории, сразу отказались от такого безумия и сразу признали, что в интересах пролетариата надо придерживаться генеральной линии и обеспечить преемственность династии. И «товарищ» Клайнс, член II интернационала, министр внутренних дел «рабочего» правительства, отправился во дворец Глемис и *две недели* ожидал разрешения от бремени герцогини Иоркской с тем, чтобы первым донести премьер-министру Макдональду, из первоисточника, что английский пролетариат не остался без наследника престола.

Две недели томительного ожидания. Два миллиона безработных в Англии напирают на рабочее правительство, требуя хлеба. Расходы по безработице так растут, что в ноябре будет исчерпан фонд, предназначенный бюджетом для пособий безработным. В Пешаваре английские летчики сбрасывают четыре тысячи бомб в день. Период монсуна в Индии кончился. Народные толпы снова вышли на улицу. Ежедневно новые сотни раненых. Но английский премьер-министр, рабочий вождь Макдональд сидит у провода и ждет сведений от рабочего вождя, министра внутренних дел Клайнса, кого родила герцогиня Иоркская: дочь или сына.

Наконец, 21 августа пришло лаконическое известие: дочь. Рамзей Макдональд сгорбился,— все-таки было бы лучше, если бы сын. Это прибавило бы бодрости трудовому народу. Но, осмотревшись кругом на портреты коро-

лей и королев, господствовавших в Англии, он поднял седую голову и сказал бодро: ничего, наша Елизавета разбила испанскую Армаду (хотя, между прочим, буря ее разбила), а королева Виктория была почтенная женщина и за 50 лет господства прибавила народу по меньшей мере по пять рублей зарплаты.

«Пусть бог охраняет королеву!»

Постскриптум:

Боюсь, что читатель не поверит всей этой истории. Пусть он возьмет орган рабочей партии «*Дейли Геральд*» *от 22 августа*. На первой странице он найдет портрет герцогини Йоркской и портрет герцога Йоркского. Кроме того, портрет шестилетней дочери их обоих. Он там найдет громадные телеграммы, как родилась «в буре, среди молний и громов» младшая дочь герцогского семейства. Но мало того, на восьмой странице он найдет *передовицу*, посвященную этому великому историческому событию. В воспитательных целях мы печатаем ее целиком.

«*Дитя родилось.*

Родился ребенок! Во всяком доме во всем мире эти два слова имеют глубокое содержание.

Дни тревоги миновали! Прошли счастливо часы страданий! Снова совершилось чудо рождения! Только мать и отец понимают, что это означает.

Сегодня бесчисленные мужчины и женщины объединятся в выражениях благодарности, что герцогиня Йоркская прошла без вреда через это испытание. Для нее и для ее ребенка у всех найдутся выражения надежды.

Для герцога же они будут иметь выражение понимания его испытаний, его радости, когда он узнал, что все хорошо кончилось.

Великие судьбы ожидают ребенка, рожденного в Глемис. Происходя из королевского рода, он может однажды оказаться на престоле. Это очень тяжелая ответственность».

Читатель, вы не плачете?

Август 1932 г.

СВИДЕТЕЛЬ ФРИДРИХ ЭБЕРТ

Второй интернационал выступает в качестве свидетеля невинности русских меньшевиков. Он свидетельствует о том, что они всегда боролись против интервенции, он свидетельствует о том, что они неспособны подготовить ее тайком. Мы не можем отказаться выслушать такие важные показания. Мы должны их самым тщательным образом проверить. Мы должны познакомиться со свидетелями. Начнем со свидетеля Фридриха Эберта. Он уже мертв, говорить не может, но за него говорит вся его деятельность первого после смерти Бебеля председателя германской социал-демократической партии, а затем первого президента Германской республики.

Над человечеством нависла *угроза войны*. Оно не могло еще конкретно представить себе все страдания, которые его ожидают. Солдаты, будущие жертвы войны, еще только обсуждали газетные сведения о переговорах правительств. Матери думали с тревогой о своих детях, но война была еще только абстракцией, возможностью, призраком.

В штабе германской социал-демократии, самой сильной партии II интернационала, больше других знали об опасностях войны. Во главе этого штаба стояли ведь люди, взращенные долгой историей рабочего движения. Им с колыбели рассказывали отцы про войну 71 года, им в детстве матери с гордостью рассказывали о том, как бисмарковское правительство в кандалах вело в крепость Франкштейн вождей молодого германского рабочего движения, протестовавших против войны. В продолжение

последних лет угроза войны появлялась постоянно, и интернационал, стержнем которого они были, принял решение о том, какая это будет война и как против нее бороться. Он определенно сказал, что это будет империалистическая война и что долг всякой рабочей партии — против нее бороться.

Наследник Бебеля, шорник Эберт, долго взвешивал в своем сердце, что делать. Он знал, что такое война, он знал, что борьба против нее — дело не легкое, он знал, что решение германской социал-демократии есть решение судеб интернационала. И пролетарский вождь Эберт принял решение. Рука его, лежащая на руле партии, не дрогнула. *Руль не был повернут налево, рабочие массы не были призваны к борьбе.* Пусть в «Форвертсе» Штребель и Деймих клеймят германский империализм, это даже хорошо, это ободрит французских товарищей к борьбе против французской военщины. Но Эберт не станет жертвой «старых фраз»: сотни миллионов марок в кассах профсоюзов, 10 тыс. старых товарищей на содержании кооперативов, профсоюзов и партийных организаций. Только младенцы могут с этим играть. И во имя чего играть? Во имя фраз о революции! Какая революция возможна и зачем она? Революция в Германии, зависящей от привоза иностранного хлеба, зависящей от своей работающей на экспорт промышленности. Разве это не сумасшествие? Так же, как думал Эберт, думал Легиен, вождь профсоюзов. Три слова, и они сговорились. И 31 июля, когда еще «Форвертс» и 70 других социал-демократических газет изобличали германский империализм, провод разносит *шифрованную телеграмму германского военного министерства*, разосланную командующим округами:

«По достоверным сведениям, социал-демократическая партия намерена занять такую позицию, которая подобает всякому немцу при данных обстоятельствах. Считаем своим долгом довести это до вашего сведения, дабы командование имело это в виду при своих мероприятиях».

Генералы из военного министерства, люди твердые, опытные, знали великолепно, что будущее войны, будущее германского империализма зависит от того, как будет держаться сильнейший отряд II интернационала — германская социал-демократия. Целые годы генеральный штаб

держал наготове приказ об аресте вождей социал-демократии на случай войны, и один из таких приказов был опубликован в 1907 г. на партийном конгрессе делегатом из Эссена, социал-демократом Лимберцем. Кто дал военным властям Германии уверенность в том, что им нечего опасаться социал-демократии,— это еще по сегодняшний день неизвестно. И телеграмма 31 июля нам известна только благодаря тому, что она попала по недосмотру в материалы многотомного исследования комиссии послевоенного рейхстага, посвященного возникновению войны. Но только два вождя социал-демократии имели достаточный авторитет в глазах правительства, чтобы на основании их заверений имперское правительство приказало своей военщине не трогать социал-демократов. Этими людьми были Эберт и Легиен.

Война объявлена. Правительство созывает рейхстаг, дабы пресловутая демократия поставила свой штамп на решении империализма. Кроме пушек для войны ведь нужна ложь; но господа генералы не боятся никакой неожиданности. Г-н Эберт тоже не боится неожиданностей со стороны социал-демократической фракции. Он хорошо знает ее большинство. Поговорят, старик Каутский разложит на столах все книги Маркса, будет искать в них цитаты, исказив которые, можно будет предать пролетариат, сказав, что, с одной стороны, нельзя не защищать отечества,— а с другой — нельзя поддержать империализм.

Адвокат Газе поднимет указательный палец и будет своим резким восточно-прусским акцентом доказывать необходимость международной солидарности пролетариата, но согласится с тем, что отечество надо защищать. Нескольким левым как-нибудь зажмут рот. Пусть утешаются дискуссиями,— дело уже решено. Если Эберт чего-либо боялся, то только того, что генералы вдруг не поверят его заверениям. А может, они примут все заверения социал-демократии в лойяльности за военную хитрость. Эберт — человек дела, он доверяет отечеству миллионы жизней германских рабочих, но на всякий случай 31 июля выезжает в Швейцарию, захватив с собою партийную кассу.

Эберт хорошо рассчитал. 3-4 августа социал-демокра-

тическая фракция приняла большинством всех против 14 решение о голосовании за военные кредиты. Правительство поверило заверениям, данным ему ранее авторитетными вождями социал-демократии. Переход ее от классовой оппозиции капиталистическому правительству к роли его главной опоры в войне прошел без всяких недоразумений. Военное положение во всех странах зажало рот пролетариату, его революционным представителям. *Германский империализм выиграл самое большое сражение в этой войне, победил и разбил рабочий интернационал.*

Кто может сомневаться в том, что Фридрих Эберт, вождь германской социал-демократии, наследник Бебеля, был бы способен, положа руку на сердце, свидетельствовать о том, что русские меньшевики — кровь от крови, плоть от плоти теперешней германской социал-демократии — не в состоянии помогать тайком подготовке интервенции и одновременно говорить, что они против интервенции.

Четыре года шла кровавая резня. Четыре года гибли миллионы трудящихся на полях сражения, гибли миллионы детей от отсутствия молока, от истощения матерей, но социал-демократия с Фридрихом Эбертом во главе непоколебимо рисовала рабочим картины будущего мира, когда «освобожденный германский народ» в союзе со «свободными культурными народами Запада» заключит мир, а за все уплатит негодяй царь, лишившись престола. Пришел 1917 год. Царь потерял престол. Империалистическая Германия в наказание за грехи царя навязала тем, кто разрушил не только царизм, но и буржуазный строй в России, каторжные условия Брестского мира. Социал-демократия с г. Эбертом во главе *оправдала Брестский мир.*

Но пришел момент, когда «культурные народы» Запада, отрезав Германию от всякого привоза, заморив ее голодом, бросились в последнюю бешеную атаку против потрясенной, ослабленной германской армии, начали ее гнать танками, газами и аэропланами обратно к германским границам. Трон Вильгельма II, трон Гогенцоллернов заколебался. Социал-демократия пытается покинуть тонущий корабль, как крыса. Она требует мира. Но требование республики она не только не выдвигает, а, наоборот, умо-

ляет правительство принца Баденского уговорить кайзера отказаться от престола, дабы спасти престол для его внука. Кайзер не может решиться. Переговоры идут без конца. Социал-демократия удерживает рабочих Берлина от выступления. В Киле матросы поднимают восстание, социал-демократ Носке спешит уговорить их сложить оружие. Наконец, 9 ноября 1918 г. рабочие Берлина бросают фабрики, наводняют город своими толпами, солдаты братаются с ними, нигде не слышно выстрелов. *Либкнехт* во главе рабочих масс занимает императорский дворец и с его балкона провозглашает советскую республику. Сведения об этом приходят в рейхстаг. Демагог *Шейдеман* чует опасность. Масса вырвалась из рук социал-демократии,— надо ее удержать.

«Либкнехт объявляет советскую республику! Положение было мне ясно. Я знал его требование передать всю власть солдатским и рабочим депутатам. Германия — русская провинция, филиал Советов! Никогда! Победит тот, кто возьмет массу в свои руки по-большевистски или по социал-демократически. Я видел русское сумасшествие. Представить себе замену царских ужасов большевистскими!.. Нет, только не допустить до *этого* в Германии после всего, что она пережила. Я уже стоял на окне».

Из окна рейхстага Шейдеман провозглашает Германскую республику. Совершив этот геройский подвиг, он возвращается в ресторан рейхстага, чтобы подкрепить свои революционные силы. Но Эберт принимает его с бешенством. «Когда Эберт узнал, что я сделал, он ударил кулаком по столу и закричал: «Разве это правда?» Когда же я ему ответил, что это не только факт, но что иначе нельзя было действовать, он устроил мне сцену, которая была для меня совершенно загадочна. «Ты *не имел права объявлять республику*. Будет ли Германия республикой или нет,— это решит только Учредилка». Как мог такой умный человек так ошибочно оценивать положение, чтобы даже 9 ноября говорить еще о регентстве, о заместительстве кайзера и другой монархической рухляди, фактически обанкротившейся. Теперь, много лет после этого великого дня, я лучше понимаю поведение Эберта, ибо теперь перед нами много книг и докладов, из которых видно, *что тогда велись интимные переговоры о монархии, о заме-*

стительстве кайзера, о которых я не знал. Эберт считался поэтому в известной мере связанным».

Шейдеман рассказывает чистосердечно в своих мемуарах (т. II, 1928, стр. 313), как вождь германской социал-демократии, демократ и республиканец Эберт *за спиной не только рабочих масс, не только социал-демократической партии, но даже за спиной своих ближайших товарищей из правления германской социал-демократии спасал престол для «вольного народа»*. Г. Шейдеман умолчал обо всем этом в своей книге «Катастрофа», изданной в 1921 г. Ему развязал язык только тот факт, что принц *Баденский*, последний рейхсканцлер кайзера, в своих «Воспоминаниях» выболтал тайну. «Я встретил Эберта,— рассказывает принц Баденский,— утром одного в саду (дворца рейхсканцлера). Я сказал ему о предполагаемой моей поездке. «Вы знаете, что я намерен делать, если мне удастся убедить кайзера (отказаться от престола.— *К. Р.). Будете ли вы на моей стороне в борьбе против социалистической революции?*» Эберт ответил без колебаний, недвусмысленно: «*Если кайзер не отречется, социалистическая революция неизбежна, но я не хочу ее, я ненавижу ее, как грех*».

Благочестивый Эберт ненавидел революцию, как грех, и поэтому умолял, чтобы кайзер пожертвовал собой во имя спасения престола и буржуазии. Но когда колебания кайзера привели к краху монархии, к революции во всей Германии, Эберт принимает власть из рук сметенного революцией императорского правительства, создает совместно с независимцами правительство, прикрывшееся в первый момент знаменем социалистической революции, правительства, называвшее себя правительством народных комиссаров. Он обращается к народным массам с воззванием: «Вышедшее из революции правительство, руководство которого есть *чисто социалистическое, ставит себе задачей осуществления социалистической программы*»

Господин Эберт не прочь был допустить в это правительство даже Карла Либкнехта. Разве социализм не для всех. Почему не разрешить Карлу Либкнехту, несмотря на его прегрешения, потрудиться для блага народа. Но испорченный влиянием Москвы Карл Либкнехт не захотел совместно с г. Эбертом осуществлять социалистическую программу. Г. Эберт нашел других сотрудников.

«В то время как новые правители, несмотря на усталость и истощение, вызванные неслыханным напряжением этого дня, спорили о проблемах революции, *Эберт сидел у телефона и вел переговоры с первым генерал-квартирмейстером в Спа* (ставка) *об отношении офицерского корпуса и армии к революции и рождающемуся государству*».

Так описывает вечер 9 ноября 1918 г. *архивариус Фолькман в своей книге «Революционная буря над Германией»*. В этой книге переданы по стенографическим записям ставки многие разговоры, которые велись Эбертом с генерал-квартирмейстером Гренером, теперешним военным министром. Германский генералитет, сохранивший в момент крушения империи привычку к порядкам и записывающий стенографически все важные разговоры, имеет большую заслугу перед историей человечества.

Узнав от генерал-квартирмейстера, что он и фельдмаршал *Гинденбург* готовы совместно с новым правительством работать для сохранения порядка, что они даже готовы вести мирные переговоры с только что возникшими солдатскими советами, Эберт спросил генерала Гренера, чего командование ожидает от «социалистического правительства».

Гренер на деловой вопрос ответил деловым требованием помощи при отправке армии домой и снабжения.

Но Эберт настойчиво спрашивает: «Чего еще?»

Генерал Гренер открывает свою душу: «*Офицерский корпус ожидает от правительства борьбы против большевизма и предлагает для этого свои услуги*».

Они друг друга поняли с одного слова.

Помолчав момент, Эберт ответил: «Передайте, г. генерал, фельдмаршалу благодарность правительства».

Сделка состоялась.

Генерал Гренер посылает в Берлин для детальных переговоров с Эбертом своих уполномоченных: полковника Гефтена и майора Харбу. Они для бесконтрольной связи Эберта со ставкой, переехавшей из Спа в Вильгельмсхее под Касселем (где когда-то Бисмарк держал попавшего в плен под Седаном Наполеона III), проводят *тайный прямой провод*, соединяющий письменные столы Эберта и Гренера (существование этого провода подтверждает

Шейдеман). Главные переговоры происходили с глазу на глаз между Эбертом и уполномоченным старого вильгельмовского командования. Они, видя опасность нарастающей социалистической волны, решили концентрировать все свои усилия на спасении буржуазии. Они извещают офицеров ставки о своей сделке с вождями социал-демократии.

«*Мысль, что социал-демократия — враг буржуазного государства — в момент своей победы не только заключает мир, но даже союз с офицерским корпусом, могла казаться сумасшествием. Но надо было итти на эту попытку.* Эберт умен, и нужда отечества движет его сердцем»,— так излагает думы Гренера архивариус Фолькман. На собрании штаба один из офицеров спрашивает Гренера: «Может ли главное командование во имя союза с Эбертом отказаться от всякого контрреволюционного движения в пользу монархии?»

«Нет никакого выбора,— отвечает Гренер,— сегодняшний день требует жертв для спасения того, что еще можно спасти».

Гренер, первый генерал-квартирмейстер, заменивший на этом посту Людендорфа, Гренер, ближайший помощник Гинденбурга, и Эберт — глава «чисто социалистического правительства», поставивший себе задачей «проведение в жизнь социалистической программы», берутся за спасение буржуазного строя.

Что нужно было для этого сделать? Во-первых, нужно было *сохранить в руках офицерства остаток армии,* как оплот насилия над рабочими массами, которые,— не исключая правых социал-демократических рабочих,— после четырех лет войны исполнены были ненавистью к старой армии, ненавистью к офицерскому слою, олицетворявшему старое господство помещиков и капиталистов. Во-вторых, надо было *разоружить революционных рабочих,* в руки которых попало много оружия. В-третьих, нельзя было допустить, чтобы *новые органы власти* — советы рабочих и солдатских депутатов — разрушили старые органы власти и прибрали власть к рукам. Только разоружение революционных рабочих гарантировало созыв учредилки. Об этом вел втайне переговоры Эберт с представителями Гренера, которые известили его, что с 5 де-

кабря Гренер начнет сосредоточивать девять дивизий в окрестностях Берлина. Между 10 и 24 декабря можно начать разоружение берлинских рабочих. Эберт боится за исход этого дела.

«Исход,— внушает ему майор Харбу,— зависит от быстроты и решительности действий возвращающихся с фронта солдат, желающих поскорей попасть домой. К рождеству большинство войск разбежится. *До этого времени* все должно быть сделано». Майор Харбу сообщает Гренеру, что у него создалось впечатление, что «*Эберт желает не нести ответственности за эти шаги.* Он, видимо, предпочитал бы, чтобы внешне по отношению к своим коллегам по правительству и по партии он остался свободен (от ответственности.— *К. Р.*) и был *поставлен пред совершившимся фактом*». Эберт отпускает его, не высказавшись против планов Гренера и фельдмаршала Гинденбурга. *Но он этот план скрывает не только от рабочего класса, от социал-демократических масс, но и от своих коллег по правительству.* Одновременно он дает интервью американской прессе, что его правительство стоит на почве идеалов Линкольна. Оно хочет быть правительством народа, для народа и через народ.

Германский народ создал себе везде, по примеру русских рабочих, советы рабочих и солдатских депутатов. Уничтожение этих советов, сведение их к нулю было вторым пунктом в переговорах между Эбертом и посланцами вильгельмовского генералитета. На поддержку требований этих посланцев сам фельдмаршал Гинденбург обращается 8 декабря с письмом к Эберту, в котором настаивает, чтобы вся власть осталась в руках старых государственных учреждений. Рабочие и солдатские депутаты должны иметь только совещательный голос.

«В ваших руках,— пишет Гинденбург Эберту,— судьба германского народа. От вас зависит, сможет ли он подняться. Начиная с меня и кончая самым младшим в армии, все мы готовы вам оказать полнейшую поддержку... Мы хотим, чтобы оздоровление государства не оттянулось на десяток лет, мы не хотим, чтобы ослепление и глупость целиком разрушили основы нашей жизни».

Эберт обещает, что съезд советов ограничит права солдатских советов и восстановит власть офицерства. Но не-

смотря на то, что социал-демократы, идущие под руководством Эберта и Шейдемана, имели на съезде громадное большинство, съезд советов боится восстановления власти старого генералитета. Он принимает решение о скорейшем созыве учредилки, он — за демократию, против пролетарской диктатуры, но он хотел бы демократии в том виде, в каком она живет в воображении Маниловых из мелкой буржуазии,— демократии без органов насилия капитала над народом. Поэтому он принимает так называемые 7 гамбургских пунктов, которые устраняют офицерские привилегии, вводят выборность офицеров, легализуют солдатские советы. Майор Харбу извещает Гренера «о предательстве» Эберта. Ставка решает не подчиняться. Эберт дрожит у себя в кабинете перед гневом ставки и, не выждав обращения к нему Гренера, сам звонит к нему. Запись, приведенная у Фолькмана, сохранила истории этот разговор.

Эберт: запрашивает, как относится главное командование к решениям конгресса.

Гренер: «Г. фельдмаршал считает *решение конгресса нарушением обещания*, сделанного ему в первые дни революции. *Он не признает этих решений законными*, ибо они предвосхищают решения учредительного собрания».

Эберт отвечает устало: «*Я усиленно прошу ваше превосходительство не спешить, пока не будут исчерпаны все возможности для улажения конфликта*».

Гренер: «Не мы этот конфликт начали и не наше дело его улаживать».

Эберт: «Мы должны попытаться умелым поведением устранить *этот неприятный вопрос*. Я надеюсь при этом на *вашу поддержку*, или вы считаете, что можете что-нибудь сделать силой, думаете, что у вас в руках достаточные средства насилия».

Гренер: «Мы приняли наши решения, и они окончательны».

Эберт: «Не были ли бы вы так благосклонны мне их сообщить».

Гренер: «Мы приняли наши решения, и они оканчивающее: до тех пор, пока мы считаем, что ваши намерения отвечают благу всего народа, до тех пор, пока нам позволят наши убеждения, мы будем итти совместно с вами.

Когда это окажется невозможным, то *мы заявим вам об отказе в нашей поддержке, поставив вам соответствующий срок*».

Получив эту угрозу, Эберт приглашает Гренера приехать 20 декабря в Берлин для дальнейших переговоров.

20 декабря *Гренер, приехав в Берлин, добивается на заседании с Эбертом и Шейдеманом отмены решений съезда советов насчет ограничения прав офицерства.* Они не будут проведены в жизнь. Уже перед приездом Гренера Шейдеман и Эберт бешеной атакой добиваются отклонения всех предложений признать советы источником власти. Они добиваются созыва учредилки. *Ни рабочие массы, ни демократические в частности не знали, что все эти решения были проведены под непосредственным нажимом вильгельмовского генералитета.*

Но генералы контрреволюции — люди деловые. Они знали, что если не разоружить рабочих, то и созыв учредилки может остаться на бумаге. Поэтому они требуют скорейшего применения войск, находящихся в их руках, для разоружения рабочих, для разоружения матросской дивизии в Берлине и новой полиции, созданной независимцем Эйхорном, перешедшим позже в ряды коммунистической партии. Они спешат, ибо почва ускользает из-под ног. Армия устала от войны. Вернувшись с фронта, она добивается немедленного роспуска. Ее удерживают под разными предлогами, но неизвестно, как долго это может продолжаться. Эберт боится раскрыть карты, чтобы не потерять влияния на социал-демократических рабочих, чувствующих, что за генералитетом старой армии скрывается контрреволюция. Он хотел бы дождаться событий, которые могли бы послужить предлогом для нападения на рабочих, и, когда 23 декабря матросы занимают правительственное здание, требуя уплаты им жалования, Эберт вызывает по телефону заместителя Гренера — майора *Шлейхера.*

«Г. майор,— кричит он в испуге,— вы мне обещали помощь в подобных случаях, как теперешний. Действуйте немедленно».

«Я распоряжусь,— отвечает майор Шлейхер,— чтобы правительственные войска генерала Леки немедленно двинулись для вашего освобождения. В данный момент ниче-

то больше сделать не можем. Может, после того, как мы *пропустили целый ряд благоприятных случаев, удастся теперь справиться с радикалами*».

Но раньше, чем генерал Леки мог спасти «чистое социалистическое правительство», матросы, получив 80 тыс. марок, согласились очистить правительственное здание. По поводу этого компромисса генерал Гренер читает самым настоятельным образом нотации Эберту.

«Г. Эберт,— говорит Гренер,— *я должен у вас просить объяснения, что означает ваша слабость по отношению к матросам. Терпение фельдмаршала и мое на исходе.* Такими способами переговоров вы дезорганизуете последнюю часть войск, еще слушающуюся офицеров. Главное командование не намерено и не в состоянии нести ответственности за подобное решение вопросов».

Эберт отвечает: «Тут дело идет о более важных интересах, чем военные. Кровавая баня имела бы в *данный момент* самые нежелательные последствия для внутреннего положения страны».

Гренер не дает себя утешать: «К сожалению, я не могу с вами согласиться. *Фельдмаршал и я безусловно требуем разоружения и роспуска матросской дивизии и примем меры, чтоб это решение провести*».

Эберт, напуганный этими угрозами, дает согласие на ликвидацию матросского отряда, запертого в Марштале войсками генерала Леки. 24 декабря утром рабочих Берлина будил гул орудий. Они спешат к месту боя. Войска Леки, и так достаточно ослабленные уходом солдат домой, оказываются между рабочими и матросами. Они с трудом выбираются из образовавшейся западни, заключив соглашение с матросами.

Генералитет приходит к убеждению, что при помощи остатков разложившейся армии нельзя ликвидировать революционное движение. Он берется за создание особой армии из унтер-офицеров, из офицерни, из добровольцев *белой формации*, не зараженной духом революции и тоской по дому. Но рабочие поняли смысл события в Марштале. В Берлине начинаются грандиозные демонстрации против правительства Эберта. Эберт дрожит в правительственном здании, не ночует дома, прячется в квартире спекулянта Склярца. Сколоченные наспех социал-демокра-

том Кутнером отряды являются его единственной охраной. Если он до этого времени колебался, то теперь он истерически нажимает на Гренера, требуя немедленных действий. Но Гренер подготовляет серьезный разгром рабочих и отклоняет попытки втянуть его в авантюру. На настаивания Гренер отвечает:

«Ваши напоминания приходят несвоевременно и обращены по ложному адресу: две недели тому назад можно было действовать энергично. Тогда вы колебались. Теперь вы должны нести последствия. *Мы делаем последнюю попытку организации для вашего правительства, г. Эберт, военной силы.*

Если эта попытка не удастся, то решена ваша судьба и наша судьба, и мы имеем победу анархии большевизма. Это вызывает у нас осторожность. Никто, даже и вы, не можете снять с фельдмаршала и меня ответственность, которую мы несем».

Генералитет подготовлял силы для разгрома берлинских рабочих. Отряды белых офицеров и унтер-офицеров, студенческие отряды, отряды солдат, выбитых из строя войной, не находящих себе места в мирной жизни и поэтому готовых продаться всякому, кто их купит, собраны под Берлином. Эберт назначает военным комиссаром Носке. Пусть этот длинный, тупой верзила, с руками, как у обезьяны, ниже колен, заслонит своим званием старого рабочего социал-демократа вильгельмовский генералитет, громящий пролетариат. Для провокации рабочих Эберт смещает с поста берлинского полицей-президента Эйхорна. Он знает, что рабочие без борьбы не сдадут полицей-президиума, единственного центра, вокруг которого слагается революционная вооруженная сила. Бои неминуемы. Ответственность падает на спартаковцев, которые, мол, принудили честного демократа Эберта, скрепя сердце, прибегнуть к оружию для защиты демократии.

Все развивалось по плану. Рабочие революционеры были разгромлены, хотя восстания не было. Роза Люксембург и Либкнехт были убиты, хотя им не руководили. Путь к учредилке был очищен, буржуазная республика цементирована кровью рабочих.

Мы не будем дальше следить за биографией Фридриха

Эберта, вождя германской социал-демократии, которая под присягой хочет свидетельствовать, что ее друзья — русские меньшевики — неспособны служить контрреволюции, помогать подготовке интервенции против СССР и во всяком случае неспособны делать одно, а говорить другое.

Сказанного достаточно. Над скамьей подсудимых, над скамьей свидетелей будет витать грузная тень Фридриха Эберта, вождя германской социал-демократии, которая открыла новую эпоху, эпоху предательства рабочего класса в интересах буржуазии, коварной подлой подготовки контрреволюционных атак на революционных рабочих в интересах капитала. Даны, Абрамовичи могут прятаться под скамью подсудимых, могут кричать о своей невиновности и присылать свидетельские показания из полицейского участка и из канцелярии исполкома II интернационала. Это им не поможет. Тень Фридриха Эберта говорит громким голосом: «Нет такого преступления против интересов пролетариата, на которое неспособна была бы международная социал-демократия и ее детище — русские меньшевики».

Гамлет мог сомневаться, не обманывает ли его воображение, когда услышал обличительный голос своего убитого отца. Международный пролетариат не состоит из Гамлетов, и действия Фридриха Эберта записаны в книге истории,— они сомнения не вызывают. И эти действия говорят: русские меньшевики, срывающие вредительством строительство социализма, подготовляющие коварно интервенцию, берущие деньги от агентов французского империализма,— они кровь от крови и кость от кости эбертовской социал-демократии, т. е. социализма на словах, а спасения капитала на деле, т. е. демократии на словах, а службы у кровавой контрреволюции на деле.

Если II интернационал хочет отказаться от маленьких Данов и Абрамовичей, то пусть он сначала откажется от действий своего героя — Фридриха Эберта.

Июнь 1931 г.

Свидетельские показания КАРЛА КАУТСКОГО

ЭКСТРЕННОЕ ЗАСЕДАНИЕ ОСОБОГО ПРИСУТСТВИЯ ВЕРХОВНОГО ТРИБУНАЛА

Заседание открывается 6 марта, в 12 часов дня

Председатель Шверник. Мы вчера окончили допрос обвиняемых и свидетелей. Предлагаю его сегодня возобновить в виду наличия нового свидетеля *Карла Каутского. (Большое движение в зале).* Гражданин Каутский предложил дать свои показания. Есть ли возражения со стороны обвинителей или обвиняемых?

Тов. Крыленко. Не возражаю.

Обвиняемые. Не возражаем.

Тов. Шверник. Приведите обвиняемого, извиняюсь, свидетеля, гражданина Каутского.

Вводят под руку Каутского, закутанного в шаль. *(В зале большое движение, все встают и вытягивают шеи.)*

Тов. Шверник. Гражданин Каутский, садитесь. Прежде чем приступить к допросу гр-на Каутского, я прочту полученную только что из Берлина телеграмму *(читает)*: «Берлинский «*Форвертс*» печатает в номере сенсационное сообщение под заголовком: «*Похищение Карла Каутского большевиками*». «Наш престарелый и маститый вождь возвращался 3 марта вечером домой с заседания, на котором был вынесен протест против зверств большевиков, чинимых на суде в Москве. Но он домой не попал. Полицейский, стоящий на углу улицы, где он живет, утверждает, что видел, как Каутский рассматривал поочередно все но-

мера домов на улице. Очевидно, наш престарелый вождь, потрясенный московским процессом, забыл, где живет. К нему подошли два неизвестных, и он с ними сел в стоящий недалеко автомобиль. Больше его не видели. Очевидно, злоумышленники представились ему как социал-демократы и предложили проводить его домой. Отличающийся доверчивостью голубицы, престарелый наш вождь попал, видно, в ловушку, поставленную ему большевиками. Увезли ли его чекисты в Москву, или убили—неизвестно. Полиция принимает все меры для выяснения преступления. Еще Москва не наложила свои лапы на Германию, ее злодеяния на немецкой почве вызовут решительный протест всех честных немцев! Как низко пали германские коммунисты,— пишет дальше «Форвертс»,— видно из того, что их газеты утверждают, что *Каутский утонул в собственной слюне*, которой пытался обрызгать большевиков. Пусть эти господа пеняют на себя, если Германия будет видеть в них виновников или помощников похищения».

Гр-н Каутский, имеете ли вы что-нибудь заявить по поводу этой телеграммы?

К а у т с к и й. Нет, нет. Меня не похищали. Я решил добровольно дать показания, чтобы противодействовать той лжи, извиняюсь, тем неточным сведениям, которые здесь на суде распространяются насчет меньшевиков и II интернационала. Я предложил советскому правительству поездку в Москву, но скрыл ее от своих друзей, боясь, что они задержат меня из страха, что я могу быть подвергнут в Москве пыткам. Я надеюсь, что Высокий суд откажется по отношению ко мне от применения этих средств, ибо я к ним не привык и расстрела совсем не выдержу.

Тов. Ш в е р н и к. Успокойтесь, гр-н Каутский, никто вас пытать не собирается. Гр-н Каутский, что вы хотите заявить суду?

К а у т с к и й. Все организмы, как природные, так и общественные, развиваются очень медленно. Хотя я не стою на точке зрения той социологической школы, которая отождествляет природные и общественные организмы, но все-таки не могу отрицать, что сходство их состоит в том, что и одному и другому нужно долгое время, пока они из одной стадии перейдут в другую. Но если у естественных организмов дело идет о сотнях и, может быть, миллионах

лет, то организмы общественные требуют для перехода из одной стадии в другую более короткого времени. Но все-таки переход, скажем, от полузвериного состояния человечества к первобытному коммунизму совершался в продолжение десятков тысяч лет. Переход от первобытного коммунизма к классовому расслоению общества, в форме ли феодальной организации, или рабовладельческой, или азиатского способа производства потребовал многих сотен лет. Эти формы общественной жизни переходят в капитализм в продолжение многих сотен лет.

Тов. Шверник *(улыбается)*. Гр-н Каутский, не можете ли вы подойти ближе к вопросу о процессе. То, что вы сообщаете, мы читали поочередно во всех ваших книжках.

Каутский. Да, да. Я подхожу уже к процессу. Я уже в 1879 г. в своей книге...

Тов. Шверник. Гр-н Каутский, от 1879 г. до процесса все-таки еще далеко. Не можете ли вы подойти ближе к предмету.

НЕ РЕВОЛЮЦИЯ, А КОАЛИЦИЯ

Каутский. Я хочу указать на основное мое разногласие с советским правительством, которое заключается в том, что, несмотря на мои многочисленные указания, большевики решили сделать революцию в продолжение лишь нескольких лет, в то время как для революции, для перехода от капитализма к социализму необходимы по крайней мере десятки лет, а может быть, и сотни лет; благодаря этой ошибке большевики, попытавшись национализировать промышленность в короткий срок, привели ее к полному разрушению. «Все должно быть хорошо подготовлено, и отнюдь не в каждой отрасли промышленности, не в каждом предприятии и не при каждом уровне развития рабочего осуществимо такое изменение. Если часть предприятий может быть социализирована немедленно, то другую в интересах производства приходится оставлять в руках владельцев. Но их владельцы не станут, конечно, хлопотать о производстве, если им грозит опасность, что их предприятия в один прекрасный день будут конфискованы. Чтобы и в самом ходе социализации обес-

печить бесперебойность процессов производства, настоятельно необходимо *тщательно подготовлять социализацию, проводить ее известными этапами и давать капиталистам вознаграждение за экспроприируемые у них средства производства»* *.

Тов. *Шверник*. А что капиталисты будут молча смотреть, как их по частям экспроприируют? Разве вы думаете, что они, как собака, из анекдота, любят, чтобы им отрезали хвост по кусочкам?

Каутский. Ведь у вас в 1917 г. была низвергнута царская монархия. «Это крушение монархии и его последствия в корне меняют политическую задачу пролетарских партий. Государство, в котором они живут, уже не военная монархия, а демократическая республика, угрожаемая реакцией и находящая верную защиту в пролетариате. Нашей задачей становится теперь *оберегать республику, т. е. существующее государство, а не опрокидывать его*. В этом смысле социал-демократия перестает быть революционной и становится консервативной. Не потому, что отказывается от какой-либо части своей программы, а потому, что она одну из решающих частей этой программы уже осуществила. Не она изменилась, изменилось государство. *После политической революции идея политической революции теряет всякий смысл*... Со времени революции, последовавшей за мировой войной, социалисты вынуждены повсеместно отказываться от того принципиального отношения ко всяким *коалициям* с другими партиями, на почве которого они раньше стояли... Четвертая и последняя фаза борьбы за социализм наступит тогда, когда мы завоюем достаточно *прочное большинство*, чтобы тем самым образовать крепкое правительство и *наложить на законодательство свою печать»** . И вот, надо было подождать, пока будет завоевано большинство, а если бы вы завоевали большинство, то вы могли бы наложить свою печать на законодательство, т. е. медленно социализировать предприятия законодательным путем, и все было бы в порядке.

Тов. Шверник. Разве вам неизвестно, гр-н Каутский, что ваши товарищи по партии, меньшевики, заключили после падения царизма коалицию с буржуазией и накла-

* Всюду, где имеется звездочка (*), см. конец статьи.

дывали свои штампы на законодательство, запрещающее крестьянам взять землю, рабочим фабрики, и вдобавок гнали их на войну за прибыли капиталистов? Разве вам неизвестно, что громадное большинство рабочих и крестьян прогнало ваше коалиционное правительство и создало советскую власть?

Каутский. «В хаосе, порожденном распадом армии и отсутствием крепко спаянных, вышколенных массовых партий, сектантство легче завоевало себе почву, чем коалиция. Большевизм победил» *. Я с этим не могу согласиться, и вы видите, к каким это привело последствиям.

БОЛЬШЕВИКИ РАЗРУШИЛИ ПРОМЫШЛЕННОСТЬ

Член суда т. Муранов. Что же вас больше всего пугает из этих страшных последствий такого печального факта, как победа большевизма?

Каутский. «В своем неоднократно уже цитированном труде «Народное хозяйство Советской России и его проблемы» Югов приводит, по официальным данным, следующие цифры по валовой продукции русской промышленности (в процентах к 1913 г.): в 1916—121, в 1917—77, в 1920—17»*.

Тов. Шверник. Гр-н Каутский, разве вам неизвестно, что мы теперь живем в 1931 г. и что наша крупная промышленность на 100% выше, чем довоенная?

Каутский. «В то время, как во всех капиталистических странах опустошения войны давно заглажены и производительность промышленности сильно выросла, советская промышленность лишь в самое последнее время перешагнула за довоенный уровень, несмотря на то, что война и гражданская война давно кончились и Советская Россия уже 10 лет наслаждается миром. Поскольку же мерами чрезвычайного нажима в *роде* пятилетки советской промышленности удалось *количественно* поднять свою промышленность, это происходит главным образом *за счет качества*. Рост производства достигается методами, *все более уменьшающими охоту к труду и трудоспособность рабочих*, т. е. методами, разрушающими важнейший фактор производства — рабочую силу, и тут никакие блестящие цифры сталинской статистики изменить ничего не могут»*.

Тов. Шверник. Гр-н Каутский, а вы ничего не слышали о громадном подъеме, трудовом энтузиазме масс, об ударничестве, о добровольческих бригадах?

Каутский. Как же, как же, слышал. «Ударные бригады, посылаемые большевиками в деревню для ее раскулачивания, грабят ныне, десять лет спустя после окончания гражданской войны, крестьян так же, как во время военного коммунизма грабились помещики и капиталисты»*.

(В зале возгласы возмущения: «*Кончайте эту брехню!*»)

Тов. Шверник. Прошу сохранять тишину. Свидетель Каутский дает нам хорошую картину того, как меньшевики за границей ведут кампанию против советской власти. Это нам очень полезно услышать от такого авторитетного свидетеля.

Каутский. «Сама советская пресса все чаще с тревогой сообщает о росте грубой жестокости и тупого равнодушия в пролетариате, об усилении пьянства, истязании евреев, товарищей по работе, надругательствах над женщинами»*.

Тов. Шверник. Что же вы больше ничего не слышали о последствиях Октябрьской революции?

КОЛЛЕКТИВИЗАЦИЯ НЕ МОЖЕТ УДАТЬСЯ

Каутский. Как же, как же! Я ведь читаю превосходный «Бюллетень», издаваемый Даном и Абрамовичем, и очень хорошо осведомлен о том, что у вас происходит.

Я также прекрасно осведомлен насчет *колхозов*, о которых вы столько шумите. «Дело обстоит не так, что этот эксперимент, вероятно, не удастся, а следует *с полной уверенностью настаивать на том, что он потерпит и не* может не потерпеть крушение»*.

Тов. Шверник. Почему вы так думаете?

Каутский. «Целесообразное применение крупного производства в сельском хозяйстве предполагает прежде всего наличие достаточных технических средств современного сельского хозяйства в стране, в том числе наличие достаточного количества руководящих, научно-образованных сил, способных целесообразно пользоваться этими средствами, т. е. многочисленность высших сельско-

хозяйственных учебных заведений, биологических, химических опытных станций, но прежде всего должно иметься наличие высокоразвитых сельскохозяйственных рабочих, а это в свою очередь предполагает широко развитую *демократию*, обеспечивающую не только хорошую постановку народного обучения, но и полную свободу печати, собрания, союзов... Сельскохозяйственные машины, да они имеются, но в количестве, совершенно недостаточном. *Россия слишком бедна, чтобы покупать их в достаточном количестве, и слишком отстала, чтобы самой производить их в избытке*» *.

Тов. Шверник. Вы ничего не слышали о Тракторострое в Сталинграде, о Сельмашстрое в Ростове, о Комбайнстрое в Саратове и т. д. и т. д.? Вы ничего не слышали о быстром развитии наших сельскохозяйственных школ, вы ничего не слышали о тысячах, десятках тысяч собраний, происходящих в деревне, о громадном развитии крестьянской прессы?

Каутский. Об этом я не читал в превосходном «Бюллетене» меньшевиков. Но этого и не может быть. «*И в Западной Европе условия эти имеются лишь в недостаточной степени, так что нужна интенсивная работа для их дальнейшего развития. В России же их, можно сказать,* вовсе нет»*.

Тов. Шверник. Итак — ваш общий вывод...

КРАХ НЕМИНУЕМ

Каутский. «Этот безумный эксперимент не кончится иначе, как *страшнейшим крахом*, и величайшие гении не могли бы этот крах предотвратить. Он неизбежно вытекает из *неразрешимости поставленных задач* в наличных условиях и при наличных средствах»*.

Тов. Шверник. Какой же вывод делаете из этой оценки положения?

Каутский. «Мирное превращение автократии в демократию до сих пор нигде не удавалось»*.

Тов. Шверник. Так что же, вы за *низвержение советской власти?*

Каутский. «Становится возможной перспектива победоносного крестьянского восстания против большевистского режима, восстания. которое будет следствием не

заговора, всегда могущего быть открытым и обезвреженным, а, наоборот, следствием тех *бедствий и неурядиц, которые проистекают из самой советской системы*, и которых никакая полиция и никакой террор уничтожить не могут»*.

Тов. Крыленко. И что же, по-вашему, какую позицию должны занять меньшевики по отношению к этим кулацким восстаниям, на которые вы рассчитываете?

Каутский. «Можно проклинать восстание, но раз оно имеется налицо, надо занять по отношению к нему определенную позицию»*.

Тов. Крыленко. Значит вы считаете обязанностью социал-демократов поддерживать кулацкую контрреволюцию?

Каутский. «Если начало советского режима в деревне означало революцию, то его дальнейшая работа там должна все более рассматриваться, как *чистейшая контрреволюция*»*.

Тов. Крыленко. Но разве вы не отдаете себе отчета, что в случае победы кулацких восстаний, которые вы изволите называть борьбой против советской контрреволюции, к власти пришли бы капиталисты, помещики, что привело бы к установлению фашистской власти против рабочих и крестьян?

НО КОНТРРЕВОЛЮЦИЯ НЕ УГРОЖАЕТ

Каутский. «Фашизм мог победить в Италии, и его подражатели в Германии и Австрии могли приобрести значительное число сторонников и некоторую силу лишь благодаря денежным средствам, которыми их обильно снабжали капиталистические круги, боящиеся возрастающей силы пролетариата и желающие держать для отпора ему свору злобных псов. *Без поддержки капитализма нет фашизма.* Нет по крайней мере до тех пор, пока ему не удастся захватить в свои руки жирный государственный пирог. Но *где же в нынешней России капиталисты*, достаточно богатые, чтобы вооружить и взять на содержание целую часть армии? Еще и до революции 1917 г. отечественный капитализм был весьма слаб в России. Ведь часть его капиталов была заграничного происхождения. Большевизм истребил класс капиталистов. Ни крестьян-

ские восстания, ни даже завоевания демократии не могут топнуть ногой и вызвать из-под земли новый сильный класс капиталистов. *Откуда же возьмутся деньги для оплаты фашистских банд?* *.

Тов. Крыленко. А разве вы ничего не слышали о деньгах, которые присылал «Промпартии» «Торгпром», которые принимали и меньшевики для своей вредительской работы?

Каутский. Интернационал есть духовное сообщество, что германская социал-демократия и Гильфердинг давали меньшевикам деньги. Вы не знаете Гильфердинга. Разве он даст кому копейку. Мы не привыкли разбрасывать деньги. Мои гости сами уплачивают за пиво, которое у меня выпивают.

Тов. Муранов. Но ведь вы же имеете Интернационал.

Каутский. Интернационал есть духовное сообщество. Он денег не раздает.

Тов. Крыленко. А вы ничего не слышали о финансировании русских контрреволюционеров иностранными капиталистами. например Детердингом?

Каутский. «Конечно, такие деньги могли бы дать иностранные капиталисты, но как же велики должны быть эти суммы, чтобы содержимые на эти деньги банды могли сделаться господствующей силой в гигантской стране. *Да и какой расчет был бы капиталистам Западной Европы и Америки налагать на себя такую жертву... Что выиграли бы они при этом?*» (В зале смех, возгласы: «*Что это, идиотизм или лицемерие?*»)

Тов. Шверник. Прошу зал воздержаться от возгласов.

Тов. Крыленко. А вы ничего не слышали о подготовке интервенции против СССР империалистскими державами, которые хотят захватить советскую нефть, уголь, железные дороги? Вы вообще ничего не слышали об империализме?

УГРОЗЫ ИНТЕРВЕНЦИИ НЕТ

Каутский. «*О военной интервенции в России несомненно не думает ни одна великая держава.* Вероятно, не

думает о ней даже и Польша. Но все же дело может дойти до мероприятий, заявлений и актов поддержки, которые будут вызывать смуту в России, компрометировать тем дело демократии, затрудняя ей борьбу. Там, где мы сталкиваемся с такой деятельностью реакционной эмиграции, нашей задачей является конечно по возможности ей противодействовать. Но демократическая, социалистическая эмиграция вряд ли может делать в этом направлении что либо другое, чем следить за деятельностью другой части эмиграции и осведомлять об этом Интернационал. На социалистические партии в отдельных странах ложится главным образом задача не давать своим правительствам вмешиваться во внутренние дела России ненадлежащим образом и еще следить за реакционной прессой»*.

Тов. Крыленко. А известно ли вам, гр-н Каутский, что ваша партия социал-демократов в 1918 г. согласна была с захватом Украины кайзеровскими войсками, что Шейдеман в том же самом году предложил спровоцировать разрыв дипломатических отношений с Советской Россией, дабы помочь Антанте в ее интервенционистской политике и таким образом добиться лучших условий мира?

Каутский. Нет, не слышал, это все выдумки.

Тов. Крыленко. Не читали ли вы книги вашего бывшего партийного товарища Виннига, который рассказывает, как он организовал захват Балтики с благословения социал-демократического правительства?

Каутский. Винниг уже не социал-демократ. Он клевещет на партию.

Тов. Крыленко. А вы сами, гр-н Каутский, не предлагали во время Ноябрьской революции не возобновлять дипломатических отношений с СССР, которых добивались ваши же солдатские и рабочие советы? Вы указывали при этом, что Антанта сразу разгромит большевиков.

Каутский *(кашляет и невнятно что-то мычит)*.

Тов. Крыленко *(обращаясь к суду)*. Я вполне удовлетворен показаниями свидетеля Каутского и не имею к нему никаких вопросов.

Председатель *(обращаясь к обвиняемым)*. Хочет ли кто-нибудь из обвиняемых высказаться по поводу показания свидетеля Каутского?

Обвиняемый Суханов *(с умным лицом)*. Это

вполне вытекает из основных положений меньшевизма и идеологии II интернационала, как я успел понять в разные периоды моего развития, в которые я проявлял одинаковое понимание как революции, так и контрреволюции, о чем мне уже приходилось много раз говорить в моем политическом салоне.

Март 1931 г.

Все места в показаниях Каутского взяты из его книги «Большевизм в тупике», изданной по-русски «Социалистическим вестником» в Берлине в 1931 г. Показания относятся поочередно к страницам: 51, 130, 140, 141, 56, 60, 69, 75, 91, 18, 20, 19, 8, 115, 120, 123, 40, 131, 131, 134.— *К. Р.*

ГОСПОДИН РУДОЛЬФ ГИЛЬФЕРДИНГ И СССР

Обвиняемые на московском процессе меньшевики назвали среди лиц, с которыми представители меньшевиков за границей согласовывали свою вредительскую, интервенционистскую политику,— Рудольфа Гильфердинга. Его имя называли также в связи с субсидированием меньшевиков германской социал-демократией. Господин Гильфердинг ужасно обиделся, но он не опроверг утверждения, что был осведомлен насчет «нового» курса меньшевистской политики. Он был только глубоко потрясен обвинением, что он когда-нибудь, кому-нибудь давал деньги. Если речь не идет о передачи чужих денег, то мы готовы поддержать протест г. Гильфердинга. Что же касается соучастия его в антисоветской политике, то г. Гильфердинг поступил очень хорошо, что не пошел по примеру Абрамовича и не присягал ни перед Иеговой, ни перед козлиной головой в своей непричастности к антисоветским козням, хотя присяга в условиях, когда свидетели не могут выступать перед германским судом,— дело плевое. Г. Гильфердинг воздержался не только от опровержений, но вообще от высказываний насчет своего отношения к СССР. Г. Гильфердинг вообще неохотно высказывается на эту тему. Но было бы ошибкой думать, что это происходит от отсутствия определенных взглядов у г. Гильфердинга. Его отношение к большевизму — длинная история.

Г. Гильфердинг появился на горизонте II интернационала именно тогда, когда передовые его круги отметили факт *начала новой империалистической эпохи* с ее революционными последствиями. Политически он дебютиро-

вал статьей о политической забастовке. Можно сказать, г. Гильфердинг появился на исторической сцене, держа эпоху, как быка за рога Одновременно он печатал целый ряд глубоко ученых статей по истории экономической теории. Мы, молодежь, вступавшая тогда в движение, изучавшая марксизм, обратили скоро внимание, что к очень немногочисленному количеству серьезных западноевропейских марксистских писателей прибавилась новая величина.

Кто такой Гильфердинг, спрашивали мы, и узнали, что в Вене существует целая группа молодых, выдающихся марксистов, что кроме Гильфердинга существуют Отто Бауэр, Экштейн, Реннер. От работ этого последнего скоро повеяло чем-то нехорошим. Он изучал исторические корни австрийской монархии тем самым образом, о котором Маркс писал в вступлении к «18 брюмера», говоря, что «у Прудона историческая конструкция... превращается в историческую апологию». Как ни молоды мы были, нам все-таки казалось странным, что марксист Реннер пишет статьи, «убеждающие престарелого Франца Иосифа в пользе всеобщего избирательного права, как средства оздоровить и укрепить одряхлевшую австро-венгерскую монархию. Мы не могли понять, зачем революционеру укреплять такой... скажем, «продукт истории». Но насчет революционности Гильфердинга у нас сомнений не было. Когда в 1908 г. мне пришлось познакомиться с г. Гильфердингом, то он очень импонировал своими широкими горизонтами, которые очень редко встречались среди писателей II интернационала, страдающих поголовной национальной ограниченностью.

Но покойный *Ганс Диффенбах*, которому Роза Люксембург в своих письмах посвящает такие трогательные воспоминания, после одной из встреч с Гильфердингом, потягивая подозрительно носом, спросил меня: «Ты себе представляешь Розу на баррикаде?»

— Да,— ответил я.

«*А ты себе представляешь Гильфердинга, погибающего на баррикаде?*»

Я посмотрел на него с удивлением и вдруг понял, что именно этого не могу себе представить. Несмотря на все

свои революционные перспективы на словах, Гильфердинг уходил целиком в комбинацию дня, в верхушечные интриги. Ясно чувствовалось, что он заодно с верхушечным слоем германской социал-демократии, к которому мы, присмотревшись, не могли не относиться с большим скептицизмом. То, что больше всего бросалось в глаза, это — полное *недоверие Гильфердинга к революционному инстинкту, к революционному сознанию передовых рабочих.*

Когда начались первые идейные разногласия в лагере немецких радикалов, у меня был разговор с Гильфердингом, в котором он пытался оттянуть меня от Розы Люксембург. Но не его нескрываемая антипатия к Розе Люксембург больше всего бросилась мне в глаза.

Чего вы лезете с этими разногласиями в прессу, — говорил он мне.— Зачем это? Когда мы, молодые, в Вене думали, что мы можем сказать что-нибудь новое, то мы это говорили Доктору, а Доктор смотрел на нас — вы знаете, как он это делает, поверх очков,— высмеивал, допрашивал, а после принимал то из наших предложений, которое было важным и жизненным. Масса не может разбираться в новых сложных вопросах. Мы должны итти к партийному руководству, а оно должно давать массе готовые решения. Партию надо повернуть налево, но это можно и надо сделать только через руководство».

«Доктор» — это был *Виктор Адлер.* Я, вышедший точно так же, как и Гильфердинг, из австрийского рабочего движения, был воспитан на любви и уважении к «Доктору», но опыт революции 1905 г., в которой я принимал участие, научил меня лучше, чем все марксистские книги, понимать громадное значение революционной инициативы масс не только как проводника революционного учения Маркса, но и как источника новых революционных идей. Присмотревшись в Германии к руководящему слою социал-демократии, я с самого начала глубоко сомневался в том, будет ли он способен решительно повернуть от периода парламентской борьбы к периоду массовых революционных боев, приближение которых мне казалось очевидным.

Указания на русскую революцию Гильфердинг принял очень недружелюбно. «Не делайте той же самой ошибки,

что Роза Люксембург, перенося опыт русской революции на Германию»,— сказал он мне. Источником его глубокой антипатии к Розе Люксембург являлось то, что он чувствовал в ней мост между русской революцией и Германией. Троцкий, не проявлявший никакого критицизма по отношению к германской и австрийской социал-демократии (смотри его статью о Викторе Адлере), был ему ближе по духу. Троцкий учил его антипатии к большевизму и Ленину. Гильфердинг не знал ни сочинений Ленина, ни действительных разногласий между большевиками и меньшевиками. Но когда перед копенгагенским съездом 1910 г. Троцкий предложил ему написать статью о положении в русской социал-демократии, статью, полную диких нападок на большевиков, он ее не только поместил,— он ее смаковал.

Рудольф Гильфердинг, в отличие от тогдашнего Каутского, не пытался разобраться в спорных вопросах русской революции, но весь его инстинкт сибарита, скептика говорил ему,— большевизм есть враг, ибо он верит в пролетарскую революцию, он идет к ней на деле.

Во время войны я потерял из вида Гильфердинга, который был мобилизован в качестве врача. Я увидел его уже во время Ноябрьской революции в качестве одного из вождей независимой социал-демократии — этой типичной партии Пилатов. Во главе партии стоял, как известно, *Гаазе* — Гамлет социализма, человек субъективно искренно преданный рабочему классу, но не решающийся порвать с социал-демократией и оппортунизмом, боящийся революционной стихии, не только не умеющий подготовить революцию, но отбрасываемый ею к сделке с контрреволюцией.

Если Каутский в начале Ноябрьской революции высказался за то, чтобы русский вопрос решать «диллаторично», то есть отодвигать возобновление дипломатических сношений с Советской Россией в надежде, что Антанта с нами покончит, то Гаазе прикрывал эту политику сладкими словами о русских «братьях и сестрах», когда он в разговоре с т. Чичериным и мной, происходившем по поводу Юза, отказал в приеме хлеба, который пожертвовал голодный русский рабочий немецкому, чтобы показать ему

свою солидарность. Гильфердинг, став преемником этого предательства по отношению к пролетарской революции в России, вначале прикрывал это предательство выражениями лицемерной симпатии к русской революции. Центральный орган независимцев «Фрейхейт», которым Гильфердинг руководил, не помещал в 1919 г. грубых нападок на большевизм, хотя иностранным его отделом руководил меньшевик Штейн. *Но они не делали ничего, чтобы воодушевить рабочих верой в русскую революцию. Они* не могли этого делать, ибо они ведь не хотели победы пролетарской революции в Германии и понимали великолепно, что для рабочих масс русская и германская революция едины. Рабочие массы, принадлежавшие к независимым социал-демократам, требовали поддержки советского пролетариата, ибо они видели в нем союзника в своей борьбе за пролетарскую диктатуру. Г. Гильфердинг делал все, что мог, чтобы не допустить перехода независимых рабочих на позиции большевизма. Но он не смел открыто отклонить идеи диктатуры пролетариата, не смел отклонить идеи советов.

Все его усилия были направлены к тому, чтобы из этих величайших лозунгов борьбы построить мост к социал-предателям, построить мост к буржуазии.

Диктатура, да, понятно, но диктатура без террора, это — горячий снег, ибо диктатура есть орган насилия.

Советы, да, но разве вы не видите, что, пока буржуазия господствует, можно только добиться признания буржуазией советов, как совещательных органов.

Это было во время наступления Юденича на Ленинград и Деникина на Москву. Я сидел в тюрьме в Лертерштрассе и пытался всеми средствами воздействовать не только на молодую и слабую тогда еще коммунистическую партию, но и на независимцев, через те их элементы, которые пытались повернуть свою партию на рельсы только что основанного Коминтерна. Я попросил зайти ко мне в тюрьму т. Штеккера, тогдашнего члена ЦК независимцев, теперешнего коммуниста, и, обрисовав ему положение русской революции, указал ему, что борьба с белыми приближается к кульминационному пункту. Я предложил ему поднять большую агитационную кампанию за поддержку ведущих тяжелую борьбу русских пролетариев.

Штеккер обещал сделать все возможное. Через несколько дней он передал мне, что ЦК независимцев решил начать эту кампанию, но Гильфердинг настоятельно предлагал отложить ее до Октябрьской годовщины, чтобы два раза не нанимать зал, что стоит много денег. Это было, если не ошибаюсь, в конце сентября. Г. Гильфердинг, видно, *думал, что, быть может, удастся справить панихиду по революции.* Осенью этого года он высказал свою мысль более открыто на партийной конференции, когда стоял вопрос о присоединении независимцев к III интернационалу. Главным аргументом Гильфердинга было: «надо подождать». Коминтерн есть детище русской революции, а ведь *неизвестно, как кончатся бои в России. В этом был весь Гильфердинг.*

Шейдеманы и Эберты вооружили всех, подобно Дермонту и генералу Гольцу, готовящихся к борьбе против СССР, они позволяли генералам Бискунским на германской территории формировать белые русские отряды.

Гильфердинг действовал тихой сапой. Он убеждал немецкий пролетариат не смыкать рядов с русским пролетариатом.

Коминтерн великолепно понимал роль Гильфердинга, и когда делегация независимцев приехала на II конгресс Коминтерна,— характерно, что Гильфердинг, идейный вождь партии, не приехал,— независимцам, как одно из условий вхождения в Коминтерн, было предъявлено требование исключения Гильфердинга из партии. В ответ на это Гильфердинг сорвал маску, он выступил на съезде в Галле с речью, полной ненависти к большевизму. Но он еще с величайшим негодованием отклонил, как клевету, утверждение Зиновьева, что Гильфердинг работает на объединение с шейдемановцами.

Раскол независимцев состоялся. Большинство рабочих-независимцев перешло в коммунистическую партию. Руки Рудольфа Гильфердинга были развязаны, и он не только повел бешеную кампанию против Страны Советов, начатую подлыми статьями Дитмана, но и кампанию за объединение с шейдемановцами. Когда оно состоялось, Рудольф Гильфердинг перекочевал на правое крыло социал-демократической партии. Неутомимый в своей борьбе

с революционными рабочими, этот ученый экономист, став министром финансов, был мягок, как воск, по отношению к капиталистам.

В мемуарах английского посланника в Берлине лорда д'Абернона можно прочесть замечательный разговор с Штреземаном, коллегой Гильфердинга по кабинету. Д'Абернон указал Штреземану на то, если не завинтить налогового пресса по отношению к буржуазии, то марка полетит. Штреземан жалуется ему, что министр финансов Гильфердинг, хотя и радикальный социалист, страдает большой снисходительностью к буржуазии и не думает пользоваться налоговым прессом.

Г. Гильфердинг показал, как можно быть автором «Финансового капитала» и не думать о борьбе с финансовым капиталом. Но зато он делал все, чтобы не допустить сближения Германии с СССР, которого требовали интересы германской буржуазии. Он совместно с Эбертом был решительным противником Раппальского договора, ибо вся его ставка была ставкой на примирение с западноевропейской буржуазией. Он принадлежал к ближайшим друзьям представителя репарационной комиссии профессора Хагенена и французского политического разведчика профессора Энара. Г. Гильфердинг не писал никаких статей против СССР. Государственный муж, вчерашний и завтрашний министр, не должен компрометировать себя враждой к СССР, пока германская буржуазия не решила с ним порвать. Но жена г. Гильфердинга переводила книги, направленные против СССР. Меньшевики находили с его стороны полную поддержку. Понятно, только клеветники могут утверждать, что г. Гильфердинг за интервенцию. Он только против сближения Германии с СССР, которое могло бы затруднить интервенцию. И если интервенция начнется, то он, как человек трезвый, примет ее, как факт. Какой разумный человек не признает фактов! Он застрельщик политики сближения с Францией, ибо только такое сближение обеспечит мир на Западе». А если это сближение будет требовать участия Германии в интервенции, то ведь всякий поймет, что из двух зол надо выбирать меньшее. А разве война с диким Востоком не лучше войны с цивилизованными нациями?

— В СССР строят фундамент социализма! Рассказы-

вайте эти сказки другим. Гильфердинг чересчур умен, чтобы этому поверить. «В буржуазной Германии больше социализма, чем в СССР», сказал на последнем съезде германской социал-демократии единомышленник Гильфердинга Дитман. Утверждения, что Гильфердинг вел с меньшевиками переговоры об интервенции — смехотворны. Ведь всякий знает, что Абрамович даже зонтик берет в руки с осторожностью, боясь, что он выстрелит. Какой он интервент! А потом г. Гильфердинг — не министерство иностранных дел, он не ведет переговоров, он ведет только разговоры. Что будет, когда Франция двинет на войну против СССР Польшу, мы увидим. Г. Гильфердинг не генерал Миллер, он не формирует белых отрядов против СССР, он только пытается не допустить, чтобы Германия, которая ведь «нуждается в мире», путалась с большевиками. Он только делает все, чтобы разрушить красный фронт, который слагается для борьбы с интервенцией, он только против того, чтобы германский рабочий верил в «басни» о социализме в СССР, ибо он человек Запада и не верит в свет с Востока.

Есть палачи пролетарской революции, и есть Понтии Пилаты, умывающие руки в невинности, а руки их грязнее, чем руки палачей.

Март 1931 г.

ОТТО БАУЭР

защищает советские республики или где тонко—там и рвется

Венская «Арбейтер Цейтунг», орган австро-марксистов, очень старалась во время процесса меньшевиков. Она повторяла за всеми буржуазными и социал-демократическими газетами клевету о вынужденных показаниях этих меньшевиков, доходя до такого ученого идиотизма, как сравнение Громанов и Сухановых с Галилеем, а московского суда с инквизицией. Об этом нечего писать. Те пощечины, которые получил «Форвертс» за подобные штучки, может засчитать себе и венская «Арбейтер Цейтунг». Но на то «Арбейтер Цейтунг» и орган австро-марксистов, чтобы не довольствоваться простой социал-демократической ложью. Австро-марксисты — люди не только образованные, но и тонкие. Они никогда не врут без ссылки на Маркса и никогда не обманывают пролетариат без проливания при этом слез и без выражений великой любви к его освободительной борьбе.

И на этот раз г. Бауэр прослезился. Статью свою «Фридрих Адлер — контрреволюционер» он начинает с гимна в честь пятилетки: «С величайшим напряжением и внутренним соучастием следит рабочий класс всего мира за борьбой Советского союза за проведение пятилетки. Рабочий класс знает, что этот год имеет решающее значение для попытки на основе величайших жертв создать новый общественный строй. Рабочий класс понимает, что банкротство этого мужественного плана может означать для России гражданскую войну, а для всего мира опасность войны, опасность кровавой контрреволюции в России и усиления реакции в Европе. Победа плана может освободить путь для постепенного преодоления нужды в

России и для постепенного отказа от террористической диктатуры, ставшей ненужной. Его победа дала бы миру доказательство, что возможно развитие хозяйства в обществе, освобожденном от капитализма. Она могла бы усилить влияние социалистических идей во всем мире и там, где рабочий класс будет бороться за социализм на других путях и другими средствами».

Как красиво поет г. Бауэр! Поет, заливается слезами и при этом... мошенничает. Мы не будем говорить о «террористической диктатуре», исчезновение которой он хочет видеть по возможности скорей, мы не будем говорить и о намеке, что рабочим других стран нечему учиться у советского пролетариата. Чего стоит в устах Бауэра указание, что рабочий класс всего мира следит с «глубочайшим напряжением» и «внутренним вниманием» за нашей борьбой за пятилетку. Да, миллионные массы революционных рабочих следят с глубочайшим вниманием и с глубочайшим участием за нашей борьбой. А ваша партия, г. Бауэр, германская социал-демократия, партия II интернационала, она тоже следит с глубочайшим напряжением и участием за нашей борьбой? Ведь нет таких помоев, которыми германская социал-демократия не поливала бы этой борьбы! Ведь нет таких препятствий, которые она бы ей не ставила! Что же, г. Бауэр, вы исключаете германскую социал-демократию из «рабочих всего мира». А как будет с вашими ближайшими друзьями — Абрамовичем и Даном, за которых вы заступаетесь, присягая, что они невиновны во вредительстве и в подготовке интервенции. Что же, вам неизвестно, что эти герои борются с пеной у рта против пятилетки. Г. Бауэр прикрыл наготу II интернационала своей австро-марксистской епанчой, чтобы тем легче выступить в защиту меньшевиков.

И какой великолепный аргумент у г. Бауэра для доказательства, что меньшевики невинны, как агнцы! Ведь подумайте только, «ВКП и советская власть обвиняют II интернационал в участии в подготовке интервенции», кричит с возмущением г. Бауэр. Секретарем II интернационала является ведь такой революционер, как Фридрих Адлер. Мы отказываем себе в удовольствии нарисовать здесь портрет великого революционера Фридриха Адлера, героя последнего выстреленного патрона, мы только

спросим, не известна ли г. Бауэру статья Адлера, в которой он развивает мысль, что *так как нельзя спасти Октябрь, то надо спасать Февраль*. Что сия белиберда означает, если не заявление г. Адлера, что он за власть капитализма в СССР, что он за ликвидацию пролетарской диктатуры и восстановление буржуазной демократии? Бауэр провалился со своим свидетелем, ибо его классический свидетель — автор контрреволюционного манифеста, направленного против социализма в СССР.

Г. Бауэр жалуется на то, что ВКП и правительство СССР своими нападками на II интернационал затрудняют ему поддержку СССР и борьбу против интервенции.

Ах, как героически сражались бы Отто Бауэр и Фридрих Адлер за Советскую республику, если бы им не мешали большевики!

Но зачем нам мудроствовать над тем, что бы делал г. Бауэр в случае угрозы Советскому союзу со стороны капиталистических держав. Ведь г. Бауэр не вчера родился, и что г. Бауэр делает для защиты Советской республики, мы знаем из его собственных сочинений. Чтобы увидеть во всей красоте Бауэра, сражающегося на баррикадах против интервенции в защиту советской власти, достаточно открыть историю австрийской революции 1918-19 г., написанную им же самим, и прочесть его собственный рассказ о героической борьбе, которую он вел за социализм.

Это было к концу 1918 и началу 1919 г., когда монархия Габсбургов рухнула и разлетелась в куски и когда во главе австрийской республики встали социал-демократы. Стремление к социализму было среди венского пролетариата значительно сильнее, чем среди германского, хотя австрийские коммунисты были значительно слабее, чем спартаковцы в Германии. Отрезанные от своих старых центров снабжения и от своих старых рынков сбыта, Вена и другие центры Австрии страдали от жестокой нужды. Австрийские рабочие искали выхода на путях пролетарской революции. Австрийская социал-демократия возглавляла в лице Реннера, Затца и Бауэра австрийское правительство. Вот как описывает Бауэр по-

ложение и функции, которые исполняла тогда австрийская социал-демократия:

«Правительство не имело в своем распоряжении никаких средств для их (революционного движения рабочих.— *К. Р.)* подавления: вооруженная сила не могла служить орудием, направленным против пролетарских масс, охваченных революционным брожением. Только при помощи ежедневной апелляции к проницательности, благоразумию и чувству ответственности голодающих, мерзнущих и выведенных из колеи войной и революцией масс правительство могло избежать перехода революционного движения в гражданскую войну, могущую уничтожить все завоевания революции. *Никакое буржуазное правительство не могло бы справиться с такой задачей. Оно оказалось бы безоружным против недоверия и презрения масс. Оно было бы в течение восьми дней свергнуто уличным восстанием и обезоружено собственными солдатами. Только социал-демократы могли справиться с такой беспримерно трудной задачей.* Только они пользовались доверием рабочих масс. Только они могли убедить последних в том, что ужасная нужда после войны не есть вина правительства, а является неизбежным результатом мирового исторического переворота и может быть изжита только постепенно, а не может быть уничтожена путем насильственного переворота. Только социал-демократы могли мирно покончить с *бурными демонстрациями посредством переговоров и уговоров,* только социал-демократы могли объясняться с безработными, руководить Народной армией, удержать рабочие массы от революционных авантюр, которые явились бы роковыми для революции. Функции, которые были тогда важнейшими функциями правительства, могли быть выполнены исключительно социал-демократами. *Глубокое потрясение буржуазного общественного строя нашло свое внешнее выражение в том, что буржуазное правительство, правительство без участия в нем социал-демократов, сделалось просто немыслимым*»[1].

Эту функцию удерживания рабочих от революции (какое научное слово «функция»,— прямо красота!), как рассказывает Бауэр, они взяли на себя потому, что сильнее

[1] *Отто Бауэр,* Австрийская революция 1918 года. ГИЗ, стр. 125.

Антанты зверя нет, потому чт Вена не могла сама себя прокормить и полностью зависела от продовольствия, привозимого из стран Антанты.

Но в марте 1919 г. венгерский пролетариат взял власть. Эта власть боролась с громадными затруднениями, состоящими частично в том, что фабрики оружия, экспедиции государственных бумаг находились на территории Австрии. Советская венгерская республика стремилась поэтому к объединению с австрийским пролетариатом. Но для австрийского пролетариата объединение с ней означало революционный выход из затруднения, ибо Венгрия есть земледельческая страна, и союз пролетариата немецкой Австрии с венгерским означал создание мощной силы, с которой трудно было бы справиться Антанте.

Германия была вся в брожении. В южной Германии, в Баварии рабочие взяли власть. Италию захлестывала волна революционного движения. Союз венгерского и австрийского пролетариата пробил бы себе дорогу через дезорганизованную Румынию к Советскому союзу. Он мог подать руку баварскому пролетариату и создать за Дунаем на юго-востоке Европы победоносный центр пролетарской революции.

Господа австрийские социал-демократы сделали все, чтобы не допустить возникновения этого союза. Они понятно, как люди учтивые, австро-марксисты, знающие, что полагается, допустили дипломатическую миссию венгерского советского правительства в Вену, допустили, как хвастается г. Бауэр, вывоз промышленных австрийских изделий в Венгрию, между прочим потому, что им некуда было их направить.

«Но мы не могли,— передает дальше Бауэр,— продать чего бы то ни было из запасов военного ведомства, не нарушив нейтралитета в чешско-венгерской войне». Рабочие социал-демократы Винер-Нейштадта были другого мнения и по возможности контрабандой отправляли оружие в Венгрию, как сообщает сам г. Бауэр. Они, видимо, не понимали дипломатических тонкостей, не понимали, что в борьбе пролетариата с капитализмом рабочим надо сохранять нейтралитет. Но г. Бауэр принял даже обязательство перед Антантой в том, что товары, получаемые

Австрией с Запада, не попадут в Венгрию. Таким образом, г. *Бауэр на деле принимал участие в блокаде советской Венгрии.*

Мало того, г. Бауэр для недопущения объединения рабочих Вены с венгерским пролетариатом *взялся за оружие.* Когда Антанта потребовала уменьшения Народной армии, состоящей из безработных, и на этой почве подготовлялась 15 июня 1919 г. демонстрация, то... мы предоставим здесь слово г. Бауэру:

«Мы знали об этих приготвлениях и *взялись за оружие*».

12 июня г. Бауэр убеждает антантовскую комиссию отказаться на данный момент от сокращения Народной армии, чтобы этим уменьшить брожение среди нее. 14 июня г. Дейч окружает 41-й коммунистический батальон войсками «под командой полковника Марека, для того чтобы в случае нужды выступить против него (коммунистического батальона) вооруженным путем». 15 июня господа социал-демократы стреляют по демонстрантам и оставляют на поле сражения 20 убитых и 80 раненых.

Значит, *в союзе с антантовской комиссией, лживые обещания которой Бауэр, Адлер и Дейч представили рабочим полкам как отказ от их роспуска, при помощи военной силы, находящейся под командованием кайзеровского полковника,* г. Бауэр делает все, что возможно, чтобы не допустить победы коммунистов. Г. Бауэр очень кичится тем, что он — не Носке. История позволила ему сыграть только роль Носке в миниатюре. У него не 30 тысяч убитых. Его заслуги перед буржуазией выражаются только в десятках убитых и раненых. Но делал он то же самое, что делала германская социал-демократия, а именно, все, что мог, чтобы не допустить победы социализма, чтобы не допустить объединения австрийских рабочих с венгерскими.

Все его ссылки на путчистскую тактику Бетльгейма и пр. не меняют ни на иоту того факта, что он входил в соглашение с антантовской комиссией против венгерских и австрийских коммунистов, что он опирался в борьбе с революционными рабочими Вены на кайзеровских полковников. Г. Бауэр ужасно обижен на австрийскую буржуазию, что она приписывает заслугу в победе над пролетариатом Австрии директору полиции Шоберу. Мы вполне

поддерживаем его законную претензию: лавры принадлежат ему, Фридриху Адлеру, Дейчу и другим вождям австрийской социал-демократии.

Вот что говорит история о борьбе Отто Бауэра за социализм, о борьбе его за советскую республику в Венгрии, о борьбе его против интервенции, при помощи которой была задушена советская республика в Венгрии. Этих фактов не устранишь из книги истории никакими лживыми выражениями симпатий к пятилетке.

Австрийская социал-демократическая партия сравнительно небольших размеров, и страна ее как плацдарм контрреволюции не играет той роли в мировой политике, которую играет Германия. Поэтому австрийская социал-демократия может себе позволять роскошь прикрывать сущность своей политики всякого рода фразами, вроде приведенных выше о пятилетке. Она не будет даже играть в случае интервенции против СССР той контрреволюционной роли, для которой подготовляются уже германские социал-демократы.

Но если Антанта выберет Австрию как один из узловых пунктов для вывоза оружия для соседей СССР, напавших на наш Союз, то можно быть глубоко уверенным, что г. Бауэр скажет, что у австрийского пролетариата нет сил для сопротивления, что положение его трагично, что, понятно, он всей душой хотел бы помочь советской республике, но к сожалению не в состоянии этого сделать, и что поэтому коммунисты играют на руку контрреволюции, борясь против интервенции на территории австрийской республики.

Мы характеризовали Рудольфа Гильфердинга, одного из отпрысков австрийского марксизма, как Понтия Пилата, помогающего всеми силами контрреволюционной подготовке интервенции, но умывающего при этом руки в знак невинности. Г. Гильфердинг, делая это, не убеждает нас в своей любви к Советскому союзу, в своем «внутреннем сочувствии» и «напряженном внимании». Он умывает руки с невозмутимым лицом римского проконсула.

Г. Отто Бауэр — Пилат № 2. Пилат с притворной улыбкой венского галантерейного коммивояжера. Но он никакими своими фразами никого не обманет.

13 лет истории мировой революции, 13 лет тяжелого пути пролетариата показали цену всякого политика, говорящего от имени пролетариата, и революционные рабочие знают очень хорошо цену фраз г. Отта Бауэра, цену его свидетельства в защиту меньшевиков, и фразы г. Бауэра могут во всяком революционере вызвать только глубочайшее презрение.

Март 1931 г.

Содержание

I. Зодчий социалистического общества

Зодчий социалистического общества 7
Большевистское воинство 34
Путь большевика 42
Феликс Дзержинский 50
Капиталистическое рабство и социалистическая организация труда 58
Ударники 83
Женщина и социализм 94
Детское общество 102
Письмо сэру Генри Детердингу 112
О красной казарме 120

II. Культура рождающегося социализма

Культура рождающегося социализма 129
Наука, вперед! 142
Поэт строящегося социализма 153
Эпос коллективизации 158
Опасный симптом 167
Смерть русского капитализма или «Егор Булычев и другие». 176
Как Всеволод Мейерхольд попал в Гамлеты и как Жирофле Жирофля начали строить социализм 181
По поводу постановки «Гамлета» 190
Два фильма 196

III. Бесы

Бесы 207
Леонид Константинович Рамзин 215
Грехопадение А. А. Федотова или борьба двух миров . . 226

IV. Выше знамя социалистической культуры!

Выше знамя социалистической культуры! 239
Великий путешественник, который не дошел до Новой земли 244
Привет Ромэну Роллану 252
Ремарк 257
Мировая литература и подготовка войны против СССР . 264

V. Во имя чего?

Во имя чего? 277
Сломанный меч 287
Хиденоси 297
Жорж Клемансо 306
Аристид Бриан, или как теперь высиживают голубей мира. 322
Наполеон борется за мир 330
Брюнинг — паук у пулемета 340
Гитлер 353
Падение доллара и воцарение Гитлера 377
Сумерки германской буржуазии 390
Джон Перпонт Морган на чистке 403

VI. Кровавая вина

Кровавая вина 415
Эдуард Бернштейн 427
Новый мир, который они не сумели задушить 442
«Товарищ» Клайнс 450
Свидетель Фридрих Эберт 454
Свидетельские показания Карла Каутского 468
Господин Рудольф Гильфердинг и СССР 479
Отто Бауэр защищает советские республики 487

БИБЛИО[illegible]
КОММУНИСТИЧЕСКОЙ АКАДЕМИИ
КАБИНЕТ ИСТОРИИ К. А. ГРАЖДАНСКОЙ ОБОРОНЫ

Отв. редактор Г. Цыпин
Техредактор А. Березницкий
Уполн. Главлита № В—71879
Тираж 10 000 экз. С. Л. № 43
Сдано в производство 13/XI—33
Подписано к печати 19/I—34
Бумага 82×110 1/32. Печ. л. 31
Зак. 123 Шк. ФЗУ Мособлполиар.

Цена 6 р.

Переплет 1 р. 50 к.